

Головкин Анатолий Николаевич

Родился 13 мая 1949 года в деревне Петряйцево Сонковского района Калининской (Тверской) области в карельской семье. Работал учителем, директором школы, старшим следователем, прокурором района в Калининской (Тверской) области. Избирался депутатом Законодательного собрания Тверской области, работал председателем комитета по законодательству. Занимал должности заместителя губернатора Тверской области, начальника управления внешних

связей и туризма администрации города Твери, начальника управления административных органов администрации Тверской области. С 1996-го по 2001 годы был сначала членом, а затем заместителем председателя Координационного комитета по увековечению памяти жертв тоталитарных режимов при Правительстве РФ.

Представлял тверских карел с 1995-го по 2005 год в Ассоциации финно-угорских народов России, с 1996-го по 2009 год в Международном консультативном комитете финно-угорских народов. Возглавлял делегации тверских карел на II (Будапешт, 1996 год), III (Хельсинки, 2000 год), IV (Таллин, 2004 год) и V (Ханты-Мансийск, 2008 год) Всемирных конгрессах финно-угорских народов.

За свою деятельность награжден государственными наградами СССР, Республики Польша и Республики Финляндия, а также знаком «За заслуги в развитии Тверской области».

Написал книги по истории тверских карел, в том числе: «История Тверской Карелии» (1999, 2001, 2008 гг.), «Карелы: от язычества к православию» (2003, 2008 гг.), «В краю двух культур» (2005 г.), «Помнят стены монастыря» (2016 год), «Прошедшие через века» (2017 год), «Жернова. Книга памяти тверских карел» (2017 год) и другие.

Книга «В краю двух культур» стала призером Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие» в номинации «Малые народы» в 2007 году.

Анатолий Головкин

ВЛАДЕЛЬЦЫ МЫЗЫ ПОДОБИНО

ВЛАДЕЛЬЦЫ МЫЗЫ ПОДОБИНО

Анатолий Головкин

Анатолий Головкин

**Владельцы
мызы Подобино**

Тверь 2018

УДК 39(470.22)
ББК 63.3(2)
Г61

Г61 **Головкин А.Н.** Владельцы мызы Подобино. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2018. – 320 с.

ISBN 978-5-94789-845-3

Книга «Владельцы мызы Подобино» – это краткий исторический очерк о проведении во второй половине XIX века крестьянской, земской, судебной, финансовой и образовательной реформ, утвержденных указами императора Александра II, на примере Бежецкого уезда Тверской губернии.

В реализации реформ активно участвовали многие дворянские рода, в числе них были представители рода Неведомских из мызы Подобино, с которыми знакомит читателей автор книги.

Внимание автора, исследующего историю и жизнь тверских карел, обращено на проведение реформы 26 июня 1863 года в отношении удельных крестьян, к которым относилось большинство из карел.

Книга выходит в период мучительного поиска эффективной системы местного самоуправления в постсоветской России.

На обложке: Большая улица города Бежецка, слева – здание Бежецкой уездной земской управы. Фотография П.М. Дружинина, 1911 год.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-94789-845-3

© А.Н. Головкин, 2018

© Макет ООО «Издательство «Триада», 2018

Введение

Обучаясь в 1964–1968 годах в Бежецком машиностроительном техникуме, я каждую субботу после обеда ехал 12 километров поездом из Бежецка до станции Подобино, потом шел домой пешком еще 12 километров от станции Подобино Виндаво-Рыбинской железной дороги до родной деревни Петряйцево. Мой путь проходил через село Головское, русские деревни Красный Октябрь, Гостиницы, село Карело-Кошево и карельские деревни Шейно и Душково. Домой приходил около шести часов вечера, а на другой день, в воскресенье, с 11 часов дня вел обратный отсчет этого пути, чтобы успеть на дневной поезд Сонково-Бологое.

Проходил мимо Казанской церкви села Головское, в которой размещался молокозавод, куда свозили колхозное молоко со всей округи, в том числе из наших карельских деревень. Видел остатки заброшенного кладбища и не имел тогда никакого понятия, что на этом кладбище покоятся выдающиеся люди из дворянских родов Герасимовых, Неведомских, Нееловых, Карякиных, Хилковых. Их помещичьи имения и усадьбы располагались в 1–5 километрах от наших карельских деревень.

От матери я тогда уже знал, что деревня Красный Октябрь (Коммуна) до революции называлась мызой Подобино. Там была большая барская усадьба, фамилию хозяев мать не знала, местные жители говорили, что после создания здесь колхозов в 1931 году помещичий многооконный двухэтажный дом разобрали. Часть бревен и материала от этого дома пошло на строительство двухэтажного здания, где расположился сельсовет и правление колхоза «Красный воин», другая часть пошла на дрова. Большой парк тоже вырубил на дрова. Тогда я не задумывался даже, кто же были прежние хозяева этого дома.

В этой деревне я проходил мимо двухэтажного дома, в котором располагалось правление колхоза «Красный воин» и Краснооктябрьский сельсовет. Обращал внимание, что в деревне было всего-навсего 2 или 3 старых деревенских дома и большой пустырь на горе, поросший мелкоколесьем и кустарником. К концу 1968 года на этом пустыре, где ранее стоял барский дом, построили здание Краснооктябрьской средней школы.

По имени мызы Подобино была названа ближайшая железнодорожная станция Виндаво-Рыбинской железной дороги между городами Рыбинск на Волге и Виндава в Латвии (сейчас город Вентспилс. – А.Г.). Участок этой дороги Бологое-Сонково (Савелино) – Рыбинск протяженностью в 298 километров был открыт в 1872 году.

Мы тогда много читали и слышали о нужде и тяжелой жизни помещичьих крестьян при царизме. Но, ни разу не слышали о том, что были и *удельные крестьяне*, принадлежавшие к императорскому двору, и что наши карелы относились именно к удельным крестьянам. Мы читали о крестьянской реформе 1861 года, но никто не знал и не слышал о реформе 1863 года в отношении удельных крестьян.

Директор Бежецкого машиностроительного техникума Павел Михайлович Новосадов приглашал к нам на встречи местного краеведа Антонина Герасимовича Кирсанова, который давал первоначальные сведения по истории города Бежецка. Из них я запомнил, что ранее поселение Бежичи было в 12 километрах от нынешнего Бежецка на озере Ямное. Что Бежичи сжег тверской князь, жители перешли в поселение Городецко на месте нынешнего Бежецка. Что город Бежецк на 10 лет старше Москвы, а московские ученые никак не хотят это признать.

Уже в конце 1990-х годов, изучая в архивах историю тверских карел, к которым относились жители наших деревень, я узнал, что мыза Подобино до революции 1917 года принадлежала дворянам Неведомским. Они сыграли значительную роль в реализации реформ Александра II и формировании системы местного самоуправления в Бежецком уезде Тверской губернии.

Мировой посредник Александр Николаевич Неведомский стоял у самых истоков реализации крестьянской реформы. Его брат Константин Николаевич проводил на практике крестьянскую и земскую реформы, будучи председателем Бежецкой земской управы, а сестры его жены – Надежда Петровна и Любовь Петровна Ушаковы, а также двоюродная племянница Прасковья Николаевна Неведомская проводили в жизнь реформу образования, обучая грамоте русских и карельских детей.

Мызу Подобино переименовали при советской власти, чтобы не сохранялась память о прежних владельцах, а оставалась память о первых коммунарах и председателе коммуны Петре Ракитине, сын которого долгое время здесь работал председателем сельсовета. Хотя официально деревню именуют Красный Октябрь, русские и карелы

из окружающих деревень с начала ее переименования и до сих пор называют Коммуной.

При советской власти в 2 километрах юго-западнее от станции Подобино была построена деревня с таким же названием, что часто вносит путаницу в работы исследователей о месте нахождения имения Неведомских.

* * *

Разве мог я, проходя мимо бывшей усадьбы Неведомских в Подобине в 1964–1968 годах, думать и предполагать, что через 30 лет буду принимать самое активное и непосредственное участие в обсуждении законов о местном самоуправлении во время депутатских слушаний в Государственной Думе. Что буду участвовать в разработке областных законов, в том числе и по местному самоуправлению. Что буду стоять у истоков создания мировой юстиции в Тверской области в постсоветский период.

Реформы местного самоуправления в постсоветской России начали активно обсуждать в 1990-е годы, возникали споры и разногласия, судьба предоставила мне возможность стать участником многих совещаний и обсуждений.

В Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, сказано, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Оно осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

В Конституции заявлено, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения.

На основании новой Конституции, 28 августа 1995 года был принят закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Территорией местного самоуправления в

этом законе определены города, поселки, станицы, районы, сельские округа.

Многие участники дискуссий в Государственной Думе и Совете Федерации говорили, что человек живет не в районе, он живет в городе, поселке или селе на территории района. Это однозначно. Там, где он живет, там и местное самоуправление. Весь мир говорит, что в основном существует две разновидности местного самоуправления – городское и сельское. Поэтому надо говорить, что местное самоуправление осуществляется в городских, сельских и иных поселениях.

В своих выступлениях на слушаниях в Государственной Думе и Совете Федерации я неоднократно предлагал *включить районы и областные центры в систему государственной власти, а не местного самоуправления*. При тогдашней ситуации органы местного самоуправления не имели финансовой и материальной базы, чтобы надлежащим образом содержать школы, больницы, детские сады, дома престарелых. Многие из них закрывались, так как плохо наполняемые областные бюджеты, куда централизовали большинство денежных средств, расходовали на другие цели, а на местах денег не было. Но в этих спорах победил территориально-районный, а не поселенческий принцип определения местного самоуправления.

Был такой прецедент, когда Государственный Совет Удмуртии своим законом от 17 марта 1996 года включил в систему государственной власти районы и города. Конституционный Суд РФ своим постановлением от 24 января 1997 года отменил этот закон, как противоречащий Конституции. После этого «удмуртского дела» уже никто не сомневался в том, чтобы все районы и областные города надо включать в систему местного самоуправления.

Основой для создания работоспособного самоуправления мог стать опыт российского земства, получившего мировое признание и доказавшего свою эффективность. Этот опыт, принципы организации и деятельности земских учреждений должны быть изучены и критически осмыслены заново с позиции решения проблем сегодняшнего дня. Следует при этом отметить, что земский опыт представляет интерес не только для возрождения традиций местного самоуправления, но и для определения наиболее эффективных методов развития современной отечественной демократии.

Жалею, что в 1990-е годы, участвуя в дебатах, я не изучал и не знал дореформенного опыта работы местного самоуправления в удель-

ных деревнях, а также – земств и органов сельского самоуправления второй половины XIX века. Сейчас открылись архивы, и появилась возможность узнать, а какое было местное самоуправление в городах и сельской местности при царизме? Как же управлялись крестьяне при царе, какие налоги и подати они платили, за счет чего жило местное самоуправление, какие права и полномочия имели его органы?

Ответы на поставленные перед собой вопросы заставили меня изучать архивы, прежде всего, касающиеся Бокаревской волости Бежецкого уезда, куда относились наши карельские деревни. Эти фонды сохранились с незначительным числом дел, но и они позволили что-то узнать о жизни и деятельности обитателей мызы Подобино, которая до сих пор носит название Красный Октябрь.

Большинство архивных материалов и дореволюционных книг стали доступными с 1990-х годов. По ним можно было узнать, отличалась ли жизнь карельских удельных крестьян от русских помещичьих крестьян. Те и другие пахали землю, создавали семьи, растили детей, стараясь прокормить их, строили дома. Да и по внешнему виду вряд ли отличишь карела от русского. Но местные русские крестьяне работали на помещиков, а карелы Карело-Кошевского прихода – на себя и императорскую фамилию, выплачивая оброк удельному ведомству и направляя туда хлеб с общественной запашки.

Меня всегда интересовал период правления императора Александра II, который приступил к серьезным преобразованиям в России. По его указанию были подготовлены материалы, и началась реализация *крестьянской, судебной, образовательной, земской, финансовой* и других реформ. Реформы императора Александра II вызвали ломку деревенского крестьянского уклада, внесли изменения в их экономическую, социальную и духовную жизнь. Я упорно искал материалы, по которым можно было узнать, как проходили эти реформы в Бежецком уезде Тверской губернии, в частности – Бокаревской волости, куда входили наши карельские деревни.

В этой книге я даю краткую информацию о ходе реализации некоторых царских реформ, не ставя задачу рассказать о них подробно. Подробный анализ подготовки и реализации реформ императора Александра II, – это огромный пласт материалов, требующих тщательного исследования и большого труда.

Благодаря дореволюционным книгам, имеющимся в коллекциях Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького, архивным мате-

риалам, хранящимся в Государственном архиве Тверской области, появилась эта книга.

Я пролистал все подшивки газеты «Колокол», которую в 1857–1867 годах в Лондоне издавали русские революционеры Александр Иванович Герцен и Николай Платонович Огарев. Среди критики царизма, министров и других чиновников, восхваления революционной и повстанческой деятельности, в газете публиковались письма и документы, которые вызывают интерес, без каких-либо сомнений в их подлинности, я их привожу в этой книге.

Пусть хотя бы на некоторое время в памяти читателей сохраняются события второй половины XIX века, проведение в жизнь крестьянской, земской, судебной и образовательной реформ, названия и некоторые сведения об исчезнувших русских и карельских деревнях Бокаревской волости Бежецкого уезда Тверской губернии.

Есть надежда, что опыт работы земств и органов сельского местного самоуправления Российской империи второй половины XIX века будет в какой-то степени реализован в постсоветской России.

В этой книге к каждому параграфу привожу русские и карельские народные поговорки и пословицы.

Глава I

Реформы императора Александра II

*Не тот хозяин земли,
кто по ней бродит,
а тот, кто по ней
за сохой ходит.*

Подготовка к проведению крестьянской реформы

Крепостное право в России, которое было официально подтверждено Соборным уложением от 1649 года при царе Алексее Михайловиче Романове, продержалось более 250 лет, и было отменено в 1861 году императором *Александром II*, путь к отмене крепостного права был долгим.

Инициативу по освобождению крестьян проявлял в начале XIX века видный деятель того времени Михаил Михайлович Сперанский, написав записки об этом императору Александру I в 1808–1809 годах, за что был отправлен в ссылку. Император Николай I освободил М.М. Сперанского из ссылки и назначил сначала пензенским губернатором, потом генерал-губернатором Сибири. Понимая, что Сперанский стал политической жертвой его старшего брата, Николай I приблизил его к себе и прислушивался к его мнению и советам.

М.М. Сперанский в 1826 году написал императору новую записку об освобождении крестьян от крепостного права, после чего тот образовал секретный комитет по рассмотрению этого вопроса. В своей записке, в числе других предложений, Сперанский в отношении **дворовых людей** предлагал:

- записывать их не при помещике, а при деревнях, но отдельно от других крестьян. Подушную подать с дворовых людей платить отдельно от подати помещичьих крестьян. И не с деревни и крестьян, а с помещиков, которым они служат;
- запретить брать в дворовые люди помещичьих крестьян из деревень, а если их брать, то, не разлучая семейства, принимая мужа, принимать и жену с малолетними их детьми до 10 лет.

В отношении *помещичьих крестьян* Сперанский предлагал:

- определять все крестьянские работы и повинности по договору крестьянина с помещиком;
- запретить продавать, закладывать и дарить в приданое крепостных крестьян без земли;
- разрешить переселение крепостных крестьян с одних земель на другие в пределах владений одного помещика. Запретить продавать крестьян от одного помещика другому.

Нужно отметить, что к началу XIX века помещики свободно продавали крепостных крестьян, помещая объявления в газеты о «продажных людях». По публикациям в газете «Санкт-Петербургские ведомости» известно, что, восхваляя свой товар, о девках они писали: «Изрядная собой, с лица весьма приятна, собой дородная». Рабочая девка тогда стоила 100–150 рублей, горничная, искусная в рукоделии до 250 рублей, портной вместе с женой-кружевницей – 500 рублей, кучер вместе с женой-кухаркой – 1000 рублей.

Некоторые помещики-игроки ставили своих крепостных на карту, известен, например, случай о нескольких деревнях Медынского уезда Калужской губернии, заселенных карелами, проигранных местным помещиком в карты. Все они были перевезены в Зубцовский уезд Тверской губернии и расселились в нескольких деревнях с центром Ивановское, и стали называться «Держинские карелы» по названию реки Держа.

С 1801 года было запрещено объявлять в газетах о продаже крепостных людей, а также продавать их на ярмарках. В Петербурге и других городах появились предприимчивые люди, которые стали устраивать торги в своих «двориках», о которых знали многие помещики. Некоторые крестьяне, работая в городах на отхожих промыслах, пытались заработать денег себе на выкуп.

К 1830 году выкупная цена при записи крестьянина в мещанство составляла 600 рублей серебром, при записи его в купечество – 1500 рублей серебром.

На основании ревизских сказок 8-й ревизии, проведенной в 1833–1834 годах, в России насчитали 59,1 млн ревизских душ (мужчин старше 15 лет. – А.Г.), большинство в сельской местности. Из них 25 млн ревизских душ были крепостными крестьянами и 17 млн ревизских душ были государственными, заводскими, фабричными и удельными крестьянами, которые находились в ведении императорского двора.

Государственные крестьяне были оформлены указами Петра I из числа незакрепощенных в то время крестьян, в том числе *черносошных крестьян, однодворцев и нерусских народностей Поволжья и Приуралья*. Все они стали нести тягло в пользу государства. Черносошные крестьяне проживали в основном в Поморье, с центром в Архангельске, и Сибири. Земли составляли собственность черносошного крестьянина, он мог не только пользоваться участком земли, но и отдавать его в залог или продавать с условием, что покупатель сразу же, выплачивал все общинные пошлины. Однодворцы – это служивые казаки на границе с Дикой Степью. Все эти три сословия были упразднены законом от **24 ноября 1866 года «О поземельном устройстве государственных крестьян»**.

По данным последней 10-й ревизии, проведенной в 1857–1859 годах, в империи насчитали 74,6 млн ревизских душ, из них 23,1 млн ревизских душ или 31,2% от всей численности были крепостными крестьянами.

После смерти Николая I в 1855 году, об отмене крепостного права стали говорить вступившему на престол императору Александру II его родственники – тетка Елена Павловна и младший брат Константин Николаевич. Елена Павловна, жена младшего сына Павла I Михаила Павловича, сразу же после вступления Александра II на престол, стала говорить ему о проведении крестьянской реформы. Участие в освобождении крестьян от крепостного права является важной заслугой великой княгини Елены Павловны, которая на личном примере показала возможность проведения реформы.

Министр государственных имуществ Павел Дмитриевич Киселев делился с ней своими мыслями о практической возможности освобождения крестьян от крепостничества. К тому времени племянник министра Киселева, сын сестры, Николай Алексеевич Милютин обследовал несколько губерний России, собирая статистические сведения о положении помещичьих крестьян. Когда же министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской доложил императору Александру II, что дворянство такого почина об освобождении крестьян от крепостного права на себя не принимает, Елена Павловна решила показать пример на своем имении Карловка Полтавской губернии.

П.Д. Киселев познакомил ее со своим племянником, чиновником министерства внутренних дел Н.А. Милютиным, который помог ей составить план освобождения крестьян от крепостной зависимости.

ти. Этот план Елена Павловна показала младшему брату императора Константину Николаевичу, ее соратнику в этом деле, и императору Александру II, который в марте 1856 года одобрил план освобождения крестьян.

Тогда же, в марте 1856 года император Александр II заявил московскому генерал-губернатору о том, что существующий порядок владения душами не может дальше оставаться неизменным. Он заявил, что лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет уничтожаться снизу.

Согласно составленному Н.А. Милютиным плану, весной 1856 года были отпущены на волю крестьяне 12 деревень имения Карловка Полтавской губернии, принадлежащего великой княгине Елене Павловне, с населением 7392 мужчины и 7625 женщин, и земель более 9 тысяч десятин. Крестьянам было предоставлено право, выкупать участки земли, которые находились в их пользовании. Также им передали в аренду 1/6 часть помещичьей земли с платой по 2 рубля в год за десятину и правом выкупа участка этой земли с рассрочкой, из расчета 25 рублей за десятину.

Елена Павловна вместе со своим управляющим Энгельгардтом разделила все селения на четыре сельских общества, с собственным управлением и судом в каждом обществе. На примере имения Карловка княгиня Елена Павловна, великий князь Константин Николаевич и Н.А. Милютин стали активно доказывать практическую возможность освобождения крестьян от крепостного права. Можно сказать, что этот план стал моделью крестьянской реформы 1861 года.

Громадные расходы на Крымскую войну, связанные с нею рекрутские наборы и наборы в Государственное ополчение серьезно подорвали экономику страны. У царя не было средств, сил и желания выступать против крестьян, ратующих за отмену крепостного права.

По 10-й ревизии, проведенной в 1857–1859 годах, насчитали 103 тысячи дворянских семей или 652 тысячи дворян, из них:

- владевших до 20 крестьянских душ – 43 тысячи дворянских семей,
- владевших от 21 до 100 душ – 36 тысяч дворянских семей,
- имевших свыше одной тысячи душ – 14 тысяч дворян. Все 43 тысячи мелкопоместных дворян владели общей сложностью 340 тысячами крестьян, а 14 тысяч крупных землевладельцев владели 8 млн душ крестьян мужского пола.

В Тверской губернии проживали около 5,7 тысяч потомственных дворян и 3,8 тысяч личных дворян обоего пола. Из них около 30% были мелкопоместными дворянами, владевшими до 20 ревизских душ и до 100 десятин земельных угодий.

Ко времени крестьянской реформы в Тверской губернии средний надел помещичьего крестьянина составлял 4,1 десятины, государственного крестьянина – 4,5 десятины, удельного крестьянина – 5,3 десятины на одну ревизскую душу.

В январе 1857 г. император Александр II образовал секретный Комитет по крестьянским делам, в задачу которого входила подготовка проекта освобождения крестьян от крепостного права. Председателем комитета он назначил своего младшего брата великого князя Константина Николаевича. Первоначально Комитет предполагал лишь некоторые уступки крестьянам без проведения радикальной реформы, поэтому он направил во все губернии письма с 14 вопросами и с просьбой ответить на них:

1. Можно ли позволить, крепостным людям вступать в браки без согласия помещика?
2. Можно ли дать помещичьим крестьянам права приобретать собственность без согласия помещика?
3. Можно ли ограничить права помещиков относительно разбора споров и жалоб между их крестьянами?
4. В какой мере можно ограничить права помещиков относительно наказания крестьян?
5. Должно ли лишить помещиков права переселять крестьян в Сибирь?
6. Следует ли ограничить права помещиков относительно отдачи крестьян в рекруты?
7. Должно ли лишить помещиков права вмешиваться в отправление крестьянских повинностей и податей?

Подобным образом были составлены еще 7 вопросов с целью сохранения интересов помещиков.

20 ноября 1857 года император Александр II направил письмо Виленскому губернатору с просьбой об образовании из дворян губернского комитета по крестьянским делам, под председательством губернского предводителя дворянства. Такое же письмо было направлено 6 декабря Петербургскому генерал-губернатору. Копии этих писем 8 декабря были отправлены во все губернии, а 17 декабря 1857 года они опубликованы в печати.

В тех письмах было сказано, что за помещиками сохраняется право собственности на всю их землю. За крестьянами остаются лишь усадьбы, которые они в течение определенного времени приобретут в собственность посредством выкупа. В состав крестьянской усадьбы входила земля под жилыми и хозяйственными постройками, огородами, садом, конопляником, гумном, хмельником, пчельником и промежутками между крестьянскими строениями. Кроме того, крестьянам будут предоставляться в пользование земельные участки, за которые они должны платить оброк или отбывать повинность в пользу помещика. В этих письмах слова *«освобождение от крепостного права»* заменили словами *«улучшение быта крестьян»*.

Против отмены крепостного права были активно настроены многие дворяне, поэтому император Александр II просил губернаторов уговаривать дворян помогать ему. Первыми в поддержку императора об отмене крепостного права выступили рязанские дворяне, затем последовали другие губернии, в том числе Тверская губерния. Московская губерния оставалась в числе последних губерний, ставших на сторону императора.

В губерниях стали создаваться комитеты по разработке проектов положения об улучшении быта крестьян. Они состояли, в основном из помещиков и назывались «Комитеты об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». В своих материалах комитеты обращали внимание на особенности быта и отношений крестьян с помещиками в своих губерниях. Многие из них брали за основу проекта положения указ императора Николая I от 2 апреля 1842 года «О заключении соглашений между помещиками и крестьянами по выходу их на свободу».

Нужно отметить, что указ императора Николая I от 2 апреля 1842 года определял условия освобождения крестьян от крепостной зависимости на основании договорных соглашений между помещиками и крестьянами. Крепостные крестьяне заключали с помещиками соглашения, по которым они получали личные права и личную свободу.

Но земля, которой они пользовались, оставалась собственностью помещика, за каждый земельный надел и личную свободу крестьяне были обязаны платить помещику оброк или отрабатывать барщину на его полях. Все условия и обязательства указывались в соглашении, таких крестьян стали называть *«обязанными крестьянами»*. В период с 1842 года и до реформы 1861 года в обязанные крестьяне перешло всего 24,7 тысячи душ мужского пола или 0,1% от всех крепостных ревизских душ мужского пола [1].

* * *

Тверской предводитель дворянства А.М. Унковский в 1857 году подал императору Александру II записку, в которой предлагал освободить крестьян от крепостного права вместе с землей и без переходного периода. При этом помещикам нужно выплачивать вознаграждение как за землю, представляемую в надел крестьянам, так и за самих освобождаемых крестьян. При этом Унковский предлагал, что за выкуп наделенной земли платят сами крестьяне, а выкуп личности крестьянина, его прав и свобод возложить как на крестьян, так и на помещиков.

16 февраля 1858 года в Твери собрались уездные предводители дворянства и депутаты от дворян для рассмотрения предложений об улучшении быта крестьян. На этом собрании предлагались разные варианты дальнейшей судьбы помещичьих крестьян. Бежецкий уездный предводитель дворянства *Модест Евграфович Воробьев* сказал, что бежецкие дворяне изъявили желание обеспечить крестьян в пользование достаточным количеством земли с предоставлением им права выкупа, как личности, так и усадебной оседлости в их собственность.

Новоторжский уездный предводитель дворянства П.Д. Кишенский заявил, что вместе с личностью, усадебной оседлостью крестьянам надо дать право выкупать у помещиков и участки земли, которые могли бы обеспечить их благосостояние. А помещиков вознаградить за счет общественного кредита. Его поддержали представители Тверского и Старицкого уездов.

Дворяне Весегонского и Осташковского уездов считали возможным освободить крестьян из крепостной зависимости с предоставлением им только лишь в пользование, а не в собственность, как усадебной, так и полевой земли в достаточном количестве для обеспечения их благосостояния.

При обсуждении вопроса о переводе крестьян с барщины на оброк Бежецкий уездный предводитель дворянства М.Е. Воробьев доказывал необходимость обязательного труда крестьян на помещиков. В подтверждение своих слов он привел следующий пример. В Бежецком уезде у мелкопоместного помещика в среднем обрабатывается 20 десятин пашни и 40–60 десятин сенокосов.

Для этих работ помещику необходимо иметь 6 работников и 7 работников, одну из них на постоянной работе и 6 – на летний период. Годовой работник стоит 75 рублей, работница 40 рублей в год и 30 рублей на лето. В течение года им нужно выплатить 670 рублей.

Необходимо иметь 9 лошадей, на содержание и кормление которых сеном и овсом требуется еще 261 рубль. С учетом жалования управляющему и вознаграждения самому помещику общие расходы составляли 1176 рублей. А годовой приход с урожая хлеба и сена, по подсчетам Воробьева, составлял 1115 рублей.

Но предложение Воробьева о необходимости оставить на какое-то время обязательный труд крестьян не нашел поддержки большинства губернского собрания. Собрание поддержало Новоторжского уездного предводителя дворянства П.Д. Кишенского, который на своих примерах доказал, что не только для крестьян, но и для помещиков и, в целом для государства, упразднение крепостного права принесет выгоды.

Собрание ходатайствовало перед императором об открытии губернского Комитета для составления проекта Положения об устройстве крестьян. Разрешение на открытие в Твери Комитета под председательством губернского предводителя дворянства было получено 16 марта 1858 года.

На основании предложений, поступивших от дворян разных уездов, предводитель Тверского дворянства *Алексей Михайлович Унковский* (1828–1893 гг.) подготовил свой проект, в котором предлагал полностью освободить крестьян от крепостной зависимости с обязательным наделением их усадебной и полевой землей. При этом необходимо выплатить помещикам вознаграждение, как за землю, отходящую из их владения, так и за самих освобождаемых крестьян. Причем за землю крестьяне должны бы платить сами, а за их личную свободу помещикам должно заплатить государство.

Ему в подготовке проекта активно помогал бежецкий дворянин Александр Иванович Европеус (1827–1885 гг.), который в 1857 вышел в отставку в чине прапорщика и проживал в имении матери селе Княжево Бежецкого уезда.

Тверской губернский комитет большинством голосов поддержал этот проект, так как там нашли отражение интересы дворянства нечерноземной полосы, где земля не представляла большой ценности. Помещики хотели, чтобы крестьяне выкупили у них как можно больше земли. Рабочие руки стоили дорого, поэтому помещики стремились получить как можно больше денег за потерю рабочей силы.

В декабре 1859 года, несмотря на запрет обсуждения крестьянской реформы на дворянских собраниях, с разрешением обсуждать ее только на губернских комитетах, Тверское губернское собрание обсудило этот

вопрос и вынесло постановление. Тверское дворянское собрание просило государя о дозволении иметь суждение, о своих нуждах и пользах, не стесняясь возможного соприкосновения с крестьянским вопросом.

19 декабря того же года А.М. Унковский получил уведомление об удалении от должности предводителя тверского дворянства, за обсуждение вопросов о крестьянской реформе на дворянском собрании и подписании его постановления. В феврале 1860 года он был сослан в Вятку, а активно поддерживающий его идеи Александр Иванович Европеус – в Пермь. Ссылку им отменили в сентябре того же года [2].

* * *

После длительных обсуждений и споров в губернских комитетах, были составлены общие проекты Манифеста и Положения, которые 10 октября 1860 года поступили из редакционной комиссии в Главный комитет, а 14 января 1861 года – на рассмотрение Государственного совета.

Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» в № 93 от 1 марта 1861 года сообщала о совместном заседании совета министров и членов Главного крестьянского комитета, проведенного 26 января 1861 года. На этом заседании император Александр II благодарил членов комитета за проект Положения, составленный редакционными комиссиями. Обращаясь к министрам, государь сказал, что до сих пор они между собой враждовали по крестьянскому вопросу, но теперь, когда его воля будет окончательно выражена, он требует от них полного между собой согласия и добросовестного исполнения утвержденного им Положения.

По окончании крестьянского дела сословие крестьян не должно более оставаться разделенным на разные ведомства (помещичьи, государственные, заводские, дворцовые и удельные. – А.Г.), должно образоваться из них одно целое, подчиненное одним законам. Поэтому он, Александр II, решил Главный комитет закрыть, а на место его учредить Особый комитет по делам всего сельского населения России, которому немедленно приступить к составлению плана соединения крестьян всех наименований в одно сословие. На совместном заседании совета министров и Главного крестьянского комитета за Положение проголосовали 37 участников, против – 8 голосов.

Материалы комитетов рассматривала и обобщала редакционная комиссия. За основу Положения были взяты основные предложения *петербургского, московского и тверского губернских комитетов*. К осени 1859 года созданная по инициативе императора редакционная комиссия обработала проекты из 21 губернии. Комиссия заседала весь 1860 год, проводя согласования спорных вопросов. Государственный Совет 17 февраля одобрил проекты Манифеста и Общего Положения, 19 февраля 1861 года император Александр II подписал **Манифест** об освобождении крестьян от крепостного права.

Крестьянская реформа в России 1861 года

*Солнце для всех одинаково
светит (кар.).*

В Манифесте от 19 февраля 1861 года утверждалось: «Права помещиков были доньше обширны и не определены с точностью законом, место которого заступали предания, обычаи и добрая воля помещиков. В лучших случаях, из сего происходили добрые, патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности помещика, и добродушного повиновения крестьян. Но, при уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразия отношений, при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собственные выгоды, добрые отношения ослабевали, и открывался путь к произволу...

Таким образом, мы убеждены были признать, что дело изменения положения крепостных людей на лучшее есть для нас завещание предшественников наших и жребий. Мы начали сие дело актом нашего доверия к Российскому Дворянству к изведанной великими опытами преданности его Престолу и готовности его к пожертвованиям на пользу Отечества. Самому Дворянству, предоставили мы, по собственному вызову его, составить предложения о новом устройстве быта крестьян, при чем Дворянство предложило ограничить свои права на крестьян и поднять трудности преобразования, не без уменьшения своих выгод, и доверие наше оправдалось...

В сему новых положений, крепостные люди получают в свое время права свободных сельских обывателей. Помещики, сохраняя право собственника на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадьбную их оседлость, и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их перед Правительством, определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

Пользуясь сем земельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков, определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными. Вместе с тем им дается право выкупать усадьбную их оседлость и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. С таковым приобретением крестьяне освободятся от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников.

Особым положением о дворовых людях определяется для них переходное состояние. По истечении двухлетнего срока от дня издания сего положения, они получают полное освобождение и срочные льготы...

Для правильного достижения сего мы призвали за благо повелеть:

1. Открыть в каждой губернии Губернское по крестьянским делам Присутствие.
2. Назначить в уездах мировых посредников, и образовать из них Уездные Мировые Съезды.
3. Затем образовать в помещичьих имениях мирские управления.
4. Составить, поверить и утвердить по каждому сельскому обществу или имению уставную грамоту...

...Дан в Санкт-Петербурге, в 19-й день февраля, в лето от Рождества Христова 1861-го, царствования же нашего в 7-е. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано: Александр» [3].

* * *

Издатели газеты «Колокол» в Лондоне русские революционеры А.И. Герцен и Н.П. Огарев в № 95 от 1 апреля 1861 года приветствовали Манифест и Положение о крестьянской реформе, заявив, что император Александр II сделал много, очень много. Его имя стоит

выше всех его предшественников. Этого ему ни народ русский, ни всемирная история не забудет. Его выбор великого князя Константина Николаевича удачен, он необыкновенно вырос, явившись опорой своего брата в деле освобождения крестьян. Когда Александр II его публично обнял на заседании Главного комитета и совета министров, его обняла вся Россия.

До реформы 1861 года власть помещиков над владельческими крестьянами была безграничной, начиная от труда и заканчивая их личной жизнью. И все-таки нелегко было ломать вековые традиции, устоявшиеся в крестьянстве, и поддерживаемые церковью. Многие помещики полагали, что до реформы хозяйствовало они правильно, взыскивали то, что можно было, а крестьяне считали начальником одного своего помещика.

Крестьяне искренне верили в свою судьбу, что если родились крепостными, должны таковыми оставаться сами и их дети. И если барин сказал крестьянину, что он должен отдать столько-то денег, хлеба, холста и другого в такие-то сроки, он обязан это сделать. Иначе барин может не только бить и истязать его, но и полностью разорить его семью.

Помещики, которые не жили в городах, а сами управляли имением, не хотели иметь у себя нищих крестьян. Они сажали крестьян на землю, давали в долг хлеб и скотину, а потом брали с них, кроме податей, многое другое, исходя из возможностей крестьянина. Завел пасеку – отдавай помещику часть меда, твердо поставил на ноги свое хозяйство – отдавай часть хлеба, заимел достаточно много овец или другого скота – отдавай мясом или ягнятами.

В тех имениях помещиков, которые постоянно жили в городах, управляли приказчики, бурмистры, нередко из таких же крестьян, или старосты деревень. От их власти и поведения зависела подчас судьба крестьянина. И этот уклад жизни, который существовал в России более двух с половиной веков, решили изменить.

Таким образом, манифестом от 19 февраля 1861 года предусматривалось, открыть в каждой губернии Губернское по крестьянским делам присутствие, которому вверялось высшее заведывание делами крестьянских обществ, водворенных на помещичьих землях.

Для рассмотрения на местах недоразумений и споров, могущих возникнуть при исполнении новых положений, назначались в уездах мировые посредники, образовывались из них уездные мировые съезды.

Поручалось образовать в помещичьих имениях мирские управления, для чего, оставляя сельские общества в нынешнем их составе, открыть в значительных селениях волостные управления, а мелкие сельские общества соединить под одно волостное управление.

Составить, поверить и утвердить по каждому сельскому обществу или имению уставную грамоту, в которой будет исчислено, на основании местного положения, количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер повинностей, причитающихся с них в пользу помещика, как за землю, так и за другие от него выгоды. Эти уставные грамоты приводить в исполнение по мере утверждения их для каждого имения, а окончательно по всем имениям ввести в действие в течение двух лет, со дня издания настоящего Манифеста.

До истечения этого срока, крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам, и беспрекословно исполнять прежние их обязанности. Помещикам сохранить наблюдение за порядком в их имениях, с правом суда и расправы, впредь до образования волостей и открытия волостных судов [4].

Как уже было сказано, надежными единомышленниками императора Александра II в подготовке крестьянской реформы были его родной брат великий князь Константин Николаевич и жена дяди, Михаила Павловича – Елена Павловна. При подписании Манифеста в Зимнем дворце вместе с императором находились: его супруга Мария Александровна, их старший сын Николай Александрович и брат императора Константин Николаевич. Подписав Манифест и все Положения, император подарил перо, которым он подписывал документы, на память сыну Николаю.

* * *

Кроме Манифеста 19 февраля 1861 года были утверждены: *«Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»* и *«Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости о содействии правительства к приобретению этими крестьянами в собственность полевых угодий»*.

В *Общем Положении* о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, указывалось, что крепостное право на крестьян, водворен-

ных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда. На основании этого Положения и общих законов, крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставлялись права, состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу. В пользование этими правами они вступали тем порядком и в те сроки, какие указаны в Правилах о приведении в действие Положений о крестьянах и в особом Положении о дворовых людях.

Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют, за установленные повинности, в постоянное пользование крестьян, усадьбную их оседлость, а для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком, то количество полевой земли и других угодий, которое определяется на основаниях, указанных в местных положениях. Крестьяне, за отведенный надел, обязаны отбывать, в пользу помещиков повинности работою или деньгами.

Наделение крестьян землею и другими угодьями, а равно следующие за это повинности в пользу помещика, определяются преимущественно по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению, с соблюдением лишь следующих условий:

- 1) чтобы надел, предоставляемый крестьянам в постоянное пользование, для обеспечения их быта и исправного отправления ими государственных повинностей, не был менее того размера, который определен, с этою целью, в местных положениях;
- 2) чтобы те повинности крестьян в пользу помещика, которые отбываются работою, определялись не иначе, как временными договорами, на сроки не более трех лет (причем, не воспрещается, однако же, возобновлять такие договоры в случае желания обеих сторон, но также временно, не более, как на трехлетний срок);
- 3) чтобы вообще заключаемые между помещиками и крестьянами сделки не были противны общим гражданским законам и не ограничивали прав личных, имущественных и по состоянию, предоставляемых крестьянам в настоящем Положении.

На этих основаниях составлялись *уставные грамоты*, в которых должны быть определены постоянные поземельные отношения между каждым помещиком и водворенными на его земле крестьянами в лице сельского общества. Составление таковых уставных грамот предоставлялись самим помещикам или мировым посредникам. Как

на их составление, так на рассмотрение и введение их в действие, назначалось два года со дня утверждения Положения.

Помещики, наделив крестьян в постоянное пользование землею, за установленные повинности, не обязаны были впредь, ни в каком случае, наделять их каким бы то ни было, сверх того, количеством земли. По введении в действие Общего Положения, слагались с помещиков:

- 1) обязанности по продовольствию и призрению крестьян;
- 2) ответственность по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей;
- 3) обязанность ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным;
- 4) ответственность за них во всех казенных взысканиях – штрафах, пошлинах и других.

На самих крестьян возлагалось попечение по общественному продовольствию и призрению, и ответственность за исправное отбывание следующих с них казенных и земских, натуральных и денежных повинностей.

Крестьянам предоставлялось право выкупать в собственность усадьбную их оседлость, посредством взноса определенной выкупной суммы. С согласия помещиков крестьяне могли, сверх усадьбной оседлости, приобретать в собственность, на основании общих законов, полевые земли и другие угодья, отведенные тем крестьянам в постоянное пользование. С таковым приобретением крестьянами в собственность их надела, прекращались все обязательные поземельные отношения между помещиками и означенными крестьянами. Обязательные поземельные отношения между помещиками и крестьянами, кроме того, прекращались следующими двумя способами:

- 1) если крестьяне добровольно отказывались от пользования предоставленным им наделом;
- 2) если крестьяне переходили, с соблюдением всех установленных для этого правил, в другие сословия.

Чтобы облегчить крестьянам приобретение в собственность отведенных им в постоянное пользование земель, в случае добровольного на то соглашения между помещиком и крестьянами, или в случае требования самого помещика, правительство оказывало пособие.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, именовались «*временно-обязанными крестьянами*». Крестьяне, вышедшие из кре-

постной зависимости и приобретшие в собственность поземельные угодья на основаниях, изложенных в Положениях, именовались **«крестьянами-собственниками»**.

Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставлялось право, наравне с другими свободными сельскими обывателями и с соблюдением, установленных в общих законах и в Положении, правил:

- 1) производить свободную торговлю, предоставленную крестьянам, без взятия торговых свидетельств и без платежа пошлин;
- 2) открывать и содержать, на законном основании, фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения;
- 3) записываться в цехи; производить ремесла в своих селениях, и продавать свои изделия, как в селениях, так и в городах;
- 4) вступать в гильдии, торговые разряды и соответствующие им подряды.

Крестьяне не могли быть в дальнейшем подвергаемы никакому наказанию иначе, как по судебному приговору, или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей. Крестьяне, в тяжбах и спорах между собою, могли разбираться судебным порядком. Независимо от этого, они могли обращаться для разбирательства к помещику, на земле которого они водворены, если сам помещик и обе стороны на это были согласны. В таком случае на решение помещика жалобы не допускались, и решение это приводится в исполнение.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, как свободные сельские обыватели, получали также права по состоянию:

- 1) на основании правил, указанных в Общем Положении, участвовать на сходах в составлении мирских приговоров и в общественных выборах; равно отправлять по выборам общественные должности, установленные законом;
- 2) переходить в другие сословия и общества, по правилам, указанным в этом Положении, а равно, по собственному желанию, поступать в военную службу и наниматься в рекруты, на общем для сельских обывателей основании;
- 3) отлучаться от места жительства, с соблюдением правил, установленных общими законами и Общим Положением;
- 4) отдавать детей своих в общие учебные заведения;
- 5) поступать на службу по учебной, ученой и межевой части, на основании установленных правил.

Крестьяне не могли быть лишены прав состояния, или ограничены в этих правах иначе, как по суду или по приговору общества, утвержденному порядком, установленным в Общем Положении.

После обнародования Общего Положения крестьянам оставалась их усадебная оседлость, впредь до приобретения ими ее в собственность, на правилах, определенных в *«Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий»*. Все движимое имущество крестьян – домашний и рабочий скот, земледельческие орудия и другое, на основании существующих постановлений, принадлежали вполне крестьянам. Мирские денежные капиталы и мирские же хлебные запасы составляли собственность крестьянского общества.

Земли, дома и вообще недвижимое имущество, приобретенное крестьянами в прежнее время, на имя их помещиков, закреплялись за крестьянами или их наследниками окончательно, после утверждения за ними этого имущества самими помещиками, или решением мирового учреждения.

Каждый крестьянин мог приобретать в собственность недвижимое и движимое имущество, а также отчуждать его, отдавать в залог и вообще распоряжаться им, с соблюдением общих узаконений, установленных для свободных сельских обывателей.

Сельское общество могло также, на основании общих законов, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество могло распоряжаться по своему усмотрению, разделять их между домохозяевами, и предоставлять каждому участок в частную собственность, или оставлять эти земли в общем владении всех домохозяев.

Право на участие в общем владении собственностью, приобретенной обществом, каждый крестьянин, отдельно, мог уступить постороннему лицу не иначе, как с согласия сельского общества.

Каждый член сельского общества мог требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении этой земли. Если такой выдел оказывался неудобным или невозможным, то обществу предоставлялось право удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами, по взаимному соглашению, или по оценке.

Приобретенными в собственность землями крестьянского надела и выкупленными усадьбами, крестьяне могли пользоваться и распоряжаться, как своим достоянием, с тем ограничением, что в продолжение первых девяти лет, со времени утверждения Общего Положения, означенные земли не могли быть отчуждаемы, или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к обществу. Но переуступка и отдача в залог таких земель членам того же сельского общества не воспрещались.

Имущество, 'оставшееся после крестьян, умерших без наследников (выморочное), поступало в пользу того сельского общества, в пределах которого имущество это находилось [5].

* * *

Таким образом, крестьяне за отведенный надел обязаны были отбывать в пользу помещиков повинности работою и деньгами. По Положению, повинности крестьян в пользу помещика, определяемые работою, являлись временными, на срок не более 3 лет. В каждом крестьянском обществе или имении должна была быть составлена *уставная грамота*, в которой устанавливали количество земли, представляемой крестьянам в лице сельского общества в постоянное пользование, и размер повинностей, которые они должны были нести в пользу помещика. Составление таких уставных грамот должно быть закончено в течение двух лет после издания манифеста и положений.

После введения в действие Положения с помещика слагались обязанности по продовольствию и призрению крестьян, по взносу крестьянами государственных податей и отправления ими денежных и натуральных повинностей, а также обязанность ходатайствовать за крестьян по гражданским и уголовным делам.

Крестьянам предоставлялось право выкупать в собственность усадьбу путем взноса определенной выкупной суммы. С согласия помещиков крестьяне могли сверх усадьбы выкупать в собственность полевые земли и другие угодья. С приобретением крестьянами наделов все поземельные отношения их с помещиками прекращались. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляли сельские общества и объединялись в волости для их управления.

Со дня обнародования Положения, крестьяне получили право не испрашивать предварительного согласия помещика и:

- вступать в брак и пользоваться всеми семейными правами на основании общих правил;
- приобретать движимое и недвижимое имущество, отчуждать его, отдавать в залог и полностью распоряжаться им;
- входить во всякие, законом дозволенные, договоры и обязательства с казною и частными лицами на общих основаниях;
- производить торговлю в пределах, представленных законом, свободным сельским обывателям;
- открывать и содержать фабричные, торговые, промышленные и ремесленные заведения;
- обращаться с исками и тяжбами в суд по гражданским делам, подавать жалобы по уголовным делам.

Попечение малолетних сирот возлагалось на обязанность сельских обществ. При назначении опекунов и попечителей крестьяне должны были руководствоваться своими местными обычаями. Крестьяне не могли быть подвергнуты никакому наказанию иначе, как по судебному приговору. Они получили право отдавать своих детей в учебные заведения.

Все движимое имущество – домашний и рабочий скот, сельскохозяйственные орудия переходили в принадлежность крестьян. Земля, дома и другое недвижимое имущество, приобретенное крестьянами на имя помещиков, закреплялось за крестьянами и их наследниками окончательно. Каждый крестьянин получал право приобретать в собственность недвижимое и движимое имущество, а также отчуждать его, отдавать в залог и распоряжаться им.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, были обязаны нести казенные, земские и мирские повинности: подушевую подать, сбор на обеспечение продовольствия, государственные, губернские и частные земские сборы. Государственные и общие губернские земские сборы начислялись по количеству земли, отведенной в постоянное пользование крестьян или принадлежащей им в собственности.

«Тверское дело»

Жизнь пестра, как птица (кар.).

Через год после принятия Манифеста и Положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости, отношение к ним со стороны дворянства во многом поменялось. В феврале 1862 года министр внутренних дел в своей газете «Северная почта» напечатал разъяснение в связи с проведением губернских дворянских собраний и выборов дворянских предводителей. Собрания обсуждали вопросы значения дворянства после издания Положения от 19 февраля 1861 года. Развивалась мысль, что дворянство утратило свое значение в ряду государственных сословий и само должно заявить об этой утрате. Но русское дворянство, заявлял министр, призвано не к самоуничтожению, а к дальнейшему участию при введении в действие тех законоположений, которыми крепостное право навсегда отменено.

Недовольство Манифестом от 19 февраля 1861 года породило так называемое «Тверское дело». На губернском дворянском собрании 1–2 февраля 1862 года тверские дворяне высказались за немедленный обязательный выкуп крестьянских наделов при содействии государства, на прекращения временнообязанных отношений, а также ликвидацию сословных привилегий дворянства, введение независимого суда и гласности в управлении и проведение финансовой реформы.

Они подписали, и направили императору адрес, в котором заявили, что Манифест от 19 февраля 1861 года не удовлетворил народные потребности. В газете А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 126 от 22 марта 1862 года «Адрес тверского дворянства» был опубликован полностью.

Тверские дворяне писали государю: *«Мы сами не понимаем Положение от 19 февраля 1861 года. Просим предоставление земли в собственность крестьян провести общими силами государства, не полагая всей тяжести ее на одних крестьян, которые менее других виновны в существовании этого права.»*

Тверское дворянство считает кровным грехом жить и пользоваться благами общественного порядка за счет других сословий. Неправеден тот порядок вещей, при котором бедный платит рубль, а богатый не платит ни копейки. Это могло быть терпимо при крепостном праве, но теперь ставит дворян в положение тунеядцев совершенно бесполезных своей родине.

Тверские дворяне не желают пользоваться таким позорным преимуществом, и дальнейшее существование его не принимают на свою ответственность. Мы просим государя разрешить нам принять на себя часть государственных податей и повинностей, соответственно состоянию каждого. Кроме имущественных привилегий дворяне пользуются исключительным правом поставлять людей для управления народом. Мы считаем беззаконием исключительность этого права, и просим распространить его на все сословия.

Тверские дворяне считают своим священным долгом высказать откровенно, что между нами и правительством существуют страшные недоразумения. Вместо действительного осуществления обещанной воли, сановники изобрели временно-обязанное положение, невыносимое, как для крестьян, так и для помещиков.

Вместо одновременного обязательного обращения крестьян в свободных поземельных собственников, они избрали систему добровольных соглашений, которая грозит довести до крайнего разорения и крестьян, и помещиков. Ныне сановники находят необходимым сохранение дворянских привилегий, тогда, как сами дворяне, более всех заинтересованные в этом деле, желают их отменения» [6].

За направление этого письма императору Александру II проголосовали 126 членов губернского дворянского собрания, против решения были 24 дворянина. На уездных дворянских собраниях в Тверской губернии просили, чтобы народ сам мог выбирать мировых посредников. В газете «Колокол» от 15 февраля 1862 года сообщалось, что тверской дворянин Унковский по выбору крестьян пошел в сельские старшины. Еще один дворянин, фамилия не указана, просил зачислить его в число временно-обязанных крестьян к другому дворянину.

Член губернского по крестьянским делам присутствия Николай Александрович Бакунин заявил губернатору П.Т. Баранову, что в связи с определением губернского собрания о несостоятельности Манифеста и Положений от 19 февраля 1861 года, он не считает себя вправе занимать то место, которое обязывает его действовать во вред обществу. Вслед за ним подобное заявление написали еще 12 дворян, в том числе:

- уездные предводители дворянства: Новоторжского уезда Алексей Александрович Бакунин и Корчевского уезда – Сергей Михайлович Балкашин;

- мировые посредники П.А. Глазенап, А.Ф. Кишенский, В.Н. Кудрявцев, М.А. Лазарев, Л.Ф. Лихачев, А.Н. Неведомский, Н.Н. Полторацкий и Н.П. Харламов;
- кандидаты в мировые посредники А.П. Демьянов и Л.А. Ширококов.

Правительство было особенно раздражено на тверских мировых посредников за то, что на волостных сходах они зачитывали этот адрес дворянства государю со своими пояснениями.

Император Александр II принял это письмо, как личное оскорбление и велел заключить инициаторов в Петропавловскую крепость. Для разбирательства этого дела из Санкт-Петербурга в Тверь император Александр II направил генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова, обер-прокурора Н.П. Семенова, обер-секретаря А.Н. Салькова и секретаря Шишкина. Перед отъездом обер-прокурора Семенова инструктировал министр юстиции граф В.Н. Панин.

Перед проверяющими чиновниками была поставлена задача, остановить важный беспорядок и противодействие правительству некоторых тверских мировых посредников. Панин говорил Семенову, что здесь нужна быстрота действий, чтобы виновные не успели принять каких-нибудь своих дел. Он требовал установить подстрекателей по «тверскому делу», не замешаны ли в нем видные дворяне *Салтыков-Щедрин*, *Унковский* и *Европеус*. Они, говорил Панин, сейчас в стороне, но за ними наблюдают, сказал Панин. Все это надо делать с большой тайной, негласно и неофициально. По его мнению, каково уж есть Положение о крестьянах, тут величайшая воля императора, ее надо в точности исполнять без рассуждений.

Проверяющие прибыли из Санкт-Петербурга 13 февраля 1862 года, со следующего дня начались аресты, арестовали 13 человек, всех, кто написал заявления о сложении полномочий в связи с несогласием с Манифестом и Положением от 19 февраля 1861 года.

Редактор газеты министерства внутренних дел «Северная Почта» А.В. Никитенко сделал следующие записи о «Тверском деле» в своих дневниках:

«16 февраля 1862 года. В Твери, говорят, произошло какое-то волнение среди дворянства. Туда послали для исследования и для водворения порядка Анненкова, несколько жандармских офицеров, обер-прокурора Сената. Тверь город либеральный. Он со времени крестьянского дела (1858 года. – А.Г.), не раз уже выражал требования довольно смелые.

20 февраля 1862 года. Прислал министр внутренних дел для напечатания в газете объявления о «Тверском деле». Дело нехорошее. Тринадцать человек дворян вздумали выразить протест против Положения. Их привезли и посадили в крепость, и предали суду Сената».

Газета «Северная Почта» за 20 февраля 1862 года писала: «Тринадцать лиц, принадлежащих к составу мировых учреждений Тверской губернии (член Губернского по крестьянским делам Присутствия Бакунин, председатели мировых съездов, предводители дворянства Бакунин и Балкашин, мировые посредники Кудрявцев, Полторацкий, Глазенап, Харламов, Лазарев, Кислинский, Неведомский и Лихачев, кандидаты мировых посредников Ширококов и Демьянов) позволили себе письменно заявить местному Губернскому по крестьянским делам Присутствию, что они впредь намерены руководствоваться в своих действиях воззрениями и убеждениями, не согласными с Положением от 19 февраля 1861 года, и что всякий другой образ действий они признают враждебным обществу.

Тверское губернское по крестьянским делам присутствие, рассмотрев вышеупомянутое заявление, постановило представить его Министру внутренних дел, присовокупляя, что, по мнению Присутствия, лишь тот образ действий должен быть, признан враждебным обществу, который основан не на соблюдении действующего закона, для всех обязательного, а на произволе одного или нескольких лиц.

Вследствие чего сделано распоряжение об аресте означенных лиц и предании их суду 1-го отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената, которому подведомственна Тверская губерния» [7].

Тверским губернским предводителем дворянства в то время был отставной ротмистр Василий Дмитриевич Бровцын, который подал в отставку через три месяца после «тверского дела», в мае 1862 года.

Тверской гражданский губернатор генерал-майор свиты императора, граф Павел Трофимович Баранов был снят с должности в октябре 1862 года, тверским губернатором с 14 октября того года стал Петр Романович Багратион.

Вице-губернатор Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин еще в январе 1862 года подал императору прошение об отставке, которое было удовлетворено 2 февраля 1862 года, он переехал жить в Санкт-Петербург.

Бывший предводитель тверского дворянства Алексей Михайлович Унковский, снятый с должности в декабре 1859 года, после ареста

в 1862 году, освободившись из Петропавловской крепости, остался проживать в Санкт-Петербурге, на Литейном проспекте, 30. После «тверского дела» ему запретили заниматься крестьянскими делами, он писал статьи по крестьянским вопросам и судебной реформе в разные журналы. Дружил с М.Е. Салтыковым-Щедриным, их дочери учились вместе в женской гимназии на Бассейновой улице. В 1865 году А.М. Унковского назначили управляющим Нижегородской контрольной палатой.

Бежецкий дворянин *Александр Иванович Европеус* (26.03.1827–23.12.1885 гг.), сын инспектора военной школы, в 1847 году окончил Александровский лицей. С того времени стал посещать собрания у Петрашевского, которые с осени 1845 года проходили каждую неделю по пятницам. На них «петрашевцы» обсуждали идеи переустройства самодержавной и крепостнической России.

23 апреля 1849 года были арестованы 123 участника кружка в доме Петрашевского, из них 21 человека, в том числе и А.Н. Европеуса, приговорили к расстрелу. После обряда приготовления к расстрелу 22 декабря 1849 года на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге, зачитали решение императора Николая I о помиловании. Все, ранее приговоренные к расстрелу, были сосланы на разные сроки, на каторжные работы, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска.

А.Н. Европеус был направлен рядовым на Кавказ без лишения дворянства. В апреле 1851 года ему разрешили жениться на англичанке Эмилии Печь, приехавшей к нему в ссылку на Кавказ. В апреле 1856 года А.И. Европеуса произвели в прапорщики, в феврале 1857 года он вышел в отставку и приехал вместе с женой в имении матери село Княжево Бежецкого уезда. Его мать до замужества Полосухова, второй раз вышла замуж за генерал-майора Антонова. В числе первых, в апреле 1861 года, А.И. Европеус был назначен мировым посредником Бежецкого уезда, служил на этой должности до 1866 года.

После покушения на императора Александра II дворянином Каракозовым 16 апреля 1866 года, А.И. Европеус вместе с женой был арестован. В приговоре суда от 24 сентября 1866 года сказано, что они заражены социалистическими идеями и распространяли революционные лондонские издания.

Через год их освободили, А.И. Европеус вместе с женой в 1867 году вернулся жить в Санкт-Петербург, на лето приезжал в имение матери село Княжево Бежецкого уезда Тверской губернии, где активно

занимался раскопками развалин и курганов погоста Бежицы, что в 15 верстах от Княжева. На том месте до 1272 года было славянское поселение новгородцев, которое разорил и полностью сжег тверской князь Святослав Ярославич Тверской. А.И. Европеус пытался выяснить, кто же проживал в этом поселении до прихода сюда славян.

По утверждению историка из Санкт-Петербурга Владимира Степановича Борзаковского, современника А.И. Европеуса, в курганах погоста Бежицы тот обнаружил бронзовые бубенчики, которые носились на груди, бронзовые пряжки, цепочки и сережки, глиняные горшки. В тех же курганах А.И. Европеус нашел также четыре наконечника стрел, два из них железных и два кремниевых, несколько медных вещей с изображением на них украшений из драконов, медвежьих голов и разных узоров.

По материалам раскопок А.И. Европеус писал статьи, которые направлял для публикации в разные журналы. Первая его работа «К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России до прибытия славян» была опубликована в журнале Министерства народного просвещения за август 1868 года. В № 12 этого же журнала за 1872 год опубликовали статью А.И. Европеуса «О курганских раскопках около погоста Бежицы в Бежецком уезде Тверской губернии».

На основании найденных материалов Европеус сделал вывод, что до прихода славян на реке Мологе с ее притоками проживало племя **весь**. Он также разделил ранее проживавшие на Европейской части России племена на финскую ветвь и угорскую ветвь. Умер Александр Иванович Европеус 23 декабря 1885 года в Петербурге, там же и похоронен.

* * *

Для усмирения крестьянских бунтов, возникавших в разных губерниях России, помещики вызывали солдат, которых размещали в крестьянских домах. Хозяев, имевших полный земельный надел, обязывали кормить своими харчами по 2 солдата и 2 лошади. Хозяева, не имевшие полного надела земли, были обязаны кормить 2 солдат без лошадей все дни до прекращения бунта и установления порядка.

Революционно настроенные поляки воспользовались Манифестом от 19 февраля 1861 года, как поводом для восстановления Польши в

прежних границах. В ночь с 10 на 11 января 1863 года по всей территории Польского царства, кроме Варшавы, были совершены внезапные нападения поляков на русские войска, стоящие на квартирах. Возле местечка Седлеца атакованные русские солдаты оборонялись отчаянно в одном доме, который мятежники подожгли, не видя средств им овладеть. Русские войска по всей Польше потеряли 30 человек убитыми и до 400 человек ранеными.

Поляки захватывали русских солдат не в бою, а ночью, спящих и безоружных. Ошибка власти была в том, что она разбросала войска на большом пространстве Польши небольшими отрядами. Польские партизаны скрывались в лесах, вертепах (пещерах. – А.Г.) и земных пропастях. Это было хуже войны, где соблюдались известные правила, а здесь слепая месть руководила мятежниками.

В этих гнусных событиях была работа революционной партии Польши, которая рассчитывала на русских изменников, и они нашлись. Один из них, русский анархист из села Прямухино Новоторжского уезда Тверской губернии М.А. Бакунин 2 февраля 1863 года, находясь в Лондоне, направил польским повстанцам послание с навязыванием им своего услужения. После этого Бакунин выехал из Лондона в Швецию, чтобы убедить шведов поднять оружие против России и вернуть себе Финляндию.

Не добившись результата, Бакунин из Стокгольма отправился в южный город Швеции Мальмё, что в 19 километрах от Копенгагена. Оттуда он хотел ехать дальше в Литву и готовить там поголовное восстание против России. Но в Мальмё Бакунин был задержан и просидел там до окончания Польского восстания [8].

Одно дело добиваться улучшения положения крестьян внутри империи и другое – просить иностранные государства идти войной на свою страну ради разных идей, порою амбициозных и бредовых.

Нужно отметить, что отец анархиста Бакунина, Александр Михайлович Бакунин, был тверским губернским предводителем дворянства в 1807–1808 годах. Троюродный брат анархиста, тайный советник Михаил Александрович Бакунин служил Тверским губернатором с 16 декабря 1842 года по 18 октября 1857 года. Братья анархиста Алексей и Николай Бакунины в феврале 1862 года были арестованы по «тверскому делу» мировых посредников.

Выкупные операции в отношении крестьян

Своя земля и в горсти мила.

Одновременно с Манифестом и «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 19 февраля 1861 года вышло **«Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости о содействии Правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий»**.

В Положении излагались правила:

- о **выкупе** в собственность вышедшими из крепостной зависимости временно-обязанными крестьянами их усадебной оседлости, а также выкупе ими полевых угодий;
- о **содействии** правительства к приобретению теми же крестьянами в собственность, вместе с усадебной оседлостью, всего или части полевого надела, предоставленного им от помещиков в постоянное пользование за определенные повинности.

Нужно отметить, что еще 20 февраля 1803 года император Александр I подписал Указ «О вольных хлебопашцах», по которому помещики получили право освобождать крепостных крестьян поодиночке или целыми селениями с выдачей им земельного участка. За свою волю, крестьяне были обязаны выплачивать помещику выкуп или исполнять в его пользу установленные повинности. Отношения между помещиком и крестьянином определялись договором, по которому помещик имел право отпускать его на волю и безвозмездно.

Указ «О вольных хлебопашцах» утвердил возможность освобождения крестьян с землей от крепостной зависимости **за выкуп**, если он был определен договором. Это положение 1803 года позднее было подтверждено указом императора от 2 апреля 1842 года «Об обязанных крестьянах», они легли в основу крестьянской реформы 1861 года.

По Положению от 19 февраля 1861 года крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставлялось право выкупать в собственность **усадебную их оседлость**. Усадебная оседлость крестьянина включала в себя проживание в определенном сельском поселении с наличием у него усадьбы. Под крестьянскими усадьбами подразумевались: все крестьянское жилье, хозяйственные и общественные строения, а также усадебная земля, состоящая под строениями, огородами, гуменниками и конопляниками крестьян. В усадьбу не

входили земли, находящиеся под строениями крестьян в полях и пустошах [9].

Усадебная оседлость определяла самостоятельность крестьянского двора и его хозяина. Приобретение в собственность крестьянами, вместе с усадебной оседлостью, полевых земель и угодий, отведенных им в постоянное пользование, допускалось не иначе как с согласия помещика.

Крестьянские общества и каждый крестьянин-домохозяин поземельный, пока находился в составе сельского общества, сохраняли право выкупать предоставленную им в постоянное пользование усадебную оседлость. Если на крестьянах состояла казенная или помещичья недоимка, то они могли приступить к выкупу усадебной оседлости не ранее, как после уплаты недоимки.

Усадебная оседлость в каждом селении могла быть выкупаема или в полном ее составе одновременно целым сельским обществом, имеющим одну общую оседлость или отдельно каждым домохозяином. В некоторых случаях помещик имел право требовать переселения усадеб крестьянских хозяйств, а иногда и целой деревни на новые места, чтобы иметь свои земли вблизи имения.

Определение размера выкупа за усадебную оседлость на основании добровольного соглашения, засвидетельствованного мировым посредником в присутствии посторонних добросовестных в числе от 3 до 6, зависело от договаривающихся сторон. От этого соглашения зависели также все условия порядка и рассрочки платежей. Если же добровольных соглашений не происходило, то выкуп мог производиться по требованию помещиков.

Для исчисления выкупной суммы за усадебную оседлость с одним полевым наделом, причитающаяся с нее по уставной грамоте часть оброка, умножался на шестнадцать и две трети; таким образом, за каждый рубль ежегодного оброка, падающего на усадьбы, полагалась выкупная сумма в 16 руб. 67 копеек. **Общая сумма выкупа по Тверской губернии составляла 150 рублей за один надел.** Это означало, что при условии выплаты выкупной суммы в установленный срок, а не досрочно, за один надел крестьянин платил каждый год по 3 рубля 06 копеек.

Когда все домохозяева селения вместе желали выкупить свою усадебную оседлость, в таком случае они должны были внести сполна выкупную сумму, определенную за все усадьбы. Иногда сумму выкупа за усадебную оседлость вносило за себя каждое крестьянское хозяйство (как тогда писали «каждый крестьянский дым». – А.Г.).

Крестьяне, желавшие выкупить свою усадебную оседлость, обращались с просьбою о том к своему помещику, но предварительно они обязаны были внести выкупную сумму в Уездное казначейство для хранения и выдачи впоследствии денег за выкуп помещику. Мировой посредник в течение месяца со дня предъявления крестьянами квитанции о внесении ими в казначейство выкупной суммы, сообщал помещику или управляющему имением о желании крестьян выкупить их усадьбы. Мировым посредникам было значительно проще работать с сельским обществом, чем с каждым крестьянским хозяйством.

Если в течение трех месяцев со дня подачи сообщения мирового посредника помещик не предъявлял законных возражений против намерения крестьян выкупить усадьбы, то губернское по крестьянским делам присутствие сообщало одному из местных нотариусов или мировому посреднику о совершении и выдаче **данной** на выкупаемые крестьянами усадьбы.

Если помещик вместо продажи крестьянам одних усадеб брал на себя обязательство предоставить им возможность приобрести в собственность, совокупно с усадьбами, полевые земли и угодья, то он выдавал им об этом **письменное заявление**. Помещику предоставлялось право, не ожидая предложений со стороны крестьян, сделать такое заявление в уставной грамоте при составлении ее через мирового посредника.

Уездный суд, при получении сообщения мирового съезда, выдавал крестьянам **данную** на выкупленные усадьбы, и сообщал в уездное казначейство о немедленной выдаче помещику выкупной суммы, внесенной крестьянами. Уездный суд обязан был выдать **данную** не позже, как в **три** дня после получения сообщения от мирового съезда.

Крестьяне со дня выдачи им **данной** освобождались от платежа помещику той доли оброка, которая падала на выкупленные усадьбы, и получали эти усадьбы в полную свою собственность. При этом вводилось ограничение, что в продолжение первых **девяти лет** со времени утверждения Положения о выкупных операциях усадьбы не могли быть передаваемы или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к сельскому обществу.

Через девять лет после получения **данной** крестьяне могли располагать выкупленными усадьбами как своею собственностью, на основании общих законов. Домохозяин, выкупивший свою усадебную оседлость, сохранял право участия в пользовании общественными

участками земли и другими частями оседлости, состоящими в распоряжении всего сельского общества.

При приобретении крестьянами в собственность, вместе с усадебною оседлостью, **полевого надела** оказывалось содействие от правительства посредством выкупной операции (выкупа). Содействие заключалось в том, что правительство выдавало под приобретаемые на этом основании земли определенную сумму денег, с рассрочкою крестьянам ее уплаты на продолжительный срок. Означенная сумма денег выдавалась помещику процентными кредитными бумагами, по которым правительство принимало на себя уплату процентов и капитала.

Крестьяне получали право также приобретать земли без содействия правительства, как у помещиков, так и у других лиц на основании общих законов.

Сумма, выдаваемая помещику под приобретаемые крестьянами в собственность мирские земли и угодья обеспеченными (гарантированными) правительством кредитными бумагами, именовалась **выкупною ссудою**. Содействие правительства к приобретению крестьянами в собственность их надела распространялась только на крестьян, состоящих на оброке, а не на барщине.

Приобретению в собственность мог подлежать весь усадебный и полевой надел, отведенный крестьянам в постоянное пользование, или часть этого надела.

Приобретение в собственность **крестьянского надела** производилось по **взаимному** между помещиком и крестьянами **соглашению**, которым определялся и размер вознаграждения помещика за приобретаемые земли, независимо от выдаваемой правительством выкупной ссуды. Соглашения о приобретении земельного надела могли последовать как при составлении уставных грамот, так и впоследствии.

Выкупной **договор** о приобретении в собственность крестьянского надела мог быть заключен:

- между помещиком и целым сельским обществом;
- между помещиком и одним или несколькими домохозяевами в тех имениях, где существовало участковое или подворное пользование землями.

На практике чаще всего подобное соглашение составлялось при оформлении уставных грамот между помещиком и целым сельским обществом, а иногда составлялась одна грамота на две деревни.

После утверждения правительством выкупной сделки, на основании которой помещик продавал, а крестьяне приобретали в собственность отведенный им в постоянное пользование усадебный и полевой надел или определенную часть его, все обязательные поземельные отношения между помещиком и крестьянами прекращались.

Выкупная операция могла простирались только на земли и угодья, отведенные или следующие к отводу в постоянное пользование крестьян, на основании местных положений о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях. Уменьшение земельного надела допускалось только по добровольному между помещиком и крестьянами соглашению. На практике уменьшение передаваемого крестьянину полевого надела допускалось сплошь и рядом.

Помещик и крестьяне, согласившиеся между собою насчет выкупа, составляли об этом особый **договор**, который предъявлялся ими мировому посреднику. К договору прикладывались:

- при приобретении земли целым сельским обществом – **мирской** о том **приговор**, а при приобретении земли **товариществом** домохозяев – **обязательство о взаимном поручительстве**;
- копия с уставной грамоты.

Договор подписывали обе договаривающиеся стороны или их уполномоченные лица, его засвидетельствовал мировой посредник в присутствии от 3 до 6 **добросовестных представителей** из крестьян соседних имений в том, что крестьяне, приступающие к выкупу, делают это вполне добровольно.

Мирской приговор о приобретении крестьянами угодий обязательно рассматривался на сельском сходе, по крайней мере, двумя третями крестьян, имеющих право участвовать в сходе. При этом за безграмотных крестьян могли подписать приговор те, кому они доверяли. Подписи крестьян в договоре, мирском приговоре и обязательстве товарищей свидетельствовали в волостном правлении. Подпись помещика или его уполномоченного удостоверялись полицией.

По получении выкупного **договора** с приложенными к нему документами мировой посредник рассматривал, соблюдены ли при составлении их изложенные в Положении правила. Если договор или документы оказывались неполными, неясными или написанными с отступлением от установленных правил, то мировой посредник возвращал их для исправления.

Когда земля приобреталась крестьянами не по договору, а **по требованию помещика**, то мировой посредник предъявлял это требование сельскому обществу, о чем составляется мирской приговор. Приговор крестьян о размере приобретаемой ими части надела, и, утвержденный мировым съездом, проект отвода части надела представлялись мировым посредником губернскому присутствию вместе с документами, полученными от помещика.

Получив от мирового посредника представление о выкупе, губернское присутствие обращалось в местную Гражданскую палату о доставлении сведений, не имеется ли по имени, в котором находятся приобретаемые земли, каких-либо споров, исков, казенных взысканий, указного ареста или запрещения, и если имеются, то какие именно.

По получении всех требуемых отзывов губернское присутствие подробно рассматривало выкупную сделку и давало по ней свое заключение. Если губернское присутствие признавало выкупную сделку правильной, то направляла копию в Главное выкупное учреждение с приложением в подлиннике полученных выкупного договора (или объявления) и других документов.

Получив окончательное разрешение Главного выкупного учреждения на выкупную ссуду, губернское присутствие немедленно объявляло об этом волостному управлению, которое было обязано уведомить как помещика, так и крестьян, приобретающих землю. Также разрешение о выкупе публиковалось в сенатских и губернских ведомостях для извещения кредиторов помещика и вообще всех, до кого это дело относилось.

Не позже **девяяти месяцев** со дня выдачи им **данной**, крестьяне вводились местной полицией во владение приобретенною ими землею. Окончательное отделение приобретенных крестьянами угодий от помещичьей земли, если такого отделения не было сделано до совершения выкупной сделки, производилось на основании общих правил для полюбовного размежевания дач частных владельцев или по распоряжению правительства.

Крестьяне, приобретшие в собственность землю при посредстве выкупной операции, были обязаны вносить в казну ежегодно, взамен следовавшего помещику оброка, по **шесть** копеек на рубль с назначенной правительством выкупной ссуды впредь до ее погашения. Эти платежи именовались **выкупными**.

Выкупная ссуда погашалась взносом выкупных платежей в продолжение **сорока девяти** лет со дня выдачи ссуды. Выкупные платежи

не могли быть, ни в каком случае, увеличены, но крестьянам предоставлялось право по собственному усмотрению делать особые взносы сверх годичного выкупного платежа.

Сбор выкупного платежа производился старостой или особым сборщиком податей (где он был назначен) на том же основании, как сбор казенных денежных повинностей. Собранные деньги староста или сборщик вносил в местное уездное казначейство. Каждому домохозяину, приобретшему землю отдельно от других, не воспрещалось вносить выкупной платеж за себя прямо в казначейство.

Крестьяне, приобретшие в собственность при посредстве выкупной операции, отведенный им в постоянное пользование усадебный и полевой надел или часть такового надела, поступали в разряд **крестьян-собственников**. Вместе с тем прекращались все обязательные поземельные отношения их к помещику.

Каждое сельское общество, приобретшее землю у помещика, оставалось в составе той же волости и управлялось тем же порядком и под наблюдением того же волостного и сельского начальств, как и до выкупа. Равным образом один или несколько крестьянских дворов, приобретших землю в личную собственность, оставались в составе своего прежнего общества и подчинялись прежним сельским и волостным начальствам.

Крестьяне-собственники отправляли казенные и мирские повинности, как денежные, так и натуральные (в том числе и повинность рекрутскую), наравне с другими крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости.

Когда земля была выкуплена целым сельским обществом, то она признавалась собственностью всего общества, которое пользовалось правом разверстки ее между своими членами. Как первоначальная разверстка земли, так и всякие последующие переделы ее между крестьянами допускались не иначе, как по приговору, утвержденному, по крайней мере, двумя третями общего числа всех крестьян, имеющих право голоса на сходе.

В течение первых девяти лет со времени утверждения Положения общество не могло отчуждать приобретенных им в собственность земель. По истечении девяти лет, но до уплаты выкупной ссуды, общество могло отчуждать приобретенные им земли, под которые выдана правительственная ссуда, не иначе как с разрешения губернского присутствия, и с взносом вырученных за проданные земли денег в счет остающегося по выкупной ссуде долга.

По согласию не менее, чем двух третей голосов на сходе, общество могло разделить приобретенные земли на подворные участки, но если выкупная ссуда еще не была уплачена, то приговор сельского общества о разделе должен был засвидетельствовать мировой посредник.

Участки, приобретенные не всем обществом, а отдельными домохозяевами, составляли личную собственность каждого, и переходили по наследству согласно существующим местным обычаям. До погашения выкупной ссуды подворные участки, приобретенные домохозяевами, не могли быть раздробляемы при переходе по наследству, отчуждении или другим каким бы то ни было образом.

В случае неимения у умершего крестьянина-собственника наследников, принадлежавший ему участок, как имение выморочное, обращалось в собственность того сельского общества, в пределах которого этот участок находился.

Участки, приобретенные отдельными крестьянами в личную собственность, могли быть отчуждаемы с соблюдением следующих условий:

- в течение первых девяти лет со времени утверждения Положения каждый таковой участок мог быть продан только одному из членов того же сельского общества, с тем, чтобы с покупкой участка приобретатель принимал на себя все обязательства по уплате выкупной ссуды;
- по истечении первых девяти лет приобретенный участок мог быть продан и постороннему лицу, если только тот соглашался уплатить весь числящийся на участке долг по выкупной ссуде.

До погашения выкупной ссуды приобретенная сельским обществом или отдельным крестьянским двором земля не могла быть представлена в залог ни для получения ссуды из кредитного установления, ни по обязательствам с казною или частными лицами [10].

Крестьяне еще более 20 лет оставались *временно-обязанными*, выплачивая помещику оброк, или несли обработку помещичьих полей – барщину. Через 22 года после издания Манифеста от 19 февраля 1861 года, к началу 1883 года 15% бывших помещичьих крестьян были временно-обязанными. В тот год все они переводились на обязательный выкуп, с этой целью тогда начал действовать Крестьянский поземельный банк, который выдавал ссуды, как отдельным домохозяевам, так и сельским обществам на выкуп земельных наделов.

* * *

После объявления крестьянской реформы от 19 февраля 1861 года, выкуп земельных наделов в *Тверской губернии* продолжался 30 лет до 1891 года, хотя 67,7% крестьянских хозяйств вышли на выкуп к 1872 году. К тому времени 8,5% крестьян вышли на выкуп в добровольном порядке, 78% сделок были совершены по требованиям помещиков, 5,7% – по требованиям кредитных учреждений.

Крестьянин, пожелавший перейти с барщины на оброк, мог сделать это не ранее, чем через два года после издания Положения, предупредив помещика не позже, чем за год до перехода.

Оброчные повинности исчислялись в размере от 8 до 12 рублей в год за один душевой надел, в зависимости от местности. Оброк уплачивался через сельского старосту или особого сборщика. В случае несвоевременной выплаты оброка земская полиция имела право произвести опись крестьянского имущества и распорядиться его продажей.

Крестьяне, не перешедшие на оброк, за каждый надел были обязаны отработать барщину – 40 дней в году мужчины и 30 дней женщины. Отрабатывали барщину мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины – от 17 до 50 лет.

Положением помещикам предоставлялось право заключать с крестьянами соглашения о размере поземельного налога и повинностей. После заключения уставных грамот крестьяне начинали проводить выкуп земельных наделов. Как было уже сказано, сумма выкупа усадьбы оседлости с одним полевым наделом по Тверской губернии составляла 150 рублей, она исчислялась величиной годового оброка в 9 рублей, умноженной на 16,6 годовых оброков.

При добровольной сделке крестьяне вносили в казначейство 20% суммы выкупа в рассрочку. Остальную сумму крестьяне получали от государства в качестве ссуды через своего помещика. Эту ссуду крестьяне были обязаны погасить в течение 49 лет по 6 копеек с каждого рубля или 2,04% ссуды ежегодно.

Стоимость одной десятины земли в Тверской губернии до реформы 1861 года составляла *12 руб. 84 коп. за десятину*. К 1863 году цена одной десятины земли в губернии поднялась до 14 руб. 25 копеек. Помещики резко подняли цены на выкупаемые участки земли, по выкупной операции одна десятина земли стоила в разных уездах Тверской губернии *от 30 до 37,5 рублей*. В результате завышения цен на земельные наделы,

передаваемые по выкупным операциям, некоторые крестьяне, вместо согласия на выкупную операцию, покупали землю на свои средства или арендовали ее по более низким ценам.

Таким образом, дав свободу многомиллионному российскому крестьянству, Манифест от 19 февраля 1861 года признал за благо не отрывать его от земли, наделив его этим правом посредством выкупа от помещиков при помощи правительства. До этого времени, барщина и оброк служили помещику средствами для его жизни и обогащения.

Для бывших помещичьих крестьян выкупные операции имели, хотя и дорогое, но большое значение. Обеспечив за ними навсегда в постоянное пользование усадебной и наделной землей, выкупная операция ограждала крестьян от потери оседлости, прикрепляя его к конкретной местности и конкретному участку земли.

В состав надела, причитающего крестьянину по Положению, включались только одни удобные земли. Не полагалось включать в крестьянский надел угодья, неспособные ни к пашне, ни к сенокосению: пески, болота, глинистые овраги, улицы, проезжие проулки, дороги и прогоны для скота [11].

* * *

В газете А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 122–123 от 15 февраля 1862 года опубликован «Циркуляр министра внутренних дел начальникам губерний от 2 декабря 1861 года». В нем сообщалось, что из доходящих до министерства внутренних дел сведений о Положении крестьянского дела видно, что дальнейшему успешному ходу его, особенно в составлении уставных грамот, во многих местах препятствуют распространившиеся между крестьянами превратные толки и укоренившиеся в них ложные надежды.

Крестьяне ожидают новой воли, с объявлением которой по истечении двух лет они получают, будто бы, какие-то новые льготы, не указанные в Положении. От этих льгот, будто бы, будут устранены крестьяне, заключившие добровольные сделки с помещиками и подписавшие уставные грамоты.

Для прекращения таких ложных ожиданий министр внутренних дел просил начальников губерний сообщить всем мировым посредникам, чтобы они объявили о таковых отзывах волостным правлениям

и разъясняли крестьянам о ложных слухах. Циркуляр опубликовать в «Губернских ведомостях» [12].

Не исключено, что эти слухи распространялись в связи с подготовкой реформы в отношении *государственных, дворцовых и удельных крестьян*, по которой они миновали период временно-обязанных крестьян, и через два года становились сразу же крестьянами-собственниками.

Система сельского самоуправления

У всякой пташки свои замашки.

Система сельского самоуправления была определена во втором разделе «**Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости**», которым были образованы волости для бывших помещичьих, удельных и государственных крестьян, дано определение «сельского общества», а также основ сельского самоуправления.

Сельское общество составлялось из крестьян, водворенных на земле одного помещика. Оно могло состоять из целого селения, села или деревни, либо из одной части селения, относящегося к разным помещикам. Оно могло состоять из нескольких мелких, по возможности смежных, и, во всяком случае, ближайших между собою деревень, выселков, починков, хуторов, застенков, или отдельных дворов. Сельское общество пользовалось всеми угодьями, или некоторыми из них сообща, или же имело другие общие хозяйственные выгоды.

На мой взгляд, понятие «сельское общество» не всегда совпадало с понятием «сельская (деревенская) община». Например, Корельско-Кошевское сельское общество Бежецкого уезда Тверской губернии состояло из 13 карельских деревень. Но все важные дела жизни конкретной деревни решались на деревенских сходах жителями этой деревни, не подключая жителей всего сельского общества. Сельская община одной деревни сама распределяла пастбища, сенокосы, неудобья, выделяла участки при семейных разделах. Деревенский староста сам собирал налоги и сборы, передавая их старосте сельского общества. Возможно, что это было исключение из общих правил, но они существовали во всех сельских обществах, образованных из нескольких деревень.

Сельский сход собирался из крестьян-домохозяев, принадлежавших к составу сельского общества, и, кроме того, из всех назначенных

по выбору сельских должностных лиц. Не воспрещалось домохозяину, в случае отлучки, болезни и вообще невозможности лично явиться на сход, присылать вместо себя кого-либо из членов своего семейства. Сельский сход созывался, смотря по надобности, старостою, преимущественно в дни воскресные или праздничные. Мировой посредник, когда возникала необходимость, приказывал старосте собрать сельский сход. Право это предоставлялось и помещику, если он признавал нужным собрать сход.

Ведению сельского схода подлежали рассмотрение вопросов:

- 1) выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход;
- 2) приговоры об удалении из общества вредных и порочных членов его; временное устранение крестьян от участия в сходах не более чем на три года;
- 3) увольнение из общества членов его и прием новых;
- 4) назначение опекунов и попечителей, проверка их действий;
- 5) разрешение семейных разделов;
- 6) дела, относящиеся до общинного пользования мирскою землею, как-то передел земель, накладка и скидка тяглов, окончательный раздел общинных земель на постоянные участки;
- 7) при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею, распоряжение участками мирской земли;
- 8) совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте;
- 9) принесение, куда следует, жалоб и просьб, по делам общества, через особых выборных;
- 10) назначение сборов на мирские расходы;
- 11) раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей, и порядок ведения счетов по означенным податям и сборам;
- 12) учет должностных лиц, сельским обществом избранных, и назначение им жалованья или иного за службу вознаграждения;
- 13) дела по отбыванию рекрутской повинности, в той степени, по какой они касаются сельского общества;
- 14) раскладка оброка и рабочей повинности по тяглам, по душам, или иным принятым способом, там, где повинности, в пользу помещика, отбываются за круговую порукою целого общества;

- 15) принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок;
- 16) назначение ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода другой помощи.

Решения сельских сходов признавались законными тогда только, когда на сходах были: сельский староста, или заступающий его место, и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах, и когда они относились к предметам ведения сельского схода. Все дела на сельском сходе решались или с общего согласия, или большинством голосов. За каждым крестьянином, который участвовал в сходе, считался один голос.

Дела решались на сходах по приговору тех крестьян, на стороне которых, по счету, оказывалось хотя бы одним голосом более половины всех участвовавших в сходе; если же сход разделялся на две половины, равные по числу голосов, то большинство считалось на той стороне, с которою соглашался староста.

По общественным делам *сельский староста* исполнял, в пределах ведомства сельского общественного управления, следующие обязанности:

- 1) созывал и распускал сельский сход и охранял на нем должный порядок;
- 2) предлагал на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и пользы сельского общества;
- 3) приводил в исполнение приговоры сельского схода, распоряжения волостного управления и мировых учреждений;
- 4) наблюдал за целостью меж и межевых знаков, на землях, в пользовании крестьян находящихся, или принадлежавших им в собственность;
- 5) наблюдал за исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов на землях, отведенных сельскому обществу в надел или приобретенных крестьянами в собственность;
- 6) наблюдал за исправным отбыванием крестьянами податей и всякого рода повинностей как казенных, земских и мирских, так оброка или трудовой повинности в пользу помещика, и собирал подати и оброки в тех обществах, где не было особых сборщиков;
- 7) понуждал к исполнению условий и договоров крестьян между собою, а равно заключенных с помещиками и посторонними лицами, когда такие договоры не оспаривались самими крестьянами;

- 8) надзирал за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, если они были учреждены сельским обществом за свой собственный счет;
- 9) наблюдал за своевременным составлением ревизских сказок и подавал их, куда следует;
- 10) по просьбам крестьян о выдаче им установленных билетов и паспортов на отлучку, или об увольнении вовсе из общества, давал волостному старшине надлежащее удостоверение в том, что к увольнению означенных крестьян препятствия нет;
- 11) заведовал, в порядке, установленном обществом, мирским хозяйством и мирскими суммами; надзирал за целостностью запасного общественного хлеба и за правильным распоряжением им.

Сельский староста беспрекословно исполнял все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей, по предметам их ведомства. Ему предоставлялось право, за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственными, подвергать виновных назначению на общественные работы до двух дней, или денежному, в пользу мирских сумм, взысканию до одного рубля, или аресту, не более двух дней. Кто считал себя неправильно подвергнутым взысканию, мог принести жалобу, в семидневный срок, мировому посреднику.

Волости, как низшие административно-территориальные единицы, образовывались из состоящих в одном уезде и, по возможности, смежных, сельских обществ. При соединении в волости сельские общества не раздроблялись. Для волости полагалось наименьшее число жителей – около *трехсот ревизских мужеского пола душ*, а наибольшее – *около двух тысяч*. Наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления волостью полагается около *двенадцати верст*.

При образовании волостей, принималось во внимание существовавшее разделение на приходы, то есть из каждого прихода образовывалась волость, если только приход соответствовал условиям положения. При малочисленности прихода, соединялись в одну волость два или несколько приходов, но при этом приходы не раздроблялись.

Сельское общественное управление составляли сельский сход и сельский староста. Кроме того, общества, которые находили необходимым, могли иметь: особых сборщиков податей; смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц; лесных и полевых сторожей; сельских писарей. Сельские общества являлись коллективными владельцами

земель общего пользования – улиц, проездов и прогонов, выгонов, общественных лесов, сенокосов, пастбищ и неудобий.

Волостное управление составляли волостной сход, волостной старшина с волостным правлением, волостной крестьянский суд. Местом сбора волостного схода и пребывания волостного правления и суда назначалось:

- когда волость состояла из одного прихода, – преимущественно, то селение, в котором находится приходская церковь;
- в других же случаях – селение, находящееся в середине волости, либо отличающееся своею многочисленностью, или особым торговым и промышленным значением.

Волостной сход собирался из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору, и из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего, *по одному от каждой десяти дворов*, как пользующихся землею за повинности, так и приобретших участки в собственность. От поселка, выселка, хутора, починка, застенка, и прочих селений, где менее десяти дворов, посылали на волостной сход по одному выборному.

Ведению волостного схода подлежали:

- 1) выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда;
- 2) постановление обо всех вопросах, относившихся к хозяйственным и общественным делам целой волости;
- 3) меры общественного призрения; учреждение волостных училищ; распоряжения по волостным запасным магазинам, где они были;
- 4) принесение, куда следует, жалоб и просьб, по делам волости, через особых выборных;
- 5) назначение и раскладка мирских сборов и повинностей, относившихся к целой волости;
- 6) проверка действий и учет должностных лиц, волостью избираемых;
- 7) поверка рекрутских списков и раскладка рекрутской повинности;
- 8) дача доверенностей на хождение по делам волости.

Решения волостного схода признавались действительными, когда на сходе были: волостной старшина, или заступающий его место, и не менее двух третей крестьян, имеющих право голоса на сходе. Все дела на волостном сходе решались по общему согласию или по большинству голосов. Законными приговоры схода признавались только

тогда, когда они относились исключительно к предметам ведомства волостного схода. Приговоры записывались в книгу по делам особой важности и тогда, когда приговор должен действовать на долгое время, а также в том случае, когда этого требовал сход.

Волостной старшина отвечал за сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния в волости. В этом отношении ему подчинялись сельские старосты. Ведомству волостного старшины подлежали сельские общества, относящиеся к волости, и лица, состоящие в ведении сельского управления тех обществ, а равно приписанные к волости дворовые люди.

Волостной старшина по делам общественным, был обязан в пределах ведомства волостного управления:

- 1) созывать и распускать волостной сход, и охранять должный на нем порядок;
- 2) предлагать на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и пользы волостного общества;
- 3) приводить в исполнение приговоры волостного схода, постановленные на основании законов и установленных правил;
- 4) наблюдать за исправным содержанием в волости дорог, мостов, гатей, перевозов;
- 5) наблюдать, как за сельскими старостами, так и за другими должностными лицами, чтобы каждый из них исполнял в точности свои обязанности;
- 6) наблюдать за исправным отправлением обществами всякого рода казенных и земских повинностей, как денежных, так и натуральных, а равно и рекрутской повинностью;
- 7) заведовать волостными мирскими суммами и волостными мирскими имуществами, являясь ответственным за их целостность и правильное употребление;
- 8) крестьянам и дворовым людям, приписанным к волости, выдавать, с соблюдением установленного порядка, свидетельства, как для получения теми крестьянами и дворовыми паспортов и билетов на отлучки, так и для перехода их в другие общества и сословия;
- 9) надзирать за порядком в училищах, больницах, богадельнях и всякого рода общественных заведениях, если они были учреждены волостным обществом на свой собственный счет;
- 10) вести списки дворовым людям, приписанным к волости, и получать с них установленный сбор, для внесения куда следует.

Волостной старшина был обязан исполнять беспрекословно все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей, по предметам их ведомства.

Волостное правление состояло из старшины, всех сельских старост или помощников старшины, и из сборщиков податей, там, где были особые сборщики. Волостное правление собиралось, по возможности и удобству, в воскресные дни, а в случае предписания начальства, или дел, не терпящих отлагательства, и в другие дни.

Решению правления, единогласному или по большинству голосов наличных членов, подлежали следующие дела:

- 1) производство, из волостных сумм, всякого рода денежных расходов, утвержденных уже волостным сходом;
- 2) продажа частного крестьянского имущества, по взысканиям казны, помещика, или частного лица, кроме тех случаев, которые по закону возлагались на общую полицию;
- 3) определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму. Старшина, по всем другим делам его ведомства, только советовался с правлением, но распоряжался по своему усмотрению, под личною своею ответственностью.

Для составления **волостного суда** ежегодно избирались волостным сходом (или сельским, если волость состояла из одного сельского общества) *от четырех до двенадцати очередных судей*. Определение числа выборных и установление между ними очереди предоставлялось сходу на следующих основаниях:

- 1) присутствие суда должно состоять не менее, как из трех судей;
- 2) судьи могли быть избраны, или для бессменного, в течение целого года, отправления своей должности, или для отправления ее по очереди, заранее определенной;
- 3) в последнем случае, из избранных в числе от 4 до 12 судей, должны выбывать, в назначенные сроки (как например: через два, четыре, или шесть месяцев), не более половины, и затем выбывшие замещались другими избранными судьями, по очереди.

Волостной суд собирался через каждые две недели, по возможности и удобству, по воскресеньям; в случае же нужды созывался волостным старшиною в другие дни и чаще.

В должности волостного старшины, помощников его и сельских старост избиралось по два лица, с тем, что одно из них назначалось

для отправления должности, а другое для временного замещения его места, в случае отсутствия, смерти, тяжкой болезни, устранения от должности и других случаях.

Избранный обществом на какую-либо должность не имел права от нее отказаться, за исключением только следующих случаев:

- 1) если ему более шестидесяти лет;
- 2) если он уже прослужил, по выбору, полный срок;
- 3) если он одержим сильными телесными недугами.

Волостной старшина утверждался в должности мировым посредником и приводился им к присяге на верность службы. Об утверждении его мировой посредник сообщал становому приставу.

Волостные старшины, сельские старосты и помощники старшины, в случае неисправного отправления ими должностей, или замеченных с их стороны злоупотреблений, окончательно удалялись от должности, не иначе, как по постановлению уездного мирового съезда. Постановления съезда об окончательном отрешении от должности волостных старшин представлялись на утверждение начальника губернии.

По причинам, особенно уважительным, мировой посредник мог, впредь до получения разрешения мирового съезда, временно удалять этих лиц от должности. Он мог также, своею властью, сменить старосту и назначить нового, если помещик требовал этого [13].

Волостной писарь также назначался мировым посредником, а позднее – земским участковым начальником, срок его полномочий был неограничен. Должность волостного писаря в сельской местности была доходной, туда стремились попасть грамотные дети духовенства, крестьян и даже малоземельных дворян. В обязанности волостного писаря входило ведение всего делопроизводства волостного управления и волостного суда. Он вел протоколы волостных сходов, давал ответы на прошения и жалобы, составлял письма, готовил отчеты и справки об урожае, скоте, численности населения, о взыскании податей и платежей, о положении хлебозапасных магазинов.

Порою, крестьяне ставили волостного писаря в положение наравне с волостным старшиной, так как он помогал им составлять прошения, жалобы, письма, купчие, закладные и другие документы. Были случаи, что в волостном правлении единственным грамотным служащим был писарь. Нередко волостному писарю давали помощника, которого называли *писец*.

В 1880-х годах годовое жалованье должностных лиц сельского самоуправления было следующим:

- волостной старшина – 500–600 рублей;
- помощник волостного старшины – 150–200 рублей;
- волостной судья – 60 рублей;
- волостной писарь – 400 рублей и дополнительно до 100 рублей за помощь в составлении документов крестьянам;
- помощник писаря (писец) – 100 рублей;
- гласный уездного земства – 50 рублей.

Жалованье всем этим лицам выплачивалось за счет мирских сборов с крестьян конкретной волости, у которых тогда в нашей местности одна десятина земли давала доход 5 рублей, а с надела в 10 десятин они получали доход в 50 рублей. Дополнительные деньги получали за счет продажи скота и отходничества.

* * *

В 1886 году был принят закон о семейных разделах, до того времени законов о семейных разделах не было, считая их вредными для сельского общества и государства. Семейные разделы ухудшали положение крепкого большого хозяйства с несколькими работниками и лошадьми. Правительство считало семейные разделы вредными и пыталось препятствовать им, полагая, что многорабочая семья всегда более благополучна. Здесь один работник заменял другого, одна лошадь заменяла другую, дело никогда не останавливалось. Одно дело, когда в семье три брата и три лошади, и другое дело, когда они разделались. У каждого брата оставалось по одной лошади – заболит он сам или лошадь, и помощи ждать неоткуда.

В то же время многие земские начальники писали в докладных записках, что если к нему пришли делиться отец с сыном или два брата, надо полагать, что они уже разделились, и хлеб едят порознь, каждый свой. Ни уговорами, ни административными мерами их не заставить объединиться в одну семью.

По Положению 1861 года решение вопросов о семейных разделах могли решать сельские сходы. Полагали, что сельские сходы не очень-то пойдут на семейные разделы, так как именно сельскому обществу приходилось отвечать за долги захудалых хозяйств. К 1886 году только

12,8% семейных разделов было разрешено сходами, остальные семьи делились самостоятельно без решения схода.

Согласно закону о семейных разделах, принятому 18 марта 1886 г.:

1. Семейство, желающее разделиться на самостоятельные хозяйства, было обязано заявить об этом сельскому сходу.
2. При рассмотрении заявления сход проверял, получил ли крестьянин согласие родителей или старшего члена семьи, при отсутствии которого заявление не рассматривалось.
3. При рассмотрении заявления сход обсуждал:
 - повод к разделению семьи;
 - способность отделяющихся членов семьи к самостоятельному ведению хозяйства;
 - позволяла ли площадь усадьбы произвести раздел для устройства новой усадьбы. Если не позволяла, то была ли возможность выделить участок под усадьбу отделяющихся членов семьи из мирской усадебной или полевой земли;
 - будет ли исправное поступление числящихся на семье недоимок, текущих окладов по податям и сборам.
4. Сход решал вопросы о разделе только земельных наделов, он не касался купленных домохозяевами усадебных, полевых и других участков земли, а также имущества крестьян.

Закон от 8 июня 1893 года о земельных переделах ограничил их проведение не чаще, чем через 12 лет.

Другой закон от 14 декабря 1893 года «О выкупе, отчуждении и обременении кредитом крестьянской земли» запретил крестьянам закладывать наделные земли при получении кредитов и в других случаях. По этому закону продажа наделной земли целыми сельскими обществами допускалась не иначе, как на основании мирского приговора, постановленного с согласия не менее 2/3 всех крестьян, имеющих голос на сходе, и утвержденного Губернским по крестьянским делам Присутствием. Если стоимость отчуждаемого участка превышала 500 рублей, то для продажи его требовалось, кроме всего, разрешение министра внутренних дел.

Участки наделной земли, приобретенными крестьянами, могли быть отчуждены посредством дарения или проданы, как добровольно, так и с торгов за недоимки в выкупных платежах, только лицам, приписанным к сельскому обществу. Сдавать наделенную землю в аренду, по этому закону, можно было только членам своей сельской общины.

После смерти императора Александра III и вступления на престол в 1894 году Николая II начались бурные дебаты по этому закону, были запрошены мнения губернаторов. По мнению крестьян, и я полагаю, что оно было юридически обоснованным, после выплаты выкупных платежей, как усадьбы, так и полевые наделы становились их личной собственностью.

Однако некоторые губернаторы и члены правительства стали считать, что крестьянам после выплаты ими выкупных платежей в собственности принадлежит только усадебная оседлость вместе с усадебным участком земли. Все полевые наделы, луга, выгоны, участки леса и неудобья принадлежат государству и переданы в пользование сельским обществам.

Учитывая, что в 1861–1865 годах уставные грамоты были составлены, в основном, с сельскими общинами, другие губернаторы и члены правительства считали, что перечисленные участки земли являются собственностью сельских обществ после выплаты всех выкупных платежей.

Многие губернаторы поддерживали положения закона от 14 декабря 1893 года, позволяющего выкуп общинной собственности отдельным членам общины для обращения его в личную собственность.

Другие губернаторы считали иначе, так тверской губернатор П.Д. Ахлестышев в своей записке по поводу совещания по этому вопросу писал, что его «глубокое убеждение в том, *чтобы полностью отменить право крестьян выкупать наделную землю*, так как это ведет к индивидуализации собственности. Это право парализует общинное начало, так как выкупленный участок уже не составляет предмета общественного распоряжения. Выкупленный участок легко может перейти в посторонние руки не членов сельской общины.

Если совещание считает общинную форму землевладения единственной, которая может спасти наше крестьянское население от пролетариата, то непоследовательно оставлять условие, которое может вести к разрушению общины. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения государственных задач, то личной собственности крестьян на наделную землю быть не может. Хотя вначале государство и стало по отношению к крестьянам в положение заимодавца, у которого крестьяне выкупали, будто бы, свою собственность, но эти отношения уже давно видоизменились. *В настоящее время выкупные платежи составляют не более и не менее, как поземельные налоги.*

Таким образом, наделная земля крестьян могла бы считаться собственностью государства, предоставляющего лишь общине право

вечного пользования землею. На этом основании, в последнее время правительство в целом ряде мероприятий указало на то, что государство не отказывается от своего права собственности, и решило его сохранить за собою в интересах последующих поколений земледельческого сословия» [14].

Эти высказывания противоречили духу и букве Манифеста от 19 февраля 1861 года в отношении помещичьих крестьян, и Положения от 26 июня 1863 года в отношении государственных, удельных и дворянских крестьян, вели к их явному обману.

Государственный контроль над ходом крестьянской реформы

*Не пеки на всех калачей,
каждому не угодить (кар.).*

С целью государственного контроля для регулирования отношений между помещиками и сельскими обществами сначала были назначены **мировые посредники**. Они избирались в уездах из дворянства, и в совокупности составляли уездные мировые съезды. По Положению на должность мирового посредника избирались местные потомственные дворяне, имевшие не менее 500 десятин земли, или не менее 150 десятин, если они окончили курс наук в учебных заведениях с правом на чин, не ниже 12-го класса.

Из 49 установленных в Тверской губернии участков первыми мировыми посредниками в апреле-мае 1861 года были назначены:

- А.И. Европеус, А.Н. Неведомский и М.И. Хилков в Бежецком уезде;
- П.А. Глазенап в Вышневолоцком уезде;
- Б.В. Костылев и М.А. Измайлов в Старицком уезде;
- М.А. Милорадович и Н.А. Юрьев в Калязинском уезде.

Мировые посредники составляли уставные грамоты, определяли наделы и повинности крестьян, отводили сенокосные угодья и разрешали споры между помещиками и крестьянами, в том числе:

1. Споры, жалобы и недоразумения между помещиками и временно-обязанными крестьянами или дворовыми людьми, возникающие из обязательных их отношений.

2. Жалобы крестьян и крестьянских обществ на волостные сходы, на сельские и волостные должностные лица.
3. Засвидетельствованные акты, совершаемые помещиками с временно-обязанными крестьянами и дворовыми людьми, в том числе: удостоверение в правильности составления добровольных условий, заключаемых между помещиками и временно-обязанными крестьянами. Об отпуске крестьянам топлива и определении платы за него и другие заключаемые соглашения.
4. Проведение распорядительных действий по крестьянским делам, особо поименованных в «Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Право выбора мировых посредников предоставлялось начальнику губернии по спискам, составленным уездным предводителем дворянства из всех помещиков, отвечающих требованиям, указанным в «Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» и представленных предварительно на рассмотрение уездному дворянскому собранию. Утверждать же в должности мирового посредника мог только Сенат, равно, как и в дальнейшем, снимать его с должности.

Таким образом, мировой посредник был фигурой, некоторым образом независимой от губернской администрации, что давало ему возможность принимать решения и распоряжаться в своем мировом участке по своему усмотрению.

Особое внимание мировые посредники уделяли составлению уставных грамот между помещиками и сельскими обществами, между помещиками и отдельными временнообязанными крестьянами.

Уставная грамота являлась главным документом, заключенным между помещиками и сельскими обществами или отдельными крестьянами, и определявшим их новые отношения. Уставная грамота включала подробные сведения о земельных угодьях и повинностях крестьян по последней ревизии, о величине наделов, их расположении после прекращения крепостных отношений, о пользовании крестьянами пастбищами, выгонами, водопоями, сенокосами, лесами, принадлежавшими ранее помещикам.

Уставная грамота определяла условия выкупа земли и порядок выполнения временно-обязанными крестьянами повинностей (барщины или оброка) до полного завершения выкупной операции. Уставные грамоты обсуждались на мирском сходе и подписывались уполномоченными крестьянской общины и помещика при участии мирового

посредника. К уставным грамотам прилагались акты, планы земель и угодий, приговоры и протоколы сельских сходов, и другие документы.

Подписание уставных грамот завершилось к середине 1863 года, а в отношениях удельных крестьян – к середине 1865 года. Крепостнические отношения были на этом этапе прекращены. Но бывшие помещичьи крестьяне оставались еще *временно-обязанными* и должны были отбывать определенные законом повинности (барщину или оброк) до полного завершения операции по выкупу земли.

При составлении уставных грамот мировые посредники оказались в довольно сложной ситуации, пытаясь применять на практике положения 1861 года. И крестьяне, и помещики нередко выражали свое недовольство действиями мировых посредников. Обе стороны считали, что ущемляются именно их права. Помещики упрекали мировых посредников в «неправильных действиях» при составлении, утверждении и введении уставных грамот, посылая жалобы губернские инстанции.

Не нужно путать мировых посредников с мировыми судьями, которые являлись частью судебной реформы 1864 года, а не крестьянской реформы 1861 года.

В декабре 1866 года Тверское губернское земство на своем собрании активно и серьезно обсуждало вопрос об упразднении должности мировых посредников с возложением их обязанностей на уездных предводителей дворянства. Для изучения этого вопроса создали временную комиссию во главе с гласным из Бежецкого уезда Н.А. Чаплиным. Заслушав доклад комиссии, решили оставить должности мировых посредников с предоставлением права уездным земским собраниям самим определять число участков, исходя из надобности.

Деятельность мировых посредников в центральных губерниях России прекратилась в 1874 году, их заменили ***уездные по крестьянским делам присутствия***. Они были образованы на основании положения от 27 июня 1874 года в составе *уездного предводителя дворянства, члена присутствия, уездного исправника, председателя уездной земской управы и одного из почетных мировых судей*. На смену единоличной власти мировых посредников пришли коллегиальные учреждения – уездные по крестьянским делам присутствия. Уездный предводитель дворянства выступал в качестве председателя по крестьянским делам присутствия.

Новое положение в значительной степени разрешало прямое вмешательство администрации в дела крестьянского самоуправления

путем составления так называемых «инструкций для руководства» волостным и сельским обществам. Несмотря на то, что эти инструкции носили рекомендательный характер, на практике они приобретали силу закона, так как общественное самоуправление крестьян было в зависимости от присутствий по крестьянским делам, обладавших правом наложения дисциплинарных взысканий на крестьянских должностных лиц, вплоть до предания суду и удаления от должности [15]. Эти, на первый взгляд более демократические органы местного самоуправления, оказались бюрократическими, требовалась их замена. Формализм и бюрократизм уездных по крестьянским делам присутствий можно подтвердить следующими примерами.

* * *

Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие рассмотрело прошение крестьянина деревни Рыльково Алексея Спиридонова, который 6 мая 1875 года указал, что он совершенно слепой. В 1867 году у него сгорела изба с надворными строениями, в том же году волки съели лошадь, сам он долго болел. Поэтому он был вынужден добровольно передать участок земли на полдуши в Холмовское сельское общество Бокаревской волости. По причине слепоты, он пришел в крайнюю бедность, и не в состоянии прокормить трех своих малолетних детей без помощи земельного надела. Он просил вернуть ему земельный надел, но приговором Холмского сельского общества в возврате земли ему отказано, поэтому он вторично обратился с прошением.

Непременный член присутствия А.С. Паскин поручил Бокаревскому волостному старшине Григорию Румянцеву взять объяснение у крестьян Холмовского сельского общества. Те пояснили, что Алексей Спиридонов сам вернул обществу свой участок.

Изучив все материалы, непременный член присутствия Паскин, не направил их на рассмотрение Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствия, а возвратил их 28 июля 1875 года Бокаревскому волостному старшине Григорию Румянцеву без принятия какого-либо решения [16].

8 июня 1878 года сельское общество крестьян деревни Поцеп Бокаревской волости обратилось с прошением в Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие. В прошении крестьяне деревни

Поцеп указали, что они имеют одну уставную грамоту с крестьянами деревни Шейно и один план на поземельный надел, которые составлены во время измерения и размежевания всех наделных участков по их удельному ведомству в 1865 году. Поэтому граница от деревни Шейно не была размежевана.

В деревне Поцеп много меньше земли, чем в деревне Шейно, кроме того, под удельное ведомство у них отрезали больше земли, чем у крестьян деревни Шейно. Это заставило их просить землемера проверить все участки крестьян, и разложить их по ревизским душам согласно уставной грамоте, но шейновские крестьяне на это не согласились. Прибывший удельный землемер определил, что в Поцпе 40 ревизских душ, в Шейне 20 ревизских душ, а всей собственной земли на две деревни 331 десятина 2010 сажень. Из нее крестьяне деревни Шейно владеют почти половиной, а следовать им должна всего 1/3 часть земли.

Выкупных платежей и поземельного сбора крестьяне деревни Поцеп платят 2/3, а деревни Шейно – 1/3 от общей суммы. Крестьяне деревни Поцеп излишне выкупают и платят за 36 десятин 2250 сажень земли, которой владеют даром крестьяне Шейно уже 13 лет. Ежегодно снимают там хлеб и покосы, в 1878 году одна половина этого участка засеяна яровым ячменем, а другая половина под выгоном скота.

Крестьяне деревни Поцеп просили Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие получить в Бокаревском волостном правлении копии уставной грамоты, план поземельного надела и утвердить новую границу между деревнями Поцеп и Шейно по прилагаемому к прошению чертежу, составленному удельным землемером. За всех неграмотных крестьян деревни Поцеп расписался Арсений Гаврилов [17].

Непременный член Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствия А.С. Паскин запросил мнение крестьян деревни Шейно. Так как они не желали проводить сход по этому вопросу, 22 августа 1878 года вопрос о разделе земли между крестьянами деревень Шейно и Поцеп рассматривали на сельском сходе Корельско-Кошевского сельского общества, состоявшего из 13 карельских деревень. Приняли единогласное решение: сделать уравнивание земли в обоих имениях по числу дворов, на что обе стороны селений Поцеп и Шейно изъявили полное согласие [18].

Через день, 24 августа, крестьяне деревни Шейно по общему согласию с крестьянами деревни Поцеп составили приговор о том, чтобы уравнивать земли обеих деревень, так как по плану и уставной грамоте

не было обозначено количество земли на каждую деревню. Этот приговор Бокаревский волостной старшина представит непременно члену Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствия, чтобы уравнивать земли и чтобы было без обиды, как для деревни Шейно, так и крестьян деревни Поцеп.

Этот приговор вместе с другими документами 18 января 1879 года рассмотрело Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие в составе председателя Н.А. Чаплина, членов за уездного исправника помощника А.П. Бельского и неперменного члена А.С. Паскина. Решения принято не было, они направили документы в волость для составления повторного приговора, так как не были указаны конкретные участки земли в количестве 39 десятин, которые надо передать крестьянам деревни Поцеп.

Через два месяца, 18 марта, присутствие в том же составе второй раз рассмотрело дело о разделе земли между крестьянами деревень Шейно и Поцеп. В своем заключении А.С. Паскин предложил уравнивать земельные наделы, но весь вопрос, по его мнению, состоял в том, как уравнивать, если участками, то какими именно. По мнению Паскина, приговоры сельского общества по этому вопросу надо признать не имеющими значения по неопределенности решения. Уездное присутствие согласилось с заключением А.С. Паскина, что приговор сельского схода составлен неправильно.

Корельско-Кошевское сельское общество составило новый приговор 10 ноября 1879 года, с указанием конкретных участков земли, которые необходимо передать от крестьян деревни Шейно крестьянам деревни Поцеп. Сельский сход деревни Шейно не согласился с передачей этих конкретных участков земли, нанял доверенное лицо для ведения дела грамотного крестьянина из деревни Калиниха Кузьму Семенова [19].

Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие в том же составе третий раз рассмотрело это дело, и своим решением от 18 марта 1880 года утвердило приговор крестьян деревни Поцеп о разделе земли с крестьянами деревни Шейно. В решение было указано, что оно может быть обжаловано в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие в 30-дневный срок.

Доверенное лицо крестьян деревни Шейно Кузьма Семенов обжаловал это решение, жалоба была рассмотрена в Твери 11 июня 1880 года, губернское присутствие запросило дополнительные объяснения по

делу. Повторно Тверское губернское присутствие рассмотрело дело 17 июля 1880 года и оставило жалобу доверенного лица от крестьян деревни Шейно Кузьмы Семенова без последствий. Переписка Кузьмы Семенова с Тверским губернским по крестьянским делам присутствием длилась вплоть до 21 января 1883 года [20].

Нужно отметить, что крестьяне этой деревни имели мало земли, так как Поцеп с трех сторон окружали барские усадьбы и поля. С востока в 300 метрах начинались поля старшины Новской волости Василия Иванова, с юга вплотную к деревне подходили поля помещика деревни Слепнево Львова, с запада – владения помещицы деревни Ханино Шатуновой.

Можно было расширять поля лишь на север в сторону деревни Петрайцево, отвоёвывая участки земли у кустарника и мелколесья, которые еще оставались, но в 1863 году удельным крестьянам это было запрещено. Поэтому участок земли между этими деревнями шириной около 300 метров и длиной более полукилометра так и не был отвоёван у мелколесья и кустарников.

Это дело о разделе земли между крестьянами деревень – показатель бездушия, умелого словоблудия, волокиты дворянского чиновничества, его высокомерного пренебрежительного отношения к крестьянству. Ошибка, совершенная мировым посредником С.Н. Бешенцевым в 1865 году, была исправлена лишь через 17,5 лет, из них 4,5 года дело волокитило Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие. Все эти годы крестьяне деревни Поцеп из своих скудных средств, платили излишки выкупных платежей и поземельного налога.

Эта ошибка, совершенная мировым посредником вместе с представителем удельной конторы в 1865 году, стала возможной в результате безграмотности карел и незнания им русского языка. Мировой посредник зачитывал им текст соглашения на русском языке, без переводчика, те согласно кивали головой, а потом 17,5 лет платили излишние выкупные платежи и поземельный налог.

В то время как одни дворяне готовы были защищать права крестьян, невзирая на свои отставки и аресты, то другие использовали должности для своего карьерного роста. Если дворянин мызы Подобино Александр Николаевич Неведомский отсидел некоторый срок в Петропавловской крепости за защиту прав крестьян, то другой дворянин А.С. Паскин (1846–1914 гг.), допуская волокиту дел, умея красиво говорить, сделал для себя успешную карьеру.

Владея имением Шишково-Дуброво Бежецкого уезда, он начинал с должности мирового посредника, затем – неперемного члена Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствия. В дальнейшем дослужился до председателя Тверской губернской управы и Тверского губернского предводителя дворянства. В 1907 году был избран депутатом III Государственной Думы от Тверской губернии, с 1911 по 1914 годы – Тверским губернским предводителем дворянства.

* * *

Законом от 12 июня 1889 года учредили **земских участковых начальников** вместо коллегиальных органов – уездных по крестьянским делам присутствия. Земские участковые начальники объединили в своих руках административную и судебную власть на уровне волостей. Каждый уезд разделялся на земские участки, например, Бежецкий уезд Тверской губернии был разделен на 9 участков. Уездные города в состав земских участков не входили.

Введение института земских участковых начальников, в отличие от прочих структур, коснулось только деревни, так как было обращено внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей империи. Одна из главных причин этого неблагоприятного явления заключалась в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти. Эта власть соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершении крестьянского дела, и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях.

На должность земских участковых начальников назначались лица, прослужившие в губернии не менее 3 лет в должности предводителя дворянства, а также местные потомственные дворяне, имевшие не менее 25 лет от роду и окончившие курс обучения в одном из высших учебных заведений империи. Также на эту должность назначали дворян, прослуживших в губернии не менее 3 лет мировым посредником, мировым судьей или неперемным членом присутствия по крестьянским делам. При этом каждый назначаемый кандидат должен владеть сам, жена или родители в пределах уезда на праве собственности участком земли, не менее половины того, которое было определено для

непосредственного участия в избрании гласным в уездное земское собрание, или не менее 125 десятин. Или владеть другим недвижимым имуществом, оцененным для взимания земских сборов не ниже 7,5 тысяч рублей.

На земских участковых начальников возлагалось исполнение всех обязанностей, которые ранее исполняли мировые посредники, с некоторыми дополнениями. Они осуществляли надзор за всеми решениями крестьянского общественного управления. Во время отсутствия уездного исправника или станового пристава земский участковый начальник надзирал за действиями волостных старшин и сельских старост по охране безопасности и общественного порядка.

Земские участковые начальники по-прежнему контролировали деятельность органов местного самоуправления, следили за поступлением оброчных и выкупных платежей. Земский участковый начальник должен был жить в пределах одной из волостей, входивших в его участок, и принимать все просьбы, как устные, так и письменные в любое время. Он был обязан принимать крестьян на местах, чаще всего, в помещениях волостных правлений. Земский участковый начальник имел право:

1. Рассматривать все приговоры, составленные крестьянскими сельскими обществами его участка, а также приговоры волостных судов.
2. Оставлять эти приговоры в силе или приостанавливать их исполнение до рассмотрения дела уездным съездом, если найдет, что приговор противоречит закону или не выгоден для сельского общества.
3. Ему подчинялись все должностные лица крестьянского самоуправления от волостного старшины до ночного сторожа.
4. Он имел право налагать взыскания на нарушителей.
5. Ему принадлежал надзор за мирскими капиталами, опекою, хозяйственным благоустройством поселений и нравственностью крестьянства.

Земскому участковому начальнику подчинялись все крестьянские сходы, волостной суд, волостное правление, опека, мирские капиталы, хлебо-запасные магазины. Земские участковые начальники имели не только административные, но и судебные полномочия.

Земский участковый начальник разбирал гражданские дела между дворянами, духовенством, почетными гражданами, а также дела о

спорах между этими лицами и лицами, подсудными волостному суду. Например, если украл вещь один мужик и другого – дело рассматривал волостной суд, а если вещь мужик украл у дворянина, его уже судил земский участковый начальник.

Земский участковый начальник имел право рассматривать гражданские дела по искам по найму земельных угодий на сумму, не свыше 500 рублей, а также дела по искам, возникавшим на основании договорных обязательств на сумму не свыше 300 рублей. Он также рассматривал уголовные дела по всем преступлениям и проступкам, по которым закон предусматривал наказание в виде штрафа, не более 300 рублей, или тюремного заключения на срок не более одного года. Его решения могли обжаловать в уездный съезд [21].

Должности земских участковых начальников были ликвидированы в 1917 году.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях

У кого деньги, у того и власть.

Ко времени проведения крестьянской реформы все население России официально делилось на 5 сословий: дворянство, духовенство, крестьянство, городские обыватели и казачество. Самым большим сословием по численности было крестьянство, оно составляло 87,4% всего населения, казачество – 6%, городские обыватели – 4,6%, дворянство – 1,1% и духовенство – 0,9%.

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было утверждено указом императора Александра II от 1 января 1864 года. В нем говорилось, что для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда, образуются губернские и уездные земские учреждения, состав и порядок действия которых определялись настоящим положением.

Земские учреждения в губернии или уезде по своей принадлежности вели следующие дела:

1. Контроль над сбором губернских и земских податей, заведывание имуществами, капиталами и денежными сборами земства.

2. Устройство и содержание принадлежащих земству зданий, других сооружений и путей сообщения, содержимых на счет земства.
3. Меры обеспечения народного продовольствия, контроль над сельскими хлебозапасными магазинами.
4. Заведывание земскими благотворительными и прочими мерами призрения, содержание подкидышей, сирот, неизлечимых больных и умалишенных.
5. Управление делами взаимного земского страхования имущества.
6. Попечение о развитии местной торговли и промышленности.
7. Участие, преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравоохранении и о тюрьмах. Содержание за счет земств начальных народных училищ, земских больниц и фельдшерско-акушерских пунктов.
8. Содействие к предупреждению падежей скота, а также по охране хлебных посевов и других растений от истребления саранчой, сусликами и другими вредными насекомыми и животными.
9. Исполнение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управлений, и участие в делах о почтовой повинности.
10. Раскладка тех государственных денежных сборов, разверстку которых по губернии и уездам, возлагалась на земские учреждения, на основании изданных о том законов или особых распоряжений.
11. Назначение, раскладку, взимание и расходование, на основании устава о земских повинностях, местных сборов, для удовлетворения земских потребностей губернии или уезда.
12. Представление, через губернское начальство, высшему правительству сведений и заключений по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд губернии или уезда, и ходатайство по тем предметам, также через губернское начальство. Доставка, по требованиям высших правительственных учреждений и начальников губерний, сведений, до земского хозяйства относящихся.
13. Проведение выборов в члены и другие должности по земским учреждениям, и назначение сумм на содержание этих учреждений.

14. Дела, которые были вверены земским учреждениям, на основании особых уставов, положений или постановлений.

Земские учреждения имели право именем земства, на основании общих гражданских законов, приобретать и отчуждать недвижимое и движимое имущество, заключать договоры, принимать обязательства, предъявлять гражданские иски и отвечать в гражданских судах по имущественным делам земства.

Уездными земскими учреждениями являлись *уездное земское собрание и уездная земская управа*. Уездное земское собрание являлось своего рода законодательным органом, а уездная земская управа – исполнительным органом.

Уездное земское собрание состояло из земских гласных, избираемых:

- а) уездными землевладельцами;
- б) городскими обществами;
- в) сельскими обществами.

Выборы уездных гласных в уездное земское собрание производилось на съезде уездных землевладельцев, на съезде городских избирателей и на съезде выборных от сельских обществ. По Положению 1864 года земства предусматривались быть сословными. Население разделили на три курии: собственники недвижимого имущества в уезде; собственники недвижимого имущества в уездном городе; крестьяне, которые составляли абсолютное большинство населения страны.

В *первую курию* входили все землевладельцы – собственники не менее 200 десятин земли, владельцы недвижимого имущества, промышленных и хозяйственных заведений стоимостью не менее 15 тыс. руб., а также лица, получавшие годовой производственный доход не менее 6 тыс. рублей. Большинство избирателей первой курии составляли дворяне и торгово-промышленная буржуазия.

Вторая – городская курия состояла из купечества, городских владельцев торгово-промышленных заведений с годовым доходом не менее 6 тыс. руб. и владельцев городской недвижимости стоимостью от 500 руб. в малых городских поселениях (менее 1000 жителей) до 3 тыс. руб. в крупных городах (свыше 10 тыс. жителей). Во второй курии доминировала городская буржуазия, независимо от сословной принадлежности.

В *третьей – крестьянской курии*, которая в отличие от первых двух являлась сословной, имущественный ценз отсутствовал, но выборы были многостепенными. Волостной сход, состоящий из представите-

лей сельских обществ, избирал выборщиков на уездный съезд. Выборщиками могли быть не более трети участников волостного схода, при этом, как минимум, одним выборщиком было представлено каждое сельское общество. Крестьянские выборщики имели право избирать гласных, как из своей среды, так и лиц из числа местных дворян и сельских священников, которые не располагали имущественным цензом для участия в выборах от какой-либо курии уездных землевладельцев.

Нередко случалось так, что неграмотные крестьяне избирали в земские гласные грамотных помещиков. В 1883 году уездными гласными были избраны 42,45 дворян и чиновников, 38,5% крестьян, 16,9% разночинцев и 2,2% духовенства.

Положением определялись нормы представительства в уездных земских собраниях от каждой курии. Устанавливалось равное представительство курий уездных землевладельцев и сельских обществ – один гласный от владельцев 3 тысяч усредненных душевых наделов. Эта норма обеспечивала преобладание в земстве помещиков, поэтому число гласных от землевладельцев почти везде превышало квоту сельских обществ и составляло более половины всех мест в уездных собраниях.

Не могли участвовать в избирательных съездах:

- а) лица моложе 25 лет;
- б) лица, находящиеся под уголовным следствием или судом;
- в) лица, опорооченные по суду или общественному приговору;
- г) иностранцы, не присягнувшие на подданство России.

Съезды для избрания уездных гласных от сельских обществ образовывались из выборщиков, назначаемых волостными сходами из своей среды. Этим выборщикам полагалось не свыше трети общего числа лиц, имевших право по закону участвовать в волостном сходе, с тем, чтобы от каждого сельского общества находилось в среде выборщиков не менее одного представителя.

В каждом уезде назначались, по распоряжению губернского правления, несколько избирательных съездов от сельских обществ. Эти съезды разделялись по мировым участкам. Каждый из этих съездов, составленный из выборщиков от волостных сходов, избирал сообща, без различия ведомств, всех гласных, причитавшихся на участок.

Избирательный сельский съезд открывался мировым посредником, а позднее – мировым судьей, который предлагал выборщикам назначить из своей среды председателя съезда; утверждал это назначение, и затем разрешал все возникающие при выборе гласных недоразумения.

В уездном земском собрании председательствовал уездный предводитель дворянства. Уездная земская управа *состояла из председателя и двух членов*, избираемых на три года уездным земским собранием из числа участвующих в нем лиц. Собрания могли, если находили нужным, увеличивать число избираемых членов управы до шести.

Уездные и губернские земские собрания собирались ежегодно по одному разу: уездные – не позже сентября, а губернские – не позже декабря. Для заседаний уездных собраний полагался десятидневный срок, а для губернских собраний – двадцатидневный срок. Распоряжения о своевременном созыве и открытии земских собраний возлагались на земские управы, с разрешения начальника губернии.

Земские собрания открывались и закрывались: губернское собрание – начальником губернии лично, уездные – уездными предводителями дворянства.

Земские управы заседали в продолжение всего года. Распоряжения о собрании сведений, приготовлении дел к докладу и тому подобные исполнительные действия предоставлялись председателю.

Утверждению начальником губернии подлежали следующие постановления земских собраний:

- о приведении в действие земских смет и раскладок;
- о разделении земских путей сообщения на губернские и уездные;
- об отнесении уездных земских дорог в разряд проселочных;
- об изменении направления земских дорог;
- об учреждении выставок местных произведений;
- о временном устранении от должностей членов земских управ.

Земские управы, независимо от отчетов по денежным суммам, составляли, по окончании каждого года, отчеты:

- 1) о производившихся в течение года, на суммы земства, хозяйственных операциях;
- 2) о состоянии имуществ земства;
- 3) о состоянии находящихся в ведомстве их заведений;
- 4) о размере и распределении отправленных в течение года натуральных повинностей;
- 5) обо всех своих распоряжениях, не вошедших в упомянутые выше отчеты.

Отчеты земских управ подлежали рассмотрению и окончательному утверждению земскими собраниями. Рассмотрение действий земских

управ, вследствие жалоб, обвинений, требований правительственных установлений и по ревизии отчетности, и передача этих действий на рассмотрение судебных мест, принадлежало губернскому собранию.

Губернское земское собрание, сверх проверки действий земских управ по бумагам и документам, могло требовать личных объяснений от членов управ и производить местные дознания, когда признавало это нужным. Члены земских управ окончательно отстранялись от должности не иначе, как по определению Правительствующего Сената, но могли быть временно устранены от должности по постановлению губернского земского собрания, утвержденному начальником губернии.

Жалобы правительственных и общественных учреждений на постановления земских собраний:

- 1) о предметах, подлежащих их ведомству и превышающих пределы их власти;
- 2) заключающие в себе такие нарушение общих законов, которые подлежало уголовному суду, – рассматривались в Правительствующем Сенате.

Подведомственные земским управам служащие лица, за преступления по должности, влекущие за собою уголовные наказания, подвергались ответственности одинаково с лицами, состоящими на государственной службе, не иначе, как по уголовному следствию и суду.

* * *

Первое Тверское губернское земское собрание было открыто 17 февраля 1866 года в 11 часов, его открыл Тверской губернатор князь Петр Романович Багратион. На всех собраниях Тверского губернского земства в 1866–1882 годах председательствовал предводитель дворянства князь Борис Васильевич Мещерский, он же все эти годы избирался председателем губернской земской управы. Тверское губернское земство проводило одно собрание в год в ноябре-декабре. Чрезвычайные собрания созывались несколько раз: в марте 1867 года для составления смет и раскладки их на год, в мае 1871 года для рассмотрения проекта о замене подушной подати подворной и поземельной податью, и еще три раза.

Учитывая, что крестьян записывали лишь по имени и фамилии, произведенной от отца, можно определить, что гласными Тверского

губернского собрания в период с 1866 по 1882 год были всего семеро крестьян из 73 гласных:

- Яков Григорьев – Зубцовский уезд;
- Василий Ефимов и Григорий Захаров – Бежецкий уезд;
- Иван Никитин – Старицкий уезд;
- Алексей Семенов и Василий Филиппов – Ржевский уезд;
- Кондратий Яковлев – Калязинский уезд.

Все эти годы гласными от Бежецкого уезда постоянно избирались:

Андреев Михаил Романович	Ефимов Василий
Бырдин Александр Семенович	Змиев Николай Федорович
Бычков Алексей Алексеевич	Зызыкин Валериан Михайлович
Беловцев Капитон Лукич	Иванов Иван Иванович
Дорошкевич Михаил Лаврентьевич	Ушаков Леонид Алексеевич
Игнатьев Александр Ардамгонович	Чаплин Николай Алексеевич
Коровкин Николай Николаевич	Чебышев Пафнутий Львович
Корсаков Иван Асситкритович	

Некоторые земские гласные в разные 3-летние сроки избирались от других уездов, хотя первый раз они были избраны от Бежецкого уезда: А.П. Апостолов, А.П. Аристов, А.А. Афанасьев, А.Н. Загрязский и еще семеро гласных. Членом Тверской губернской земской управы в разные годы избирался гласный Ушаков Леонид Алексеевич. Со временем земства из всесословных органов, превратились в сословные, где более половины состава составляли дворяне и чиновники, которым земства были полностью подчинены [22].

* * *

Земства были лишены каких-либо политических прав, их деятельность ограничивалась лишь хозяйственными вопросами: устройства и содержания школ, больниц, строительства дорог, попечение о развитии местной торговли и промышленности. На их содержании находились земские врачи, учителя, ветеринары, агрономы и другие служащие. На первый план деятельности земств выдвинулись заботы о народном образовании и организации медицинской помощи.

Земства выступали с идеей введения в стране всеобщего начального образования, за организацию культурно-просветительской работы среди населения. С этой целью земства выделяли средства на открытие земских народных училищ и школ, создание библиотек, выпуск книг, организацию народных домов, книжных лавок, музеев. Благодаря земству появились первые библиотеки в сельских земских народных училищах и школах, а также волостные библиотеки. Земства организовывали проведение лекций и бесед не только в уездных городах, но и в деревнях. Чаще всего их проводили школьные учителя и студенты.

Земства развивало в деревнях медицину, направляя туда фельдшеров и земских врачей. Земский врач в деревне не только лечил болезни, он принимал меры к их предупреждению, делая прививки, одновременно был аптекарем. Работать в деревенскую глушь вызывались немногие подвизники, врачей в селах и деревнях катастрофически не хватало. Основным медицинским работником в деревне был фельдшер, который оказывал значительный объем медицинской помощи крестьянам. Постепенно закрепились понятия «*участковый фельдшер*» и «*участковый врач*», за ними закреплялись определенные участки обслуживания населения.

Земские агрономы заботились о повышении плодородия почв, предпринимали попытки ввести в практику различные технические новшества. Формировалась система мелкого сельскохозяйственного кредита, развивалось страховое дело. При поддержке земств на местах ширилось строительство грунтовых и шоссейных дорог. Всемирное признание получила земская статистика, всесторонне исследовавшая народное хозяйство.

Жизнеспособность и дееспособность земств обеспечивалась, прежде всего, их самоуправлением. Несмотря на достаточно жесткий контроль со стороны государственной администрации, стремившейся всячески ограничить их компетенцию, несмотря на бесконечные ограничения и придирки, земства сами выбирали руководящие органы, сами определяли направление своей деятельности, подбирали и обучали кадры.

Работники органов земства не принадлежали к профессиональному чиновничеству, так как исполняли свои обязанности не по назначению правительства, а по выбору местного населения.

Однако в работе земств и сельских органов местного самоуправления возникали противоречия. Многие земские повинности лежали

только на крестьянах, но органы крестьянского самоуправления в качестве представителей администрации оказывали услуги лицам всех сословий. Лица же других сословий, не неся таких повинностей и расходов, высказывали недовольства из-за лишения их всякого участия в делах мелких территориальных единиц. Существовавшие земские учреждения не могли входить во все подробности местной жизни, их деятельность была слишком разбросана. Земства были лишены возможности надлежащим образом исполнять свои непосредственные задачи при отсутствии на территории волостей и крупных поселений земских органов.

Многие годы вырабатывались разные проекты, чтобы отрегулировать пробелы в отношениях между правительственными, земскими и крестьянскими учреждениями. Сначала правительство благосклонно относилось к созданию и развитию земств, но уже через два года оно стало создавать им некоторые препятствия.

Законом от 21 ноября 1866 года земствам было запрещено облагать налогами и сборами торговые и промышленные предприятия, чем были ограничены средства земств, которые продолжали жить, в основном, за счет крестьянских налогов и сборов. В 1867 году правительство ограничило гласность земских собраний, так как печатание их протоколов подчинили губернаторским цензорам. Одновременно была усилена власть председателей земских собраний, которые одновременно состояли предводителя соответственно уездного или губернского собрания.

Отношения между земствами и правительством особенно обострились после принятия в 1889 году «Положения о земских участковых начальниках», которые назначались губернаторами из местных дворян и сосредотачивали в своих руках широкие полномочия.

Новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 года сократило в земствах число крестьян и разночинцев за счет изменения процедуры голосования и снижения земельного ценза для дворян. По этому Положению гласные от крестьян уже не избирались, а назначались губернаторами из числа кандидатов, выдвинутых волостными сходами. Одновременно председатели и члены земских управ становились не представителями органов местного самоуправления, а государственными служащими.

Судебная власть в системе местного самоуправления

Чья власть, того и закон.

Одной из самых радикальных реформ 60-х годов стала **судебная**. Указом императора Александра II 20 ноября 1864 года были утверждены судебные уставы: *уголовного судопроизводства, гражданского судопроизводства и о наказаниях, налагаемых мировыми судьями*. Основной предпосылкой судебных преобразований явилось освобождение крестьян от крепостной зависимости. Принятие уставов от 20 ноября 1864 года создали в России новую судебную власть, выделив суды из общего управления в особые учреждения. Судебная власть отделялась от исполнительной и законодательной властей.

Принцип разделения властей определил императора, как носителя высшей законодательной власти в России. Он устанавливал правовые начала государственной и общественной жизни, основные направления внутренней и внешней политики. Определял правовую организацию и формы деятельности исполнительной и судебной властей. Исполнительная власть в лице правительства и губернаторов занималась непосредственной реализацией указов, принятых императором, и законов, им утвержденных. Ее деятельность основывалась на законе и осуществлялась в рамках закона. Судебная власть была призвана охранять правовые устои государственной и общественной жизни от любых нарушений.

Чтобы она стала независимой, были определены принципы несменяемости судей. Судья не мог быть удален от занимаемой должности, перемещен на низшую или равную должность, оставлен за штатом по усмотрению власти, а лишь при его личном согласии или судебном приговоре.

Судебная реформа вводила общие судебные правила для лиц всех сословий, с общим порядком судопроизводства. Вводились новые принципы – суд присяжных, гласность и состязательность судопроизводства, равная ответственность всех перед судом, независимость суда от администрации.

Суд становился единым для всех сословий, кроме волостного суда, который оставался лишь для рассмотрения дел в отношении крестьян. Стороны по гражданским делам, а также подсудимые по уголовным делам получали право на защиту, как избранными сельским обществом

грамотными представителями, так и адвокатами. Пересмотр дел вышестоящим судом допускался лишь по жалобе сторон или протесту прокурора, пересмотр дел в виде ревизии вышестоящими судами упразднился.

Вводились два типа судов – мировые и общие. Мировые суды в лице мирового судьи рассматривали уголовные и гражданские дела, ущерб по которым не превышал 500 руб. Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, утверждались Сенатом и могли быть уволены только по собственному желанию или по суду.

Общий суд состоял из трех инстанций: окружной суд, судебная палата, Сенат. Окружные суды рассматривали серьезные гражданские и уголовные (с участием присяжных заседателей) дела. Сенат был высшей судебной инстанцией.

Составители судебных уставов попытались исходить из того, что мировые судьи должны быть приближены к населению и быстро рассматривать судебные дела. С этой целью разбирательство дел у мирового судьи проводилось устно, никакой письменной подготовки дел не полагалось. Даже исковые просьбы, приносимые мировому судье, могли быть письменными и устными [23].

Судебная реформа, утвержденная императором Александром II в 1964 году, проводилась с 1866 по 1895 годы. *На уровне местного самоуправления действовали суды: мировой судья, мировой съезд и волостной суд*. За решение дел ни один суд не брал в свою пользу никаких денег, но по некоторым делам нужно было платить государственную пошлину.

Волостной суд в каждой волости избирался из не профессиональных судей, а из жителей волости. Волостной суд разбирал имущественные дела между крестьянами, мещанами, ремесленниками и временными купцами. В законе было сказано, что волостной суд должен иметь характер домашнего суда по маловажным проступкам, влекущим за собой легкие исправительные наказания. Предоставление ему более широкой власти было бы несовместимо ни с характером, ни с личным составом волостного суда.

Суд состоял из четырех судей, кандидаты в судьи избирались сельскими обществами на своих сходах по одному от общества, грамотных и имеющих собственность. Земский участковый начальник отбирал из всех избранных кандидатов четыре судьи, одного из них назначал председателем суда. Остальные кандидаты оставались в резерве и заменяли судью, который по какой-то причине не мог далее выполнять свои обязанности.

Трудно было найти грамотных судей среди сплошь неграмотного крестьянского населения. Например, в Бокаревском волостном суде Бежецкого уезда многие решения за неграмотных судей подписывали другие грамотные судьи, в том числе Арсений Семенов из карельской деревни Душково.

Волостной суд избирался каждый раз сроком на три года из крестьян не моложе 35 лет, не состоявших под следствием и судом, не подвергавшихся ранее телесным наказаниям, не содержавших питейные заведения. Суд собирался обычно 2 раза в месяц, во время заседаний протоколов не вели, рассматривали как письменные, так и устные жалобы. Решения принимали, чаще всего, не придерживаясь норм закона, действуя по местным обычаям. Решения суда оформлялись письменно. Суд мог рассматривать дела только в отношении крестьян своей волости, на дворянство и другие сословия его юрисдикция не распространялась.

Волостной суд рассматривал следующие гражданские дела:

- Споры и тяжбы между крестьянами об имуществе, входящем в состав крестьянского надела.
- Любые имущественные споры между лицами, подведомственными суду (крестьянами волости и мещанами, приписанными к волости), ценой до 300 рублей; за исключением исков о праве собственности, основанных на крепостных актах (то есть нотариально заверенных).
- Имущественные иски к крестьянам волости до 300 рублей от посторонних лиц, если эти лица сами избрали для процесса волостной суд.
- Дела по наследованию имущества крестьян (по наследованию наделного имущества – без ограничения стоимости, по наследованию прочего имущества – в пределах 500 рублей).

Волостной суд рассматривал 50 составов административных правонарушений и мелких уголовных дел, в том числе:

- Ослушание полицейским и другим стражам, их оскорбление.
- Порча выставленных по распоряжению властей объявлений.
- Объявление чего-либо во всеобщее известие без надлежащего разрешения.
- Распространение ложных слухов.
- Ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство.
- Нарушение порядка в публичных собраниях.

- Открытие в недозволенное время трактиров.
- Появление в публичном месте в состоянии явного опьянения.
- Бесстыдные и соединенные с соблазном для других действия в публичном месте.
- Причинение домашним животным напрасных мучений.
- Предоставление жилища для распития крепких напитков.
- Устройство запрещенных игр.
- Прощение милостыни, по лени и привычке к праздности.
- Допущение к прощению милостыни детей.
- Засорение рек, каналов, источников и колодцев.
- Несоблюдение правил о чистоте и опрятности на улице.
- Своз палого скота и мусора в неназначенное место.
- Постройка или перестройка здания без дозволения.
- Повреждение мостов и переправ.
- Препятствование проходу и проезду.
- Устройство печей и чистка дымовых труб без соблюдения правил.
- Несоблюдение правил обращения с огнём и хранения горючих масел.
- Неявка на пожар, там, где это установлено.
- Порча воды, служащей для употребления людей.
- Приготовление и продажа вредных для здоровья напитков и съестных припасов.
- Хранение и ношение запрещенного оружия, стрельба из него.
- Допущение опасности для посторонних от домашних животных.
- Неосмотрительная скорая езда в селениях.
- Неприставление подпор к ветхим заборам.
- Перевоз людей в ветхих и худых лодках.
- Нанесение обиды, на словах или действием.
- Грубость против нанимателя и его семейства.
- Разглашение сведений с целью оскорбить честь.
- Угроза насилием или убийством.
- Насилие, но без нанесения тяжких побоев.
- Отказ в доставлении нуждающимся родителям пособия.
- Срывание плодов и овощей, сбор ягод и грибов на чужих землях, но не в виде кражи.
- Рыбная ловля в чужих водах.
- Охота на чужой земле.

- Проход и проезд, прогон скота через чужие неубранные луга и поля, пастьба скота на чужих землях.
- Умышленное повреждение чужих канав.
- Убой и изувечение чужих животных.
- Присвоение найденных денег и вещей, необъявление о них.
- Покупка заведомо краденых вещей.
- Прием в заклад от нижних чинов казенных вещей.
- Кража на сумму не свыше 50 рублей.
- Обмер и обвес на сумму не свыше 50 рублей.
- Охота в запрещенное время.
- Нарушение рабочим договора найма.
- Мотовство и пьянство, приведшие к разорению хозяйства.

Волостной суд нередко руководствовался нормами общинного права, поощряя примирение пострадавшего с обидчиком, а также искреннее публичное раскаяние виновного. При вынесении решения волостной суд имел право объявить выговор, приговорить к штрафу на сумму до 30 рублей или аресту сроком до 15 дней. Все жалобы на решения волостного суда подавались первоначально в мировой съезд мировых посредников, позднее – земскому участковому начальнику, который мог утвердить любое решение или отменить его [24].

Волостной суд – единственный из судов мог применять такую жестокую и унижительную меру, как телесное наказание. Телесное наказание крестьян шло из глубины веков, до 1845 года их за любые провинности били кнутом. Уложением 1845 года кнут заменили трехвосткой плеткой и розгами. Крепостные крестьяне подвергались телесным наказаниям по произволу помещиков. В каких размерах, и в каких случаях помещики применяли розги в отношении своих крестьян, не поддавалось никакому учету и никакому определению. Однако нет никаких сомнений, что телесные наказания в отношении крепостных крестьян, налагавшиеся помещиком, или его управляющим, были чрезвычайно распространены.

При подготовке проекта крестьянской реформы 1861 года в правительственной комиссии при голосовании о телесных наказаниях крестьян, они были оставлены при перевесе в один голос – 11 членов комиссии были против, 12 членов комиссии проголосовали за оставление розог в виде наказания.

Согласно уложению 1886 года, телесные наказания крестьян были возможны за уголовные преступления, и подсудны волостным су-

дам – розги до 20 ударов. От телесных наказаний были освобождены женщины. Но уже по закону от 12 июля 1889 года было увеличено число проступков, за которые волостной суд мог назначить телесное наказание до 20 ударов розгами. К ним отнесли:

- а) повторный в течение года проступок, за который виновный подвергался аресту;
- б) за совершение виновным нескольких проступков, за каждый из которых назначался арест;
- в) за другие общественно опасные проступки по составам административных правонарушений и мелких уголовных дел.

По закону от 12 июля 1889 года телесным наказаниям не могли подвергаться: все женщины без различия сословий; все дворяне, духовенство, купечество, мещане, кроме крестьян мужского пола. Из крестьян мужского пола не могли быть подвергнуты телесному наказанию:

- а) имеющие знаки отличия;
- б) запасные солдаты и все, носившие, хотя и недолго, военный мундир;
- в) находящиеся или ранее находившиеся в выборных общественных должностях крестьяне;
- г) старше 60 лет и моложе 10 лет;
- д) страдающие каким-либо заболеванием, из их числа, перечисленных в уложении;
- е) лесные сторожа из числа крестьян, а всего 11 групп крестьян.

В законе от 12 июля 1889 года была оговорка, что приговор волостного суда о применении розог, должен быть утвержден земским участковым начальником. Тот мог оставить приговор в силе или заменить телесное наказание розгами денежным взысканием до 30 рублей, независимо от ареста, и арестом до 15 дней. Раз, подвергнутый телесному наказанию розгами крестьянин, навсегда лишался права быть избираемым в какие-либо общественные должности, быть свидетелем по любому делу. Его не допускали на сельские сходы, он не мог быть опекуном над сиротами.

Число крестьян, подвергнутых телесным наказаниям волостными судами за 1892 год по Тверской губернии, составило 879 человек. Из них 609 приговоров волостных судов, или 69,4%, были утверждены земскими участковыми начальниками. По 270 приговорам земские начальники заменили розги другими наказаниями. По Бежецкому уезду в том году волостные суды приговорили к телесным наказаниям 162 крестьянина,

из них земские участковые начальники утвердили 79 приговоров, а по 83 приговорам розги заменили другими видами наказания.

После 1892 года телесные наказания по Тверской губернии пошли на убыль: 1892 год – 879 приговоров, 1893 – 717, 1894 – 566, 1895 – 390, 1896 год – 283 приговора. В сравнении с 1881 годом по Тверской губернии число приговоренных к телесным наказаниям сократилось с 2720 человек до 283 человек в 1896 году, или в 9,6 раза [25].

Волостные суды находились под наблюдением земских участковых начальников, которым подавались все жалобы на решения суда. Земский участковый начальник мог утвердить или отменить решение волостного суда, если наказание не превышало 3 дней ареста или 5 рублей штрафа. Если наказание, вынесенное волостным судом, превышало 3 дня ареста или 5 рублей штрафа, то земский участковый начальник передавал дело в уездный съезд мировых судей, который являлся апелляционной инстанцией по этим делам.

* * *

Институт мировых судей был создан 20 ноября 1864 года, он включен в «Учреждение судебных установлений», в котором было сказано, что власть судебная принадлежала: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам Правительствующего Сената – в качестве верховного кассационного суда.

Судебная власть распространялась на лица всех сословий и на все дела, как гражданские, так и уголовные. Мировой судья являлся единоличной судебной властью, в то время, как съезды мировых судей, окружные суды, судебные палаты и Сенат были коллегиальными судебными органами.

Ведомство мировых судей, их съездов, окружных судов и судебных палат ограничивалось особыми участками и округами. Мировые судьи, их съезды, окружные суды и судебные палаты рассматривали административные, уголовные и гражданские дела по существу.

В результате проводимой реформы вместо нескольких судебных инстанций сословного суда пришел мировой суд с одним судьей. Второй инстанцией для апелляции по всем делам, рассмотренным в мировых судах, был съезд мировых судей. Мировой суд создавался во всех уездах и городах. Территория, подсудная мировому суду, составляла

мировой участок из нескольких волостей. В каждом мировом участке находился участковый мировой судья.

Мировые судьи были участковыми и почетными, почетные мировые судьи имели те же права, что и участковые, но в пределах всего мирового округа и судили они лишь по просьбе подсудимого или в отсутствии участкового судьи, не получая вознаграждения.

Мировые судьи избирались всеми сословиями в совокупности и утверждались правительством. Они состояли по уездам и по городам, уезд с находящимися в нем городами составлял мировой округ. Мировой округ разделялся на мировые участки, число которых определяется особым расписанием.

Собрание как почетных, так и участковых мировых судей каждого мирового округа составляли высшую мировую инстанцию, именуемую съездом мировых судей. В этом съезде председательствовал один из мировых судей по собственному их избранию.

Должности мирового судьи присваивались особый знак его звания и особая печать. В мировые судьи могли быть избраны те представители из местных жителей, которые:

- *во-первых*, имели не менее двадцати пяти лет от роду;
- *во-вторых*, получили образование в высших или средних учебных заведениях, или выдержали соответствующее испытание, или же прослужили не менее трех лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел;
- *в-третьих*, если они сами, или их родители, или жены владели, хотя бы и в разных местах:
 - площадью земли вдвое меньше против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания, или 125 десятин;
 - или другим недвижимым имуществом ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей;
 - в городах – недвижимую собственность, оцененную для взимания налога, а именно: в столицах не менее шести тысяч, в прочих же городах не менее трех тысяч рублей.

Право быть избранным в мировые судьи по недвижимому имуществу родителей предоставлялось неотделенным сыновьям их только тогда, когда на долю каждого из них могла причитаться часть имущества в необходимом размере.

Мировые судьи, как почетные, так и участковые, избирались на три года. Выборы мировых судей производятся на уездных земских собраниях. Избранными в должность мирового судьи считались те только, которые получили больше избирательных голосов, нежели неизбирательных голосов.

Списки избранных в мировые судьи представлялись председателем земского собрания на утверждение первого департамента Правительствующего сената. Если кто-либо избран мировым судьей в противность замечаниям губернатора, то возражения к тому должно быть также представлено на усмотрение Сената.

Участковый мировой судья избирал себе, с согласия съезда мировых судей, постоянное место пребывания в своем участке для разбирательства подведомственных ему дел. Но просьбы граждан он должен был принимать везде и во всякое время, а в необходимых случаях и разбирать дела на местах, где они возникли.

Должность участкового мирового судьи как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке не могла быть соединяема с другою должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях.

В случае устранения, отсутствия, болезни или смерти участкового мирового судьи обязанности его исполнялись одним из почетных или одним из соседних участковых мировых судей по заранее установленной ими между собою очереди.

Участковый мировой судья получал из земского сбора, а в столицах из городских доходов, сумму на его содержание, разъезды, наем писмоводителя и рассыльного и на канцелярские расходы. Участковый мировой судья, отказавшийся от следующего ему по этой должности содержания, получал название почетного участкового мирового судьи, сохраняя его во все время безвозмездного заведования участком.

Непосредственный надзор за мировыми судьями принадлежал мировому съезду их округа. Высший надзор за всеми вообще мировыми судьями, так же как и за их съездами, сосредоточивался в кассационных департаментах Сената и в лице министра юстиции.

Власть участковых мировых судей ограничивалась пространством назначенного для каждого из них мирового участка. Почетные мировые судьи и съезды мировых судей действовали на пространстве всего мирового округа.

Дисциплинарная ответственность мировых судей за упущения по службе определяется на основании установленных правил. Порядок предания их уголовному суду за преступления и проступки по службе и самого производства суда были определены в Уставе уголовного судопроизводства.

Мировые судьи начали свою работу в 1866 году. В соответствии с «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», мировые судьи, за проступки, указанные в Уставе, определяли следующие наказания:

1. Выговоры, замечания и внушения.
2. Денежные взыскания не свыше 300 рублей.
3. Арест сроком не свыше 3 месяцев.
4. Заключение в тюрьму не свыше одного года.

Мировые судьи рассматривали административные и уголовные дела по 152 статьям, разбитых на 12 разделов.

О проступках против порядка управления.

За неисполнение законных распоряжений, требований и постановлений правительственных и полицейских властей, а равно земских и общественных учреждений виновные подвергались денежному взысканию не свыше 15 рублей.

По этой категории мировые судьи также рассматривали дела за ослушание полицейским и другим стражам, их оскорблению, за порчу или снос межевых и других знаков, где наказание было уже в виде ареста не свыше 3 месяцев или денежного взыскания не свыше 300 рублей.

О проступках против благочиния, порядка и спокойствия.

За нарушение благоговения в церкви, часовне или ином молитвенном доме непристойным криком и шумом виновные подвергались аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше 100 рублей.

К этой категории дел относились: распространение ложных слухов, ссоры, драки, кулачные бои в публичных местах, нарушение порядка во время публичных мероприятий, а также за открытие трактиров, харчевен, питейных заведений в недозволенное время, появление в публичных местах пьяным до беспамятства и другие подобные проступки.

О проступках против общественного благоустройства.

За засаривание рек, каналов, источников и колодцев бросанием в них камней, песку и других веществ, от которых не могло последовать порчи воды, виновные подвергаются денежному взысканию до 10 рублей.

В эту категорию входили дела о проведении труб в реки и каналы из помойных ям, своз мусора, нечистот или павшего скота не в на-

значенное место, за охоту и рыбную ловлю в запрещенное время или недозволенных местах и другие подобные проступки.

О проступках против чужой собственности.

В этом разделе имелось 37 статей устава, разделенных на несколько категорий дел:

- а) о самовольном пользовании чужим имуществом и его повреждении;
- б) о похищении и повреждении чужого леса;
- в) о краже;
- г) о мошенничестве, обманах и присвоении чужого имущества [26].

Основной задачей мировых судей в первые годы их деятельности было примирение сторон, примирением заканчивалась значительное число гражданских и уголовных дел. Но уже к 1880-м годам число уголовных дел, прекращенных в связи с примирением сторон, сократилось в 2,5 раза, гражданских дел – в 3,2 раза.

Судебная система второй половины XIX века содействовала созданию более прогрессивной системы судопроизводства и повышению правовой культуры населения. Эти аспекты серьезно повлияли на экономическое развитие страны. Волостные суды оставались вплоть до революции 1917 года. Официальной датой окончания судебной реформы считается 12 июня 1889 года в связи с принятием указа о введении института земских участковых начальников, но институт мировых судей был полностью ликвидирован в 1895 году.

Обсуждение финансовой реформы в Тверском земстве

*Жизнь прожить – мозоль нажить,
либо на руку, либо на язык (кар.).*

Для разработки финансовой реформы в 1859 году указом императора Александра II были созданы две комиссии: одна при министерстве финансов, другая – при ведомстве государственного контроля. В то время каждое ведомство имело свой отдельный бюджет по расходам и доходам. Государственная роспись не являлась обязательной для исполнения, каждое ведомство пользовалось своими правами на запрос дополнительных ассигнований. Контроль над ведением государственной отчетности отсутствовал.

Основными задачами финансовой реформы были: стабилизация денежной системы государства, создание единого государственного бюджета, не разделенного на ведомства. Создание единого казначейского исполнения, независимого от текущих распоряжений министров и чиновников. Замена подушной подати на поземельный налог и налог с имущества.

Финансовая реформа в России была объявлена в 1863 году, но реализация ее шла очень медленно. Она должна была модернизировать финансовую систему Российской империи после отмены крепостного права. Некоторые меры по финансовой реформе были приняты уже в 1863 году. Продажу питейных откупов заменили питейным акцизом, заменили подушную подать с мещан налогом на недвижимое имущество в городах.

Для проведения выкупных операций при министерстве финансов создали Главное выкупное учреждение. В финансы ввели принцип гласности и публикации на общее обозрение государственного бюджета. В 1865 году образовали контрольные палаты – органы финансового управления в системе местного самоуправления.

Ведомство государственного контроля работало до гибели императора Александра II в 1881 году, но реализация финансовой реформы шла очень тяжело. Трудно было найти базу для замены подушной подати с крестьян на поземельный или другой налог. Многие понимали, что нужно отменять подушные подати, соляной налог и разные откупы. Нужно облагать налогом не только крестьян и мещан, но дворянство и духовенство, которые издавна считались неподатными.

Основной проблемой оставалась замена подушной подати на другие виды налогов и податей, прежде всего, на поземельную подать. Подушная подать взималась в одинаковом размере с каждой ревизской души. Предлагалось, что поземельная подать будет зависеть от размера, имеющего у крестьянина земельного участка, куда включались: наделные участки; участки земли, приобретенные крестьянином за свой счет; арендуемые им участки земли; а также усадьбы.

* * *

26 мая 1871 года тверской губернатор Афанасий Николаевич Сомов открыл экстренное заседание Тверского губернского земского собрания. Оно было созвано для рассмотрения правительственного проекта о замене *подушной подати*, действовавшей с 1722 года, *надворным*

налогом и поземельной податью. В работе собрания приняли участие сначала 32, а позднее – 36 земских гласных, в том числе председатель Бежецкой земской управы гласный Николай Алексеевич Чаплин. В своем выступлении он обратил внимание на следующие положения:

- а) возможно ли рассматривать проект, как замену подушной подати другими налогами без распространения их на все единицы налогообложения;
- б) как согласовать подворный налог на упоминаемый доход с оценкой имущества, хотя она не должна иметь никакого значения при подоходном налоге;
- в) возможно ли при подоходном налоге достигнуть облегчения паспортной системы, которое имелось в виду в проектах подворного и поземельного налога;
- г) найдутся ли средства обеспечить поступление налога с лиц, не имеющих никакой недвижимой собственности, при отсутствии круговой поруки.

Собрание единогласно признало необходимость реформы бессловной, то есть распределение подушных податей и сборов между всеми единицами обложения. Собрание признало, что имущественный налог не может быть принят в основание системы обложения. В Тверской губернии, как и в других северных губерниях, есть много земли и построек, которые дохода не приносят.

Вечером 26 мая 1871 года на собрании повторно выступил председатель Бежецкой земской управы, гласный Н.А. Чаплин, который заявил о невозможности поземельного и вообще имущественного налога. На это собрание постановило: записать в протоколе, что собрание не видит возможности замены подушных сборов имущественным налогом.

Собрание приступило к обсуждению статей о подоходном налоге. Гласный Н.А. Чаплин предложил все статьи правительственного проекта, в которых говорилось о порядке распределения и взимания подоходного налога, как не имеющие особой важности, оставить без обсуждения и из проекта исключить. При голосовании это предложение Чаплина не прошло, за него проголосовали 10 земских гласных, против – 26 гласных.

Гласные обсудили каждую статью проекта, по итогам обсуждения Тверское губернское земское собрание приняло свое заключение по поводу правительственного проекта о замене подушной подати. Приняли пространное решение: «Собрание находит следующее: дейс-

твительно, существующая подушная система податей оказывается в настоящее время вполне несостоятельной.

Система эта могла иметь свое значение в то время, когда в России существовало крепостное право, при котором крестьянские души, то есть крепостной крестьянский труд, составлял действительное и доходное имущество. В настоящее время с уничтожением крепостного права, с развитием промышленности и торговли, реформа в системе податей сделалась вполне необходимой.

Не соглашаясь с необходимостью замены подушной подати, собрание не может признать, чтобы меры, предлагаемые правительственным проектом, представляли бы собою какое-либо существенное улучшение.

Подушная подать была введена Петром I с 1722 г., когда было велено с крестьян и других тяглых мужского пола взамен поземельного, подворного и другого сбора, взыскивать по 8 гривен (80 копеек. – А.Г.) с ревизской души. Таким образом, правительственный проект считает целесообразным возвратиться к порядку, который существовал 150 лет назад».

Далее губернское земское собрание проводило обоснование, и сообщала о своих замечаниях по каждой статье проекта, с указанием мнения представителей всех уездных управ. Например, «Бежецкая управа находит, что более правильный и уравнительный налог, возможный в настоящее время, есть налог подоходный со всего недвижимого имущества и дохода, получаемого личным трудом» [27].

В 1879 г. была образована комиссия для обсуждения отмены подушной подати и для взыскания других источников доходов для ее замены. Комиссия, состоявшая из чиновников разных ведомств и приглашенных экспертов, составила проект о трех видах замены подушной подати: подоходным налогом с доходов от торговых и промышленных капиталов, промыслов и личного труда; личным налогом с лиц рабочего возраста; усадебным налогом с усадеб всех без различия сословий.

В 1880 году был отменен налог на соль – один из самых тягостных налогов для крестьян и мещан.

В мае 1882 года последовал указ Александра III, которым было велено отменить: подушный сбор в пользу казны с мещан; подушную подать с приписных к волостям безземельных крестьян и дворовых людей; подушную подать с крестьян, получивших от помещика надел.

Было велено выработать соображения о постепенной, в течение 8 лет, начиная с 1 января 1883 года, отмене подушной подати с остальных разрядов населения. Манифестом от 15 мая 1883 г. были прощены

все недоимки по подушной подати. В том же месяце от подушной подати были освобождены безземельные, фабричные и заводские крестьяне. Для бывших помещичьих крестьян (в некоторых местностях и для других плательщиков) подушная подать была снижена наполовину.

28 мая 1885 г. императором было утверждено мнение Государственно-го Совета о прекращении взимания подушной подати с 1 января 1886 г.:

- со всех крестьян, на которых распространялось действие положений 19 февраля 1861 г. и 21 июня 1863 г.;
- с прибалтийских крестьян, за исключением поселенных на казенной земле;
- с малороссийских казаков и других разрядов населения, состоящих как на особых, так и на общих окладах, за исключением платящих оброчную подать. С 1 января 1887 года велено было отменить взимание подушной подати со всех разрядов населения империи, кроме Сибири.

В итоге преобразований основным крестьянским налогом в государственный бюджет стал **государственный оброчный сбор**. При этом основным критерием определения оклада налога выступала стоимость или доходность земли [28].

Тверское губернское земское собрание еще до принятия общих законов пошло на постепенную замену **подушной подати поземельной податью**. В Тверской губернии поземельный налог был введен с 1875 года. Обложению подлежали все земли, подпадающие под обложение земельными сборами.

Подушная подать в 1867 г. составляла 2 руб. 61 коп. с каждой ревизской души. К 1878 г. в Тверской губернии вместо подушной подати была введена поземельная подать, на каждую десятину земли по губернии приходилось платить государственных, волостных и мирских сборов в среднем по 2 руб. 56 коп. Причем, крестьяне несли повинности по 3 руб. 47 коп. за десятину, а остальные сословия – по 1 руб. 34 коп. за десятину.

В результате замены подушной подати на поземельную подать и уменьшение выкупных платежей, сборы и налоги с крестьян к 1886 г. уменьшились на 25% в сравнении с 1880 г. Однако после 1886 г. с целью поддержки фабрик и заводов резко возросли цены на промышленные товары, в том числе и необходимые крестьянам сельскохозяйственные орудия. К 1890 г. переплата за них составила по 5 руб. 77 коп. на каждую душу населения в сравнении с 1886 г. На эту дороговизну крестьянин мог ответить лишь сокращением и так скудного питания своей семьи [29].

Глава II

Реформы в отношении удельных крестьян

Дворцовые крестьяне

Даже солнышко не для всех одинаково светит (кар.).

Категория «дворцовые крестьяне» для *тверских карел* просуществовала 135 лет, с 1662 года, когда был образован Приказ тайных дел, объединившего личное хозяйство русского царя, до апреля 1797 года. Основной обязанностью дворцовых крестьян было снабжение царского двора продовольствием и другими припасами.

После переселения с Карельского перешейка и Приладожья, тверские карелы проживали как в *помещичьих, так и дворцовых деревнях*, получивших в 1797 году статус *удельных деревень*. В дворцовых деревнях Тверской губернии, к 1797 году было 8690 дворов, из них – 6534 двора карельских. К тому времени были образованы 6 карельских дворцовых волостей: Ивицкая, Толмачевская, Дорская, Осеченская, Арханская и Чамеровская с числом селений 375.

Большинство тверских карел до 1797 года относились к дворцовым крестьянам. До перевода их в удельное ведомство с дворцовых крестьян взыскивались всевозможные поборы натурой вместо денежного оброка. К ним относились столовые поборы: рожь, овес, вино, брусника и клюква, мед, хмель, шиповник, свиное мясо, бараны, гуси, утки, куры, поросята, коровье масло, сыры, сметана, яйца, орехи и рыба.

Кроме того, с них брали дворцовые припасы: сено, верба, дубовые бочки, дрова, сани, гужи, оброты (уздечки), вожжи, лопаты, веники и метлы. Сбор всех этих продуктов и припасов для царского двора распределяли по волостям и вотчинам, исходя из местных условий и занятий дворцовых крестьян. Так рыбу поставляли рыбные слободы, мед – деревни, где жители занимались бортничеством. Другие припасы распределялись между различными дворцовыми волостями.

В 1730-х годах натуральные повинности дворцовых крестьян постепенно стали заменять подушной податью. Наши предки, проживавшие на территории Бежецкого Верха и отрогов Валдая, стали платить по 36 копеек в год с ревизской души, и одновременно продолжали поставлять царскому двору рожь, овес, сено и дрова [30].

В 1731 году Главная дворцовая канцелярия предложила отменить разные оклады с дворцовых крестьян, которые собирались в разных губерниях, и обложить всех одинаковым оброком по 40 копеек с ревизской души. Императрица Анна Иоанновна согласилась на эту замену, начиная с 1732 года. При этом если дворцовые крестьяне какой-то местности поставляли царскому двору натурою – деготь, скипидар, канаты, пеньку и другое, то их оценивали деньгами и засчитывали в уплату оброка. Например, обработка одной десятины земли для посева хлеба царскому двору оценивалась в 40 копеек, поставка одной четверти пшеницы (210 литров. – А.Г.) – 20 копеек, одна сажень дров – 2 рубля. Поставка одного косца на все время сенокоса оценивалась в 3 рубля.

Со временем сбор по 40 копеек с ревизской души оказался мал для покрытия расходов царского двора. В 1750 году он был увеличен до 53 копеек с одной ревизской души, в том числе и для дворцовых тверских карел, в 1753 году они платили по 80 копеек в год с ревизской души. С 1754 года с многих дворцовых крестьян, в том числе и тверских карел, брали уже по *одному рублю* годового оброка, при этом некоторые натуральные повинности отменены не были. Дворцовые крестьяне были обязаны пахать определенное количество десятин для сбора урожая царскому двору, косить для него сено в счет уплаты оброка. С 1762 года в большинстве дворцовых волостей оброк был повышен до 1 рубля 25 копеек с каждой ревизской души [31].

При императрице Екатерине II оброк с дворцовых крестьян в 1783 году был повышен до 3 рублей, но они были избавлены от обязательных работ для царского двора. Одновременно ею было велено, при выдаче дворцовых девушек и вдов за помещичьих крестьян, брать выводные деньги по 5 рублей за каждую не поровну, а смотря по зажиточности крестьян. Если дворцовые крестьяне брали невест из помещичьих семей, то размер выводных денег устанавливался в каждом конкретном случае по взаимному соглашению, эти правила продолжали действовать и в начале XIX века. За каждую свадьбу дворцовых крестьян между собой, Дворцовое управление взыскивало по 20 копеек «куничных денег».

Рекрутскую повинность дворцовые крестьяне исполняли наравне со всеми. Среди них было немало зажиточных крестьян, которые откупались от рекрутчины. Это было легко сделать, так как в дворцовых волостях всегда находились бедняки, готовые наняться в рекруты. С 1766 года дворцовым крестьянам разрешили покупать от помещиков небольшие деревни с землями, с платою не более 30 рублей за душу. Из этих покупных деревень дворцовые крестьяне также могли сдавать за себя в рекруты. Эти деревни покупались не только за счет самих дворцовых крестьян, но также за счет Дворцового ведомства.

Дворцовые крестьяне, пользуясь этой возможностью, нередко покупали по одной, по две души с небольшим участком земли. Эти покупки еще раз подтверждали замену своих сыновей на покупные души при отдаче в рекруты. Когда об этих фактах стало известно Сенату, тот в своем указе отметил: «Дворцовым крестьянам ранее разрешили покупать небольшие смежные деревни с землями, а не по одной семье в больших селениях. Приобретая, таким образом, по одной, по две души, дворцовые крестьяне нарушают указ 1770 года, которым было запрещено принимать в рекруты вместо дворцовых крестьян вольных людей. Сенат приказывает Дворцовому ведомству смотреть за тем, чтобы дворцовые крестьяне покупали смежные с ними деревни, а никак не отдельных крестьян с небольшими участками земли или даже вовсе безземельных» [32].

Дворцовые крестьяне, в том числе и тверские карелы, проживавшие в лесной местности, могли вырубить на строительство дома и хозяйственных построек необходимо количество леса. Поэтому каких-либо жалоб на нужду в лесе от дворцовых крестьян не поступало. Из описания Тверской губернии за 1783–1784 годы известно, что у тверских карел было достаточно много земли, изобилие в пашне, в лесах и других угодьях. Значительное количество леса, находившееся в их владении, давало им возможность расчищать себе новые места под пашню и сенокос, потому здесь они были гораздо зажиточнее не только помещичьих, но и экономических крестьян.

По данным генерального межевания в Тверской губернии у дворцовых карел в 1776–1781 годах пахотной земли было в среднем по 5,8 десятин, сенокоса по 1,8 десятины, а всего 7,6 десятин земли на ревизскую душу мужского пола. Кроме того, в дворцовых волостях, где проживали тверские карелы, на ревизскую душу приходилось по 11,3 десятин леса, а всего земли с лесом, выгонами и неудобьями – по

21,3 десятины на одну ревизскую душу. Конечно, нельзя было считать всю эту землю земельным наделом дворянских крестьян Тверской губернии, но это является показателем степени обеспеченности крестьян землей, в том числе и лесом.

В дворянских волостях Бежецкого уезда по причине изобилия лесов, ежегодно расчищались под пашню и сенокос немалое количество земли, на которой в первый год тверские карелы сеяли репу, на другой год – ячмень, на третий – рожь, получая богатые урожаи. По снятию этих урожаев пашни запускались, и расчистки делали в новых местах.

Кроме Бежецкого уезда, много земель дворянские карелы расчищали под пашни в Весьегонском, Вышневолоцком, Краснохолмском и Новоторжском уездах.

Карелы, составлявшие тогда по большей части дворянские волости, сохраняли к тому времени прежний образ жизни и язык. Платье употребляли покроем несколько от обыкновенного крестьянского, отменное. Карельские женщины по будням носили белые холщовые сарафаны, а по праздникам – синие, крашенные сарафаны с кружевами и пуговицами. Кроме них карельские женщины носили суконные сарафаны зеленого, синего или красного цвета, они их называли «сукманами», обшитые около проема красным кумачом, а на груди с кистями из красной бумаги. Рукава у рубашек вышивались шелком, на руках карелки носили по три или по четыре перстня.

Карельские женщины на голове носили сороки, вышитые гарусом или шелком, а девки носили ленты. Ленты на голову они вышивали шелком с блестками, что у карел считалось за большое щегольство. Кроме лент, девки вплетали в косы на шнурах медные трубочки с привешенными возле них колечками с бумажными красными кистями. Кроме ношения лент девки повязывали голову платками, узлом наперед.

Мужчины вместо кушаков подпоясывались «татаурами» – ремнями с медными бляшками. Обувь карелы носили кожаную – сапоги, опои или коты, а лаптей никогда не употребляли. Зимой все карелы поголовно ходили в нагольных или крашенных синей краской шубах.

Говорили они по-карельски, по-русски изъяснялись очень дурно. В дворянских карельских деревнях улицы прямые, многие дворы строились особенно, наглухо, внутри над всем двором под крышей имелись помосты и наезды, куда на зиму убирали сено и солому, а иногда – телеги и летнюю упряжь. Под крышей на дворе находились

лошади, коровы, быки, а маленькие телята, овцы и ягнята содержались в теплых хлевах. Этим дворянские карелы отличались от помещичьих крестьян, у которых на дворе под крышей содержалась только мелкая скотина, а лошади и коровы всю зиму ходили по снежному двору, и от стужи много претерпевали.

В домах жили чисто, скот в избах никогда не держали. Избы почти у всех карел покрыты дранью, дворы для скота просторные. Печи были без труб, дым шел в волоковое окно, а красные окна тогда были во многих избах.

Касательно до нравственных свойств, все карелы очень откровенны, правдолюбивы, гостеприимны и чужды всякой клеветы и несправедливости. Но запырятивы и дерзки, к употреблению крепких напитков склонны. От лихорадки и горячки лечились баней, в которой, вспотев, натирали тело редькой или диким перцем, настоянными на вине.

Дворянские тверские карелы более всего прилежали к хлебопашеству, жили в своих деревнях, никуда не отлучаясь. Их можно было считать богатыми по причине изобилия в пашне, в лесу и других угодьях. Они получали от продажи хлеба, скота, холстов и ремесленных изделий до 30 рублей и более дохода в год.

В 1783 году по Тверской губернии насчитывалось дворянских карел:

- Бежецкий уезд – 5554 мужского пола и 5676 человек женского пола;
- Весьегонский уезд – 6363 мужского пола и 6310 женского пола;
- Вышневолоцкий уезд – 6676 мужского пола и 6982 женского пола;
- Краснохолмский уезд – 1671 мужского пола и 1752 женского пола;
- Калязинский уезд – 118 мужского пола и 110 женского пола;
- Новоторжский уезд – 4383 мужского пола и 4618 женского пола.

Всего в 1783 году по Тверской губернии насчитывалось 50 213 дворянских карел, в том числе 24 765 мужского пола и 25 448 женского пола [33].

Нужно отметить, что с 1776 по 1796 годы дворянские карельские деревни Карело-Кошевского прихода, о которых пойдет речь ниже, и Прилуцкого прихода, относились к Краснохолмскому уезду. После ликвидации этого уезда в 1796 году деревни Карело-Кошевского

прихода отнесли к Бежецкому уезду, а Прилуцкого прихода – к Кашинскому уезду.

С 1774 года дворцовые крестьяне управлялись старостами деревень и селений, которые подчинялись волостным управительским конторам, а те – губернским дворцовым конторам.

Дворцовые крестьяне Тверской губернии сеяли те же зерновые культуры, что и помещичьи: рожь, овес и ячмень, а также лен и коноплю. Они сажали те же овощи, что и помещичьи крестьяне: капусту, репу, брюкву, свеклу, морковь и много луку. В 1783 году картофель (земляные яблоки) дворцовые крестьяне ели в Весьегонском, Вышневолоцком и Краснохолмском уездах, в других уездах Тверской губернии его ели только помещики. Хотя с 1865 года крестьянам стали активно насаждать меры по посадке картофеля, который в те времена назывался «земляное яблоко», и питания им. Тверские карелы с тех пор и по сей день называют картофель «*tuajuaablokka*» (земляное яблоко).

В наставлении 1765 года говорилось, что первоначально картофель в России разводился в дворцовых и помещичьих садах Ингерманландской губернии около Петербурга. К числу обязанностей сельских должностных лиц относилось приучение дворцовых крестьян к размножению в огородах земляных яблок и к привычке питания ими, а также стараться, чтобы и поля ими засевали. Отмечалось, что в тех странах, где питаются картофелем, нет такой его дороговизны, как в России.

Как отмечается в разных первоисточниках, в том числе описных книгах, составленных при приеме дворцовых имений в удельное ведомство после 1797 года, тверские карелы, кроме земледелия и скотоводства, занимались также пчеловодством. Пасек было немного, на каждой пасеке лишь до 5 ульев, в основном мед добывали в лесу. Карелы в лесу заводили бортные угодья, где каждое дерево давало для продажи до 0,5 пуда или 8 кг меда при цене 3 рубля 50 копеек ассигнаций за пуд [34].

Благодаря многократным переписям тверских карел, мы знаем их число и карельские деревни, как помещичьи, так и дворцовые, впоследствии – удельные.

Удельные крестьяне

В приказ ворота широки, да из него узки.

Категория «удельные крестьяне» просуществовала 68 лет, с апреля 1797 года по июнь 1865 года, когда они получили статус «крестьян-собственников».

В день своего коронавания 5 апреля 1797 года император Павел I утвердил «Учреждение об императорской фамилии», которым перевел дворцовых крестьян в статус удельных. Были созданы **сельские приказы**, как выборные органы их самоуправления на местах. Каждому сельскому приказу подчинялись несколько десятков удельных деревень и сел. Центр сельского приказа находился в одном из административных сел бывшей дворцовой волости. В селе, где размещалась администрация сельского приказа, находились **приказной голова, приказной старшина и писарь**.

По 5-й ревизии (1794–1795 гг.) число крестьянских душ, перешедших в 1797 году в удельные крестьяне, по России составляло 464 тысячи. В Тверской губернии насчитывалось 12,3 тысячи ревизских душ удельных крестьян, они имели наделы в пределах 3–4 десятин на одну душу. Это были переселившиеся сюда с Карельского перешейка и Приладожья карелы, которых сначала свезли в дворцовые волости и приходы, а позднее перевели в удельных крестьян.

В «Учреждении об императорской фамилии» предполагалось все удельные земли привести в такое состояние, чтобы каждому работнику досталось на тягло, кроме усадьбы и покосов по 9 десятин пашни в трех полях, озимом, яровом и паровом, или по 4–5 десятин на каждую ревизскую душу. Также предусматривалось, чтобы с учетом покосов, выгонов, лесов и других земель общего пользования, на удельную деревню или селение полагалось земли из расчета по 15 десятин на одну ревизскую душу.

За основу одного «тягла» обычно бралась семейная пара, так как в полное **тягло** включали мужчин в возрасте от 17 до 55 лет и женатых мужчин до 17 лет. В полутягло включали мужчин с 15 до 17 лет и с 55 до 60 лет.

При этом требовали, чтобы вся определенная для селения земля была крестьянами разобрана, но, *сколько каждый из них возьмет – должно быть зависеть от собственной воли крестьянина*. Распре-

деление земли для каждой удельной волости, вотчины, деревни или селение было делом Департамента Уделов. А кем именно и сколько будет взято земли, это уже не дело удельных экспедиций, а дело самих крестьян, экспедиции должны были лишь наблюдать, чтобы никому из крестьян не было притеснения [35].

В «Учреждении императорской фамилии» 1797 года также предусматривался перевод с подушевой подати на поземельный сбор. Указывалось, что крестьянский оброк должен составлять половину дохода крестьян от пахотной земли, состоявшей под посевом. Огороды и луга сразу же предоставлялись в бесплатное пользование удельных крестьян. Но эту коренную меру вновь подняли в 1820-х годах, когда создали комиссию во главе с вице-президентом Департамента Уделов Л.А. Перовский, и смогли реализовать лишь в 1830-х годах.

С 1797 года удельные крестьяне стали иметь некоторые права, которых не было у помещичьих крестьян. Они получили право на сельское самоуправление, пользование мирской землей, право частной собственности на свои участки земли, дом и хозяйственные постройки. У них было право на наследование, заключение договоров и занятие ремеслами.

Одновременно 5 апреля 1797 года Павел I подписал Манифест в отношении крестьян *о трехдневной барщине*. Этим Манифестом впервые за время появления крепостного права в России ограничивалось использование крестьянского труда, как в пользу помещиков, так и в пользу императорского двора. С того времени помещичьи крестьяне отрабатывали барщину на помещиков, а удельные крестьяне проводили общественную запашку для императорского двора три дня в неделю. Воскресенье было выходным днем, оставшиеся три дня в неделю крестьяне использовали в собственных интересах.

Удельные крестьяне, с момента предоставления им статуса удельных крестьян в 1797 году получили право:

- свободного перехода в городское сословие или духовенство;
- свободное заключение брака;
- на частную собственность на земельные полевые наделы, усадьбу, дом, хозяйственные постройки и иные объекты недвижимости. Нужно отметить, что с момента переселения тверские карелы стали пользоваться полевыми наделами и усадьбами на праве личной собственности, не имея никаких на это доку-

ментов. На практике переделы этих участков по инициативе сельской общины в удельных деревнях не проводились никогда, кроме совершения семейных разделов;

- на право наследования, заключения любых договоров по личным участкам земли, движимого и недвижимого имущества. У удельных крестьян правом наследования пользовались только сыновья, а дочери, при заключении ею брака, выдавали приданое, которое оставалось в ее личной собственности. Дочь удельного крестьянина становилась полноправной наследницей дома и имущества, когда муж входил в ее семью «примком». В любом случае земельные участки не были объектами наследования;
- на выбор рода занятий и предпринимательскую деятельность;
- на местное самоуправление сельской общины с правом владения и пользования мирской землей. Сельские общины имели в коллективной собственности полевые угодья, сенокосы, неудобья, лесные массивы, выгоны. Эти общинные земли запрещалось продавать, менять, закладывать, сдавать посторонним лицам в аренду;
- на обжалование действий удельной администрации, выборных должностных лиц местного самоуправления, на личное участие в суде при рассмотрении жалоб.

Сельские приказы рассматривали дела о выдаче крестьянам ссуд из сельского банка, о размежевании земельных участков, о продаже их крестьянам в собственность, составляли ревизские сказки, указывая число ревизских душ в каждой карельской деревне. Занимались рекрутскими наборами, семейными разделами земельных участков, не касаясь имущества, сбором недоимок. Они разрешали споры между крестьянами, организовывали работу на общественных запашках, составляли сведения о посевах зерновых культур в удельных деревнях, списки приказных служащих, решали другие вопросы. Члены сельских приказов избирались на деревенских сходах.

Запрещенными для удельных крестьян являлись такие занятия, как бурлачество, речной сплав, продажа алкогольных напитков, а для женщин – кормилицами воспитательных домов.

В то же время у тверских карел, как и у других удельных крестьян, не было права на выбор другого места жительства за некоторыми исключениями. Утвержденный в 1797 году «Порядок сельского внут-

ренного правления» закрепил в удельных деревнях принцип коллективной ответственности крестьянской общины:

- за раскладку между домовладениями, а позднее – между тягами, основу которых составляла семья, и исправное внесение податей;
- исполнение почтовой и рекрутской обязанностей;
- ремонт дорог, мостов, содержание выгонов, колодцев, прудов, родников, рек;
- растрату сельским удельным приказом собранных денежных средств [36].

В удельных деревнях издавна, со второй половины XVII века, большинством земель владели сельские общины, земли были размежеваны между деревнями, а в деревнях – между хозяйствами. На практике в карельских деревнях полевые наделы никогда не перераспределялись, кроме семейных разделов, ежегодно распределяли лишь покосы и неудобья.

С 1827 года частью земель *общественной запашки* стало владеть Удельное ведомство, в тот год по России насчитывалось 570 тысяч ревизских душ удельных крестьян. С земель общественной запашки пополнялись запасные хлебные магазины, которые выдавали в долг семена весной или хлеб в случае неурожая или его недостатка в семье. Десятипроцентный сбор от дохода общественной запашки направлялся в Удельное ведомство.

19 июля 1829 года министр Императорского Двора Петр Михайлович Волконский в своем докладе императору Николаю I вновь предложил перейти в удельных деревнях и селениях с подушевой подати на поземельный налог. Он считал, что взимание оброка по числу душ не может считаться рациональной системой обложения. Количество и качество земли, используемой удельными крестьянами, вернейший, а в некоторых губерниях – единственный источник их доходов. Для малоземельного крестьянина и небольшой оброк, по мнению министра, являлся отягощающим и убыточным для правительства, так как значительная часть доходов оставалась в недоимке.

В то же время многоземельные удельные крестьяне платили налог, далеко ниже своих имущественных средств. При подушной системе обложения утверждалось вредное и ложное понятие, будто бы удельная, казенная или помещичья земля составляют крестьянскую собственность.

Доклад министра Императорского Двора был передан императором на рассмотрение Государственного Совета. 16 января 1830 года император утвердил своим указом мнение Совета по этому вопросу, где было сказано: «Государственный Совет не может не одобрить мнение министра Императорского двора о введении полезной для государства и благотворной для удельных крестьян меры обложения их податями не по числу душ, а по количеству и доброте земли. Меры, в древние времена в России существовавшей, бывшей впоследствии предметом постоянных попечений правительства и предписанной Удельному Департаменту учреждением об Императорской Фамилии».

Указ о переводе удельных крестьян с подушевой подати на поземельный налог был утвержден Николаем I 24 января 1830 года: «Усматривая важную государственную пользу в установлении поземельного сбора, я повелеваю Департаменту Уделов неотлагательно приступить к введению оного в удельных имениях. Сей способ взимания податей не по числу душ, а по количеству земель, качеству угодий, и выгодам местного положения, должен отныне заменить в удельных селениях оброк по душам, падающий на крестьян не уравнительно» [37].

Из расчета поземельного сбора исключались леса, неудобья, участки земли, купленные крестьянами на собственные средства, а также поля общественной (мирской) запашки. Кроме поземельного сбора с удельных крестьян по-прежнему собирали подушевой оброк для содержания царской фамилии и удельного ведомства. Раскладка подушевой подати на домовладения не зависела от размера земельного участка, доходов, наличия скота и имущества в хозяйстве.

* * *

По 5-й ревизии (1794–1795 гг.) в Тверской губернии насчитывалось 12,3 тысячи ревизских душ удельных крестьян – тверских карел, по 8-й ревизии (1833–1834 гг.) – 22,9 тысячи ревизских душ тверских карел. К тому времени были переведены с подушного оброка на поземельный налог 20,3 тысячи ревизских душ удельных крестьян.

По 10-й ревизии (1857 года) по Тверской губернии насчитывалось 27,5 тысяч ревизских душ тверских карел, которые относились к удельным крестьянам. Если в 1800 году тверские удельные крестьяне имели

в среднем по 3,4 десятины пахотной земли, то в 1837 году – по 4,7 десятины, а в 1859 году – по 5,2 десятины на одну ревизскую душу [38].

Удельные крестьяне были обязаны, кроме выплаты оброка, снабжать дворцы, дачи и дома членов императорской фамилии и удельного ведомства хлебом с общественной запашки, дровами, древесным углем, дегтем, скипидаром, канатами и другими ремесленными изделиями.

Для лучшего управления удельными крестьянами указом императора Александра I от 15 мая 1808 года в России было образовано 19 удельных контор, в том числе Тверская удельная контора. С того, 1808 года, удельные крестьяне перешли в заведование удельных контор с оброком в 3 рубля ассигнациями с ревизской души. Оброки удельных крестьян были ниже оброков казенных крестьян на сумму от 50 копеек до 1,5 рубля с души. Каждый удельный крестьянин, который являлся ревизской душой, по закону имел права на земельный участок, приобретенный на собственные средства, наравне с правами помещика на свое имение.

Удельные крестьяне не состояли на барщине, за ними не было *постоянного* надзора со стороны администрации, контроль осуществляли органы местного самоуправления. Сельские приказы вмешивались в жизнь крестьянина лишь в случае самовольного семейного раздела, самовольного переселения из одной местности в другую, прошение милостыни и притворство в нищенстве, и другие нарушения общественного порядка.

Голова сельского приказа с согласия сельской общины имел право наказать крестьянина штрафом, назначением на общественные работы, поместить в смиренный дом или предать его суду. Согласно Инструкции управляющим удельным конторам от 31 августа 1808 года, удельных крестьян с того времени могли наказывать и за «дурное поведение».

Сначала сельский приказной голова лично давал советы и наставления крестьянину, который не уплачивал подати, отлынивал от работ, пьянствовал, воровал, распутствовал или вел другой подобный образ жизни. Если это не помогало, крестьянина вразумляли на сельском сходе, а при продолжении подобного поведения определяли наказание. Кроме штрафа и общественных работ, сельский сход мог применять такие меры наказания, как порка розгами, направление в рекруты, направление до 1809 года на каторгу, а после 1809 года – в Сибирь. Об исполнении наказания в отношении крестьянина за его «дурное поведение» сообщалось в удельную контору.

Тверская удельная контора объединяла следующие сельские приказы в местах компактного проживания карел:

- Алешинский и Толмачевский Бежецкого уезда;
- Арханский и Чамеровский Весьегонского уезда;
- Заборовский и Осеченский Вышневолоцкого уезда;
- Столбовский Кашинского уезда;
- Дорский Новоторжского уезда;
- Давыдовский Осташковского уезда;
- Елецкое отделение Ржевского уезда [39].

Все должностные лица приказного управления избирались сроком на 3 года, но с 1808 года полномочия приказного головы стали бессрочными. Приказной голова подчинялся удельной экспедиции, его переборы без согласования с удельной экспедицией были запрещены. Старшина приказа был обязан ежегодно на сходах отчитываться по расходу мирских сборов, об исполнении сборов и податей за прошедший год и раскладке их на следующий год.

В «Учреждении об императорской фамилии» 1797 года были закреплены принципы коллективной ответственности крестьянской общины за раскладку между домохозяевами и исправное внесение податей, исполнение рекрутской, почтовой, ремонтной (ремонт дорог и мостов. – А.Г.) повинностей.

На сходах сельского приказа принимали участие по два домохозяина от каждых 100 ревизских душ. Решением схода являлся мирской приговор, который становился обязательным для исполнения всеми крестьянами конкретного сельского приказа. Решения стихийных общих сходов жителей сел и деревень сельского приказа, не объявленных приказным головой, считались недействительными и к исполнению не принимались.

С 1827 года запрещалось принимать участие в сходах всех должников по уплате податей. Одновременно стали записывать в мирской приговор всех крестьян, не явившихся на сход, а также имевших особое мнение, крестьян за неявку на сход наказывали штрафом.

В удельных селах и деревнях сроком на один год избирали деревенских старост, находившихся в подчинении сельского приказа. Деревенский староста на каждые 10 дворов назначал *десятского* сроком на один месяц. С 1808 года в удельных деревнях была введена должность **добросовестного крестьянина** для разбора возникавших между жителями деревни мелких споров с целью их примирения. Эти добросовес-

тные крестьяне избирались по двое на деревню сроком на один год, до 1827 года работали на общественных началах, с 1827 года им было установлено жалованье в пределах 6–10 рублей в год за счет мирских сборов.

За непослушание приказному голове, старшине приказа и деревенским старостам или оскорбление их словом, виновные наказывались штрафом в сумме 1,5 рубля. За рукоприкладство и другое оскорбление их действием виновные наказывались штрафом в размере 4,5 рубля, тюремным заключением или общественными работами на срок до 3 месяцев.

В то же время, за «нетрезвую жизнь» или дурное поведение приказной старшина и заседатели приказа смещались с должности управляющим удельной конторой, а приказной голова – Департаментом уделов. Растрата ими денежных средств или взятка каралась отдачей в рекруты, ссылкой в крепостные команды или на поселение с возмещением ущерба из имущества виновного. Управляющий удельной конторой имел право наказывать сельских выборных лиц штрафом в размере месячного оклада или годового сбора с одной ревизской души, это обычно 3–5 рублей.

В 1808 году за удельными крестьянами признали право на приобретение дополнительных наделов за счет казенных земель. На практике эти наделы получили удельные карелы Тверской губернии, а также удельные крестьяне северных губерний за счет расчистки лесов. На этих территориях по-прежнему действовал обычай наследственного пользования земельными участками, как это было до обращения дворцовых крестьян в удельные.

Кроме собственных усадеб и участков пахотной земли удельных крестьян, другими полевыми угодьями, как и сенокосами, неудобьями, выгонами и некоторыми лесами владели сельские общины. Они имели право ежегодно перераспределять земельные участки между домохозяевами деревни, но чаще всего перераспределяли сенокосы и неудобья, не затрагивая полевых угодий. Большинство лесов, а также участки земель общественной запашки, принадлежали удельному ведомству, собранный хлеб с которых ему передавали натурой.

До 1863 года для удельных крестьян действовал принцип *распределения земли – столько, сколько каждый возьмет*. Поэтому ежегодно сельские общины и многие домовладельцы расширяли свои поля за счет корчевки кустарника, мелколесья и даже леса. Прежде всего, это были ольшаники и кустарники, реже – хвойные леса, в которых крестьянам выделили участки для заготовки бревен на строительство

домов и хозяйственных построек. Обычно эти участки находились по краям хвойного леса, крестьяне вывозили бревна, корчевали пни и вывозили их в риги. Оставшиеся сучья и вершины сжигали на месте лесозаготовок, потом на этом участке сеяли лен или рожь.

Удельные крестьяне Бежецкого уезда ко времени реформы 1863 года имели в среднем на одно хозяйство по 6,5 десятин пашни, 5,4 десятин сенокосов, по 33 сотки усадьбы, по 31 сотке выгонов, по 34 сотке леса и 28 соток неудобий и кустарников.

Распределение земельных участков у удельных крестьян лежало не на администрации, их распределяли сами сельские общества. Удельные крестьяне имели право покупать новые земельные участки и продавать свои вместе со строениями. Удельные крестьяне мужского пола могли переходить в сословие мещан или купцов при уплате выходных денег за всех членов своей семьи. Женщины имели право переходить в другие сословия при замужестве, когда за нее выплачивали выходные деньги. Удельные крестьяне могли получать займы в удельной конторе, гражданские дела в отношении них помогали вести удельные стряпчие.

После перевода в 1797 году дворцовых крестьян в удельные, ими до 1852 года ведал Департамент уделов, как присутственное место Министерства императорского двора и уделов. Департамент уделов ведал собственностью императорской фамилии – удельными крестьянами, земельными владениями, лесами, дачами, именными, рудниками, фабриками и другой собственностью.

В 1852 году Департамент уделов вместе с Кабинетом императорского двора был преобразован в Министерство уделов, а через четыре года перешел в подчинение Министерства императорского двора и уделов. В 1892 году Департамент уделов был преобразован в Главное управление уделов.

* * *

В 1897 года отмечалось столетие создания удельного ведомства, был составлен статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию за 1797–1897 годы. За эти сто лет удельное ведомство отпустило членам императорской фамилии денег на общую сумму 236 млн 308 тыс. 791 рубль серебром. Из них на личное содержание членов императорской фамилии израсходовали 139 млн рублей серебром.

Значительные затраты шли на строительство и обустройство царских дворцов. Больше всего денег потратили в период с 1816 по 1841 годы на строительство Аничкова дворца – 6 млн 723 тыс. 229 рублей. На строительство Красносельских дворцов потратили 4 млн 619 тыс. 236 рублей, Ливадийского дворца в Крыму за 1862–1867 годы – 4 млн 124 тыс. 137 рублей. Кроме того, на деньги удельных крестьян были построены Николаевский и Ораниенбаумский дворцы, а также дворцы на Южном берегу Крыма в Ореанде – 1842–1852 годы, и Ливадии – 1862–1866 годы.

На заграничные вояжи членов царской семьи за 100 указанных лет потратили 7,5 млн рублей серебром и еще 6 млн рублей на единовременные расходы в связи с бракосочетаниями и другими семейными обстоятельствами царской фамилии. Отпуск денег из удельного ведомства на заграничные вояжи с 1797 по 1858 годы проводился без соблюдения каких-либо норм. Эти нормы были определены указом императора Александра II от 3 октября 1858 года.

Нужно отметить, что при императоре Павле I удельными деньгами пользовались всего 4 члена императорской семьи, они потратили за 10 лет его правления 2 млн 10 тыс. 957 рублей серебром. При императоре Александре III 46 членов императорской семьи потратили за 10 лет с 1887 по 1896 годы 52 млн 598 тыс. 915 рублей. За это время оброк с каждой ревизской души удельных крестьян вырос с 3 до 6 рублей серебром [40].

По данным 5-й ревизии, проведенной в 1795 году, в России насчитывалось 467 тысяч ревизских душ мужского пола, относящихся к удельным крестьянам. С каждой ревизской души брали оброк по 3 рубля, за один год собирали 1 млн 401 тысячу рублей оброка, за 10 лет – свыше 14 млн рублей. Таким образом, императорская семья Павла I тратила около 14% всех денег удельного ведомства.

По данным 10-й ревизии, проведенной в 1856 году в России насчитывалось 838 тысяч ревизских душ мужского пола (старше 15 лет. – А.Г.), относящихся к удельным крестьянам, а к концу XIX века – около 1 млн ревизских душ. С каждой ревизской души тогда собирали оброк по 6 рублей, за один год – около 6 млн рублей, а за 10 лет – 60 млн рублей. Таким образом, императорская семья Александра III тратила около 87,7% всех денег, собранных удельным ведомством с удельных крестьян [41].

Местное самоуправление удельными крестьянами в период с 1797 по 1861 годы стало, своего рода, образцом для волостного самоуправления во время реализации крестьянской реформы второй половины XIX века.

Дела Чамеровского сельского приказа

*Хорошее дело надо делать,
плохое само выходит (кар.).*

По архивным материалам Чамеровского сельского приказа Тверской удельной конторы, куда первоначально относились и наши деревни Корельско-Кошевского прихода, можно иметь некоторое представление о жизни удельных крестьян до их реформы 1863 года.

Нужно отметить, что после перевода в 1797 году всех дворцовых крестьян в удельные, *в местах их проживания по-прежнему сохранялись волости*, в каждом сельском приказе было по 2–3 волости. По примеру дворцовых волостей, а затем сельских приказов, после 1861 года волости были образованы повсеместно.

Одной из основных задач удельного ведомства являлся сбор информации обо всех ревизских душах, с которых можно было получать государственную подать и общественные сборы. Эти переписи крестьян получили названия **ревизских сказок**. Первая ревизия была проведена на основании указа императора Петра I от 26 ноября 1718 года, 7-я ревизия – на основании указа императора Александра I от 20 июня 1815 года. В период с 1 августа 1833 года по 1 мая 1834 года проходила перепись ревизских душ по 8-й ревизии.

Тверская удельная контора, в подчинении которой находились все сельские приказы, 21 июля 1833 года дала всем им подробное предписание о проведении 8-й ревизии на основании указа Правительствующего Сената от 27 июня того же года. Всем сельским приказам поручалось немедленно приступить к производству народной переписи и составлению ревизских сказок без малейшего отступления от правил и, не пропуская срока, назначенного для подачи сказок.

Действие переписи начиналось со дня получения на местах высочайшего Манифеста императора от 16 июня того года, и заканчивалось 1 мая 1834 года. После этого устанавливался дополнительный срок до 1 августа для проверки всех списков.

В перепись вносились все души мужского и женского пола, туда не вносились все, принадлежащие военному ведомству, в том числе:

1. Дети, рожденные от солдат во время их службы.
2. Дети инвалидов.

3. Дети отставных солдат, отцы которых после службы не получили обратно свои участки для хлебопашества или не водворились на казенных землях.
4. Дети тех кантонистов, которые по исключению из военного ведомства, оставлены на основании указа от 6 декабря 1828 года для пособия отцам, получившим на войне увечье. Кантонистами тогда называли малолетних и несовершеннолетних сыновей нижних воинских чинов, обязанных служить в военном ведомстве в силу своего происхождения.
5. Дети, матери которых были беременны при отдаче мужей их на военную службу.
6. Дети, незаконно рожденные солдатскими женами, равно вдовами и дочерьми их.
7. Те лица, которых обязали избрать определенный род жизни на основании комитета удельного министерства от 4 октября 1832 года, и поступили в служебные должности при казенных местах и к моменту переписи находились на действительной службе.

Ревизские сказки поручено было составить в отношении удельных и сохранившихся к тому времени дворцовых крестьян, их сельским начальством под собственным надзором их местного управления. В период основного срока проведения переписи, с первого дня ее начала запрещалось переселение удельных крестьян из одной губернии, уезда, волости или селения в другие, а также удаление их в Сибирь по мирским приговорам. Каждый удельный крестьянин должен был оставаться в том звании, в каком ревизия его застигнет.

Тверская удельная контора предписывала всем сельским приказам порядок проведения переписи. «На первой мирской сходке прочитать эти правила крестьянам и об этом слушании составить приговор. После этой сходки собрать всех грамотных крестьян, знающих в данном обществе всех крестьянских детей. Может, найдутся крестьяне, которые умеют писать и могут составить именные списки. Эти списки, как можно быстрее, передать в удельную контору с подписями для видимости, кто как пишет. Затем по тем спискам назначить нужное число писцов по волостям для составления ревизских сказок.

Писари сельских приказов должны присоветовать переписчикам, писать в одинаковой форме. Когда волостной писарь поймет, кто может быть переписчиком, то определяет, какие селения ему переписать,

и дает ему бумаги с печатями и заверенные подписью головы сельского приказа и писаря с обозначением имен сельских старост.

После проведения переписи в селении, староста должен дать знать письменно сельскому приказу, что такое селение таким то писарем описано, и никто не пропущен и дважды не записан. Сельский приказ должен в течение 2 недель собрать от старост эти донесения и представить удельной конторе ведомости с указанием, какие селения описаны. Ревизские сказки писать по той же форме, которая устанавливалась по 7-й ревизии. При составлении списков нужно было запросить от приходских священников выписки из метрических книг со сведениями об умерших и рожденных жителях прихода после 7-й ревизии».

Тверская удельная контора предписывала, что во время переписи, ни под каким видом не отвлекать крестьян от полевых работ, особенно тех, кто находятся в отдаленности для работ и промыслов. «Записи проводить в рабочее время тех, кто занимается дома, спрашивать обо всех его обитателях, проверять по паспортам и билетам тех, кто в отлучке, и проверять всех по данным 7-й ревизии.

Нельзя полагать, чтобы не было самовольно разделившихся семей или переселившихся из селения в селение до указа от 4 декабря 1826 года и после него. Все ревизские списки писать сначала начерно, после проверки составить второй черновой список, а затем только по установленной форме. Вторые черновые списки представить в удельную контору в первых числах ноября 1833 года. Объявить писцам, что за усердие они получают от удельной конторы благодарности и денежное награждение по мере их успехов».

Ревизские сказки подписывались их составителями и теми общественными начальствами, через которые сказки представлялись в ревизские комиссии. Перед тем, как отправить ревизские сказки в ревизские комиссии, они троекратно прочитывались на сельских сходах для удостоверения самих селян, что никто в переписи не пропущен. Удостоверение о таких прочтениях делалось на самой сказке. После этого ревизские сказки подавались составителями в ближайшее над ним начальство, а от них – в ревизские комиссии.

После основного срока подачи ревизских сказок к 1 мая 1834 года, начинался дополнительный срок до 1 августа 1834 года для проверки. В случае выявления людьми правительства неучтенных ревизских душ, виновные подвергались платежу государственных податей в двойном

размере и штрафу 250 рублей за каждую пропущенную душу мужского пола, а также личному наказанию по суду.

К письму Тверской удельной конторы была приложена установленная форма составления списков для писцов: название уезда, приказа, волости, села, деревни. В каждом селе или деревне: число дворов, наличие числа душ, отдельно мужчин и отдельно женщин. На основании этих списков сельский приказ представлял сведения по каждому селу и деревни: число мужчин и женщин по 7-й ревизии, сколько прибыло мужчин и женщин, сколько убыло мужчин и женщин, налицо мужчин и женщин по 8-й ревизии [42].

Например, по Чамеровскому сельскому приказу по 8-й ревизии насчитали: в Чамеровской волости 34 селения, 1570 мужчин и 1850 женщин; в Бухаловской волости 21 селение, 995 мужчин и 1112 женщин; в Кесемской волости 27 селения, 1130 мужчин и 1186 женщин [43].

Тверская удельная контора 19 августа 1833 года направила предписание всем сельским приказам о наборе с каждой 1000 ревизских душ по 4 рекрута, набор провести в период с 1 ноября 1833 года по 1 января 1834 года. «При получении предписания собрать мирскую сходку сельского приказа, куда вызвать домохозяев из каждого селения и зачитать им предписание. Тут же велеть им разделиться на кучки по селениям, чтобы они на каждую тысячу душ рекрутского участка избрали рекрутского старосту, а также отдатчика. Они должны назначить людей в рекруты, руководствуясь очередным спискам, из которых составить именной список. Этот список, составленный рекрутским старостой, рассмотреть на мирском сходе рекрутского участка.

По исправлению списка на мирском сходе хранить его в полной готовности до прибытия помощника управляющего удельной конторой для рассмотрения и проверки семейств. После проверки велеть составить мирской приговор, в котором указать назначаемые к поставке в рекруты семейства и еще по два подставных семейства. В каждом этом семействе в рекруты брать по одному человеку».

Назначали сбор сумм с крестьян на отдачу рекрутов, поддержание отдатчика и полевое обмундирование рекрута, всего по 33 рубля на каждого рекрута. Кроме того, дополнительно собирали еще по 3 рубля на одного рекрута на провиант и издержки при его доставлении на службы. В рекруты записывали мужчин не моложе 20 лет и не старше 35 лет, ростом в 2 аршина 3 вершка, или не ниже 156 см, так как один аршин равнялся 71,12 см, один вершок – 4,44 см.

По Чамеровскому сельскому приказу в 1833 году были включены в списки для отдачи в рекруты 13 крестьянских семей из разных селений [44].

Удельное ведомство не допускало самовольное переселение крестьян и их самовольные семейные разделы. 15 ноября 1835 года Тверская удельная контора обратилась с предписанием ко всем сельским приказам: «Для удержания удельных крестьян от самовольных разделов на разные семейства, а также переселений, столь вредных по своим последствиям, в разные годы были изданы постановления о взыскании штрафов и об особых наказаниях, как самих виновных крестьян, так равно приказных старшин, допускающих подобные своеволия. Несмотря на все таковые меры, самовольные переселения и разделы нередко встречаются и ныне. Департамент уделов находит, что беспорядки преимущественно происходят от послаблений, а иногда злоупотреблений сельских начальников и приказных старшин, которые в результате довольно умеренного взыскания, налагаемого на них существующими правилами, допускают подобные случаи и, быть может, извлекают из них собственную выгоду.

По этим причинам Департамент уделов признал необходимым усилить меры взыскания с означенных лиц. Они будут отдаваться в рекруты, а неспособные – ссылаться на поселение, как люди неблагонадежные и вредные».

К письму Тверской удельной конторы были приложены *новые правила о взысканиях за самовольное переселение и раздел семейства удельных крестьян*. «В случае самовольного переселения крестьян, возвращая их непременно на прежние места жительства, с взысканием за каждую душу мужского пола самовольно переселившегося семейства по 10 рублей. Отдавать виновных хозяев семейств в рабочий дом или наряжать на общественные работы на срок от одного до двух месяцев.

Если беспорядок допущен местным сельским начальством по недостатку надзора, без всякого злоупотребления, то с приказных старшин взыскивать по 10 рублей, с сельских начальников взыскивать по 25 рублей за каждую душу мужского пола переселившегося семейства. Сельских начальников, отрешая от должности, наряжать на общественную работу. Если будет с их стороны какое-либо умышленное злоупотребление, то виновных отдавать в рекруты, а неспособных к тому ссылать на поселение, как людей неблагонадежных и вредных.

Крестьян, самовольно разделившихся, соединяя по-прежнему в одно семейство и, наряжая на общественную работу, подвергать и денежному наказанию по 10 рублей за каждую душу мужского пола».

Правила были утверждены 22 сентября 1835 года министром императорского двора и должны быть исполняемы во всей полноте.

Столоначальник Чамеровского сельского приказа Токарев на письмо Тверской удельной конторы сообщал, что в период с 1807 по 1831 годы в селениях приказа самовольно разделились 9 семейств, число душ мужского пола в них 22 человека [45].

Нужно отметить, что получение разрешения ведомством на переселение удельные крестьяне добивались в длительный период времени. Как пример, переселение карельских семей из Калязинского уезда в Кашинский уезд.

* * *

2 декабря 1839 года Тверская удельная контора направила предписание в Чамеровский сельский приказ. В нем говорилось, что крестьяне деревень Столбовского отделения Чамеровского приказа Якимовская, Сенино и Серково Калязинского уезда просят Департамент уделов о переселении их из этих деревень на пустошь Вахромеиху с пустошами Жернохово, Милбуево, Горка, Печенниково и Жимихово. Все эти пустоши находились в Кашинском уезде, с 1838 года были во владении крестьян весьегонского помещика Дюкина.

Тверская удельная контора предписывала Чамеровскому приказу объявить старосте помещика Дюкина крестьянину деревни Григорково Евдокиму Данилову, согласен ли он будет за отобрание у них означенных пустошей. На это предписание приказной старшина Чамеровского приказа ответил в Тверскую удельную контору, что староста Евдоким Данилов должен согласовать эти пустоши со своим управляющим имениями помещика Дюкина майором Сомовым.

Вотчинная контора сельца Кобылино 9 февраля 1840 года ответила в Тверскую удельную контору, что эти пустоши были распределены между 20 селениями. Большая часть этой земли засеяна, на остальные участки вывезено удобрение, о чем вотчинная контора сельца Кобылино уведомила Чамеровский сельский приказ и управляющего майора Сомова.

Через некоторое время, в сентябре 1840 года, вотчинный староста весьегонского помещика Бориса Николаевича Дюкина Евдоким Данилов сообщил в Тверскую удельную контору, что желает полюбовно размежевать землю, находящуюся во владении Дюкина. Вместо указанных пустошей площадью 193 десятины 1597 сажень он предложил удельному ведомству другие пустоши – Житово и Скоково, площадью 77 десятин. Остальные недостающие десятины предлагал обменять у ярославского помещика графа Мусина-Пушкина, а именно пустоши Едрово и Устимовское, в которых значилось 144 десятины.

Сообщая об этом 31 октября 1840 года Чамеровскому приказному старшине, Тверская удельная контора поручала ему учесть, что Департамент уделов определил жителей деревень Якимовская, Сенино и Серково малоземельными, но предписал Тверской удельной конторе оставить их на прежних местах жительства впредь до введения у них поземельного сбора.

«Если при введении этого сбора означенные деревни окажутся малоземельными, то войти в Департамент уделов с представлением о переселении просителей. Объявить старосте помещика Дюкина Евдокиму Данилову, что до введения поземельного сбора по Столбовскому отделению никаких распоряжений, относящегося до полюбовного раздела земли, он производить не может».

В 1843 году на пустошь Вахромеиха Кашинского уезда вблизи от приказного села Столбово переселились 9 семей из карельской деревни Якимовская, 4 семьи из деревни Сенино и 5 семей из деревни Серково Калязинского уезда. Переселившись на эту пустошь, удельные крестьяне назвали свою деревню Ильинской с населением 51 душа мужского пола [46].

Нужно отметить, что по переписи 1859 года в карельских удельных деревнях Калязинского уезда Тверской губернии оставались проживать:

1. Деревня Авсерьево, в 7 верстах от Калязина, 56 дворов, 164 жителей мужского пола и 221 женского пола.
2. Деревня Сенино, в 12 верстах от Калязина, 5 дворов, 21 житель мужского пола и 27 женского пола.
3. Деревня Серково, в 9 верстах от Калязина, 9 дворов, 39 жителей мужского пола и 48 женского пола.
4. Деревня Федорцово, в 15 верстах от Калязина, 5 дворов, 13 жителей мужского пола и 16 женского пола.

5. Деревня Якимовская, что по Московскому тракту, в 10 верстах от Калязина, 30 дворов, 110 жителей мужского пола и 117 женского пола.

Во вновь образованной на пустоши Вахромеиха карельской деревне Ильинская Кашинского уезда, что в 32 верстах от Кашина и полутора верстах от центра сельского приказа села Столбово, в 1859 году было 34 двора, 97 жителей мужского пола и 132 женского пола [47].

* * *

Общим циркуляром по Удельному ведомству от 14 октября 1860 года установлено, что из незначительных сумм, получаемых крестьянами случайно, и принадлежащих мирскому обществу, были составлены новые мирские капиталы. В случае их накопления более 100 рублей, вносить их в сельские банки для приращения процентов, потом расходовать их по мирским приговорам на мирские нужды.

Циркуляром было поручено удельным конторам, чтобы удельные крестьяне вносили мирские сборы в сельские банки, начиная с 5 рублей, а не со 100 рублей, как было до этого [48].

Сразу же после объявления Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, 23 апреля 1861 года император Александр II награждал орденами, подарками и денежными премиями достаточно много чиновников Удельного ведомства, в том числе и удельных контор. По Тверской губернии никто из чиновников и органов местного самоуправления орденами награжден не был. Единственной денежной премией в числе других был награжден секретарь столоначальника Тверской удельной конторы *Ливановский*, который впоследствии был утвержден столоначальником этой конторы.

Серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте, были награждены казенный заседатель Заборовского сельского приказа *Аверьянов* и сельский мещанин *Пивоваров* Тверской удельной конторы.

Нарядными кафтанами наградили голову Чамеровского сельского приказа *Токарева*, фельдшера этого приказа *Кузнецова*, смотрителя общественной запашки Заборовского сельского приказа *Лапина*, приказного заседателя Давыдовского приказа *Дмитриева*, лесного старшину Осеченского приказа *Мельникова*.

Денежными премиями были награждены сельские мерщики Тверского удельного имения *Никита Шишимарев* и *Тимофей Турбин* [49].

В этот период времени уже готовились материалы по проведению реформы в отношении **удельных крестьян**, которая была утверждена указом императора Александра II от 26 июня 1863 года.

Реформа 1863 года в отношении удельных крестьян

Когда власть делили, нас позвать забыли.

Заботы о переустройстве быта удельных крестьян начались почти одновременно с разработкой мероприятий по освобождению помещичьих крестьян от крепостного права.

В 1858 году был учрежден Комитет для устройства поземельных отношений и положения крестьян государственных, удельных, государевых, дворцовых и заводских. Комитет выжидал результаты работы губернских редакционных комиссий по общей крестьянской реформе для согласования с ними своей деятельности. Этим он объяснял обстоятельство, что Положение о поземельном устройстве бывших удельных крестьян вышло на два с лишним года позднее Положения о помещичьих крестьянах, а именно, 26 ноября 1863 года.

Указом императора от 20 июня 1858 года были внесены изменения в гражданском и юридическом быте всех удельных крестьян. Отменены постановления, приравнивавшие их к крепостным людям, дарованы некоторые личные и имущественные права наравне с другими свободными сельскими сословиями.

В указе императора говорилось: «Предоставить впредь удельным крестьянам право по своему усмотрению приобретать в собственность, без разрешения Департамента уделов и его имени, всеми законными способами, от лица своего и других состояний ненаселенные земли, равно, как и отчуждать, кому пожелают, собственные земли свои. Совершать своим именем, установленные для сего акты, и вообще располагать приобретенными таким образом землями и всем находящимся на поверхности и внутри оных на правах полной собственности.

При сем вменить удельным крестьянам только в обязанность о приобретении и отчуждении земли предварительно объявлять каждый раз местному удельному приказу, где таковой есть. По совершенным

до сего времени, именем Департамента уделов, актам на собственные земли удельных крестьян сделать надлежащие на имена владельцев передачи» [50].

Также было разрешено удельным крестьянам переходить в городские и другие свободные сельские сословия, при этом прежний сбор с переходящего семейства при причислении в купечество по 1500 рублей, а в мещанство – по 600 рублей, *был отменен*. Вдовам и дочерям удельных крестьян дозволили выходить замуж за людей других сословий без внесения какой-либо платы.

Удельным крестьянам по указу от 20 июня 1858 года было разрешено в тяжбах, исках и вообще в гражданских делах с лицами других ведомств ходатайствовать, чтобы с их стороны участвовали грамотные люди, назначенные сельским обществом с разрешения его начальства. Удельные крестьяне также могли просить участвовать в судах на их стороне судебных стряпчих [51].

Указом императора Александра II от 5 марта 1861 г. было повелено:

1. Обязательные работы на общественных запашках отменить после уборки урожая хлебов в 1861 году.
2. Прекратить взимание оброка с удельных крестьян, живущих на собственных или наемных землях, и не пользующихся наделами от удельного ведомства. Оставить, однако, на обязанности крестьян, по принадлежности, на месте жительства и приписки, исполнение прочих государственных податей, повинностей и общественных сборов [52].

18 марта 1861 года Департамент уделов направил по конторам удельного ведомства циркуляр в отношении крестьян государевых, дворцовых и удельных имений. В нем говорилось, что указами Министра императорского двора и уделов от 20 июня 1858 года и 26 августа 1859 года этим крестьянам были дарованы все личные по имуществу права. После издания Манифеста о выходе помещичьих крестьян от крепостной зависимости Департамент уделов признал справедливым позаботиться также о государевых, дворцовых и удельных крестьянах. Поэтому им этим циркуляром предоставляются те из прав и преимуществ, дарованных крестьянам, водворенным на помещичьих землях, которыми крестьяне удельного ведомства еще не пользуются.

Всем удельным конторам было поручено подвергнуть тщательному пересмотру существовавших постановлений о крестьянах удельного ведомства и *составить проект правил о наделе землею, повинностях*

и управления крестьян государевых, дворцовых и удельных имений, приняв в основание следующие главные начала:

1. Предоставить крестьянам упомянутых имений, если они пожелают, сохранить за собой все состоящие в их пользовании угодья за нынешние повинности, в продолжение пяти лет со дня обнародования настоящего указа. Между тем, в каждом имении должно быть отведено в постоянное пользование крестьянам определенное количество угодий на основании правил, установленных в местном положении о крестьянах, водворенных на помещичьих землях.
2. Оброки и поземельные сборы за угодья, отводимые в постоянный надел крестьян, не должны превышать ни окладов, которыми они ныне обложены, ни оброков, определенных с крестьян, водворенных на помещичьих землях.
3. Установленные на этом основании повинности должны оставаться неизменными в течение 20 лет.
4. Предоставить право крестьянам, как в составе целого селения, так и отдельным домохозяевам, выкупать их усадьбную оседлость по оценке не выше той, какая установлена для выкупа усадеб крестьянами, водворенными на помещичьих землях.
5. Предоставить право крестьянам приобретать в собственность вместе с усадьбами и полевые угодья по добровольному соглашению с удельным ведомством. Для чего установить, применяя к существующему ныне порядку, правила об оценке выкупаемых угодий и об облегчении крестьянами приобретения земель в собственность, посредством рассрочки уплаты выкупной суммы.
6. Устроить мирское управление и крестьянские суды, и определить отношение удельных контор к этому управлению, применяясь к тем началам, которые приняты для крестьян государственных и водворенных на помещичьих землях.

Департамент уделов поручал удельным конторам, составив проекты правил об устройстве крестьян государевых, дворцовых и удельных имений, внести их на рассмотрение в учрежденный Главный комитет об устройстве сельского состояния. Желая, между тем, предоставить некоторые облегчения крестьянам государевых, дворцовых и удельных имений, Департамент уделов повелевал:

1. Обязательные работы на общественных запашках отменить после уборки урожая 1861 года, установив тем самым меры

обеспечения продовольствия крестьян на общем для сельских свободных сословий основании.

2. Прекратить взимание оброка с крестьян, живущих на собственных или наемных землях, и не пользующихся наделом удельного ведомства. Однако оставить на обязанности этих крестьян по принадлежности их места жительства или прописки, исполнение прочих государственных податей и повинностей, а также общественных сборов.

Циркуляр подписал председатель Департамента уделов, генерал от инфантерии Муравьев. Министром императорского двора и уделов, куда входил этот департамент, в то время служил генерал от инфантерии, генерал-адъютант граф Адлерберг [53].

27 ноября 1862 года министр императорского двора В.Ф. Адлерберг представил императору Александру II проект «Положения об устройстве крестьян в имениях государевых, дворцовых и удельных». В своем докладе он обращал внимание на оставление поземельного сбора с удельных крестьян, введенного в 1830-е годы и сохранении крестьянских наделов без уменьшения, в случае уменьшения должен соответственно понизиться и поземельный сбор.

Он писал, что крестьяне соседних помещичьих деревень не будут протестовать, узнав о лучшем обеспечении землей удельных крестьян. Их больше заботит сохранение своего надела, а не сравнение с наделами соседних удельных деревень.

Император Александр II принял доклад министра Адлерберга и повелевал внести проект Положения в Главный комитет по устройству сельского состояния. В мае 1863 года Департамент уделов собрал в секретном порядке от управляющих удельными конторами сведения о мнении и настроениях крестьян в связи с подготовкой реформы в отношении удельных крестьян. Выясняли мнение бывших помещичьих крестьян, которые получили наделы меньше, чем удельные крестьяне.

Выяснилось, например, что по одному из сельских приказов Тверской удельной конторы крестьяне пользовались землей по площади больше, чем платили поземельный сбор, так как ее не измеряли, а оценили приблизительно. Было решено проводить отрезку земель у удельных крестьян по минимуму, чтобы не было волнений.

Император Александр II своим указом от 26 июня 1863 года утвердил *«Положение о крестьянах, водворенных на землях государевых, дворцовых и удельных имений»*.

* * *

Тверская удельная контора 31 июля направила во все сельские приказы постановление Тверского губернского по крестьянским делам присутствия о распределении приказов и селений Тверского имения между существующими мировыми участками. Головам сельских приказов было велено исполнять все требования мировых посредников после приема ими в свое заведование сельских приказов.

На основании Положения от 26 июня 1863 года удельные крестьяне были переданы из Удельного ведомства в ведение губернских и уездных управлений. Они были обязаны приступить к выкупу отведенных им по уставным грамотам наделов через два года со дня утверждения Положения.

Уплату ссуды и процентов по ней бывшие удельные крестьяне проводили по тем же правилам, что и бывшие помещичьи крестьяне, в течение 49 лет. Отличие было лишь в том, что они, через два года после объявления Положения, приступая к оплате, сразу же становились *крестьянами-собственниками*, минуя статус *«временно-обязанных»* крестьян каковыми становились бывшие помещичьи крестьяне. В состав крестьянского надела бывших удельных крестьян включались одни удобные земли, леса в надел не включались [54].

В первые годы после объявления реформы 1863 года бывшие удельные крестьяне не замечали, что у них провели отрезку надельной земли. Они по-прежнему полностью засевали свои наделы, полностью выкашивали луга, довольно свободно пользовались удельными лесами. Постепенно, когда удельное ведомство и лесное хозяйство ужесточили контроль над землей и лесами, у крестьян начали сказываться последствия уменьшения наделов и лишения права пользования лесами.

От тверских карел каких-либо жалоб по этому поводу не поступало, в отличие от бывших удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний. Хотя по правилам Положения от 26 июня 1863 года леса в состав крестьянских наделов не включались, а бывшие удельные крестьяне могли иметь лес для постройки домов и хозяйственных построек, ближайшие лесные угодья передавались за незначительную плату в аренду сельским обществам сроком на 48 лет. Ежегодная плата за аренду устанавливалась единожды при заключении соглашения, и более не поднималась. Сельские общества должны были оберегать

переданные в аренду лесные участки от самовольных порубок и пожаров [55].

Департамент уделов с началом реформ провел ревизию всех удельных лесов, в 1883 году принял новую «Инструкцию для устройства удельных лесных дач». На каждый год стали определять количество возможных вырубок в удельных лесах и продажи древесины. Со временем была организована охрана лесов от порубок и потрав.

До крестьянской реформы 1863 года охрана удельных лесов лежала на самих удельных крестьянах. После реформы охрану удельных лесов поделили между крестьянами и вольнонаемной лесной стражей. Крестьянам в нашей местности перешли ельники и леса для заготовки дров, лесная стража охраняла все остальные удельные леса. Лесные сторожа нанимались с жалованием от 60 до 120 руб в год. Для надзора за ними и объездами назначались лесные смотрители с жалованием от 240 до 300 рублей в год.

Начиная с 1883 года лесникам стали передавать бесплатный надел в 1,5 десятины усадебной земли, они также могли приобрести за деньги наделы от 8 до 10 десятин угодий. Лесники получили право пасти до 10 голов личного скота в удельном лесу. Леса были поделены на две категории, в зависимости от прав жителей на вхождение в лес для сбора грибов, ягод и мха. В леса первой категории не допускали никого. В леса второй категории допускались жители деревень, имеющих общее предварительное разрешение от местного удельного управления. Выпас скота и сенокосение разрешались жителям бывших удельных деревень в обеих категориях лесов [56].

Удельные крестьяне легче воспринимали реформы, чем помещичьи крестьяне, так как они испокон веков занимались своей землей, постоянно расширяя свои участки за счет лесов и кустарников, а также имели некоторые свободы и права на имущество и личную жизнь.

Если помещичьи крестьяне освобождались от крепостного права после *девяти лет*, то *удельные крестьяне и дворовые люди* освобождались от зависимости удельного ведомства, а вторые – от крепостной зависимости по истечении *двух лет* после опубликования Манифеста и Положения. Составление уставных грамот с бывшими удельными крестьянами было закончено ко второй половине 1865 года, с того времени все они стали *крестьянами-собственниками*. Эта категория для бывших удельных крестьян просуществовала 66 лет, с 1865 до создания колхозов в 1931 году.

Таким образом, в ходе реализации реформы в отношении удельных крестьян от 26 июня 1863 года:

1. Удельные крестьяне перешли из Удельного ведомства в ведение создаваемых волостей и уездного управления.
2. Для них был полностью отменен принцип приобретения земельных участков «столько, сколько каждый возьмет».
3. Земельные участки удельных крестьян были ограничены полевыми наделами в дореформенных размерах.
4. Удельное ведомство запретило им бесплатно и бесконтрольно пользоваться ведомственными лесами. Оно заключало договоры на аренду участков леса с сельскими обществами за определенную плату на 48 лет.
5. Бывшие удельные крестьяне через 2 года после объявления о реформе получали статус «крестьян-собственников». Выкупные платежи для них были на тех же условиях, что у бывших помещичьих крестьян.
6. Они, получив в 1865 году статус «крестьян-собственников», считали используемые полевые наделы своей собственностью, наравне с усадьбами. Сельская община распоряжалась лишь сенокосами, выгонами, арендованными участками леса и неудобьями (берега рек, овраги, лесные поляны и другими).
7. Бывшие удельные крестьяне сохранили за собой право перехода в городское сословие, духовенство и купечество, но уже без выплаты какого-либо денежного сбора.
8. Они сохранили право свободного заключения брака, при этом вдовы и дочери бывших удельных крестьян могли выходить замуж за людей других сословий без внесения какой-либо платы, как было ранее.
9. Они сохранили за собой право на частную собственность на земельные полевые наделы, усадьбу, дом, хозяйственные постройки и иные объекты недвижимости.
10. Сохранили право наследования, заключения любых договоров на личные участки земли, движимое и недвижимое имущество.

Но семейные разделы они должны были производить лишь с разрешения волостного и уездного управления, что на практике было редко. Чаще всего сын отходил от отца или два брата делились между собой самостоятельно, без какого-либо разрешения.

Нужно отметить, что современники, которых полностью затмил тогда польский вопрос, ни словом не обмолвились о важном для России событии – указе императора Александра II от 26 июня 1863 года, которым он утвердил *«Положение о крестьянах, водворенных на землях государевых, дворцовых и удельных имений»*. Ничего не писали об этой реформе ни издатели газеты «Колокол» в Лондоне русские революционеры А.И. Герцен и Н.П. Огарев, ни историк, автор серьезных исследований, позднее опубликованных в 22 томах, Михаил Петрович Погодин, ни другие современники того времени.

Удельные тверские карелы в период реформы

*Нет, родней своих полей,
нет лесов своих милей (кар.).*

Тверская губерния в этнографическом отношении представляла особый интерес тем, что в центре России в XVIII–XIX веках сохранялось значительное число карел, вкрапленных в основную русскую массу. Притом, в Тверской губернии тогда в разные годы насчитывалось в 1,3–1,5 раза карел больше, чем в материковой Карелии.

В постановлении Тверского губернского по крестьянским делам присутствия от 31 июля 1863 года говорилось, что император Александр II **26 июня 1863 года** утвердил *«Положение о крестьянах, водворенных на землях государевых, дворцовых и удельных имений»*. В тот же день император издал указ Правительствующему Сенату, которым было поручено распределение селений означенных крестьян между существующими мировыми участками, которое должно быть составлено по соглашению управляющего удельной конторой с Губернским по крестьянским делам присутствием.

В связи с этим по Тверской губернии произведено распределение сельских приказов по мировым участкам:

1. Заборовский, 34 селения, 1713 ревизских душ, к 1 участку Вышневолоцкого уезда.
2. Осеченский, 70 селений, 2946 душ, ко 2 участку Вышневолоцкого уезда.

3. Алешинское отделение, 37 селений, 2086 душ, ко 2 участку Бежецкого уезда.
4. Столбовский, 37 селений, 2174 души, к 1 участку Кашинского уезда.
5. Чамеровский, 82 селения, 3775 душ, к 1 участку Весьегонского уезда.
6. Арханский, 63 селения, 3129 душ, к 3 участку Весьегонского уезда.
7. Давыдовский, 72 селения, 1689 душ, к 4 участку Осташковского уезда.
8. Елецкое отделение, 12 селений, 1013 душ, к 4 участку Ржевского уезда.
9. Дорский, 90 селений, 4197 душ, ко 2 участку Новоторжского уезда.

Что касается Толмачевского сельского приказа, то по местности его следует приписать к 1 участку Бежецкого уезда. Но, принимая во внимание, что заведование удельными крестьянами Толмачевского приказа было бы весьма затруднительным для местного мирового посредника, то присутствие признало необходимым поручить заведование крестьянами этого участка кому-либо из кандидатов мировых посредников Бежецкого уезда [57].

До тех пор, пока удельные крестьяне находились в распоряжении удельного ведомства, по всей стране их было около 1 млн ревизских душ. Удельные крестьяне испытывали те же проблемы, что и помещичьи крепостные, с той лишь разницей, что их владелец непосредственно с ними не соприкасался, и управление ими было более упорядочено.

26 июня 1863 года удельным крестьянам было объявлено об обязательном выкупе их земельных наделов. Условия были следующие: крестьяне сразу становились собственниками земли, а их прежние повинности превращались в выкупные платежи сроком на 49 лет. По сравнению с помещичьими крепостными удельные крестьяне получали некоторые преимущества: переходный период в виде временнообязанных отношений был всего на протяжении 2 лет, устанавливался понятный порядок исчисления выкупной суммы.

По закону им полностью оставался существующий надел земли. Ранее в удельных имениях не было точного межевания земель, и крестьяне пользовались не только табельными землями, но и любыми свободными участками, которые давно считали своими. В среднем

удельные карелы Тверской губернии имели по 5,9 десятины на ревизскую душу, что больше, чем в помещичьей деревне. Для сравнения, у помещичьих крестьян было по 5,21 десятины земли, у государственных крестьян – по 4,33 десятины земли.

До реформы основным доходом императорского двора от удельных крестьян был оброк, с началом проведения реформы второе место по доходности заняли удельные леса.

До 1863 года леса не составляли отдельной статьи доходов императорского двора, они служили, главным образом, для удовлетворения нужд самих удельных крестьян на строительство домов, построек и заготовки дров. К 1863 году каждая десятина удельных лесов приносила прибыль императорскому двору в 2,5 копейки. К 1870 году чистый доход царской семье с каждой десятины составлял уже 10 копеек, а к 1880 году – 18 копеек. В том году императорский двор получил от лесов около 1 млн рублей дохода.

* * *

Летом 1863 года начался переход удельных крестьян от сельских приказов к волостному правлению. Как это происходило, можно показать на примере Чамеровского сельского приказа Тверской удельной конторы.

1 августа 1863 года Тверская удельная контора направила поручение головам всех сельских приказов, что для сдачи в мировые учреждения крестьян приказа необходимо подготовить документы:

1. Опись нерешенных дел.
2. Привести в порядок описи дел, сданных в архив.
3. Ведомость имеющихся налицо в приказе сумм по каждому капиталу отдельно.
4. Ведомость по каждому участку о хлебных запасах налицо, с приложением списков о выдаче хлеба крестьянам и отдельно списка должников.
5. Список приказных строений, общественного имущества, хлебных магазинов, пожарных сараев и инструментов в них.
6. Данные о фельдшерах, ветеринарах, повивальных бабках.

Выполняя это поручение, голова Чамеровского сельского приказа Токарев подготовил все необходимые документы и передал по ним

казенному заседателю П.Е. Буравцову все строения, имущество, хлебозапасные магазины и 724 рубля 52 копейки денег.

5 сентября 1863 года голова Чамеровского волостного приказа Токарев созвал мирской сход по поручению мирового посредника. На сходе был мировой посредник Маслов, а также удельный депутат Климашевский. На сходе крестьянам объявили, что мировой посредник Маслов принимает в свое заведование всех крестьян бывшего Чамеровского сельского приказа. Сельский приказ переименован в Чамеровское волостное правление.

На сходе избрали волостного старшину крестьянина деревни Игнатково Гаврилу Иванова, казначеем избрали крестьянина деревни Дудино Петра Ефимовича Буравцова, членами правления – Егора Андреева из деревни Огнишино и Александра Лапенкова из деревни Еремейцево. На сходе также были избраны сельские старосты по 5 участкам, на которые поделили селения Чамеровской волости.

В тот же день, 5 сентября, Токарев сообщил управляющему Тверской удельной конторой Ливановскому, что мировой посредник Маслов принял от него в свое заведование 3775 душ крестьян. С этого времени Чамеровский сельский приказ переименован в Чамеровское волостное правление [58].

Подобным образом происходила реорганизация других сельских приказов в волостные правления, которая была завершена к концу 1863 года. По каждому селению, а иногда на 2 селения составлялась одна уставная грамота. К концу 1863 года в Тверской губернии было утверждено 497 уставных грамот в отношении 564 удельных селений с числом ревизских душ 27,5 тысяч человек. На одну ревизскую душу удельных карел назначено земли по 5,7 десятины в один надел. Удельные крестьяне должны были выплачивать за один надел по 3 рубля 60,5 копеек в год при средней стоимости одной десятины 10 рублей 60 копеек [59].

Число удельных деревень и численность их населения в Тверской губернии постоянно увеличивались. В 1844 году по Тверской губернии насчитывалось 19 удельных сел с общим числом дворов 679, и 429 удельных деревень с числом дворов – 6966. Тогда в губернии насчитывалось удельных крестьян: мужского пола – 23 621, женского пола – 26 078, всего 49 699 человек.

В 1849 году число удельных сел увеличилось до 23, дворов в них было 755, число удельных деревень увеличилось до 508 с 8659 дворами.

В том году было удельных крестьян: 25 653 мужского пола и 27 905 – женского пола, всего – 53 558 удельных крестьян-карел.

В 1865 году Тверская удельная контора была ликвидирована, все ее приказы перешли в Московскую удельную контору. Удельные тверские карелы Тверской губернии перешли в ведение образованных волостей по уездам [60].

Русский статистик Дмитрий Иванович Рихтер (1848–1919 гг.) в период с 1876 по 1889 годы служил в статистическом отделении Тверского губернского земства. В 1900–1903 годах он состоял секретарем Вольного экономического общества, где напечатал много трудов по статистике. На основании переписи деревень и жителей Тверской губернии 1873 года в 1903 году он написал большую статью о карелах Тверской губернии.

Эту статью Д.И. Рихтер передал для опубликования в отчетной годовой книге Финно-угорского общества за 1903 год. К статье прилагалась таблица, которая показывала, в каких деревнях жили карелы, сколько их было в каждой деревне, и кто был владельцем этих земель – император или помещик. Эти списки были опубликованы в Хельсинки на финском языке в 1904 году.

В 2000 году финский ученый Вейо Салохеймо передал мне списки, составленные Д.И. Рихтером. На основании этих данных я выписал сведения по удельным и помещичьим карельским деревням Бежецкого уезда Тверской губернии. В имеющемся у меня оригинале, напечатанном на финском языке, применены обозначения: к – удельные деревни, а – помещичьи [61].

Число удельных и помещичьих карельских деревень

Тверской губернии (по данным за 1873 год)

Волости	удельные	помещичьи
Осташковский уезд		
Иванодворская волость	–	4
Вышневолоцкий уезд		
Ясеновицкая	–	3
Заборовская	39	–
Домославская	–	1
Яшинская	–	1
Осеченская	40	6
Овсищенская	–	4
Столповская	–	4

Раевская	8	14
Лугининская	2	4
Козловская	16	16
Никулинская	15	21

Всего в Вышневолоцком уезде:

удельных карельских деревень – 120 или 60,6%

помещичьих карельских деревень – 78

Новоторжский уезд

Дорская	60	–
Прудовская	–	9
Кузовинская	30	26

Всего в Новоторжском уезде:

удельных карельских деревень – 90 или 72%

помещичьих карельских деревень – 35

Бежецкий уезд

Микшинская	20	4
Толмачевская	23	5
Трестенская	10	13
Рыбинская	3	–
Кострецкая	4	8
Заручьевская	28	–
Моркиногорская	3	–
Заклинская	–	19
Селищенская	7	13
Замытьевская	–	18
Застолбовская	–	4
Алешинская	29	–
Ильгощенская	2	–
Ивановская	3	–
Радуховская	1	–
Беяницкая	4	–
Бокаревская	13	–
Могочская	2	–
Яковлевская	1	–
Алешковская	–	8

Всего в Бежецком уезде:

удельных карельских деревень – 153 или 62,4%

помещичьих карельских деревень – 92

Весьегонский уезд

Чистинская	4	–
Топалковская	13	–
Лопатинская	13	–
Лукинская	2	–
Щербовская	7	–
Залужская	–	18
Арханская	19	–
Кесемская	15	25
Телятинская	7	–
Чамеровская	38	–
Мартиновская	30	–
Делединская	8	–
Антоновская	1	–
Хабоцкая	2	–
Поповская	3	–

Всего в Весьегонском уезде:

удельных карельских деревень – 162 или 79%

помещичьих карельских деревень – 43

Кашинский уезд

Литвиновская	6	–
Лавровская	3	–

Всего в Кашинском уезде 9 удельных карельских деревень.

Зубцовский уезд

Ивановская	–	9
Всего:	534	261

Кроме того, в списках Д.И. Рихтера не были учтены 5 карельских удельных деревень Калязинского уезда и 6 карельских удельных селений Кашинского уезда. Вместе с ними общее число удельных карельских деревень Тверской губернии составляло 545 селений.

Основными владельцами *карельских помещичьих деревень* в середине XIX века были:

Бежецкий уезд.

1. Помещик, адмирал Голенищев-Кутузов Иван Логинович, а затем его наследники с 1797 года владели 9 карельскими деревнями погоста Михайловское-Прудово Селищенской волости, деревней Раменье Замытской волости и тремя деревнями Застолбской волости: Баскаки, Диланово и Железово.

2. Помещица, статская советница Демьянова Авдотья Васильевна с 1862 года владела 16 карельскими деревнями погостов Алексеевское и Диево Заклинской волости.
3. Помещик, статский советник Демьянов Яков Иванович, а затем его сын Николай Яковлевич владели 3 деревнями погоста Диево Заклинской волости.
4. Помещик, действительный статский советник Дубянский Александр Михайлович владел 4 деревнями погоста Никольское-Тучевское Замытской волости: Мохнецы, Мухреево, Омельянцево и Озеречное.
5. Помещик, генерал-адъютант, действительный тайный советник Зиновьев Василий Николаевич владел селом Никольским и 12 деревнями погоста Никольское-Тучевское Замытской волости.
6. Купец Суворов Федор владел 4 деревнями погоста Залазино Микшинской волости.
7. Князья Мещерские владели деревней Семжино Заклинской волости.
8. Помещица Мария Андреевна Булатова с сыновьями Дмитрием и Николаем Александровичами, а затем их наследники с 1764 года владели тремя карельскими деревнями: Быково, Соколово и Ошвино Селищенской волости.
9. Помещица Софья Карловна Рой владела деревней Алхимково Селищенской волости.
10. Помещик Николай Тихонович Тиманевский с 1862 года владел деревней Коптино Застолбской волости.

Весьегонский уезд.

1. Помещик Вибров владел 7 деревнями погоста Кесьма Кесемской волости.
2. Помещик П.И. Хворостин владел 18 деревнями погоста Баскаки Кесемской волости.

Вышневолоцкий уезд.

1. Помещица Мордвинова владела 5 деревнями погоста Федово Осеченской волости.
2. Помещики О.А. Стогова и О.В. Смирнов владели 10 деревнями погоста Крева-Назарово Козловской волости.
3. Помещик, генерал майор И. Терентьев владел 6 деревнями погоста Козлово Козловской волости.

Зубцовский уезд.

1. Помещик, майор Новосильев Александр Васильевич владел 9 деревнями погоста Ивановское-Новосильцево Ивановской волости.

Новоторжский уезд.

1. Помещики братья Иван Иванович и Сергей Иванович Львовы владели 12 деревнями погоста Локотцы Кузовинской волости.
2. Купец Зверьков владел 9 деревнями погостов Кава и Осташково Прудовской волости.

Современники того времени отмечали, что у карел все строения в деревнях покрыты дранью, дворы для скота просторные, особенно для доения коров. В карельских деревнях, расположенных сплошной массой по западным и юго-западным окраинам Бежецкого уезда, в Микшинской, Толмачевской, Трестенской, Кострецкой, Рыбинской волостях дворы обширные. Это признак большого изобилия скота у карел. От избы шел высокий бревенчатый помост, на котором, под соломенной или тесовой крышей, помещалось сено. В помосте сделано несколько отверстий, через которые сено можно сбрасывать во внутрь двора.

Денег у карел мало, но они своим хлебом могли прожить целый год. Они продавали значительную часть овса на уплату податей, покупку соли и керосина. Все остальное карелы исполняли сами. Один карел способен быть плотником, столяром, кузнецом. Печником, портным, скорняком и выполнять другие работы. У этих мастеров хорошо устроены дома, просторная рига с хорошей печью, вымощенное гумно, теплый двор для коров, теплый хлев для телят и овец, хорошо налаженные сохи и бороны – все признаки исправного хозяйства и здоровой сельской жизни [62].

Большинство карел Бежецкого уезда – бывшие удельные крестьяне. Они издревле пользовались большим в сравнении с помещичьими крестьянами количеством земли, несли меньше повинностей и податей. Там, где после реформы 26 июня 1863 года удельным карелам пришлось получать меньший надел, где они лишились промыслов, сенокосных и лесных усадеб, положение их значительно ухудшилось. Примером может служить Заручьевская волость Бежецкого уезда, обеднение которой началось с тех пор, как местным карелам запретили хозяйничать в местных лесах – рубить лес, гнать смолу и деготь, жечь лядины под дополнительные участки земли. Крестьянина, пойман-

ного в лесу с серой, подвергали штрафу в сумме 10 рублей, с лыком и берестой – 3 рубля, ведром березового сока – 60 коп., с возом сучьев и хвороста – 15 копеек штрафа. О дореформенном времени лесные карелы вспоминали, как о счастливом времени [63].

У удельных карел Бежецкого уезда Тверской губернии, в 1863 году было повинностей разного рода на 6 рублей серебром с каждой ревизской души, прежде всего, оброк (*vedo*) в государственную казну. При этом заработок одного карельского хозяйства составлял без отходничества 18–20 рублей, в том числе: до 4 рублей от продажи холстов, 4–5 рублей от продажи зерна и 9–10 рублей от продажи скота.

По подсчетам окружного начальника после продажи хлеба и скота и уплаты повинностей у крестьянина оставалось примерно 12 рублей серебром на одежду, праздники и щегольство. Тогда на рынке в Бежецке цены были примерно такими: шаровары суконные 4 рубля, из бумажной черной материи 2 рубля. Башмаки стоили 2 рубля пара, туфли – 2 руб. 20 коп. за 4 пары, шапка 5 рублей. Правда, почти всю одежду карелы шили для себя и своих детей сами. В период отходничества за зиму один карел дополнительно зарабатывал до 15–20 рублей.

Во время переселения карел в XVII веке на Бежецкий Верх и отроги Валдайской возвышенности кто, сколько мог отвоевать земли у леса, тот столько ее и обрабатывал, увеличивая свою площадь каждый год. Сначала она доходила до 30–40 десятин на хозяйство, потом приходилось выделять участки сыновьям, к началу крестьянской реформы 1863 года в отношении удельных крестьян, у них было по 10–12 десятин на хозяйство или в среднем 5,9 десятины на одну ревизскую душу.

Глава III

Русские и карелы рядом

Бежецкие ополченцы во время Крымской войны (1853–1856 годы)

Жить – родине служить.

Большой толчок в проведении реформ в отношении российского крестьянства дало поражение России в Крымской войне 1853–1856 годов. В октябре 1853 года Турецкая Османская империя объявила России войну, которую у нас стали называть Крымской войной. Правительства Англии и Франции в 1854 году заключили военный союз с Турцией и предъявили России требования вывести войска с берегов Дуная. Эти территории Турция считала своими владениями. В ответ на отказ Англия и Франция объявили России войну, к ним в 1855 году присоединилось небольшое итальянское государство Сардиния.

Союзники планировали нанести по России удары со всех сторон. Сразу после объявления войны англо-французские корабли атаковали Одессу на Черном море, Аландские острова на Балтийском море, Кольский полуостров у Баренцева моря, Соловецкие острова и город Архангельск на Белом море, Петропавловск-Камчатский на Тихом океане. Русские войска и моряки успешно отбили все эти нападения неприятеля, попытки высадки десанта успеха не имели. В сентябре 1854 года, когда неприятельские войска высадились у города Евпатории, основные военные действия были перенесены в Крым, поэтому война получила название Крымской.

Мирный договор между Россией и союзниками был подписан 30 марта (по старому стилю) 1856 года в Париже. По Парижскому миру Россия признала свое поражение, согласилась на ликвидацию своего Черноморского флота, на признание Черного моря нейтральным и сохранение Османской империи. России возвратили города и порты Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь, Кинбурн и другие территории, которые во время войны были заняты союзными войсками.

Поражение России в Крымской войне указало императору Александру II на основную причину экономической и военной отсталости страны – крепостное право. Громадные расходы на войну, большие рекрутские наборы, реквизиция скота и хлеба, увеличение денежных и натуральных повинностей подорвали финансовую систему государства, разорили крестьянство во многих губерниях, нанесли серьезный ущерб и помещикам.

Крымская война стала мощным толчком для отмены крепостного права и создания земства. Ратники и ополченцы стали усиленно распространять слухи, что после службы они получают волю от помещиков со всей имеющейся у них земель. Сразу же после войны началось стихийное переселение крестьян из южных губерний России в Крым. Целыми семьями и деревнями уходили туда крестьяне из Екатеринославской и Херсонской губерний. Они объявляли всем, что идут туда по вызову правительства для заселения разоренных неприятелем мест Крымского полуострова во время Крымской войны. Дорога в Крым была забита крестьянскими обозами. Воинские отряды, направленные для возвращения мужиков на свои земли, встречали отчаянное сопротивление крестьян.

Об отмене крепостного права стали говорить императору Александру II и его родственники – тетка Елена Павловна и младший брат Константин. Громадные расходы на Крымскую войну, связанные с нею рекрутские наборы и наборы в Государственное ополчение серьезно подорвали экономику страны. У царя не было средств, сил и желания выступать против крестьян, ратующих за отмену крепостного права.

* * *

За 6 дней до вторжения неприятеля в Крым, 26 августа 1854 года российский император Николай I издал указ о проведении 12-го очередного набора в рекруты по 10 человек с каждой 1000 душ. Набор рекрутов проводился с 1-го ноября по 15 декабря 1854 года.

29 января 1855 года российский император издал два указа правительственному Сенату: о порядке составления Государственного Ополчения в связи с Крымской войной и о назначении губерний для составления ополчения. По этим указам следовало организовать ополчение в шести губерниях: Санкт-Петербургской, Олонецкой, Новго-

родской, Тверской, Смоленской и Курской. Нужно отметить, что за время Крымской войны были еще два указа императора Александра II от 31 июля и 16 сентября 1855 года, по которым Государственное Ополчение формировалось уже в 31 губернии Российской империи.

В соответствии с утвержденным императором Николаем I Положением от 29 января 1855 года в Государственное Ополчение призывались все сословия, кроме купцов, которые были обязаны заплатить подушную подать. Не призывались колонисты, вызванные в разное время из-за границы, и поселенные в отведенных им казенных землях, а также евреи.

Государственное ополчение делилось на дружины, каждая дружина состояла из 4 рот. В дружине полагалось 19 офицеров, 1018 строевых ратников и 51 нестроевой ратник – писари, фельдшеры, плотники, кузнецы и другие. Всего в каждой дружине было по 1089 ратников с офицерами и 33 лошади с телегами. С целью формирования ополчения в каждой губернии учреждался Губернский Комитет Ополчения. Начальники ополчения губернии избирались из лиц, которые ранее отличились на военной службе, находились в отставке и проживали в губернии, их утверждал сам император.

Офицеры для дружин избирались на дворянских собраниях из среды своего сословия, преимущественно из отставных военных офицеров или ранее служивших гражданских чиновников. Все собрания дворянства, уездные и губернские, продолжались не более 8 дней после получения указа императора. Выборы ратников в казенных селениях проводили мирские общества, в государственных, дворцовых, удельных и горнозаводских селениях – по правилам Министерства Уделов и Финансов. В помещичьих имениях ратников отбирали сами помещики, среди мещан – мещанскими обществами [64].

Ратники, избранные в ополчение, должны быть не моложе 20 лет и не старше 45 лет, ростом не ниже 2 аршин и 2 вершков, здоровыми. При приеме ратников в ополчение наблюдали, чтобы они не имели ранений, грыжи и не были калеками. Набор в ратники проходил из расчета 23 человека с 1000 душ, предлагалось направлять в ополчение, прежде всего тех, кто по случайным телесным недостаткам, по своим летам или болезни ранее был освобожден от отдачи их в рекруты, и тех, кто по образу своей жизни малополезен своим семьям.

При приеме в дружины ратники должны были иметь: фуражку из серого крестьянского сукна, армяк с погонами на плечах, шаровары в

сапоги из серого крестьянского сукна, рукавицы кожаные или из серого крестьянского сукна на холщевой подкладке, овчинный полушубок, длинные русские сапоги, 3 рубахи из обыкновенного крестьянского холста и двое портов из того же холста [65].

Каждый помещик, дворянин, мещанское собрание и другие отдатчики людей в рекруты должны были заплатить за одного рекрута по 6 рублей 87 копеек за армяк, фуражку, рукавицы и нагрудник.

На вооружение ратникам выдавались ружья со штыками. Если они имели собственные штуцера, винтовки или ружья, то дозволялось брать их с собою ополчение. Бороды ратники не должны брить, их стрижка оставалась прежней, крестьянской. Офицеры ополчения обязаны были брить бороды и носить усы, волосы могли стричь точно так же, как ратники.

Как формировалось и куда направлялось народное ополчение во время Крымской войны можно показать на примере народного ополчения Бежецкого уезда Тверской области.

5 февраля 1855 года Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин направил письма в городские Думы с предложением пригласить всех купцов города, чтобы они добровольно пожертвовали суммы денег на ополчение. 16 февраля утвердил своими подписями добровольные пожертвования 41 купец города Бежецка Тверской губернии. Вторым письмом от 7 февраля Тверской губернатор Бакунин разъяснил всем городским Думам, чтобы купеческое общество в своем постановлении указало на необходимость пожертвований и от купцов, которые не были на собрании [66].

По Бежецкому уезду необходимо было набрать 1768 ратников, в том числе: из государственных крестьян – 839, из помещичьих крестьян – 906 и из мещан – 23 человека. Их распределили по дружинам: в Бежецкую дружину № 19 – 1039 ратников, в Кашинскую № 17 – 603, в Ржевскую № 24 – 103, в Корчевскую № 14 – 23 ратника.

Чтобы избрать в ополчение офицеров, предводитель Бежецкого дворянства майор Н.Е. Баумгартен своим письмом от 10 февраля обратился к исправнику с просьбой объявить под расписку каждому о проведении 15 февраля чрезвычайного губернского собрания дворянства. Чтобы каждый подписавшийся дворянин Бежецкого уезда прибыл на это собрание, имея формулярный список своей службы, указ об отставке или аттестат с последней службы. К письму был приложен список дворян из 35 человек. На этом собрании офицерами ополчения

были избраны 25 бежецких дворян. Начальником Бежецкой дружины № 19 был избран подполковник Арсений Никонорович Трубников, 29 лет, холост.

Из удельных крестьян, в том числе и карел Бежецкого уезда, в ополчение 1855 года не брали никого, из них набирали только рекрутов. Если по 98 рекрутскому набору в 1833 году брали по 4 рекрута с 1000 душ, с 1835 года – 5 рекрутов с 1000 душ, то, начиная с Крымской войны 1854 года, и далее – по 10 рекрутов с 1000 душ [67].

Запись мещан в ратники велась по приговору мещанского общества города, было много несогласных с решениями общества. Начались прошения на имя императора об освобождении от службы в ополчении. Такое прошение 16 февраля написал мещанин города Бежецка И.П. Красильников, указав, что имеет возраст 46 лет и слаб здоровьем. Было прошение от мещанина П.Ф. Разумовского, что ему 20 лет исполнится только 22 июня 1855 года. Подобное прошение написал мещанин Арсений Иванович Исполатов, что он имеет престарелую мать и несовершеннолетнюю сестру, которые остаются без крова и средств для пропитания. Семейству ничего не останется, как только идти по миру. В ответ на это прошение мещанин города Бежецка Н.Н. Ревякин изъявил желание выплатить в награду каждому из 23 ратников от мещан по 3 рубля, а также выплатить семьям Исполатова и Судоплатова по 15 рублей 50 копеек, а всего 100 рублей [68].

В архивных документах указан единственный случай освобождения ратника от службы в ополчении. 28 апреля 1855 года на имя уже нового императора Александра II было направлено прошение мещанки Анны Агафоновой об освобождении от ратников ее сына Александра Михеева. Ей уже 112 лет и в столь преклонном возрасте она нуждается в уходе. Осталась жена Михеева и четверо детей, семья лишена средств для содержания себя. Бежецкая городская Дума рассмотрела прошение и просила уездный комитет ополчения заменить Михеева Александра на Ланского Алексея [69].

Некоторые мещане, попавшие в списки ополчения, в том числе из тех, чьи прошения не были удовлетворены, убежали из города, скрываясь от службы в ополчении. Полиция сумела отыскать убежавших из города мещан Е.Я. Крюковского, Г.А. Винокурова, И.Е. Лодыгина, который спрятался в Краснохолмском Антониевом монастыре, и некоторых других. И все-таки укрылись от набора 13 мещан города Бежецка, их так и не смогли отыскать, шесть из них имели паспорта [70].

Чтобы набрать ратников из крестьян, были составлены списки всех дворян уезда, по уезду их было 106, и сколько душ крестьян находилось у каждого дворянина. Также были составлены списки всех помещиков уезда, и сколько душ крестьян имел каждый помещик. На 1 февраля 1855 года в уезде проживали 359 помещиков, которые имели 39 396 душ крепостных крестьян. Более 500 крестьян имели 8 помещиков, до 10 крестьян – 71 помещик [71].

Набор ратников проходил очень долго с февраля до 22 июня 1855 года, более четырех месяцев. С 1 июня их расквартировали в 329 семьях города Бежецка, от 2 до 18 ратников в каждой семье. Медленно шел и сбор денег от купцов в казну. Купцы города Бежецка должны были собрать для ополчения 6063 рубля. В срок до 21 июня 1855 года деньги на ополчение передали 83 купца и мещанина города. Тверской губернатор Бакунин в письме от 16 сентября 1855 года указывал Бежецкой городской Думе, что собрано и отослано в казначейство только 5902 рубля 24 копейки. По состоянию на 5 марта 1856 г., то есть более чем через год, недоимка по городу Бежецку составила 86 рублей из 6063 руб.

28 мая 1855 года начальник Бежецкой дружины № 19 А.Н. Трубников направил письмо на имя императора Александра II: «По случаю выступления вверенной мне дружины № 19 ею изъявлено желание предложить приличное угощение. Я не имею, совершенно, артельных денег перед скорым выступлением дружины в поход. Я прошу Вас обратиться с предложением Бежецкому городскому обществу о сборе артельной суммы в виде патриотического пожертвования. Есть крайняя необходимость в приобретении для каждой роты по одной телеге, лошади, сбруи и четыре железных котла» [72].

Начальник Бежецкой дружины № 19 Арсений Никонорович Трубников (11.01.1821–03.06.1886 гг.) в своей юности поступил в возрасте 16 лет кадетом на службу 1 ноября 1838 года на личное содержание. В 20 лет, 12 мая 1841 года ему было присвоено звание прапорщика, он служил в войсках путей сообщения. В 1847 году А.Н. Трубников, будучи инженером путей сообщения, сопровождал водным сплавом транспорты с грузеными на них локомотивами и вагонами от Санкт-Петербурга до Вышнего Волочка.

21 декабря 1850 года за отличие при сооружении Николаевской железной дороги А.Н. Трубникову было присвоено звание капитана. 29 ноября 1852 года он был назначен помощником начальника отдела-

ния 12-го округа путей сообщения, с этой должности уволен в отставку 23 сентября 1853 года в чине подполковника с мундиром [73].

Бежецкая дружина во главе с А.Н. Трубниковым выступила пешим порядком из своего города в сторону города Твери 22 июня 1855 года. Вместе с нею Ржевская дружина № 24, Кашинская дружина № 17 и Корчевская дружина № 14 выступили по дороге на Санкт-Петербург. Их направили на Балтийское побережье, на укрепление крепости Динабург, что на берегу реки Западная Двина, теперь это город Даугавпилс, и портового города Риги, чтобы защитить их от нового наступления неприятеля и отбить атаки десанта, если они повторятся. Перечисленные тверские дружины сосредоточились в крепости Динабург, где занимались строительными и инженерными работами. Некоторые ополченцы с января по апрель 1856 года умерли от холода, голода и болезней. Из Ржевской дружины № 24 находились на излечении в военном госпитале и больницах 36 бежецких ратников. Бежецкая дружина № 19 вела укрепительные работы в городе Риге, во время этих работ умерли 37 человек, 28 человек находились в разных больницах на излечении. В крепости Динабург умер 20-летний бежецкий мещанин Исполатов Арсений, который так не хотел оставлять свою престарелую мать и несовершеннолетнюю сестру [74].

Российский император Александр II 5 апреля 1856 года издал указ о роспуске Государственного Ополчения. В нем говорилось, что мир с воевавшими против России державами заключен в Париже 18 марта. В связи с этим он повелевает отпустить всех ратников Ополчения в прежние жилища и к прежним занятиям. В тот же день он издал приказ Государственному Ополчению: *«Ратники Государственного Ополчения! Вы покинули дома и семейства свои, чтобы делить с испытанными в битвах войсками труды и лишения, являя вместе с ними пример терпения, непоколебимого мужества, повиновения, готовности жертвовать всеми за нас, за любезную нам и вам Россию. Многие из среды вашей запечатлели сей обет своей кровью, вкусив славную смерть в рядах храбрых защитников Севастополя. Вы показали свету, какое мужество духа живет в народе русском»* [75].

Этим приказом Александр II распустил Государственное Ополчение, наградив каждого его участника от генерала до ратника отличительным знаком – крестом. Те ратники, которые остались на военную службу, носили этот крест на груди. Ратники, возвратившиеся домой, имели право носить фуражки с крестом, если они этого сами пожелают.

Бежецкая дружина № 19 вернулась домой 19 июня 1856 года, всем ратникам из мещан города Бежецка были выданы свидетельства, что они служили в дружине с 18 марта 1855 года по 19 июня 1856 года. Начались выяснения по выплатам ратникам за службу. Они жаловались предводителю Бежецкого дворянства, что командир дружины № 19 А.Н. Трубников при ее роспуске 27 мая обещал выплатить по 5 рублей на каждого. Если деньги еще останутся, они пожертвуют на лампаду перед образом святого Николая.

Однако по прибытию домой 19 июня Трубников сказал, что всем ратникам будет выдано по 3 рубля серебром и сукно на армяки. Фактически им выдано по 3 рубля 65 копеек. На высказанные претензии ратников было решено, выдать еще по 50 копеек тем, кто придет за деньгами к предводителю Бежецкого дворянства до 1 декабря 1856 года [76].

Своим манифестом от 26 августа 1856 года император Александр II установил бронзовую медаль в память войны 1853–1856 годов. Ею награждались воины, ополченцы и чиновники только из дворянского сословия. В списках по Бежецкому уезду было представлено к награде 106 дворян. Тверской губернатор указал предводителю Бежецкого дворянства, что медаль должна выдаваться офицерам, доказавшим многими примерами высокой доблести в минувшую войну. Поэтому служащие дворяне должны получить награды по представлению своих начальников дружин. После этого письма был составлен новый список на награждение из 95 дворян, в том числе: бывших в ополчении – 13 человек, остальные 82 дворянина, как старшие в семействе. Медаль бывшим в ополчении выдавалась на Андреевской ленте, старшим в семействе дворянам – на Владимирской ленте [77].

Начальник Бежецкой дружины № 19 А.Н. Трубников женился 3 февраля 1860 года на дворянской дочери Марии Михайловне Карякиной, и был венчан в селе Михайлово Весьегонского уезда священником Иваном Томиловым. Богатая усадьба Трубниковых находилась в сельце Михнево Застольевской волости Тверского уезда на левом берегу реки Медведицы. В той волости им принадлежали также деревни Аннино и Федорцово [78].

На основании документов и на примере формирования Государственного ополчения в Бежецком уезде Тверской губернии здесь показано, как формировалось ополчение в целом по России. Большого различия не было, так как правила формирования ополчения были установлены императором России одинаковые для всех губерний.

**Бежецкие ополченцы, которые умерли и погибли
во время Крымской войны 1853–1856 годов**

Государственные крестьяне.

1. Семен Трифонович Рогов.
2. Григорий Петрович Петров – дер. Климонтино (Потесы).
3. Федор Маркович Петухов – Большой Бор.
4. Петр Федорович Сулема – Глебени.
5. Тит Васильевич Чистов – Высокое.
6. Иван Петрович Крупнин – Белобородово.
7. Ефим Абрамович Лукашнин – Еськи.
8. Степан Григорьевич Улиткин – Еськи.
9. Михаил Николаевич Баранкин – Бор возле Дуброва.
10. Егор Семенович Корчагин – Басково.
11. Петр Иванович Битюгин – село Гиреево.
12. Ларион Петрович Саблин – Крутцы.
13. Евгений Иванович Щеглов – Луговая возле Микшина.
14. Пантелей Борисович Соловьев – Черняево возле Микшина.
15. Дмитрий Степанович Завьялов – Косковская Горка.
16. Егор Васильевич Воров – Денисово возле Рамешек.
17. Тимофей Иванович Простнов – Морозово.
18. Филипп Аверьянович Хмелев – Летнево.

Помещичьи крестьяне.

19. Спиридон Алексеевич Родинов – Нивицы.
20. Алексей Леонович Тарасов – Карельский Городок.
21. Федор Васильевич Логинов – Пальцево.
22. Николай Андреевич Каравашкин – Дубровка.
23. Алексей Матвеевич Гусев – Киверичи.
24. Федор Григорьевич Богомоллов – Сеньково.
25. Иван Яковлевич Кудрявцев – Сабурово.
26. Иван Фомич Чернышов – Гнездово.
27. Иван Петрович Беляков – Григорьково.
28. Фадей Алексеевич Немой – Домониха.
29. Никита Сергеевич Смирнов – Коровкино.
30. Михаил Архипович Дроздов – Михайлова Гора.
31. Григорий Михайлович Крупенин – Новая.
32. Андрей Федорович Градов – Абакумово.
33. Сергей Ганович Кухарев – Прудово.

Всего в Бежецкой дружине было 1039 ополченцев, возвратилось домой 985. Погибли и умерли от ран 37, остались на излечении в больницах – 17. В Кашинской дружине № 17 служили 603 бежецких ополченцев, в том числе из деревень: Сулега – 2 чел., Алешино – 3, Савелово – 2.

В Бежецкой дружине № 19, в числе других, были ополченцы из деревень Могочской волости: Грудино – 6 человек, Прокино – 5, Старое Гвоздино – 7, Каменка – 5 человек.

Там же служили ополченцы из деревень Новской волости: Заболотье – 5 человек, Алексино – 3; Хотена – 1, Григорий Иванович Кондин; Терebene – 1, Кузьма Васильевич Жуков; Слепнево – 1, Александр Петрович Поляков.

Ополченцы из деревень Бокаревской волости: Сабурово – 2, Иван Яковлевич Кудрявцев и Петр Алексеевич Цыганов; из мызы Подобино (ныне Красный Октябрь или Коммуна) – 3, Михаил Григорьевич Дубровин, Яков Яковлевич Дубровин и Егор Осипович Мигулев.

Фамилии ополченцев из других деревень и волостей я не записал, при надобности их можно посмотреть в архиве Тверской области, номера фондов и дел указаны в списках источников. Потомки ополченцев, зная родные деревни, во многих случаях могут определить своих родичей, у которых записаны не только имя и отчество, но и фамилия, что до конца XIX века делали нечасто. Надо отдать должное писарю Бежецкой дружины № 19, который подробно записывал имя, отчество и фамилию ополченца, так как другие писари чаще всего писали имя крестьянина, а фамилию записывали по его отчеству, и эта фамилия менялась.

Проведение крестьянской реформы в Бежецком уезде

На одно солнце глядим, да не одно едим.

К 1861 году в Бежецком уезде насчитывалось 156 крупных дворянских имений и 133 мелких дворянских имения. Крупные дворянские имения имели до нескольких тысяч душ крепостных крестьян и до сотни дворовых людей. Среди них были управляющие, бурмистры, повара, комнатные, кучера, конюхи и скотники, псары и загонщики, разнорабочие.

В наиболее богатых имениях содержали садовников, музыкантов, песенников, шутов. Лошадей в карету запрягали шесть цугом, то есть в три пары лошадей гуськом, а не тройкой или парой, как мелкопоместные дворяне. Они имели по два кучера, выездной кучер умел править запряженными цугом и шестеркой лошадьми, ямской кучер ездил в город или к соседям с особыми поручениями.

Помещики, обязанные по закону нести *военную или гражданскую службу*, постепенно отходили от своего поместья, от земли, от крестьян. Наиболее почетной, уважаемой, престижной среди дворянства была военная служба. Большинство служивших дворян старалось отдать долг государству, послужив в армии, и лишь позже переходили в штатскую службу либо выходили в отставку и возвращались жить в свое имение.

Особенный расцвет русского офицерства приходится на начало XIX века, победители Наполеона, образованные молодые люди, носители лучших черт русского дворянства, представители этого поколения российской армии долгое время оставались эталоном понятия «русский офицер».

На особом счету были гвардейские части, по внешнему виду и по льготам по службе они выделялись в армии. Но и среди них были самые элита – лейб-гвардейские полки, то есть придворные, несущие службу при государе, в столице. Самые роскошные мундиры, самое быстрое продвижение по службе и близость к высшим кругам страны. Да и сами лейб-гвардейцы выбирались и по внешним данным – высокие, стройные, с привлекательной внешностью.

Гвардейские офицеры имели преимущество в один-два чина перед армейскими офицерами, можно было из гвардии перейти в обычный армейский полк, получив внеочередное звание. Более престижными в армии были кавалерийские войска – гусары, уланы, драгуны, кирасиры. На особом положении были военные моряки, морские офицеры были в массе своей более образованными, особенно в точных науках, более интеллектуальными. Даже в рядовые матросы отбирали самых грамотных рекрутов – сложная техника флота требовала этого.

Второй вид службы для дворянских детей, самый многочисленный и распространенный во все сферы общественной жизни – гражданская или статская. Чиновники составляли основу всей российской государственной машины, очень сложной, громоздкой, невероятно бюрократизированной. В гражданской службе были свои «специальности», возглавляли их девять министерств. Наиболее престижной считалась

служба по министерству иностранных дел, дипломаты в общественном мнении приравнивались к военным. Дворянин выбирал – пойти служить в министерство юстиции или финансов, народного просвещения или в министерство внутренних дел. Надо отметить, что во все времена порядочные дворяне ниже своего достоинства считали службу в полиции и жандармерии.

И самая малочисленная, но самая парадная, карьерная, высокопоставленная – придворная служба дворян. Задача этой службы – обслуживание двора императора, участие в процедурах дворцовых приемов, балов, выездов, в повседневной жизни императорской фамилии. Понятно, что в эту службу всячески стремились люди, озабоченные карьерой, стремлением быть у власти, поблизости к царственным особам.

Согласно заведенному обычаю тех времен, молодого барина, отданного в учебное заведение, сопровождал крепостной человек, и оставался при нем служить. Жалованье этого слуги не превышало 5 рублей в год, которые выдавали ему на Пасху, основной расход помещика на него состоял в пропитании.

Дети дворян приближались к чиновникам и офицерству, чаще всего, служили в Санкт-Петербурге, Москве и других городах. Из города в деревню они нередко вместо высоких нравственных устоев привозили низменные человеческие инстинкты: разврат и венерические заболевания, пьянство, курение вместо нюхания табака, карты, уход от ответственности за свою усадьбу, за содержание детей и семьи. Эти инстинкты постепенно заменяли те нравственные начала, которые так трепетно охраняли церковь и деревенский уклад жизни.

У помещика была одна забота, чтобы ему своевременно и в полном объеме крестьяне платили оброк. Община выбирала старосту, который и собирал оброк и повинности, отчитываясь перед помещиком и перед миром на деревенских сходах. Общинное устройство не стесняло образа жизни крестьян, весной и летом они работали в своей деревне на полях, отрабатывали барщину на помещика, а зимой уходили в отходничество.

Отличие помещичьего хлеба от крестьянского состояло в том, что помещики продавали сухое зерно, которое сушили в ригах. Крестьяне продавали зерно сырым, так как у них не было средств на постройку риги. К помещикам нередко приезжали купцы, закупали зерно партиями для продажи в другие губернии и за границу. Крестьяне продавали зерно сами на рынке в городе Бежецке, во время ярмарок или на

винокурный завод. В остальном не было разницы в выращивании хлеба, так как и крестьяне, и помещики пахали землю сохой с двумя сошниками, боронили деревянной бороной, сеяли зерно вручную из лукошка. Лишь у немногих помещиков Бежецкого уезда к 1861 году были металлические плуги.

* * *

Некоторую картину крестьянской дореформенной деревни дает описание имения помещика Модеста Евграфовича Воробьева, первого предводителя Бежецкого дворянства в начале проведения реформы, в сельце Кобылино Бежецкого уезда в 1858 году. Сельцо находилось в 4 верстах от приходской церкви села Замытье, 53 верстах от Твери и 73 верстах от уездного города Бежецк. Кроме сельца помещику Воробьеву принадлежали две деревни, в которых проживали крестьяне 64 тягол, и одна пустошь.

Помещик Воробьев имел 903 десятины удобной земли и 6 десятин неудобий. Господская запашка при четырехпольном севообороте обрабатывалась 14 тяглами, а с 50 тягол брался оброк по 17 руб. 15 коп. с каждого тягла, всего 875 рублей в год. Оброчные крестьяне также отработывали на помещика по 2 дня в год.

Собственной земли крестьяне не имели, в крестьянских подворьях насчитывалось 82 лошади, 111 голов крупного рогатого скота и 135 овец на все 64 двора. Все дома и строения у крестьян деревянные. Крестьяне получали доход от покосов на своей усадьбе до 30 рублей, если было два покоса, от каждой коровы – 5 рублей, от каждой овцы по одному рублю.

Большая часть помещичьих крестьян весной и осенью уходили работать в коновалы. Коновалы – это лекари-самоучки, занимавшиеся лечением домашней скотины, которой в деревнях было достаточно много. Они ходили по деревням вокруг постоянного места своего жительства и предлагали свои услуги. Основным занятием коновала была кастрация быков, баранов, жеребцов и хряков. Само слово «коновал» произошло от проведения кастрации коня-жеребца, так как его нужно было повалить на землю. Выполнение этой операции связано с тем, что охолощенные самцы становились более спокойными, лошади лучше работали, а остальные быстрее набирали вес.

Летом крестьяне также шли в работники и пастухи, зимой очень немногие уходили работать в Санкт-Петербург. Из мастеровых людей в двух деревнях помещика Воробьева проживали: 2 красильщика, 2 бондаря, 2 портных и 4 пильщика. Бондари изготавливали бочки и шайки, которые были у крестьян в большой необходимости. В них хранили рожь, овес и ячмень, солили мясо, рыбу, огурцы и грибы. Шайки использовали для хранения воды, их применяли в бане.

Пильщики тоже были в почете, так как они пилили бревна на тес и байдак продольной пилой. Тесом тогда покрывали крыши, обшивали фронтоны домов, а байдак использовали для полов в избах. Пильщики также пилили бревна на две половины, которые использовали для потолков в избах и обустройства засек в житницах.

Портные зарабатывали до 18 рублей в год, скотники 7–10 рублей в год. Местные цены за работу были 50 рублей в год работнику и 20 рублей – работнице, за летний период – 40 рублей работнику и 15 рублей – работнице.

Одновременно одна четверть ржи (210 литров – А.Г.) стоила тогда 4 рубля, ячменя (жита) 4 рубля, овса – 2 рубля. Средний урожай на полях помещика Воробьева от одного зерна был: рожь – 4, овес – 3, греча – 5, ячмень – 6, лен – 2,5 зерна.

Сам помещик Воробьев имел 22 лошади и 60 голов крупного рогатого скота. На него работали 12 дворовых людей, 8 мужского пола и 4 – женского пола. В их числе были повар, кучер, маслобойщик, шорник, портной, сапожник, кухарка, прачка, два скотника и две скотницы. Шорник изготавливал конскую упряжь: хомуты, седелки, чересседельники, шоры – боковые наглазники для лошадей [79].

* * *

В первые годы проведения крестьянской реформы многие помещичьи крестьяне не очень-то хотели уходить от помещиков, особенно дворовые. При помещике они жили без забот о хозяйстве, о доме, о питании. Став вольными, приходилось обо всем этом заботиться самим, и не только работать, но и думать, как обустроить свое хозяйство. А думать многие разучились и не хотели, а другие – не умели. Земля для них была большой обузой, ее надо было обрабатывать, собирать урожай, часть его продавать, часть – перерабатывать. Тяжело давалась

реформа и помещикам, особенно малоземельным. Сами они на земле работать не умели, нанимать поденщиков или сезонных работников было для них накладно.

Отношение крестьян к Манифесту об освобождении крестьян от крепостной зависимости было неоднозначным. Крестьяне не отказывались от податей в казну, а платить за усадьбу и за уголья многие не хотели, потому что все считали своим. В ряде имений уезда происходили крестьянские волнения, так как они отказывались выполнять любые повинности в отношении к помещикам. Помещики на это сильно раздражались и опасались столкновений при наделе земель.

После объявления крестьянам об освобождении их от крепостного права в Бежецком уезде в 1861 году остались незасеянными многие поля, не вывезен навоз со скотных дворов, не доились коровы, в результате чего много дойного скота было испорчено.

Помещики винили в этом мировых посредников А.И. Европеуса, М.И. Хилкова и А.Н. Неведомского, что они потворствовали крестьянам. В протоколе уездного собрания от 1 июня 1861 года дворяне записали: «Причина упадка дворянских хозяйств и возможного совершенного их расстройств – не в льготах, дарованных крестьянам Положением, а в односторонней деятельности мировых посредников Европеуса, Хилкова и особенно Неведомского, в их потворстве крестьянам поведением к лености и упорству в работах. Это вызвало жалобы в мировой съезд. Жалоб было много, но, ни по одной из них не только не было взыскания с виновных, но некоторые и ответа на них не получили.

Возможность отбывать барщину по произволу поведет к тому, что крестьяне не согласятся перейти на оброк. И есть основания опасаться за надежду на добровольное соглашение по составлению уставных грамот. Означенные посредники, не пользуясь доверием помещиков, доказали своими действиями недоброжелательство к дворянам. Дерзость дворовых и крестьян может дойти до крайних пределов».

Этот протокол был представлен Министру внутренних дел с ходатайством об увольнении названных мировых посредников. Бежецкое уездное дворянство, между прочим, напоминало министру, что посредник прапорщик Европеус в 1849 году за участие в преступных действиях Буташевича-Петрашевского лишен был чинов с разжалованием в рядовые. Имение матери Александра Ивановича Европеуса находилось в селе Княжево Бежецкого уезда. Он был мировым посредником в 1861–1862 годах, после чего уехал жить в Петербург.

Но ходатайство это не было уважено, Тверской губернский дворянский комитет рекомендовал Бежецкому уездному дворянству переводить крестьян на чистый оброк. Недоразумения возникали преимущественно в тех имениях, где была смешанная повинность барщины и оброка, причем крестьяне, платившие оброк, считали себя вправе отказаться от барщинных работ.

Бежецкий уездный предводитель дворянства на это ответил Тверскому губернатору: «В недавнее время здешние крестьяне считали за милость, если помещик переводил их с барщины на оброк. Оброк, указанный в Положении, скорее легок, чем обременителен. Оброчные имения пользуются большим благосостоянием, и очень значительным количеством крестьян, отправляющихся на сторонние выработки. Но есть основание опасаться, что крестьяне сами не пожелают перейти с барщины на оброк, видя из опыта нынешнего года, возможность отдыхать на барщине от тяжелых работ на своих полях, и уверяясь, что по усмотрению своему можно иногда и вовсе не ходить на помещичьи работы».

Бежецкое уездное дворянство возбудило ходатайство о предоставлении ему права принудительного перевода крестьян с барщины на оброк при предстоявшем составлении уставных грамот. Благодаря энергии и такту мировых посредников, которых обвиняли бежецкие дворяне, соглашения крестьян с помещиками было достигнуто сравнительно скоро и мирно, уставные грамоты были подписаны.

Бежецкий уездный съезд мировых посредников утвердил уставные грамоты, большинство из них, без поступления жалоб от крестьян или помещиков. Поступавшие жалобы съездом были рассмотрены и, как правило, уставные грамоты оставлены без изменений [80].

Показательна жалоба владельческих крестьян деревни Марково помещика Василия Шевякова и его пояснения от 3 сентября 1862 года. Крестьяне этой деревни не соглашались с уставной грамотой, составленной мировым посредником 3 участка Бежецкого уезда 19 августа 1862 года. В своей жалобе крестьяне писали, что им от помещика передали в пустоши Старой пашни вместе с лесом менее 10 десятин, а в уставной грамоте записано 25 десятин 12,5 саженой. В пустошах Низкой и Куверишки они землю получать не желают из-за дальности расстояния от деревни. Они требовали передать им пустошь Суровчиха, где они уже 5 лет пользовались покосами.

На это помещик Шевяков пояснял, что он передал землю в пустошах Низкой и Куверишки потому, что крестьяне ими уже пользова-

лись до составления уставной грамоты. Покосом Суровчиха крестьяне пользовались обманом, заявив ему, что этот покос весьма дурной.

Крестьяне требовали, что они желают принять пустоши Болдино, Старая и Починок лишь после того, как помещик срубит там лес. На это помещик Шевяков в пояснении писал: «Требовать, чтобы владелец безвременно и безрасчетно срубил лес, который вырастает веками, и отдал бы им из-под него землю, есть дикая наглость. Лес в пустошах Старой и Починок строевой, но не дровяной. Поэтому ни рубить леса, ни отдавать им из-под него землю, я в удовлетворении незаконного требования крестьян и во вред себе не согласен. Это их требование считаю, оскорблением прав владельца».

Бежецкий уездный съезд мировых посредников утвердил уставную грамоту по разделу земли между помещиком Шевяковым и крестьянами деревни Марково, оставив их жалобу без удовлетворения.

4 декабря 1862 года Бежецкий съезд мировых посредников рассмотрел жалобу крестьян деревни Слепнево Новской волости о запрете их переселения. Съезд постановил: переселение крестьян деревни Слепнево утвердить, и чтобы помещиком были выполнены все условия, касающиеся переселения.

Бежецкий уезд в 1861 году был поделен на 4 мировых участка, по 7 волостей на каждом участке. В 1-й участок мирового посредника Николая Николаевича Оболянинова, 13 июня 1828 года рождения, отнесли волости: Вырецкую, Залазинскую, Замытскую, Никольскую, Трестенскую и Стояновскую.

Во 2-й участок мирового посредника Михаила Ивановича Хилкова входили волости: Диевская, Заклинская, Ивановская, Селищенская, Попцовская, Пореченская и Прудовская. После Михаила Ивановича Хилкова мировыми посредниками 2-го участка сначала был Дмитрий Петрович Эдвин, после него – Алексей Петрович Демьянов.

В 3-й участок мирового посредника Александра Николаевича Неведомского входили волости: Алешковская, Бокаревская, Дельковская, Крупицкая, Ременниковская (Могочская), Сулежская и Яковлевская. После его ареста в феврале 1862 года мировым посредником 3-го участка был назначен Сергей Николаевич Бешенцев, владелец имения Высокуша в приходе Лобнево.

Сергей Николаевич Бешенцев родился 25 июня 1816 года, его отец коллежский секретарь Николай Александрович, мать – Вера Николаевна. У Сергея Николаевича был старший брат Александр, 25 дека-

бря 1809 года рождения и сестры: Варвара, Мария, Любовь, Надежда, Софья, Елизавета и Екатерина. Известно, что Елизавета Николаевна вышла замуж за Николая Федоровича Апыхтина, дворянина имения Замыцкая Гора, что в 22 километрах от имения Высокуша [81].

В 4-й участок мирового посредника Александра Ивановича Европеуса входили волости: Алешковская, Иванищевская, Княжевская, Константиновская, Крупицкая, Михайловская и Прудовская.

По Положению Бежецкий уезд Тверской губернии входил в пятую местность, в которой высший надел на каждую крестьянскую ревизскую душу был установлен не более 4 десятины 1200 квадратных саженей, низший надел – не менее 1 десятины 1200 квадратных саженей на каждую крестьянскую ревизскую душу.

На 1 января 1870 года большинство выкупных операций в Тверской губернии были совершены по требованию помещиков. Всего к этому времени было совершено 3203 выкупных операций, из них 2650 – по требованию помещиков, и лишь 553 – по соглашению с крестьянами.

Средняя крестьянская семья Бежецкого уезда, обрабатывающая землю, в 1873 году состояла из 6 человек обоего пола: трое взрослых работников, один подросток или старик и двое детей. Скота в одной семье в среднем было: 1–2 лошади, 3 коровы и 3 овцы. Семья пользовалась 2,5 наделами земли, в них 10 десятины земли, в том числе: 0,5 десятины усадебной, 4,5 десятины пахотной, 3 десятины сенокосной земли. Остальные 2 десятины заняты неудобьями, выгоном, пустырем или кустарником.

В ходе проведения крестьянской реформы по состоянию на 1 января 1879 года бывшие помещичьи крестьяне Бежецкого уезда имели наделы по 3,96 десятины на одну ревизскую душу (мужчину в возрасте старше 15 лет. – А.Г.). Бывшие государственные крестьяне имели по 4,45 десятины на каждую ревизскую душу. Бывшие удельные карелы имели наделы по 5,42 десятины на каждую ревизскую душу.

В сравнении с дореформенным периодом наделы у бывших помещичьих крестьян уменьшились в среднем на 0,14 десятины, у бывших удельных крестьян увеличились на 0,12 десятины за счет передачи им земель общественной запашки.

Кроме выкупа усадебного участка или усадебной оседлости, а также выкупа надела в поле, крестьяне стали активно покупать у частных лиц земельные участки, которые были дешевле, или арендовать их. Продажная цена одной десятины земли по Бежецкому уезду в то вре-

мя составляла 17 руб. 72 коп., а при проведении выкупной операции надела она поднималась до 30–37,5 рублей.

С момента создания нотариальных контор, за 11 лет с 1867 года и до конца 1878 года включительно в уезде было продано 49,2 тысяч десятин земли.

Арендная плата одной десятины земли составляла 2 руб. 16 коп. за год, при этом доходность одной десятины пашни составляла 3 рубля, одной десятины сенокосов – 2 руб. 70 коп. За 1878 год по Бежецкому уезду крестьяне арендовали 41,1 тысяч десятин земли.

В 1878 году в Бежецком уезде насчитывались 204 помещичьи усадьбы, в которых находилось 679 жилых построек и 1735 нежилых построек.

У жителей всех сословий уезда к тому времени были покрыты железом всего 2 жилых дома, покрыты деревом – 18,3 тысячи жилых построек и 21,3 тысячи нежилых построек. Соломой в 1878 году по уезду были покрыты 30,4 тысячи жилых построек и 162,1 тысячи нежилых построек. У крестьян преобладали жилые и нежилые строения, покрытые соломой.

В то время в городе Бежецке 500 мастериц занимались шитьем мешков, они шили за год до 2,5 млн мешков. Мешочный холст, редину, покупали у крестьян Бежецкого, Весьегонского и Кашинского уездов. За шитье 100 мешков зимой платили 35 коп., летом – 40 копеек. Работая по 15 часов в день, лучшие швеи шили по 50 мешков. По всему уезду насчитывалось 70 маслобоен, которые били льняное масло [82].

Помещики делали все возможное, чтобы нужда заставила крестьян работать на их полях. Только тогда можно было заставить крестьянина идти жать помещичью рожь, когда на его поле она осыпается. Разорение мелких помещичьих имений стало следствием конкуренции их с крестьянскими хозяйствами, так как крестьяне везли на рынок ту же продукцию, что и с помещичьих полей. При этом крестьянин мог продать продукцию дешевле, так как он не учитывал стоимость своего труда. А в цену помещичьих продуктов входила стоимость наемного труда.

Во время сенокоса помещику приходилось уступать крестьянам за работу часть лугов и часть семян трав. Иначе ему трудно стало заставлять крестьян работать на себя. Во время уборки урожая крестьяне пытались не упустить отведенное короткое время и полностью убрать хлеб на своих участках в сжатые сроки. Несмотря на то, что помещики

предлагали выгодные цены при уборке своего урожая, крестьяне на это не соглашались. Им был более выгоден свой хлеб, чтобы прокормить семью, чем предлагаемые деньги. Поэтому нередко у помещиков часть урожая осыпалась на землю из-за несвоевременной жатвы.

Чтобы вовремя косить луга и жать хлеба, помещики были вынуждены закупать машины. Они заменяли крестьянский труд косилками, жатками, молотилками, конными граблями. Но ручной труд полностью оставался при тереблении и обработке льна, при копке картофеля. Постепенно дворянские владения стали уменьшаться в результате изменения отношений между помещиками и крестьянами [83].

* * *

28 декабря 1881 года вышел закон об обязательном выкупе земельных наделов крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости. С 1 января 1883 года все помещичьи крестьяне, которые до этого не пошли на добровольный выкуп, были переведены на обязательный выкуп. Суть этого закона была в том, что все помещичьи крестьяне с того времени прекратили свои обязательные отношения с помещиками, и начали платить деньги за выкуп надела уже не помещику, а государству. Государство же само расплачивалось с помещиками за те земли, которые отошли от него под крестьянские наделы [84].

Выкупные платежи при этом были снижены, в зависимости от благосостояния крестьянского хозяйства и величины недоимки, на 10–40%. После принятия этого закона перешли на выкуп оставшиеся 7,8% крестьян Тверской губернии.

Население самого крупного по его численности в Тверской губернии Бежецкого уезда в 1883 году составляло 222,1 тысячи жителей, в том числе жителей мужского пола 108,4 тыс. человек, женского пола – 113,7 тыс. человек. В 1883 году в деревнях и селах Бежецкого уезда насчитывалось 43237 крестьянских, бобыльских и солдатских дворов, в которых проживали 105,3 тысячи душ мужского пола и 113,3 тысячи душ женского пола. Стоимость работ крестьянина во время весенней вспашки и сева за один день была:

- пахаря на своей лошади и со своим обедом – 1 руб. 25 коп.;
- работника без лошади – 60 коп.;
- работницы без лошади – 40 коп.

Стоимость работ во время сенокоса и жатвы за один день:

- работника с лошадей – 1 руб. 50 коп.;
- работника-косца – 80 коп.;
- работницы на уборке сена – 40 коп.;
- жницы – 50 коп. в день.

Работник, нанятый на все лето, с 23 апреля по 14 ноября зарабатывал 40 руб. 60 коп., работница за это время – 22 руб. 30 копеек. Работник, нанятый на всю зиму, с 14 ноября по 23 апреля зарабатывал 20 руб. 25 коп., работница за это время – 8 руб. 12 копеек.

На одну душу в крестьянской семье за год съедали до 2 четвертей или до 26 пудов хлеба, в перерасчете – более одного килограмма хлеба за день. Стоимость одной четверти (около 210 литров. – А.Г.) ржи в 1883 году по Бежецкому уезду колебалась от 7 руб. 20 коп. осенью до 8 руб. 40 коп. зимой. Одна четверть овса осенью стоила 3 руб. 20 коп., к следующему лету цена доходила до 4 рублей за четверть. Один пуд (16 кг) сена тогда стоил 25 коп. летом, к весне его цена доходила до 34 коп. за пуд.

Недоимка оброчных платежей в пользу помещиков бывших помещичьих крестьян составляла тогда по уезду 25 тыс. 502 рубля. Это сравнительно незначительная недоимка по отношению, например, к крестьянам Ржевского уезда – 345 тыс. 728 рублей или Осташковского уезда – 56 тыс. 681 рубль, учитывая, что его население было в 2 раза меньше, чем в Бежецком уезде.

К 1883 году в Бежецком уезде насчитывалось 738 хлебных магазинов, которые выдавали крестьянам семена зерновых весной на яровой сев и осенью на озимовой сев в ссуду. В том году в ссудах и недоимках состояли около 29 тысяч крестьянских дворов уезда, получивших озимовой хлеб, и около 10 тысяч дворов, получивших яровой хлеб. К 1 января 1884 года число должников по озимовому хлебу (зерну) уменьшилось на 2990 дворов, получивших ссуду в виде ярового зерна (хлеба), уменьшилось на 731 человека.

Ведали всеми хлебными магазинами уездные земские управы, которые при всем их желании, не могли контролировать деятельность нескольких сотен магазинов в уезде. Земские управы предлагали обратить все натуральные хлебные запасы в деньги, собрать все недоимки деньгами по рыночной стоимости наступающего года. Во всех магазинах часть хлеба иметь натурой, а часть – в деньгах. Все операции хранения и взаимообразной выдачи как хлебных, так и денежных продовольственных ссуд сосредоточить в руках земств [85].

После освобождения крестьян от крепостной зависимости дворянские земельные владения в Бежецком уезде довольно быстро пошли на убыль. Из 239 имений уезда, которые были обследованы в 1887 году, самостоятельным сельским хозяйством занимались в 108 имениях. Помещики больше всего сеяли ржи и овса, а крестьяне – в 2,6 раза больше сеяли льна, чем помещики, и в 1,8 раза больше кормовых трав, чем сеяли помещики.

Реформа 1861 года привела к расслоению крестьянского общества, до Манифеста около 10% крестьян Бежецкого уезда считались зажиточными, 6% – безлошадными батраками. Остальные держали по 2–3 лошади, 2–4 коровы, овец, свиней, птицу, и считались середняками. В 1880 году к зажиточным крестьянам относили 4% крестьян уезда, к безлошадным крестьянам – 16%. Многие крестьяне были вынуждены сдавать свои наделы в аренду, а самим наниматься на работу к помещикам или богатым крестьянам.

К 1882 году по Бежецкому уезду увеличилась общая сумма оброчного сбора, исходя из площади и ценности земли:

	1868 год	1882 год
частные владельцы		
десятин земли	176 тысяч	208,8 тысяч
сумма сбора в рублях	15,74 тысячи	25 тысяч
сельские общества		
десятин земли	304 тысячи	349,8 тысячи
сумма сбора в рублях	33,77 тысячи	66,5 тысячи
всего земли по уезду	601 тысячи десятин	667 тысяч десятин
сумма сбора по уезду	53,2 тысячи рублей	98,37 тысячи руб.

В общую площадь земли и общую сумму оброчного сбора по Бежецкому уезду, кроме частных владельцев и сельских обществ, включены земли и сборы с бывших удельных и казенных крестьян, а также с церковных, монастырских и городских земель.

К 1890 году в Бежецком уезде насчитывалось 1328 сельских обществ, имелись сведения о 925 из них. Из этих 925 сельских обществ за время реформы не проводили переделов земли в 580, общий передел проводился в 285 сельских обществах. Частичные переделы за период с 1861 по 1890 годы проводились в 60 сельских обществах Бежецкого уезда.

К тому времени надельные земли в крестьянских хозяйствах уезда составляли 68,3%, купленные – 16,1%, арендованные – 15,6%. Значительную часть купленных земель состояли из лесных угодий, покупателями которых была значительная доля зажиточных крестьян. Надельные земли составляли две трети всей площади.

Главной культурой в уезде постепенно становился лен, который бежецкие купцы активно продавали в другие губернии и за границу. Резко увеличивалось производство картофеля. Одновременно в послереформенный период резко сокращались землевладения дворян, в 1890 году в сравнении с 1861 годом – в 3 раза. Дворяне сокращали посевы озимых культур и картофеля, вместо них больше сеяли клевера и сеяных трав. Другой отраслью помещичьих хозяйств оставалось животноводство [86].

Во время проведения реформы многие помещики были вынуждены продавать часть своей земли, участки леса, боры, рощи и сенокосы. Уменьшалось поголовье скота из-за отмены барщины и сокращения земельных участков. Число прислуги резко сокращалось, прекращались званые обеды с приглашением гостей из соседних имений.

15 апреля 1888 года член Тверской ученой Архивной комиссии Н.Н. Овсянников сделал сообщение о переписи князя Григория Волконского «Переписная книга Бежецкого уезда 1709 года». В своем докладе Овсянников заявил, что раньше были насиженные «дворянские гнезда» с фруктовыми садами, цветниками и густыми аллеями, с гостеприимными длинными столами, где на почетном месте хозяйка в храмовые праздники потчевала гостей. Эти оазисы гражданственности, эти дома с красными крышами, где раздавались на клавикордах звуки Гайдна и Моцарта.

«Мы видим теперь, как рубятся аллеи на дрова, дома превращаются в конторы, клавикорды относятся в сарай, звуки Гайдна и Моцарта сменяются стуком косточек на счетах. Нет, не историк, а поэт пусть овладеет этим прошлым, пока не улеглись еще страсти. Пусть на крыльях мечты он воскресит этот прошлый, родной нам быт, эту прошлую родную нам жизнь» [87].

14 декабря 1893 года был принят закон, в котором о продаже надельной земли сельскими обществами и крестьянами было сказано следующее:

«1. Продажа надельной земли целыми сельскими обществами допускается не иначе, как на основании особого о том приговора общества, постановленного с согласия не менее 2/3 всех крестьян, имеющих голос на сходе, и утвержденного губернским присутствием.

Если стоимость отчуждаемого участка превышает 500 рублей, то для продажи его требуется, сверх того, разрешение министра внутренних дел по соглашению с министром финансов.

2. Участки надельной земли, приобретенные отдельными крестьянами или состоящие в подворно-наследственном их пользовании, могут быть отчуждаемы посредством дарения или продажи, как добровольной, так и с торгов, за недоимки в выкупных платежах, только лицам, приписанным к сельским обществам» [88].

Доходность земли в Бежецком уезде была низкой, поэтому постепенно росли недоимки крестьян по выкупным платежам. Чтобы скопить деньги на выкуп, бывшие помещичьи крестьяне экономили на еде и одежде, не тратя деньги на какие-то другие цели. Они отрывали кусок от семьи, стараясь как можно больше продать хлеба и холста. Много работали с утра до вечера круглый год, уходя по зимам на промыслы. Чтобы ликвидировать недоимки крестьян по выкупным платежам, с 1 января 1906 года стоимость выкупных платежей сократили на 50%, а с 1 января 1907 года их полностью отменили.

Таким образом, император Александр III, вступивший на престол после убийства его отца Александра II в 1881 году, свое внимание сосредоточил на решение финансовых и экономических проблем. Он понизил выкупные платежи крестьян, полностью отменил сохранявшуюся в какой-то части подушную подать. Отменил налог на наследство, учредил для получения кредита крестьянами Крестьянский поземельный банк. Также был открыт государственный Дворянский земельный банк, открывавший долгосрочные кредиты на льготных условиях для дворян-землевладельцев.

Земская реформа в Бежецком уезде

Крестьянскими мозолями и баре сыто живут.

Земская реформа 1864 года состояла в том, чтобы вопросы ведения местного хозяйства, взискания налогов, утверждение бюджета, начального образования, медицинского и ветеринарного обслуживания поручались выборным органам – уездным и губернским земствам.

В соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях», утвержденным 1 января 1864 года, земская реформа

предусматривала создание системы местного самоуправления в городах и сельской местности. Основу этой системы составляли губернские и уездные земства, а также волостные правления, как выборные органы. Сельские общества получили право избирать из своей среды на три года представителей в уездные земские собрания. Так как был определен денежный ценз при избрании представителей (гласных), туда попадали в основном дворяне. Уездные земские собрания под председательством предводителя дворянства проходили один раз в год несколько дней.

В целях выполнения Положения о земской реформе 1864 года в Твери 15 января 1865 года был открыт Временный губернский комитет под началом губернатора Петра Романовича Багратиона. Стали создаваться уездные комиссии под председательством уездных предводителей дворянства по проведению выборов земских гласных, в Бежецке комиссия была создана 15 февраля 1865 года.

Уездные комиссии составили списки избирателей, все избиратели были разделены на три группы: уездные землевладельцы, городские избиратели и выборные от сельских округов. Для участия в съезде землевладельцев по Тверской губернии был установлен *ценз – не менее 250 десятин земли* или наличие недвижимости *не ниже 15 тысяч рублей* стоимости. Крестьяне и другие мелкие землевладельцы имели ценз в 12,5 десятин земли.

В период с 12 августа по 12 сентября 1865 года провели первые выборы уездных гласных. 10 декабря 1865 года в Бежецке состоялось первое уездное собрание. В выборах земских гласных по Бежецкому уезду тогда приняли участие лишь 37 дворян из 156, имевших право голосовать. Из 133 мелких землевладельцев голосовали всего 23 избирателя, из 892 представителей сельских обществ – 692 избирателя.

В Бежецкое уездное собрание в 1865 году избрали 62 земских гласных. Землевладельцы избрали 19 дворян, 3 разночинцев, 5 духовных лиц и 4 крестьянина. От сельских обществ земскими гласными избрали 1 дворянина, 3 духовных лиц и 24 крестьянина. Остальных трех земских гласных избрали городские избиратели. Ни в одном уезде Тверской губернии не было избрано в земские гласные столько крестьян, как в Бежецком – 28 человек. В следующем за ним по числу избранных крестьян в земские гласные Старицкого уезда – 18. В остальных уездах значительно меньше, например, в Вышневолоцком уезде – 13 крестьян.

В состав Тверского губернского земского собрания от Бежецкого уезда были избраны 7 дворян, один разночинец и 2 крестьянина из 7 всех избранных крестьян по губернии.

Заседания уездных земских собраний обычно проходили один раз в год, в течение не более 10 дней, не позднее сентября, после уборки урожая. Заседания Тверского губернского земского собрания проходили в течение не более 20 дней в конце ноября – начале декабря каждого года. Председательствовал на уездных земских собраниях уездный предводитель дворянства. В качестве земского исполнительного органа были созданы земские управы.

Были установлены правила проведения собраний, как губернского собрания, так и уездных. Во время чтения доклада или выступления никто не имел права перебивать читающего или говорящего. Только председатель собрания имел право остановить его, если замечал, что говорящий или читающий отклонился от обсуждаемого предмета.

Возражения против изложенного мнения мог делать каждый из гласных земцев по предварительной записи их очереди председателем. Когда прения заканчивались, и создавалось два или более несогласных между собой мнения, председатель собрания предлагал решить вопрос по каждому мнению большинством голосов. При равенстве перевес принадлежал той стороне, за которую голосовал председатель собрания.

На другой день заседания гласным зачитывали протокол предыдущего заседания, который подписывали все присутствующие накануне гласные. За неграмотных гласных протокол подписывали их доверенные лица. Отработав неделю, гласные разъезжались по своим домам и имениям.

После Н.Е. Баумгартена предводителем Бежецкого уездного дворянства с 1860 по 1863, а также с 1866 по 12 марта 1871 годы служил **Модест Евграфович Воробьев**, он же с 1866 года избирался председателем Бежецкой уездной земской управы. На время его болезни и отлучек, обязанности уездного предводителя дворянства исполнял заместитель Абрам Егорович Нефедьев. Их деятельность совпала со временем подготовки крестьянской реформы и первых лет ее реализации.

М.Е. Воробьев имел имения в Бежецком, Кашинском и Корчевском уездах с 295 наделами. Из них в деревнях села Замытье Бежецкого уезда владел 903 десятинами удобной земли и 6 десятинами неудобий.

В молодости служил юнкером в Симбирском уланском полку, в 1834 году был произведен в корнеты, уволен с военной службы 19 ноября 1836 года в звании поручика. Во время Крымской войны служил в ополчении с дружиной № 19 города Бежецка, которая с 26 августа 1855 года по 12 июня 1856 года находилась в окрестностях города Риги. В июне 1860 года был избран Бежецким уездным предводителем дворянства, находился на службе до 1863 года. Одно трехлетие с 1863 по 1866 года его замещал дворянин Н.Ф. Апыхтин, о котором в этой книге есть отдельный параграф. М.Е. Воробьев вновь был избран предводителем Бежецкого дворянства в 1866 года, находился на должности до своей смерти, последовавшей 13 марта 1871 года [89].

С 20 мая 1871 года предводителем Бежецкого уездного дворянства и председателем Бежецкой земской управы был избран дворянин **Николай Алексеевич Чаплин** (1835–1887 гг.), который находился в этой должности до конца 1886 года.

* * *

В начале проведения крестьянской и земской реформ город Бежецк и Бежецкий уезд имел следующую характеристику. В 1873 году в Бежецке было 747 деревянных и 28 каменных жилых домов, 3 каменных и 1 деревянное казенное здание. Вместе с жилыми домами, церквями и церковными зданиями, заводами и кузницами, лавками и магазинами в городе насчитывалось 222 каменных здания и 846 деревянных здания.

В тот год в городе проживали 18 потомственных дворян обоего пола и 214 личных дворян обоего пола; духовенства – 259 жителей обоего пола. Жителей городского сословия – 3041 человек обоего пола; сельского сословия – 820 обоего пола; военных – 1639 обоего пола. Всего в Бежецке в 1872 году проживало 3313 жителей мужского пола и 2678 жителей женского пола.

По свидетельству очевидцев, Бежецк характеризовался грязным городом, где не привыкли принимать меры по улучшению своей обстановки. Торговые площади плохо очищались от навоза, стоков дождевой воды с улиц не было, от чего в дождь всюду вода и грязь, а в сухую погоду на улицах густые облака пыли. Улицы мели только накануне приезда в город какого-нибудь особо важного лица. В городе тогда

действовали две общественные бани, одна устроена вблизи церкви Воздвижения, воду брали из пруда, расположенного возле самой бани. В том же пруду стирали белье, и туда же стекала из бани негодная вода. Другая баня устроена вблизи Остречиной, и воду брали из этой реки.

В то время в Бежецке работали 5 врачей, из них 2 полковых доктора, специалисты по хирургии, один городской врач и два земских врача. Кроме того был один уездный акушер, четыре акушерки и несколько фельдшеров. Имелась в городе одна земская больница, в которой постоянно находились до 30 больных.

Вместе с проведением крестьянской реформы начиналось постепенное развитие **промышленности**, хотя к 1873 году она в Бежецке была еще неразвита, в нее входили:

- 3 льнотрепальных завода, с числом рабочих 200 человек;
- 3 винокуренных завода, один в городе и два в Яковлевской волости с 60 работниками, производили до 40 тысяч ведер вина на 40 тысяч рублей;
- крахмальный завод с 16 работниками, готовил до одной тысячи пудов крахмала;
- в уезде было 79 водяных и 321 ветряная мукомольная мельница;
- 166 круподерен, 8 солодовен и 70 маслобоен;
- в уезде 450 дегтярных и смолокурных заводов с числом рабочих до одной тысячи человек, они вырабатывали до 80 тысяч пудов смолы, дегтя, скипидара и других продуктов сухой перегонки дерева на 60 тысяч рублей;
- в Бежецке одна сигаро-папиросная фабрика с 40 рабочими, а также 3 кожевенных завода. В уезде было еще 7 кожевенных заводов;
- 3 сально-свечных заводов в городе и 2 в уезде, рабочих в них 20 человек. 3 восковых свечных завода, которые вырабатывали до 2,5 тысяч пудов свечей на 70 тысяч рублей;
- в Бежецке 8 кузниц с 30 рабочими, в уезде – 350 кузниц с 1140 рабочими. Все кузницы ковали до 20 тысяч пудов железа на 50 тысяч рублей;
- один стекольный завод в уезде с 29 рабочими. Кроме того, по уезду занимались гончарным производством около 500 человек и около 700 человек выделяли деревянные изделия.

После ввода в эксплуатацию в 1872 году участка Савелино-Бологое Виндаво-Рыбинской железной дороги, стала более успешно развиваться

ся **торговля** продукцией, выработанной крестьянами Бежецкого уезда и мещанами города Бежецка. На трех железнодорожных станциях в Бежецке, Максатихе и Савелино (теперь поселок Сонково. – А.Г.) эту продукцию грузили в вагоны и направляли в порты Рыбинск и Санкт-Петербург. Из Рыбинска баржами и пароходами продукция отправлялась в другие губернии империи по Волге, Каме и Оке. Из Санкт-Петербурга ее отправляли за границу в Англию, Германию, Голландию и Францию, часть оставляли на нужды города.

За 1872 год из Бежецкого уезда было вывезено продукции:

- льна и кудели отгрузили со станции Бежецк 132,9 тыс. пудов, со станции Савелино – 15,7 тыс. пудов, со станции Максатиха – 3,2 тыс. пудов, а всего за год 151,8 тыс. пудов или 2,4 тыс. тонн льна и кудели;
- со станции Бежецк отгрузили холста и полотна 7,14 тыс. пудов на 70 тыс. рублей, мешков холщевых и брезентовых 40,6 тыс. пудов на 160 тыс. рублей, тряпья – 16 тыс. пудов на 20 тыс. рублей;
- семени льняного со станции Бежецк 18,9 тыс. пудов на 20 тыс. рублей, со станции Савелино – 10,6 тыс. пудов на 12 тыс. рублей;
- масла льняного со станции Бежецк 10,2 тыс. пудов на 42 тыс. рублей, со станции Савелино 585 пудов на 2,4 тыс. рублей;
- сливочное масло, творог и другие молочные продукты со станции Бежецк 36,8 тыс. пудов на 250 тыс. рублей;
- мясопродукты со станции Бежецк 77 тыс. пудов, со станции Савелино 14,2 тыс. пудов, со станции Максатиха 775 пудов, всего на общую сумму 160 тыс. рублей;
- кожи со станции Бежецк 16 тыс. пудов на сумму 120 тыс. рублей;
- овес со станции Бежецк 60 тыс. пудов, со станции Максатиха 67 тыс. пудов, со станции Савелино 2 тыс. пудов. Из них 40 тыс. пудов овса шло от карел Микшинской, Толмачевской и других волостей. В другие годы крестьяне Бежецкого уезда продавали до 226 тыс. пудов овса на 114 тыс. рублей;
- картофель со станции Бежецк 54 тыс. пудов на 18 тыс. рублей, яиц 70 тыс. пудов или 5 млн штук на сумму 45 тыс. рублей;
- смола, деготь, скипидар и другие продукты сухой перегонки дерева со станции Бежецк 1,5 тыс. пудов, со станции Максатиха 42 тысячи пудов в год;
- железные изделия, производимые в кузницах, 5 тыс. пудов на 25 тыс. рублей;

- сало и сальные свечи 4 тыс. пудов на 14 тыс. рублей;
- рыба 2 тыс. пудов на 4 тыс. рублей;
- мед и патока 500 пудов на 3 тысячи рублей [90].

* * *

Предводитель Бежецкого уездного дворянства и председатель Бежецкой земской управы дворянин *Николай Алексеевич Чаплин* умер 17 января 1887 года. В связи с его смертью был составлен формулярный список о службе Бежецкого уездного предводителя дворянства, действительного статского советника Н.А. Чаплина. В нем сказано, что Н.А. Чаплин, 51 год от роду, за службу награжден орденом Владимира 3-й степени, святой Анны 2-й степени, святого Станислава 2-й и 3-й степеней, медалью в память войны 1853–1856 годов, двумя знаками за успешное введение в действие Положения от 19 февраля 1861 года.

В 1871 году он имел в Бежецком уезде 40 душ крестьян и 412 десятин земли, в Кадниковском уезде Вологодской губернии имел 20 душ крестьян и 286 десятин земли. К 1887 году имел 501 десятину земли в Бежецком уезде, в других уездах земли не имел.

Н.А. Чаплин окончил курс 1-го Московского кадетского корпуса, получил звание прапорщика, 13 августа 1853 года был направлен в лейб-гвардейский Драгунский полк. Участвовал в походах против англичан и французов во время Крымской войны, в первую компанию с 15 июля по 7 октября 1854 года, во вторую компанию с 15 апреля по 15 ноября 1855 года.

В 1857 году произведен в поручики, исполнял должность полкового адъютанта. В 1860 году произведен в штабс-капитаны, 30 августа 1861 года – в капитаны. В марте 1862 года определением Правительствующего Сената был утвержден мировым посредником Бежецкого уезда.

15 июня 1866 года уволен с военной службы в чине полковника, с мундиром, и избран мировым судьей 4-го участка Бежецкого уезда, а 10 декабря того же года избран председателем мирового съезда Бежецкого уезда. В 1869 году вновь избран мировым судьей на второе трехлетие, но с 20 мая 1871 года покинул эту должность в связи с избранием Бежецким предводителем дворянства.

На должность уездного предводителя дворянства и председателя Бежецкой уездной управы Н.А. Чаплин переизбирался на трехлетие в

1874, 1877, 1881, 1884 годах. 17 декабря 1886 года по окончании выборного срока от выборов на эти должности он отказался. Не был женат, оставался холостым [91].

На выборах 17 декабря 1886 года Бежецким уездным предводителем дворянства и председателем земской управы был избран **Алексей Никитич Татищев** (1845–1896 гг.), чье имение находилось в селе Беляницы.

Семья Алексея Никитича Татищева была широко известна в России и за ее пределами, его предок прапрадед Василий Никитич Татищев (29.04.1666–26.07.1750 гг.), владелец имения Беляницы Бежецкого Верха, написал фундаментальный труд по истории России. Первые три части этого труда под названием «История Российская с самых древнейших времен, неуспынными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым» в четырех томах были изданы после смерти автора в 1768–1784 годах. Четвертую часть «Истории» В.Н. Татищева обнаружил историк, редактор журнала «Москвитянин» Михаил Петрович Погодин в 1843 году, она была издана пятым томом в 1848 году.

Кроме дочери Евпраксии Васильевны у историка Василия Никитича был сын Евграф Васильевич (1717–1781 гг.), в числе 10 детей которого родился Алексей Евграфович Татищев (1760–1832 гг.) – дед нашего Алексея Никитича. Его родителями были подполковник Никита Алексеевич Татищев (1796–1851 гг.) и Екатерина Степановна Ушакова (1807–1877 гг.), тетка Варвары Петровны Неведомской (Ушаковой).

А.Н. Татищев женился на дочери Тверского предводителя дворянства Бориса Васильевича Мещерского (1818–1884 гг.) Екатерине Борисовне (1846–1930 гг.), у них родились сыновья Борис, Никита, Алексей, дочери Екатерина и Софья. А.Н. Татищев был крупным помещиком, в Бежецком уезде ему принадлежало 3500 десятин земли.

Должности Бежецкого уездного предводителя дворянства, председателя Бежецкой уездной управы и председателя уездного училищного совета А.Н. Татищев занимал до 29 сентября 1889 года, покинул их в связи с назначением на должность вице-губернатора Екатеринославской губернии.

6 февраля 1892 года он был назначен губернатором Полтавской губернии, служил на этой должности до своей смерти 21 февраля 1896 года в возрасте 50 лет [92].

Из членов Бежецкой земской управы 21 год служил дворянин Павел Николаевич Мальковский с 1889 по 1909 годы. Он являлся владельцем села Рыбинское, и был членом Бежецкой земской управы вплоть до своей смерти 22 июня 1909 года в возрасте 48 лет.

* * *

Одной из основных проблем, которые поднимали на своих заседаниях гласные Бежецкого земства, было обустройство дорог. Для этого была определена дорожная повинность со всех крестьян, которая рассчитывалась, исходя из окладной единицы. Ею был доход в 9 рублей, по Тверской губернии дорожная повинность в 1867 году составляла по 32,25 копейки на каждые 9 рублей дохода.

К 1870 году Бежецк, Весьегонск и Красный Холм не имели прямого почтового сообщения с Тверью из-за плохой грунтовой дороги и отсутствия мостов. Торговые отношения этих городов по губернии были лишь с Кашиным, Красным Холмом и Вышним Волочком. Из Бежецка шли только два почтовых тракта, один в Кашин, другой – в Красный Холм, других трактов не было. Основными грунтовыми дорогами являлись: Бежецк–Замытье, 68 верст, Бежецк–Максатиха, 48 верст, далее эта дорога шла до Вышнего Волочка и Бежецк–Талашманы, 24 версты, далее дорога вела в село Кой Кашинского уезда.

В тот год Тверское губернское дворянство выделило 3 тысячи рублей Тверскому уездному земству для обустройства Бежецко-Тверского тракта по территории Тверского уезда. Но уездная управа деньги возвратила, не находя выгодным устраивать этот тракт.

В том же году Бежецкое уездное земство не нашло нужным и возможным принимать в свое ведение проселочные дороги. Оно нашло правильным оказывать пособие на их содержание владельцам имений и дач, через которые дороги проходят. В декабре 1870 г. Тверская губернская управа поддержала это мнение, заявив, что по значительности протяжения проселочных дорог и многочисленности предметов земского хозяйства, не приведенного в желательное состояние, земские учреждения не должны принимать на себя заведования проселочными дорогами.

Уездные земские учреждения должны принять на себя составление и утверждение сети необходимых для удобного сообщения проселочных дорог. Определить те из них, по которым производится более

длительное сообщение между важными для уезда промышленными и торговыми пунктами. Все проселочные дороги, вошедшие в учрежденную сеть, должны быть признаны общеволокными. Содержание общеволокных дорог в пределах волости относится к натуральной повинности, к которой привлекаются землевладельцы всех наименований, как в составе сельских обществ, так и частные собственники.

Спор о том, кто должен вести межуездными трактами – губернское земство или уездные земства, приводил к плохому состоянию дорог и трагедиям. На собрании Тверского губернского земства 19 декабря 1880 г. рассматривался случай, происшедший на Вышневолоцком тракте. В сентябре 1879 г. крестьянин Алексеев ехал на лошади с возом по Вышневолоцкому тракту в пределах Бежецкого уезда. Воз опрокинулся в образовавшуюся вдоль дороги рытвину, Алексеев был задавлен насмерть. Было возбуждено судебное дело в отношении члена Бежецкой уездной управы Новикова, которому поручалось исправление этого участка тракта.

Председатель Бежецкой уездной управы Н.А. Чаплин на губернском собрании пояснил, что хотя Новиков и признал судебному следователю себя виновным в происшедшем, но сделал это без ведома его. В действительности, наблюдением за исправностью Вышневолоцкого тракта было отнесено, по соглашению между членами управы, к его, Чаплина, обязанностям. Новиков осматривал тракт по его поручению и не может считаться ответственным лицом. Новиков проводил объезд дороги перед случившимся происшествием, рытвины образовались именно в тех местах, где следует быть водосточной канаве.

Лето 1879 года было дождливое, работы по починке дороги проводились все лето, о ее неисправности от полицейского управления никаких заявлений не поступало. Тверское губернское собрание пришло к убеждению, что Новиков не может подлежать уголовной ответственности, так как этой дорогой заведовал не он.

Положением 1864 года земские учреждения были определены, как самостоятельные. По состоянию на 1881 год в штате Бежецкой земской управы, кроме председателя, получавшего жалованье в 300 рублей в год, имелись следующие должности:

1. Секретарь, один, штатное содержание 300 рублей в год.
2. Бухгалтер, один, штатное содержание 300 рублей в год.
3. Столоначальники, три, штатное содержание по 300 рублей каждому.
4. Писцы, четыре, штатное содержание по 200 рублей каждому.

5. Фельдшера, 19, штатное содержание по 200 рублей каждому.
6. Смотритель земских больниц, один, штатное содержание 200 рублей.
7. Учителя и учительницы, 65 человек, штатное содержание по 200 рублей каждому.

Губернатор надзирал лишь за тем, чтобы земства не предпринимали ничего противного законам и общим государственным интересам. Положение о земстве 1890 года резко изменило взаимоотношения правительственных структур и земства. Оно установило надзор губернатора не только за законностью решений, но и за правильностью действий всех земских учреждений, ввело систему утверждения в должностях лиц, избираемых в состав земских управ, предоставило право губернатору проводить ревизии в земских управах.

Если в период с 1865 по 1890 годы по Бежецкому уезду губернатором не было внесено ни одного протеста, то за 1890–1909 годы – 8 протестов. Бежецкое земское собрание дважды жаловалось на губернатора, первый раз в 1899 году за неправильное применение губернатором положения о допущении на земскую службу приглашаемых со стороны лиц. Вторая жалоба на губернатора была направлена в 1903 году в связи с тем, что тот не разрешил Бежецкому земству открыть сессию в день, который они просили.

Одновременно Положение о земстве 1890 года рассматривало службу в земских управах, как государственную, и установлению для лиц, имеющих на то право, производство в классные чины [93].

Нужно отметить, что земские собрания (губернские и уездные) являлись распорядительными органами местного самоуправления. Они утверждали земский бюджет, принимали решения о строительстве местных школ, больниц, дорог, благотворительных учреждений, о предоставлении поземельных кредитов, о приобретении недвижимости, контролировали работу земских управ. Земские собрания могли ходатайствовать перед центральной властью о «местных пользах и нуждах». Уездные земские собрания под руководством уездного предводителя дворянства либо особо назначенного местной администрацией председателя избирали из своей среды губернских гласных, входивших в состав губернских земских собраний под председательством губернского предводителя дворянства.

Земские управы (губернские и уездные) были исполнительными органами местного самоуправления. Избирались земскими собраниями

из числа гласных, как правило, в составе председателя и 2–6 членов. Земские управы готовили отчеты и заключения для земских собраний, осуществляли надзор за состоянием земских доходов и расходов, представляли в суде интересы земства по имущественным делам.

В центре внимания земства находились народное образование, здравоохранение, ветеринария, статистика. Открывались частично либо полностью финансируемые ими земские школы – начальные учебные заведения. Благодаря земству увеличивалось число врачей и вспомогательного медперсонала, больниц, аптек, улучшилось снабжение лекарствами, создавались фельдшерские и медицинские курсы.

При проведении крестьянской реформы в результате дробления землевладений и ликвидации дворянских имений, росло число мелких земельных цензов. И уже во время выборов земских гласных в 1883 году по Бежецкому уезду получили право голосовать 792 мелких землевладельца вместо 133 в 1865 году, из них приняли участие в выборах всего 193 избирателя. Из 160 крупных землевладельцев голосовали всего 29 избирателей. От 971 сельского общества в выборах приняли участие представители 716 обществ.

По положению от 1890 года значительно уменьшилось число избираемых земских гласных в сравнении с выборами 1865 года. По Тверской губернии оно снизилось с 524 до 370 земских гласных, по Бежецкому уезду – с 62 до 36 человек. Также изменился земельный ценз для избирателей, как в целом по губернии, так и по уездам.

В Бежецком уезде для крупных землевладельцев его сократили с 250 до 225 десятин. А для мелких землевладельцев, наоборот, увеличили с 12,5 десятин в 1864 году до 22,5 десятин в 1890 году. Ценз для городских избирателей увеличили с 3 тысяч до 15 тысяч рублей наличности.

Положение 1890 года лишило права участвовать в выборах земских гласных от частных владельцев тех крестьян, которые, будучи приписанными к уезду, приобрели в нем землю на правах частной собственности. В связи с изменениями резко сократился состав избирателей, по Бежецкому уезду в 1890 году могли голосовать: от крупных землевладельцев – 100 человек, от мелких землевладельцев – 45 человек. Эти избиратели избирали из своего состава 36 земских гласных по Бежецкому уезду. Руководящая роль в земстве Бежецкого уезда, как и по всей Тверской губернии и по империи в целом, принадлежала дворянству с самого начала проведения земской реформы с 1864 года [94].

Бокаревская волость Бежецкого уезда

Всякому мила своя сторона.

Общие сведения

Во исполнение «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» в Бежецком уезде, как и по всей империи, вместо приходо-в после 1861 года стали создаваться волости. В Бокаревскую волость со смешанным русско-карельским населением вошли приходы: Глазовский, Головский, Сабуровский, Синево-Дубровский, Хонеевский и Корельско-Кошевский. Центром Бокаревской волости определили село Глазово.

В Бокаревскую волость Бежецкого уезда после 1863 года вошли 36 русских поселений, а также Корельско-Кошевский приход из 13 деревень с селом Кошево Корельское, населенных карелами. До 1797 года существовала Карело-Кошевский дворцовый приход, после 1797 года все деревни этого прихода отнесли к Столбовскому отделению Чамеровского сельского приказа, а позднее – к Столбовскому сельскому приказу.

Бокаревская волость располагалась на северо-востоке Бежецкого уезда, граничила с Бежаницкой и Новской волостями, а также с Кашинским и Весьегонским уездами.

С 1871 года Тверское губернское земство приступило к проведению серьезных статистических исследований, заведующим этими работами был приглашен Василий Иванович Покровский (1838–1915 гг.). Земство сначала издавало отдельные сборники материалов для статистики Тверской губернии. С 1883 по 1889 годы под руководством В.И. Покровского группа статистиков и их помощников провела сплошное описание Тверской губернии, в том числе: местности, населения и его грамотности, экономики, землевладения, промыслов. При этом они применяли экспедиционный способ исследования, обращая внимание на подворное описание деревень, волостей и городов.

Статистик Дмитрий Иванович Рихтер служил в Тверском губернском земстве с 1876 по 1889 годы. В 1887 году он под общим руководством В.И. Покровского провел исследования Бежецкого уезда, в том числе и Бокаревской волости.

По площади волость занимала 16 место из 30 волостей уезда, имея 21 тысячу десятин или 201 квадратную версту. На территории волости,

кроме большинства русских деревень, располагались 13 карельских деревень. Все русские и карельские деревни располагались на холмах или возвышенностях, так как местность здесь холмистая. Возле деревень Богородское и Савелиха холмы возвышаются на 800 футов (240 метров. – А.Г.) над уровнем моря, от них расходятся овраги в сторону села Глазово, сельца Подобино и погоста Карело-Кошево.

Возле карельских деревень Горбовец и Калиниха начинают свой путь речки Уйвешь и Каменка, а возле Сабурова – река Сить. В реку Уйвешь до впадения ее в Осень втекали речки: Каменка, Тереховка, Медведка, Гончарка, Сулешка и другие. Болот на территории Бокаревской волости не было.

От погоста Сабурово проходит гряда холмов, которая прерывается истоками речек Пьянка у Холма, Каменка у Калиниха, Уйвешь между деревнями Холм и Горбовец. На другом каскаде холмов расположены деревни Горбовец, Гостиницы, Акиниха, Душково, погост Карело-Кошево на высоте 700 футов (210 метров. – А.Г.) над уровнем моря. Возле карельской деревни Горбовец находится самая высокая точка Бежецкой гряды под названием Дехтица [95].

* * *

В 1873 году, когда в Тверской губернии еще собирали подушную подать по ревизским душам, в Бокаревской волости Бежецкого уезда насчитывалось следующее число ревизских крестьянских душ мужского пола:

- государственные крестьяне, их было всего 112 человек обоего пола, платили в год податей по 3 руб. 23 коп. с ревизской души;
- бывшие удельные крестьяне, 656 ревизских душ, платили в год податей на общую сумму 4240 руб. 85 коп. или по 6 руб. 46 коп. с каждой ревизской души;
- бывшие помещичьи крестьяне, 2134 ревизских души, платили в год податей на общую сумму 16 939 руб. 05 коп. или по 7 руб. 94 коп. с каждой ревизской души.

В результате неурожаев на протяжении трех лет подряд 1868–1870 годов, к 1878 году по Бежецкому уезду накопилась определенная сумма продовольственной недоимки, хотя по Бокаревской волости она не значилась. Значительная недоимка на общую сумму 5822 руб.

76 коп. указана по 7 волостям, среди недоимщиков оказались карельские волости Толмачевская, Трестенская и Микшинская.

Сумма расходов на одну крестьянскую семью тогда составляла примерно 340 рублей в год. За счет земледелия, скота и ремесел семья была способна заработать в пределах 230 рублей, ей на питание и одежду не доставало около 110 рублей. Этот дефицит пополнялся за счет заработков на отхожих промыслах, заработков на месте, а также за счет сокращения в потреблении хлеба, в расходах на одежду и обувь, на содержание скота.

Из домашних промыслов первое место занимало ткачество, которым занимались все деревенские женщины. Город Бежецк являлся главным пунктом в губернии сбыта холста. На втором месте находилась трепка льна вручную. Лен продавался в Бежецке, а оттуда шел по другим городам империи, а также за границу.

На территории Бокаревской волости было тогда 28 торговых заведений, из них 10 питейных заведений. Школ в 1878 году не было, по всей волости насчитывали грамотных 644 мужчины и 60 женщин [96].

По численности населения волость находилась на 10 месте из 30, с числом жителей обоего пола – 8829 человек или 43,9 человека на одну квадратную версту. На территории волости находилось 4 села, 2 погоста, 38 деревень, 4 выселки и приселка, 2 сельца, 2 отдельно расположенных усадьбы и один хутор. Имелась одна железнодорожная станция Бокарево, 7 казарм и железнодорожных будок.

До 100 жителей было 7 селений с 71 двором, где проживали 1036 человек, от 101 до 250 жителей – 24 селения с 707 дворами, в которых жили 4035 человек. От 251 до 500 человек было 9 селений с 523 дворами, в которых насчитывалось 3041 житель. В 1887 году население Карело-Кошевского прихода составляло 1980 человек, Головского прихода – 697 человек, Синево-Дубровского – 538 человек, Сабуровского – 1700 человек.

Земледелие

По состоянию на 1878 год земельные наделы по Бокаревской волости Бежецкого уезда составляли в среднем по 4,79 десятины на мужскую ревизскую душу. При этом бывшие помещичьи крестьяне получили наделы по 3,96 десятины на душу, бывшие удельные крестьяне – по 5,42 десятины на одну ревизскую душу, бывшие государственные крестьяне – по 4,45 десятины.

В том году в волости насчитывалось 42 селения, 1361 крестьянский двор, на выкупе состояли 2018 ревизских душ бывших помещичьих крестьян. Также на территории волости насчитывалось 646 ревизских душ (мужчин старше 15 лет. – А.Г.) бывших удельных крестьян, 41 душа безземельных и 17 душ бывших государственных крестьян.

При купле-продаже земли средняя цена по уезду составляла 17 руб. 72 копейки за одну десятину. Однако губернское земство считало, что это ниже действительной ценности земли. Оно полагало, что по Бежецкому уезду, по их подсчетам, ценность земли составляла в среднем 22 руб. 22 коп. за десятину.

По ценности земли Бокаревская волость была отнесена ко 2-й группе, где стоимость пахотной земли была 42 руб. 85 коп. за десятину, сенокосной – 28 руб. 57 коп., лесной – 21 руб. 42 коп., выгонов – 14 руб. 28 копеек за десятину.

К 1887 году в Бокаревской волости проживали 6875 помещичьих крестьян, 112 государственных и 1638 удельных крестьян-карел обоого пола.

Надельная земля в волости к 1887 году составляла более 15 тысяч десятин или 73,6% к общей площади. На одну душу населения приходилось по 1,7 десятины наделной земли, к тому времени бывшие помещичьи крестьяне получили в среднем по 9,9 десятин на одно хозяйство.

Они на своих участках сеяли рожь, овес, ячмень, лен, коноплю, сажали картофель, репу, брюкву и другие овощи. У крестьян и помещиков Бокаревской волости в 1887 году имелось: 1458 лошадей, 2785 коров и быков, 1202 теленка до одного года, 1835 овец.

Средняя продажная цена одной десятины земли (0,96 га. – А.Г.), в целом по Бежецкому уезду, в 1880 году сократилась в сравнении с 1866 годом с 22 руб. 42 коп до 17 руб. 89 копеек. В 1881 года она подорожала вновь до 22 руб. 50 копеек. Но при этом, если в Бокаревской волости ее продавали в среднем по 34 рубля за десятину, то в Трестенской волости по 5,1 рубля за десятину.

Самой ценной в Бокаревской волости, как и по всему уезду, была усадебная земля – 204 рубля за один надел в 4,79 десятины. Один надел покоса с сараями стоил 150 рублей, покоса с лесом – 117 рублей, пашни – 61 рубль, покоса на пустоши – 32 рубля.

С самого начала реформ и до 1887 года в Бокаревской волости было 106 случаев аренды земельных участков, общей площадью 1,2 тысячи десятин. Средняя цена аренды одной десятины земли составляла 3 руб.

70 коп. в год. Из общего числа сделок аренда пашни – 92 случая по 6 рублей за десятину, в том числе пашня под лен – 34 случая по цене 10 руб. 50 копеек за десятину.

Что касается *аренды наделной земли*, то в Бокаревской волости к 1887 году в аренде находилось 14% от всей ее площади. Ее арендовали 1111 домохозяев, или 72% от общего числа домохозяев, общей площадью арендуемой земли 2193 десятины. Из этой площади арендовали 800 десятин пашни, 782 десятины выгонов, 483 десятины смешанных угодий и 176 десятин покосов.

Если сравнивать бывших помещичьих и бывших удельных крестьян, то бывшие помещичьи крестьяне арендовали 56% покосов, 22% смешанных угодий, 16% выгонов и лишь 5% пашни. Бывшие удельные крестьяне арендовали 35,5% покосов, 31,9% выгонов, 11,6% смешанных угодий и 21,7% пашни. Удельные крестьяне арендовали самый большой процент пашни по отношению к помещичьим и государственным крестьянам.

Землю арендовали как подворно, так и всем миром, по Бокаревской волости всем миром арендовали землю 6 общин с числом хозяйств 771. Эти общины арендовали 1584 десятины земли или 70,7% от всей арендуемой площади. Подворно арендовали землю 700 домохозяев площадью 657,5 десятины или 29,3% от всей арендуемой земли.

Если бывшие помещичьи крестьяне арендовали всем миром 61% от общей площади арендуемой земли, и 39% – подворно, то удельные крестьяне – 83% арендовали миром и 17% от площади арендуемой земли – подворно. Кроме аренды сельской общиной, все 591 хозяйство в карельских деревнях Бокаревской волости дополнительно арендовали в среднем по 3,1% наделной земли индивидуально. Карелы Бокаревской волости платили за аренду земли больше работой, чем деньгами или долей урожая, хотя при работе за десятину брали, исходя из 5 рублей, а не 3 рублей 94 коп., когда крестьяне платили деньгами или хлебом.

Работы в имениях, как по обработке полей, так и при уборке хлебов и сена, проводились батраками и наемными работниками. При этом по Бокаревской волости Бежецкого уезда, где находились имения Квасово, Подобино и Синево-Дуброво, мужчины получали за зимний период работ 16 рублей, женщины – 13 рублей. За летний период работ мужчины получали 47 рублей, женщины – 29 рублей. Летние работы продолжались с 24 апреля по 14 ноября, зимние работы – с 14 ноября по 24 апреля.

Постепенно батрачный труд на помещичьих землях заменялся наемным трудом. Из 108 имений Бежецкого уезда к 1887 году наемный

труд вместе с батрачным трудом использовали в 60, в 10 имениях землю обрабатывали и собирали урожай только наемным трудом. Чисто батрачный труд без наемного труда сохранялся лишь в 3 имениях.

В Бокаревской волости при работе по найму за круглый год платили мужчине 59 рублей, женщине – 45 рублей. При найме на летнее время мужчина получал плату 47 рублей, женщина – 29 рублей, на зимнее время – мужчина получал 16 рублей, женщина – 13 рублей.

Летние работы продолжались с 24 апреля по 14 ноября, зимние работы – с 14 ноября по 24 апреля.

Плата за один рабочий день по найму одного мужчины по Бокаревской волости составляла: весной 45 коп, летом – 51 коп, осенью – 41 коп, зимой – 25 копеек. Плата за один рабочий день по найму одной женщины составляла: весной 27 коп, летом – 34 коп, осенью – 37 коп и зимой – 15 копеек [97].

Таким образом, в начале крестьянской реформы **в 1865 году** по Бокаревской волости Бежецкого уезда крестьяне имели участки земли:

- бывшие помещичьи крестьяне – по 3,96 десятин на один душевой надел;
- бывшие удельные крестьяне – по 5,42 десятины на один душевой надел;
- бывшие государственные крестьяне по 4,45 десятины земли на один душевой надел.

К государственным крестьянам, которых к 1887 году в Бокаревской волости было всего 112 человек, к ним относились бывшие приписные и экономические крестьяне. *Приписные* крестьяне вместо уплаты подушной подати работали на казенных или частных заводах и фабриках, в Бокаревской волости они работали на железной дороге.

Бывшие *экономические* крестьяне стали таковыми после проведения в 1764 году императрицей Екатериной II секуляризации (конфискации. – А.Г.) монастырских и церковных земель. Это бывшие монастырские и церковные крестьяне, которые со временем слились с государственными крестьянами.

К 1887 году бывшие помещичьи крестьяне Бокаревской волости имели уже в среднем по 9,9 десятин на одно домохозяйство, бывшие удельные крестьяне – по 10,5 десятин, бывшие государственные крестьяне – по 12,5 десятин на одно домохозяйство.

В отличие от поволжских и южных губерний, которые страдали малоземельем, земельные наделы в Бежецком уезде Тверской губернии

постепенно увеличивались. В связи с этим численность населения постепенно росла, в деревнях не было изб с заколоченными окнами и брошенными участками земли. Наоборот, деревни Бокаревской волости увеличивались числом дворов и жителей.

Промыслы

К началу XX века промышленность в волости не была развита, кроме имеющихся мельниц, крупорушек, сыроварен, маслоделок. По волости насчитывалось 16 сыроварен и маслоделок, молоко и сметану для масла и сыра маслодельные заведения скупали у крестьян ближайших деревень. Сыр и масло продавали на рынке в Бежецке или возили в Ярославскую губернию.

Среди крупных предприятий на территории волости была фабрика валеной обуви «Торгового дома Крылова и компании» в деревне Талашманы. Годовая валовая прибыль составляла 19 тысяч рублей, на фабрике трудились 18 рабочих, в год производили от 8 тысяч пар валенок и более [98].

По количеству паспортов, полученных на 100 работающих крестьян за год, можно судить о степени их отходничества на промыслы. В Бокаревской волости на каждые 100 работающих мужчин брали паспорта 43 человека при среднем показателе по Бежецкому уезду – 22 человека. Мужчины Бокаревской волости брали годовых паспортов – 13, полугодовых – 9, краткосрочных – 78 на каждые полученные 100 паспортов.

На 100 работающих женщин по волости брали паспорта 3 человека. На каждые полученные 100 паспортов у женщин 48 были годовыми, 17 полугодовыми и 35 краткосрочными. По волости отхожими промыслами занимались 643 мужчины или 29,5% всех мужчин волости, владеющих землей. Местными промыслами занимались 353 мужчины или 16,2% мужчин, владеющих землей.

По Бежецкому уезду крестьяне занимались следующими отхожими промыслами в порядке их убывания по уезду:

1. На первом месте были **пастухи**, далее шли.
2. Разнорабочие (по Бокаревской волости 39 человек в год).
3. Пильщики и дровосеки.
4. Мельники.
5. Плотники, сапожники, печники, портные.
6. Торговцы, разносчики, возчики дров.

7. Дворники (по Бокаревской волости 70 человек в год).
8. Извозчики, сторожа.
9. Крючники (по Бокаревской волости 166 человек в год).
10. Мостовщики (по Бокаревской волости 7 человек в год).

Если анализировать отхожие промыслы, куда шли работать крестьяне Бокаревской волости, то больше всего было *крючников*. Крестьяне уходили за 100 верст от своих деревень в город Рыбинск на период с 20 апреля по 1 июля. Они занимались погрузкой хлеба на пристанях, получали за этот период времени от 25 до 35 рублей каждый. Больше всего уходило работать крючниками из русских деревень волости: Анисимова, Богородского, Сараева и Струбищ.

За крючниками по числу отходников по волости занимали *бондари*, ими в основном были крестьяне Синев-Дубровского прихода. Каждый бондарь зарабатывал до 12 рублей в месяц, а если уходил на год, то получал до 90 рублей. Бондари уходили работать в Ярославскую губернию, в Кимры и Тверской уезд.

Третье место по отхожим промыслам в волости занимали *полотеры*, уходившие работать в Санкт-Петербург на весь год, зарабатывая за это время до 80 рублей. Этот промысел возник еще до реформы 1863 года и держался в 13 удельных деревнях Карело-Кошевского прихода. Полы в богатых домах Санкт-Петербурга были паркетными и натирались мастикой. В некоторых из них перед праздниками и пышными приемами паркетные полы натирали не мастикой, а воском, чтобы они лучше блестели. Кошевские карелы были хорошими специалистами в этом деле.

Как рассказывали мне старожилы нашей деревни, окропив пол узорами мастики, полотер заходил с края, ставил босую ногу на щетку и, раскачиваясь, начинал скользить по паркету. Он одинаково легко продвигался вперед и назад, вбок и наискосок. Каждое движение его было рассчитано, они были то размашистые, то короткие. Полотер мог на ходу легко перекинуть щетку с одной ноги на другую. После щетки он обязательно проходил по натертому паркету суконкой, чтобы придать больше блеска.

Далее шли *чернорабочие*, уходившие на промысел в Санкт-Петербург и Ярославскую губернию, а также *дворники*.

Из местных промыслов преобладали плотники и шерстобиты, оба промысла возникли после реформы 1863 года и держались в 13 деревнях Карело-Кошевского прихода. Карелы уходили плотничать и

бить шерсть в свободное от сельских работ время недели на две-три, а за год – на 3 месяца. Плотники за это время зарабатывали от 27 до 50 рублей, шерстобиты – от 25 до 30 рублей. Из других отходников из Бокаревской волости можно отметить пастухов, которые уходили в Ярославскую губернию, и служащих на железной дороге [99].

Основной причиной отходничества на промыслы был недостаточный доход крестьянина от земельного надела, чтобы прокормить свою семью. В то же время отходничество приводило к расслоению крестьян, порождению крестьянской местной торговли, хотя в очень малом числе. По Бокаревской волости известны торговые дома крестьян Василия Михайлова из карельской деревни Бережки, Ивана Матвеева из деревни Терехово, купца Крылова из деревни Талашманы.

Карельские деревни Бокаревской волости

Где родился, там и пригодился.

На территории Бокаревской волости находилось 13 карельских деревень и село Кошево Карельское. Крестьяне этих деревень ранее до 1797 года были дворцовыми, относились к Карело-Кошевскому дворцовому приходу. В результате перевода в 1797 году дворцовых крестьян в удельные, деревни Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда отнесли к Столбовскому отделению Чамеровского сельского приказа, а позднее – к Столбовскому сельскому приказу.

В Столбовском сельском приказе на момент его реорганизации в 1863 году было 37 карельских селений, кроме 13 деревень Карело-Кошевского прихода туда входили:

1. Деревни Прилуцкого прихода Кашинского уезда: Гладышево, Григоровка, Моисеиха, Никола, Прилуки, Селы, Синяево, Сносы и Ястребиха, всего 9 деревень.
2. Деревни Калязинского уезда: Авсерьево, Сенино, Серково, Федорцово и Якимовская, всего 5 деревень.
3. Деревни Кашинского уезда: Большие Сменки, Малые Сменки и Щепни Литвиновского прихода; Ильинская, Федосьино и село Столбово, Столбовского прихода, всего 6 селений.
4. Деревни Бежецкого уезда, в 12 верстах от Столбова: Горка, Задорье, Осташково и Юркино, всего 4 деревни.

Центр приказа находился в удельном селе Столбово Кашинского уезда в 30 верстах (одна верста равнялась 1,07 км. – А.Г.) от Кашина по Бежецкому почтовому тракту. В 1859 году в селе Столбово было 37 дворов, проживали 130 человек мужского пола и 151 жительница женского пола, была православная церковь и реальное училище. От деревень Карело-Кошевского прихода до центра сельского приказа было 40 верст. Сейчас село Столбово находится в Кесовогорском районе Тверской области в 8 километрах от Кесовой Горы [100].

Нужно отметить, что составляя в 1903 году списки карельских деревень Тверской губернии по данным переписи 1873 года, статистик Дмитрий Иванович Рихтер по каким-то причинам не указал в них:

1. Пять перечисленных выше деревень Калязинского уезда.
2. Шесть перечисленных деревень Литвиновского и Столбовского приходов Кашинского уезда.

Многие из них сохранились до настоящего времени, но оказались затерянными среди массива русских деревень, поэтому жители их давно обрусели.

В Государственном архиве Тверской области по тверским удельным карелам сохранились дела лишь двух сельских приказов Весьегонского уезда: Арханского за 1841–1857 годы и Чамеровского за 1814–1863 годы. К Чамеровскому сельскому приказу сначала относилось Столбовское отделение, в которое были включены и деревни Корельско-Кошевского прихода. После создания отдельного Столбовского приказа, сведений о нем и других сельских приказов, в том числе ведающих делами карел Бежецкого уезда, в областных архивных материалах нет.

В делах Тверской удельной конторы сохранились планы карельских деревень Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда, которые относились к Столбовскому сельскому приказу: Акинихи, Байков, Горбовца, Гремячихи, Калинихи, Муравьева, Поцепа, Терехова и Шейно, составленные в марте 1859 года. Планы деревень составил землемерный ученик Лихачев, их засвидетельствовал Тверской удельный землемер. 18 марта 1859 года все планы были рассмотрены и согласованы в чертежной мастерской Тверской удельной конторы, а 27 марта утверждены Департаментом уделов.

Приведу свои описания некоторых карельских деревень на основании планов, составленных Лихачевым.

Деревня Поцеп состояла из 12 крестьянских дворов, была расположена одной улицей с двумя посадками с северо-востока на юго-запад

вдоль речки Каменки, до которой от деревни около 200 метров. Земли на противоположном высоком берегу речки Каменки принадлежали, как записано в плане, господину Слепневу, (а не деревне Слепнево. – А.Г.). До деревни Слепнево от Поцепа было расстояние в 1 километр. Со стороны деревни Петрайцево находился пожарный сарай с инструментами вблизи ручья, впадающего в Каменку. В сторону деревни Слепнево имелось четыре запасных места под строительство дворов в случае семейных разделов. Между ними и домами оставлены прогоны на обоих посадках. Здесь проходила дорога вброд через речку Каменку в село Кошево Карельское.

Деревня Горбовец состояла из 18 крестьянских дворов, располагалась в виде буквы Т с двумя улицами. Основная улица из 10 дворов шла одним посадом с севера на юг, окнами домов на запад. Напротив него в центре улицы находился пожарный сарай с инструментами. Другая улица с двумя посадками шла в сторону мызы Подобино, до которой от деревни было 2 километра. На северном посаде этой улицы было 5 домов, на южном – 3 дома. В центре основной улиц имелся прогон или проулок, который был продолжением второй улицы, дорога через него вела в деревню Калиниха.

На плане указаны два запасных места под строительство дворов в случае семейных разделов по краям основной улицы. Одно место находилось в сторону деревни Гремячиха, второе – в сторону поля. Не случайно, когда на этом запасном месте Рудовы, при семейном разделе, построили свой дом, их стали называть не по фамилии, а Полевихины.

Деревня Гремячиха состояла из 12 крестьянских дворов, располагалась одной улицей с северо-востока на юго-запад двумя посадками по 6 домов на каждом посаде. Деревню окаймляли с запада и северо-запада – Сухопутный ручей, который берет начало между Горбовцом и Гремячихой, с востока – речка Каменка в ее истоке, которая берет начало возле деревни Калиниха. В южной стороне деревни располагался пожарный сарай с инструментами. Имелось 4 запасных места на северо-восточной окраине деревни, в сторону деревни Бережки для постройки новых дворов при семейных разделах.

Деревня Муравьево состояла из 21 крестьянского двора, располагалась одной улицей двумя посадками с запада на восток. На южном посаде деревни находилось 10 дворов, на северном – 11 дворов. В самом центре улицу деревни пересекал прогон или проулок шириной в 4 сажени или 8 метров, по нему шла дорога в деревню Байки. Было

3 свободных места под строительство дворов при семейных разделах, все они располагались в сторону леса, противоположную от деревни Душково.

Во всех деревнях ширина улицы равнялась 14 сажням или 28 метрам, ширина дороги на ней 7 сажней или 14 метров. На расстоянии 3 сажней или 6 метров от домов вдоль улиц проходили сточные канавы шириной 0,5 сажени или 1 метр. Между домами и сточными канавами были насажены деревья, чаще всего березы [101].

В связи с упразднением в 1863 году сельских приказов карельские деревни Карело-Кошевского прихода отнесли сначала к мировому посреднику 1 участка Кашинского уезда, а в 1864 году – к мировому посреднику 3-го участка Бежецкого уезда.

В 1859 году в Бокаревской волости Бежецкого уезда проживал 1509 карел, они составляли 10% населения волости, а в 1897 году проживали 1910 карел или 21,6% от общего населения волости.

Карелы Карело-Кошевского прихода относились к **удельным** крестьянам до конца 1863 года, с того времени они стали относиться уже не к Удельному ведомству, а к крестьянам Бокаревской волости Бежецкого уезда Тверской губернии. Привожу сведения о деревнях этого прихода по переписи 1859 года, когда эти деревни были еще удельными [102].

Деревня	число дворов	муж. пола	жен. пола	всего жит.
Акиниха	12	34	45	79
Байки	29	97	110	207
Бережки	22	76	73	149
Гремячиха	11	32	35	67
Горбовец	18	52	61	113
Душково	21	62	72	134
Климантино	20	53	63	116
Калиниха	22	57	67	124
Муравьево	23	60	78	138
Петрайцево	20	67	82	149
Попец	12	37	38	75
Терехово	16	38	57	95
Шейно	8	26	37	63
Погост Кошево				
Карельское	7	9	25	34

Таким образом, на территории созданной Бокаревской волости Бежецкого уезда, до проведения крестьянской реформы 1863 года, в карельских деревнях и погосте Карело-Кошево, общее число дворов составляло 241, жителей мужского пола 700 человек, женского пола – 843 человека, а всего 1509 карел и 34 русских жителя.

Карелы, проживавшие на территории волости, всегда были исполнены чувства собственного достоинства, гордости, даже самоуверенности, они чувствительны на всякие обиды. Они не гнули спину перед начальством и не давали ему взятку. Они требовали от чиновника то, что он должен исполнять, зная, что за эту службу чиновник получает жалованье. В карельских деревнях были случаи, когда урядник или становой пристав, приехав в деревню, пытался ударить карела. В ответ он получал от карела сдачи или привлекался им к суду. В Тверской губернии не знают ни одного случая, чтобы по приговору волостного суда карела наказывали розгами. Он не вытерпел бы такого позора и решился бы на любые средства, чтобы избежать этого.

Карелы Карело-Кошевского прихода Бокаревской волости Бежецкого уезда Тверской губернии сами судились очень редко. Они считали тех, кто судится, кляузниками, потерявшими уважение населения. Карелы не хотели тратить время, особенно во время сенокоса и уборки урожая, на поездки в суд, ожидание судебного заседания, поездки к земскому начальнику. Возможно поэтому, не теряя времени на судебные тяжбы и другие волокитные дела, карелы вели свои хозяйства в полном порядке. Являясь точными и справедливыми, они могли осуждать члена своего сельского общества на сходе или среди его родственников.

Многим карелам Карело-Кошевского прихода памятен случай, когда житель деревни Калиниха Иван Степанов обратился с жалобой на односельчанина Кузьму Семенова, который взял у него взаймы 5 рублей денег под залог суконной чуйки сроком до 21 ноября 1873 года. До дня рассмотрения дела Бокаревским волостным судом Бежецкого уезда 27 октября 1874 года Семенов деньги Степанову не отдал. В суде Кузьма Семенов показал, что взял у Степанова не 5, а 2 рубля. Волостной суд постановил: взыскать с Кузьмы Семенова в пользу Степанова 5 рублей денег до 15 ноября 1874 года. Из-за недостатка ясных доказательств Иван Степанов получил право продажи отданную ему Семеновым суконную чуйку (длинный кафтан или шуба без воротника. – А.Г.).

Решение вынесли волостные судьи Иван Ларионов из деревни Шалагино, Василий Анисимов, Степан Вокулов из деревни Сосновка,

по просьбе которых, как неграмотных, решение подписал волостной судья Арсений Семенов из карельской деревни Душково.

Этот случай карелы деревень Поцеп, Петрайцево и других, запомнили потому, что именно Кузьма Семенов, не совсем чистый на руку, будучи грамотным, в 1879–1883 годах являлся доверенным лицом жителей деревни Шейно в их споре с поцеповскими карелами при разделе спорной земли, о чем я писал ранее.

18 ноября 1874 года Кузьма Семенов обжаловал решение Бокаревского волостного суда в Бежецкий мировой съезд мировых посредников. Заключение подготовил мировой посредник 3-го участка Сергей Николаевич Бешенцев, где указал, что волостной суд, вынося решение, руководствовался местными обычаями, что не противоречит законоположению. Бежецкий мировой съезд мировых посредников оставил решение Бокаревского волостного суда без изменения [103].

Усадьба мирового посредника 3 участка Бежецкого уезда Сергея Николаевича Бешенцева находилась в селе Высокуша, ныне Краснохолмского района. Известно, что еще в 1710 году сельцом Высокужье (Высокуша. – А.Г.), которое относилось к погосту Лобнево, владела вдова Ульяна Андреевна Бешенцева. Есть сведения, что С.Н. Бешенцев в 1853 году некоторое время служил церковным старостой в селе Лобнево, но не поладил с местным священником.

Нужно отметить, что до назначения С.Н. Бешенцева, мировым посредником 3 участка Бежецкого уезда был дворянин из мызы Подобино Александр Николаевич Неведомский, вплоть до своего ареста в феврале 1862 года. Одновременно с ним мировым посредником 2-го участка был утвержден князь Михаил Иванович Хилков из села Синево-Дуброво.

После проведения крестьянской реформы в отношении удельных крестьян 1863 года, в Бокаревской волости к 1887 году, на территории Карело-Кошевского прихода, оставалось всего 582 десятины земли, принадлежащей Удельному ведомству. Из них 73% составляли лесные участки, 14% – выгоны, 6% пустоши и 3,5% – пашни бывшей общественной запашки.

Число карел прихода увеличилось за это время с 1638 до 1980 или на 362 человека. В 1883–1887 годы у них в январе совершалось 48,3% от всех заключенных браков, в феврале – 24,7%, вообще не заключались браки в марте, августе, сентябре и декабре.

К тому времени крестьяне Бокаревской волости имели наделы площадью по 1,7 десятины на одну душу населения, включая детей и неработающих членов семьи. Это было значительно меньше, чем в чисто карельских волостях – Алешинской по 2,3 десятины, Заручьевской по 2,3 десятины, Микшинской по 2,2 десятины, Толмачевской по 2 десятины на душу населения обоого пола.

В среднем по Бежецкому уезду в 1887 году на один крестьянский двор приходилось наделной земли:

- у бывших помещичьих крестьян – 9,7 десятины;
- у государственных крестьян – 10,5 десятины;
- у бывших удельных крестьян – 12,9 десятины.

При этом средний размер наделной земли по Бокаревской волости составлял 9,9 десятины на одно хозяйство.

Нужно отметить, что до реформы от 26 июня 1863 года, удельные крестьяне, отнесенные к Бокаревской волости, имели в среднем на одно хозяйство по 6,5 десятин пашни, 5,4 десятин сенокосов, по 33 сотки усадьбы, по 31 сотке выгонов, по 34 сотке леса и 28 соток неудобий и кустарников, а всего – по 13,16 десятин.

Из удельных карел Бокаревской волости в 1887 году 125 хозяйств владели 2 наделами, 101 хозяйство – 3 наделами, 24 хозяйства – 4 и более наделами и лишь 27 хозяйств владели 1 наделом. На один душевой надел у карел Бокаревской волости приходилось по 5,7 десятин земли, на одно хозяйство в среднем по 13,4 десятин земли, на душу населения по 2,2 десятины, на одного работника по 9,9 десятин земли.

При проведении крестьянской реформы произошло резкое сокращение площади наделной земли. По Бокаревской волости в 1863 году приходилось по 16,6 десятин на одно хозяйство или по 2,3 десятины на одну душу населения обоого пола, а в 1887 году – 9,9 десятин на одно хозяйство или по 1,7 десятины на одну душу обоого пола.

Что касается выкупленной земли, то к 1887 году только 9 карельских хозяйств Бокаревской волости выкупили свои 20 наделов общей площадью 114 десятин или 2,3% от всех наделов, которые необходимо было выкупить. Всего частные владения по Бокаревской волости к тому времени составляли 3,4 тысячи десятин или 16,5% к общей площади. Из них дворяне имели 76,17% всей частной земли, а крестьяне всего 3,8% частной земли.

По Бежецкому уезду крестьянские наделные земли в 1887 году составляли 53,5%, крестьянские купленные земли 12%, помещичьи

земли – 13,2%, государственные казенные земли – 10,4%, удельному ведомству принадлежало 4,8% земли [104].

До середины XIX века большинство домов и хозяйственных построек у карел были покрыты соломой, изба под соломенной крышей стояла 20–25 лет, потом ее приходилось перестраивать. Преобладающим типом была курная изба с печью без трубы, дым выходил в отверстие, сделанное в потолке и волоковое окно.

Но уже к началу XX века свои дома карелы крыли дранкой, лишь самые бедные из них крыли дома соломой. Изба под дранкой или тесовой крышей стояла 80–100 лет без перестройки и ремонта. Печки были уже с трубами, и дым избу не заволакивал.

Жители многих карельских деревень нашей местности строили мосты через речки, чтобы выехать в церковь, на кладбище, на рынок в Бежецк. Мосты представляли собой деревянные настилы из еловых плах, установленные на сваях. Нередко во время половодья их сносило течением или сдвигало с места, приходилось ремонтировать мост или строить новый. Неподалеку от каждого моста между омутами жители спускали берега, делая их отлогими для брода. Бродами пользовались все лето, оберегая мосты и давая возможность лошади напиться чистой, проточной речной воды. Эти мосты соединяли карельские деревни с соседними русскими деревнями и имениями.

Соседние русские имения и деревни

Худое дело обидеть соседа.

С севера и востока карельские деревни окружали леса, с юга и запада – русские деревни и барские имения. На расстоянии от 1 до 5 километров от карельских деревень, раскинулись помещичьи имения:

- Голицыных (Сулега), в 4 километрах от карельских деревень Поцеп и Петрайцево;
- Кузьминых-Караваевых (Борисково), в 5 километрах от Поцеха и Петрайцево;
- Львовых-Гумилевых (Слепнево), в 1 километре от Поцеха, 3 километрах от карельских деревень Акиниха, Петрайцево, Терехово и Шейно;

- Ворониных, а позднее В. Иванова (Барская Ворониха), в полукилометре от Поцеха, 1 километре от Терехова и 2 километрах от Петрайцево и Шейна;
- Неведомских (Подобино), в 2 километрах от карельской деревни Горбовец и 4 километрах от Акиниха и Терехова.
- Апыхтиных (Замыцкая Гора), в 5 километрах от Акиниха;
- Хилковых и Архиповых (Синево-Дуброво), в 8 километрах от Горбовца и Калиниха;
- Нееловых, после них А.А. Герасимовой (Гостиницы), в 2 километрах от Бережков, Горбовца, Гремячихи и Терехова;
- Лодыгиных, а после них П.А. Серова (Панцино), в 5 километрах от Горбовца и Калиниха;
- Таракановых (Сабурово), в 5 километрах от Горбовца и Калиниха.

Помещичью усадьбу ставили вблизи от деревни или села, принадлежащих владельцу, но в нескольких сотнях метров от крестьянских изб. В нашей местности помещичьи дома были деревянными, двухэтажными или одноэтажными с мезонином.

Дом Кузьминых-Караваевых в Борискове двухэтажный, по фасаду на первом этаже 8 окон, в центре – входная дверь. На втором этаже по фасаду 9 окон, дом деревянный, крытый гонтом.

Дом А.И. Гумилевой в Слепневе был деревянным, одноэтажным с большим мезонином, выходящим окнами на все четыре стороны. Дом стоял на высоком кирпичном фундаменте, сначала был крыт тесом, позднее – гонтом. По фасаду имел 8 окон и посередине высокое крыльцо, крыша которого покоилась на шести круглых колоннах. Лестницу на крыльце обрамляли точеные балясины. Мезонин по фасаду имел 2 окна и выход на балкон, на остальные три стороны было по три окна, окна комнаты А.А. Ахматовой выходили на северную сторону. Неподалеку от дома находилась людская деревянная изба, крытая тесом.

Дом Неведомских деревянный двухэтажный фасадом на юг в сторону дороги Бежецк-Рыбинск, вход с восточной стороны. Более подробное описание этого дома в книге приводится.

Дом князя Михаила Ивановича Хилкова в имении «Дубровка», находившемся в селе Синево-Дуброво был двухэтажный дом с пятью комнатами на первом этаже и девятью на втором, мебель и библиотека. Кроме этого дома – каретный сарай, флигель с двумя комнатами и

кухней, сарай, три скатных двора, амбар, водогрейка, рига, людская изба и много, много сельхозинвентаря.

На всех помещичьих усадьбах в стороне от господского дома находились избы и флигели для дворни, и хозяйственные постройки – сенные сараи, каретные дворы, фермы, конюшни. Еще дальше от дома располагались риги, маслобойка, а в некоторых усадьбах – ветряная мельница и лесопилка.

По утверждению очевидцев внутреннее устройство помещичьих домов было совершенно одинаково. После передней на первом этаже был длинный зал, составляющий один из углов дома с частыми окнами в двух стенах. В глухой капитальной стене зала было двое дверей, одна, всегда низкая, вела в темный коридор, в конце которого находилась девичья комната и черный выход во двор. Вторая дверь зала большого размера и высотой в уровень с верхом окон, вела в гостиную. Дверь таких же размеров вела из гостиной в кабинет хозяина или в хозяйскую спальню, составляющую другой угол дома. В двухэтажных домах или доме с мезонином к глухой стене центральной гостиной примыкала деревянная лестница с точеными балясинами. Она вела из темного коридора, отделявшего парадные комнаты от жилых комнат, на второй этаж или мезонин [105].

Комната хозяйки и хозяина, которые нередко служили им спальнями. На втором этаже располагались жилые комнаты, они были небольшими, теплыми и удобными для проживания. Во флигелях жили дети с гувернантками и дворня, другая часть которой жила в людской избе. Каждый помещик имел повара, кухарку, садовника, скотников, конюхов, кучеров. Многие из них были из ближайших деревень, чтобы на ночь могли уходить домой. Непременными атрибутами помещичьих усадеб были парки, фруктовые сады и пруды.

В каждом доме было множество небольших комнат с печками, топки печек выходили в коридоры или сени. В комнатах стояли деревянные массивные стулья с высокими точеными спинками, не покрытые ни лаком, ни краской. В других комнатах имелись входившие в моду легкие венские стулья. В комнатах на стенах висели картины и гравюры, ценилась фарфоровая посуда. Каждая усадьба имела богатую библиотеку. На чердаках хранились старые книги, архивы, старая мебель.

Женщины занимались вязанием, вышиванием, шитьем, чтением книг и долгими разговорами. Единственными развлечениями мужчин были визиты друг к другу, долгие беседы и охота.

Помещикам принадлежали крестьяне многих окружающих имения русских деревень. Выгоны были общими, а лес принадлежал помещику или правительству. Пользование лесом дозволялось крестьянам помещиком или удельной администрацией на определенных условиях.

Некоторые владельцы помещичьих имений были очень знаменитыми, приезжая в свои имения наездами или, выйдя в отставку, другие проживали в своих поместьях. Помещичья усадьба отличалась от имения тем, что помещик там проживал постоянно, а в имение он изредка наведывался, находясь на постоянной военной или гражданской службе.

Помещичьи крестьяне Ивана Александровича Хилкова не имели возможности видеть знаменитого сына своего хозяина, который был очень занятым государственным деятелем, вплоть до его отставка в 1905 году. Он постоянно пропадал, то в Америке, то в Санкт-Петербурге, то на строительстве железных дорог. В имении с 1888 года находился его старший брат Александр Иванович, вернувшийся с семьей на родину из Санкт-Петербурга.

Крестьяне Подобина, Гостиниц, Рылькова, Сосновки, Холма могли видеть своего помещика Николая Васильевича Неведомского, который постоянно жил в своем имении Подобино. До его смерти в 1853 году, и последующего переезда в Москву, они видели помещицу Анну Андреевну Неведомскую (Герасимову), а после ее смерти – Варвару Петровну Неведомскую. После смерти Варвары Петровны в 1896 году встречали помещика К.Н. Неведомского, до своей смерти в январе 1899 года проживавшего в имении Подобино.

Жители Слепнева имели возможность ежедневного общения со своим хозяином Иваном Ивановичем Львовым вплоть до его смерти в 1875 году. От него имение перешло к сыну Льву Ивановичу Львову, а с 1910 года – трем его сестрам: Варваре Ивановне Львовой-Лампе, Александре Ивановне Львовой-Покровской и Анне Ивановне Львовой-Гумилевой.

Но и в знатных и незнатных поместьях, не было немцев-управляющих, ими были кто-то из местных хозяйственных мужиков, а всеми делами в деревнях ведали старосты, избранные их жителями.

Русские деревни Бокаревской волости Бежецкого уезда Тверской губернии перед крестьянской реформой 1861 года [106]:

Деревня	число дворов	муж. пола	жен. пола	всего жит.
Анисимово	19	63	69	132
Безумово	40	163	188	351
Бокарево	27	103	128	231
Богородское	4	7	9	16
Пог. Головское	3	10	12	22
Гостиницы	18	56	66	122
Глазово (дер.)	16	50	50	100
Глазово (сельцо)	12	46	50	96
Глазово (выселки)	4	7	8	15
Горка	57	146	178	324
Квасово	16	67	73	140
Колесники	12	34	44	78
Левинское	21	79	87	166
Никоновка	5	5	12	17
Новоселье	12	40	52	92
Палкино	22	81	80	161
Панцино (мыза)	7	26	28	54
Петрицево	7	24	28	52
Подобино (мыза)	4	31	46	77
Постерегишино	25	93	98	191
Поросятники	53	216	269	485
Рылово	22	83	76	159
Рыльково	20	50	65	115
Сабурово (дер.)	22	83	82	165
Погост Сабурово (Тараканово)	4	18	19	37
Савелиха	46	119	148	267
Сараево	18	82	80	162
Синево-Дуброво	29	126	161	287
Сосновка	7	29	29	58
Сорокино	11	40	38	78
Струбищи	30	96	103	199
Стрижово	2	3	7	10
Талашманы	44	161	184	345
Холм	12	39	32	71
Хонеево	53	143	145	288
Шалагино	3	18	16	34

Таким образом, к началу проведения крестьянской реформы на территории Бокаревской волости находились 36 русских селений и 14 карельских, а всего 50 селений. В 36 русских селениях насчитывалось 707 дворов, в которых проживали 2304 жителя мужского пола и 2760 – женского пола, а всего 5064 человека. Вместе с населением Карело-Кошевского прихода на территории Бокаревской волости проживали тогда 6607 жителей.

Позднее деревню Петрицево, что в 2 километрах от мызы Подобино, отнесли к Новской волости, к которой относилось имение ее владельца Н.Ф. Апыхтина Замыцкая (Ульянова) Гора.

До реформы 1861 года государство передавало часть своих обязанностей помещикам, которые являлись ответственными за правильные платежи крестьян государству, за исполнение трудовых повинностей. Одновременно закон определил обязанности помещиков заботиться о продовольствии крепостных во время неурожая, голода и помогать им при несчастных случаях. В законе было сказано, что владелец в случае неурожая, не сбивая крестьян с пашни, а дворовых со двора, обязан доставлять им способы пропитания, воздерживая от нищенства. За каждого, пойманного в нищенстве, с владельца взыскивали по 1 руб. 50 копеек.

Помещики видели, что положение их крестьян в голодные годы ужасное. Они ели все, что можно и нельзя: желуди, древесную кору, болотную траву, солому. От такой еды некоторые крестьяне травились насмерть, у женщин пропадало молоко в груди, грудные младенцы умирали в большом количестве. Однако современники писали, что во время голода помещики, хотя и брали на прокормление крестьян деньги из казенного капитала на народное продовольствие, но одни из них эти деньги проигрывали в карты. Другие помещики ими платили долги или употребляли на свои нужды. Уплата же этих денег в продовольственный капитал производилась крестьянами вместе с податями [107].

Помещики имели достаточно много прав в отношении крепостных крестьян, в том числе переводить их во двор, а дворовых людей садить на пашню. В виду упорных слухов об освобождении крестьян от крепостной зависимости, число дворовых людей в 1858 году за два года увеличилось в 1,4 раза, хотя многие из них имели свои избы, огороды и скот.

Перед крестьянской реформой 1861 года численность крепостных крестьян в Тверской губернии составляла 50,63% от общего числа

населения. В то же время в Олонецкой губернии с преобладанием карельского населения численность крепостных крестьян составляла всего 3,99%, остальные крестьяне там относились к Удельному ведомству. Накануне реформы по Тверской губернии на оброке находились 41% крестьянских ревизских душ, на барщине – 59%.

На одну ревизскую душу по Тверской губернии приходилось всего 2,31 десятины пахотной земли. При таких размерах пашни крестьянской семье не хватало хлеба до нового урожая, им приходилось покупать привозной хлеб. Поэтому молочные продукты, мясо и яйца в большинстве своем им приходилось по необходимости продавать на базаре, чтобы на эти деньги закупать хлеб.

Современники писали, что простонародье в нашей местности кормилось почти одним черным ржаным хлебом да серыми щами. Питались еще горохом, толокном да пареной репой. Калач считался лакомством, пряники – богатым подарком.

Перед реформой 1861 года денежный оброк помещичьих крестьян в Тверской губернии составлял 17 рублей 53 копейки с тягла. Помимо денежного оброка каждая хозяйка дома должна была выпрясть и соткать для помещика 10 аршин холста из своего льна. Нередко один из сыновей крестьянина на все время уходил в города, чтобы там заработать деньги на оброк и хлеб. После уборки урожая на заработки в города нередко уходили и главы крестьянских хозяйств вместе с сыновьями [108].

До крестьянской реформы 1861 года в помещичьих деревнях, в отличие от удельных, при перераспределении участков нередко меняли их. Хорошо удобренные участки доставались ленивым, нерадивым хозяевам, а их запущенные участки – крепким хозяевам. Крестьяне требовали и добивались, чтобы участки для выращивания хлеба передавались им раз и навсегда.

В общем владении лугами каждый крестьянский двор имел свой пай. Избу, скот, полевые орудия каждый двор имел за свой счет. Крестьянские строения в деревнях состояли из: теплой и холодной избы с подпольем, сеного сарая, двора для скота, амбара для зерна, овина и огорода. Огород давал крестьянскому хозяйству 35–40 рублей дохода в год. Но уже тогда жители Бежецкого уезда довольствовались своим хлебом, часть ржи и овса продавали.

Каждую осень сельское общество часть своего собранного урожая, в пределах 1/7 доли, ссыпало в общественные магазины (мага-

зеи). Деревенские магазины строились наподобие рубленой житницы с двухскатной крышей или башни с маленьким оконцем и островерхой крышей. Стояли они обычно на окраине деревни, в некоторой отдаленности от крайних домов.

Зерно в магазины засыпали в конце сентября – начале октября. После засыпки, избранные миром крестьяне шестом с делениями проверяли глубину засыпки в каждом отсеке и еще раз подсчитывали, сколько четвертей (одна четверть – 210 литров. – А.Г.) зерна находится в магазине. После этого староста запирает замок и ключ оставлял себе, чтобы по решению сельского общества выдавать зерно весной на семена или в долг бесхлебным крестьянам.

Крестьяне привозили на ярмарки в Бежецк и другие места хлеб, скот, шкуры животных, холсты, масло и другие товары. Крестьянский двор из Бокаревской волости продавал холстов на 3–4 рубля, имел доходы от звериного промысла. Волчью шкуру продавали за 2–3 рубля, лисью за 1–2 рубля, десяток беличьих шкурок за 30–40 коп., рысью – за 10–15 рублей. Удельные карелы были богаче по причине изобилия в пашне, лесе и других угодьях, с которых получали они продажей хлеба, скота и прочего товара до 30 рублей и более. Нужно учитывать, что оброк они не платили и барщину не отработывали.

Помещичьи крестьяне посредственного состояния, получали от продажи продуктов до 10 рублей деньгами. Средний крестьянин содержал обычно двух лошадей, двух коров, подтелка или теленка, овец, свиней и кур. Огород давал крестьянскому хозяйству 35–40 рублей дохода в год. В Бежецком уезде труд крестьян по найму оценивался следующим образом: конный день мужчина – 60 коп., пеший день мужчины – 40 коп., пеший день женщины – 30 копеек. Оброк составлял в пределах 20–30 рублей в год [109].

Основными продуктами питания крестьян нашей местности были хлеб, картофель и молочные продукты. В среднем на одного едока приходилось в год: по 20–22 пуда (320–352 кг. – А.Г.) вместе хлеба и картофеля,

- 3–4 пуда овощей и фруктов;
- 6–7 литров растительного масла;
- 6–7 кг сахара;
- 1–1,5 пуда мясных продуктов;
- 6–7 кг рыбы;
- 10–11 пудов молочных продуктов.

В сравнении, например, с французскими крестьянами наши употребляли в год хлеба в 2,6 раза больше, в то же время овощей и фруктов в 2,7 раза меньше, мясных продуктов в 7,4 раза меньше, чем французские крестьяне [110].

Что касается дворян, то их сыновья жили с надеждой на военную карьеру, на хорошую гражданскую должность чиновника в Санкт-Петербурге или Москве, но особые надежды лелеяли на наследство родителей, а дочери – удачно выйти замуж за богатого дворянина. Но в ходе проведения крестьянской реформы многие дворяне стали малоземельными, некоторые банкротились.

При императоре Александре III был принят закон от 3 мая 1883 года, по которому выморочные имущества, оставшиеся после потомственных дворян, передавалось в собственность дворянского общества, к которому относился умерший дворянин.

Приходы и церкви Бокаревской волости

После смерти поздно каяться (кар.).

К концу XIX века Бокаревская волость Бежецкого уезда была поделена на 6 приходов: Глазовский, Головский, Карело-Кошевский, Сабуровский, Синеве-Дубровский и Хонеевский.

Село Глазово, Спасская церковь, построена в 1810 году, каменная с 3 престолами: Спаса Нерукотворного, Архистратига Михаила и Святителя Николая. К 1901 году служили: священник Семен Михайлович Рязанцев, 48 лет, священником с 1879 года, состоял учителем земского училища и церковно-приходской школы. Псаломщик Василий Васильевич Воскресенский, 43 года, в должности с 1866 года. Церковный староста крестьянин Семен Иванов, в должности 3-е трехлетие. В приходе село и 4 деревни.

Прихожане	дворов	муж. пола	жен. пола	всего прихожан
село Глазово	10	29	32	61
дер. Квасово	23	79	81	160
Талашманы	51	143	174	317
Никоново	3	10	11	21
Савелиха	40	143	155	298
военных		84	91	175
Всего:	127	488	544	1032

Погост Головское, Казанская церковь, построена в 1814 году, каменная с 3 престолами: Казанской Божьей матери, Святителя Николая и святого Пророка Ильи. На погосте два деревянных дома для священников, церковно-приходская школа, сторожка и амбар. Священник Николай Яковлевич Поклонский, 34 года, студент духовной семинарии, служил с 1886 года, священником с 1892 года. Псаломщик Иосиф Васильевич Воскресенский, 49 лет, окончил духовное училище, в должности с 1880 года. Церковный староста Гавриил Трофимов, в должности 5-е трехлетие.

В приходе один погост и 8 деревень.

Прихожане	дворов	муж. пола	жен. пола	всего
прихожан				
погост Головское	2	6	9	15
дер. Рыльково	22	48	70	118
Холм	14	36	46	82
Сосновка	9	18	28	46
Гостиницы	31	87	90	177
Панцино	5	25	23	48
Колесники	16	48	51	99
Шалагино	2	16	11	27
Петрищево	2	9	12	21
военных		74	88	162
Всего:	103	367	428	795

Погост Кошево Корельское, Сретенская церковь, построена в 1816 году, каменная, с 3 престолами: Сретенья Господня, Святых Благоверных князей Бориса и Глеба, Введения в храм Пресвятой Богородицы. Здания: дом для священника, церковно-приходская школа и сторожка.

Священник Алексей Корнилович Феопемптов, 28 лет, служил с 1892 года, священником с 1893 года, окончил земское училище и церковно-приходскую школу. Дьякон Алексей Васильевич Троицкий, 44 года, на службе с 1876 года, дьяконом с 1897 года, состоял учителем церковно-приходской школы. Псаломщик Яков Андреевич Томилов, 51 год, в должности с 1873 года. В приходе 13 карельских деревень и одна русская деревня Новской волости – Ворониха.

Прихожане	дворов	муж. пола	жен. пола	всего прихожан
Байки	48	119	131	250
Климантино	23	80	69	149
Калиниха	22	65	72	137
Горбовец	26	84	91	175
Гремячиха	18	49	47	96
Бережки	27	73	99	172
Поцеп	20	71	74	145
Петрийцево	25	76	100	176
Душково	26	75	96	171
Муравьево	28	91	102	193
Терехово	24	57	70	127
Акиниха	22	56	86	142
Шейно	10	32	31	63
Ворониха	8	24	35	59
Всего:	319 + 8	928 + 24	1068 + 35	1996 + 59

Село Сабурово, Благовещенская церковь, построена в 1829 году, каменная, с 3 престолами: Благовещения Пресвятой Богородицы, Казанской Божьей Матери и Святителя Николая. Здания – дом для священника, дом для учителя, сторожка и амбар.

Священник Дмитрий Ильич Благовещенский, 64 года, священником с 1860 года, дьяк Николай Александрович Исполатов, 23 года, окончил духовное училище, на службе с 1897 года, состоит учителем церковно-приходской школы. Псаломщик Константин Петрович Шестов, 43 года, в должности с 1887 года, церковный староста крестьянин Павел Косьмин, в должности с 1887 года. В приходе приселок Сабурово (Тараканово), 8 деревень Бокаревской волости, в том числе деревня Сабурово, и 2 деревни Литвиновской волости Кашинского уезда.

Прихожане	дворов	муж. пола	жен. пола	всего прихожан
Власово	50	163	185	348
Струбищи	50	166	180	346
Сараево	50	155	130	285
Анисимово	50	167	160	327
Сабурово	47	150	148	298
Сорокино	27	83	98	181
Новоселье	23	60	65	125
Стрижово	3	8	15	23

Прихожане	дворов	муж. пола	жен. пола	всего прихожан
Прихожане из Кашинского уезда				
Булдыриха	13	54	60	114
Кутани	3	7	12	19
Всего:	300 + 16	952 + 61	981 + 72	1933 + 133

Село Синеве-Дуброво, Тихвинская церковь, построена в 1784 году, каменная, с 3 престолами: Тихвинской Божьей Матери, Святителя Николая и Святителя Димитрия Ростовского. Вторая Смоленская церковь, построена в 1777 году, деревянная. Здания: дом с двором для священника, дом для церковно-приходской школы и сторожка.

Священник Григорий Иванович Лебедев, 49 лет, на службе с 1874 года, священником с 1879 года. Дьяк Александр Малахович Покровский, 32 года, дьяком с 1889 года, состоит учителем церковно-приходской школы. Псаломщик Алексей Судиницын, 25 лет, в должности с 1892 года. Церковный староста крестьянин Терентий Косьмин. В приходе одно село и 6 деревень.

Прихожане	дворов	муж. пола	жен. пола	всего прихожан
дворяне	1	1	1	2
село Дубровка	53	162	173	335
дер. Поросятники	95	270	308	578
Постерегишино	28	93	98	191
Бокарево	36	100	119	219
Безумово	69	212	225	437
Левинское	28	88	103	191
Палкино	43	106	125	231
военные	63	210	235	445
Всего:	416	1242	1387	2629

Село Хонеево, Спасская церковь, каменная, построена в 1809 году с 3 престолами: Нерукотворного Спаса, Казанской Божьей матери и преподобного Сергия Радонежского. Священник Николай Александрович Никольский, 29 лет, на службе с 1893 года, священником с 1898 года. Псаломщик Павел Евграфович Преображенский, 36 лет, в должности с 1888 года. Церковный староста Петр Нилович Серов, в должности с 1899 года. В приходе одно село и две деревни.

Прихожане	дворов	муж. пола	жен. пола	всего прихожан
село Хонеево	57	191	181	372
дер. Горка	58	197	228	425
Рылово	32	90	92	182
военные	35	105	120	225
Всего:	182	583	621	1204

Таким образом, к 1901 году на территории Бокаревской волости находилось: 3 села – Глазово, Синево-Дуброво и Хонеево, три погоста – Головское, Карело-Кошево и Сабурово (Тараканово), сельцо Подобино и 41 деревня. Во всех селениях волости было 1447 дворов, из них 2 дворянских двора, 7 дворов священнослужителей, 98 дворов военных и 1340 крестьянских дворов. В них проживали 4086 человек мужского пола и 4496 человек женского пола, а всего крестьян разного возраста с детьми – 8582 человека [111].

В приходах были семьи отставных военных, откуда они появились? С 1705 по 1874 годы в России проводились рекрутские наборы. В солдаты набирали мужчин в возрасте от 18 до 35 лет из крестьян и мещан. До 1831 года крестьяне отдавали в рекруты 1–5 человек от 500 ревизских душ, с 1833 года – 4 рекрута от каждой 1000 ревизских душ, с 1835 года – по 5 рекрутов от каждой 1000 ревизских душ. Во время военных действий набор рекрутов увеличивали, так во время Отечественной войны в начале 1812 года повсюду провели набор по 2 рекрута с 500 ревизских душ, а летом того же года объявили дополнительный набор еще по 10 рекрутов с 500 ревизских душ. С 1854 года по 1874 год набирали по 10 рекрутов от каждой тысячи ревизских душ [112].

Кого отдать в рекруты определяла община, в случае, если речь шла о крепостных крестьянах, как правило, решал помещик. Сроки службы рекрутов сократились с 25 лет при Петре I до 7 лет при Александре II. Практиковались откупы от рекрутской повинности в сумме 300 рублей серебром за одного рекрута, с 1809 года сумма откупа увеличилась до 500 рублей. Поэтому чаще всего в рекрутах оказывались крестьяне из бедных семей. Солдат, призванный крепостным крестьянином, после службы становился свободным человеком. В качестве поощрения отставные солдаты полностью освобождались от налогов.

Солдатам не возбранялось жениться, в том числе и во время службы, с разрешения командира, но многие из них женились еще до ухода в рекруты. На протяжении XIX века срок службы рекрутов

неоднократно сокращался с 20 до 10 лет. Вернувшиеся после службы к своим семьям или со своими семьями отставные крестьяне вместе со своими семьями и составляли в приходах категорию военных прихожан.

В сравнении с 1859 годом число крестьянских дворов на территории Бокаревской волости к 1901 году увеличилось с 948 до 1340 или на 392 двора. Число крестьян обоего пола увеличилось с 6607 до 8582 или на 1975 человек.

Народное образование в Бокаревской волости

Почитай учителя, как родителя.

В ходе проведения крестьянской и земской реформ активно реформировалось народное образование. Наряду с действовавшими церковно-приходскими школами открывались земские народные начальные училища на основании «**Положения о начальных народных земских училищах**», утвержденного 14 июля 1864 года. Училища были на попечении земств, финансировались за счет сельских обществ и волостей.

Они были как *трехгодичными* одноклассными, где все три класса обучал один учитель, так и *четырёхгодичными* двухклассными с двумя учителями. Земства брали на себя снабжение училищ учебными пособиями, аренду помещений для них, организацию школьных библиотек. Предметами учебного курса начальных народных училищ были – закон божий, чтение, письмо и первые четыре действия в арифметике.

Кроме народных начальных земских училищ действовали церковно-приходские школы и одногодичные школы грамотности. Церковно-приходские школы получили своего рода второе дыхание после издания в 1884 году «Правил о церковно-приходской школе». Они вновь стали открываться в приходах, как одноклассные с 2-годовалным сроком обучения, так и двухклассные с 4-летним сроком обучения. В них изучали те же предметы, что и в начальных народных училищах.

Церковно-приходские школы открывало православное духовенство, обучение в них проводили местные священники, иногда учителя или учительницы под наблюдением священника. Они открывались и действовали на местные средства жителей прихода.

В учебном плане земские начальные народные училища находились в ведении министерства народного образования, церковно-приходскими ведал синод. В одногодичной школе грамотности преподавали закон божий, русский язык, чтение, арифметику и церковное пение.

В одноклассной школе с одним учителем обычно обучалось до 50 учеников в одной классной комнате, курс обучения был трехгодичный. Двухклассная школа с четырехгодичным курсом обучения имела две классные комнаты и двух учителей. Крестьянские дети были вынуждены с малых лет помогать родителям по хозяйству, поэтому, чаще всего, они оканчивали 2 года обучения из трех или четырех, овладев письмом и счетом.

Бокаревский волостной старшина Иван Алексеев 21 июня 1889 года представил в Бежецкую уездную земскую управу сведения о церковно-приходских школах и школах грамотности, сведений о земских народных училищах от него не требовали.

В тот год на территории волости действовала одна церковно-приходская школа и три школы грамотности. В церковно-приходской школе села Синеве-Дуброво обучалось 24 мальчика и 4 девочки, учителем был дьякон Александр Васильевич Воскресенский, который преподавал безвозмездно. Сведений о других церковно-приходских школах Бокаревский волостной старшина не представил, не исключено, что тогда там детей не обучали.

В школе грамотности деревни *Анисимово* обучалось 9 мальчиков и 3 девочки, учитель – запасной солдат из деревни Никола Литвиновской волости Иван Ефимов. Его годовое жалованье составляло по 1 рублю с ученика, всего 12 рублей. В школе грамотности деревни *Сорокино* обучалось 13 мальчиков, учитель – крестьянин той же деревни Иван Семенович Чикун. Его годовое жалованье по 1 руб. 50 коп. за ученика, всего 19 рублей. В школе грамотности деревни Богородское обучалось 10 мальчиков, учитель – солдат Петр Степанович Капитонов, годовое жалованье по 1 руб. 25 коп. за ученика, всего 12 рублей 50 копеек [113].

По грамотности Бокаревская волость находилась на 3-м месте из 30 волостей Бежецкого уезда. Общее число грамотных по волости было 1266 человек или 31,1% от общего числа населения, из них 1205 человек по возрасту были старше 14 лет.

На территории волости к 1899 году имелись **2 земских народных начальных училища, 6 церковно-приходских школ и 3 школы грамотности** с общим числом учеников 363 человека.

* * *

Корельско-Кошевское земское народное начальное училище было **основано в 1885 году**, на 2129 жителей этого прихода имелось 112 мальчиков и 107 девочек школьного возраста. В 1885–1886 учебном году обучалось 56 мальчиков и 6 девочек, первой учительницей стала работать Надежда Петровна Ушакова, окончившая курсы в школе Максимовича, годовое жалованье 175 рублей. Законоучителем работал священник Константин Меглицкий, годовое жалованье 60 рублей. Школа находилась в церковном здании села Кошево Корельское, имела 3 классные комнаты. Книг сами учащиеся не имели, для внеклассного чтения в школе было 15 книг, имелось 350 учебников.

Учительница Надежда Петровна Ушакова была родом из Романово-Борисоглебского (с 1918 года Тутаевского. – А.Г.) уезда Ярославской губернии. К середине XIX века бывшие бежецкие дворяне Тверской губернии Ушаковы разделились на несколько отдельных родов. Отец Надежды Петровны подполковник Петр Степанович Ушаков был помещиком селца Окулово и деревни Становой в том же уезде, 10 июля 1841 года венчался с Александрой Остолоповой – дочерью помещика Лавра Владимировича Остолопова.

В числе других детей у них родились дочери Варвара Петровна (22.04.1850–30.05.1896 гг.), Надежда Петровна и Любовь Петровна. Старшая дочь Варвара Петровна вышла замуж за помещика *Константина Николаевича Неведомского* и проживала в селце Подобино Бежецкого уезда, что в 5 верстах от Корельского Кошева. Их тетка, сестра отца, Екатерина Степановна Ушакова была замужем за подполковником *Никитой Алексеевичем Татищевым*, чье имение находилось в селе Беляницы Бежецкого уезда.

Надежда Петровна Ушакова окончила в 1882 году в Твери школу П.П. Максимовича, которая давала бесплатное обучение девушкам 13–17 лет всех сословий, в том числе, помещичьим и крестьянским детям. Там сначала курсы обучения были 3 года, позднее увеличены до 5 лет.

В своем заявлении от 22 декабря 1885 года в Бежецкий земский училищный совет учительница Надежда Ушакова писала: «Имея школу, разделенную на три отделения, и состоящую из 62 учеников, я успеваю в старшем отделении ежедневно давать по 2 урока, в среднем и младшем отделении только по одному уроку в день, чего, по моему мне-

нию, слишком недостаточно. Поэтому покорнейше прошу Бежецкий земский училищный совет назначить мне помощнику. Мне со своей стороны желательно было бы иметь у себя помощницей мою сестру Любовь Ушакову, которая состоит помощницей Новского училища, (по документам Градницкого, а не Новского, село Новое находится в одном километре от Градниц. – А.Г.) поэтому, если возможно, покорнейше прошу назначить ее».

Председатель Бежецкого уездного училищного совета, одновременно председатель земской управы Николай Алексеевич Чаплин наложил на заявлении резолюцию: «За недавним открытием училища и утвержденной суммой ассигнований, в назначении помощницы отказать» [114].

Нужно отметить, с 1 октября 1882 года по 1 октября 1885 года Надежда Петровна Ушакова работала второй учительницей в Градницах. Там с 1882 года учительницей работала ее свойственница Пелагея Петровна Неведомская, окончившая в 1881 году курсы в школе Максимовича, помощницей у нее с 1885 года стала сестра Надежды – Любовь Петровна Ушакова. П.П. Неведомская работала в Градницах до 7 декабря 1888 года, затем была переведена в Штабское училище города Бежецка, о чем 12 декабря она сообщила в Бежецкую земскую управу. Но в 1893–1894 учебном году она вновь работала учительницей Градницкого народного училища, где тогда обучалось 79 мальчиков и 7 девочек [115].

Пелагея Петровна Неведомская была дочерью Петра Васильевича Неведомского, 1836 года рождения. Его старшему брату, Николаю Васильевичу, 1931 года рождения, от его матери Анны Петровны Неведомской (Постельниковой) по наследству перешли село Глазово и деревня Квасово. Петр Васильевич, как и Николай Васильевич, был двоюродным братом Константина Николаевича Неведомского, его братьев и сестер, а Пелагея Петровна – их двоюродной племянницей.

Число учеников в Корельско-Кошевском народном начальном училище было: 1886 год – 46 мальчиков и 4 девочки, 1887–1888 учебный год – 50 мальчиков и 6 девочек, учительница Надежда Ушакова, вторая учительница Капитолина Портнова из деревни Муравьево, окончила курсы в Краснохолмском женском приходском училище, ее годовое жалованье 120 рублей.

В 1887 году мальчики ходили в училище из всех карельских деревень, кроме Климантина, а также 3 мальчика из русской деревни Иван

Милостивый (Барская Ворониха). Две девочки учились из деревни Акиниха, что за 3 километра от школы. По одной девочке – из погоста Карело-Кошево, Бережков. Душкова и Терехова.

В своем имении Барская Ворониха Новской волости, к которой относилась и деревня Слепнево, проживал волостной старшина Василий Иванов. Деревня находилась в 6 километрах от волостного центра Село Новое. Имение волостного старшины находилось между карельскими деревнями Поцеп и Терехово, на высоком левом берегу реки Каменка, но относилось оно не к Бокаревской волости, как все окружающие карельские деревни, а к Новской волости.

Законоучителем был священник Константин Меглицкий, который в начале 1888 года написал заявление в Бежецкий уездный училищный совет: «Я со времени открытия Кошево-Корельского народного училища по назначению совета состоял законоучителем до настоящего времени. Но постигшая меня болезнь от ревматизма в ногах лишила меня возможности исполнять должным образом возложенные на меня обязанности. Вследствие чего я подвергся невинно различным нареканиям. В настоящее время при помощи медицинских пособий, я получил не только облегчение от ревматизма, но и почти совершенное выздоровление, что дает возможное продолжение преподавания Закона Божьего в училище. Поэтому прошу удовлетворить мое желание» [116].

В 1888 году председателем Бежецкого уездного училищного совета и председателем земской управы был предводитель уездного дворянства *Алексей Никитич Татищев*. Учительница Надежда Ушакова 29 августа 1888 года написала заявление на его имя с просьбой повысить ей годовое жалованье, она работала уже 6 лет, жалованье оставалось 175 рублей в год. Ей позднее увеличили годовое жалованье до 200 рублей, так же, как и учительнице Градницкой школы П.П. Неведомской [117].

Учительница Корельско-Кошевского народного училища Надежда Петровна Ушакова была двоюродной сестрой председателю Бежецкой земской управы А.Н. Татищеву, а учительница Градницкого училища Пелагея Петровна Неведомская приходилась ему свойственницей через жену своего двоюродного дяди К.Н. Неведомского Варвару Петровну Неведомскую-Ушакову. Нужно отметить, что от села Кошево Карельское до Градниц всего 10 километров.

В 1888 году в Корельско-Кошевском народном начальном училище обучалось 52 мальчика и 6 девочек, 1889 год – 55 мальчиков и 6 де-

вочек. Преподаватели: И.Н. Тамаров, окончил Тверскую духовную семинарию, в 1889 году работал первый год, жалованье 150 рублей; Н.П. Ушакова окончила Тверскую учительскую школу П.П. Максимовича, в школе работала с 1885 года, стаж работы к 1889 году 7 лет, жалованье 175 рублей. С момента открытия училище располагалось в одном из церковных домов села Кошево Корельское, рядом со Сретенской церковью.

Летом 1888 года произошли какие-то недоразумения между сельским обществом и притчем, скорее всего, из-за занимаемого народным училищем помещения рядом с церковью, в связи с желанием церкви открыть в этом помещении церковно-приходскую школу. Помещение, ранее принадлежавшее сельскому обществу, пришло в полную негодность, но ко времени открытия земского народного училища в 1885 году оно было капитально отремонтировано за счет средств сельского общества.

Корельско-Кошевское сельское общество, включающее в себя 645 ревизских душ и 275 домохозяев, имеющих право голоса, 2 августа 1888 года по требованию сельского старосты Алексея Сабурова из деревни Климантино собрались на сход. Заслушали предложение попечителя Корельско-Кошевского народного училища церковного старосты крестьянина деревни Гремячиха Михаила Алексеева о продолжении работы училища на будущее время.

«Сход вынес единогласный приговор: просить Бежецкую земскую управу продолжить в нашем обществе на будущее время народное училище под владением земства. Помещение училища имеется в церковном общественном доме, который возобновили на свои общественные средства. А теперь обязуемся отапливать и освещать училище на свои средства через избранного попечителя Алексеева.

Просить земскую управу оставить учительницей в нашем училище Надежду Петровну Ушакову, так как занятиями ее и поведением мы вполне довольны и учащиеся к ней расположены любовно и с уважением.

В приговоре указано более 200 фамилий участников схода, от имени которых приговор подписали грамотные крестьяне: Иван Яковлев из Климантина, Иван Федоров из Калинихи, Петр Моисеев из Горбовца, Яков Манилов и Кузьма Иванов из Муравьева, Иван Матвеев из Терехова, Филипп Яковлев из Поцепа, Иван Прохоров из Гремячихи, а также сельский староста Алексей Сабуров» [118].

Попечитель Корельско-Кошевского народного училища крестьянин деревни Гремячиха Михаил Алексеев 16 августа 1888 года обратился с прошением в Бежецкую уездную земскую управу, в котором писал: «Услышав молву, будто бы наше Корельско-Кошевское училище, зависящее от земской управы, переводят в другое сельское общество, я посоветовал обществу крестьян, чтобы они помогли мне просить, кого следует, о продолжении у нас училища на будущее время. Вследствие чего общество на сельском сходе 2 августа составило приговор, которым изъявляют свое единодушное желание, чтобы училище существовало.

Приговор при этом прилагаю и покорнейше прошу земскую управу училище в нашем Корельско-Кошевском обществе оставить на будущее время по распоряжению управы.

Я со своей стороны обязуюсь искать для учащихся удобное помещение с отоплением, так как при нашей приходской церкви имеется два никем не занимаемых свободных дома. Находясь в должности церковного старосты, я могу поместить училище в любом доме. В случае же каких-либо могущих встретиться неприятностей со стороны притча, могу найти удобное помещение для училища в ближайшем к церкви и среди всего прихода селении.

Мое лично, и всего прихода, желание, дабы дети не оставались необученными грамоте. Поэтому имею надежду, что земская управа не оставит без внимания мою просьбу. Августа, 16-го дня, 1888 года, попечитель Корельско-Кошевского училища крестьянин Михаил Алексеев» [119].

Для обучения карельских детей русскому языку являлось очень важным и положительным то обстоятельство, что вторая учительница Капитолина Портнова из Муравьева была карелкой, хорошо знающей карельский язык и выучившая русский язык, на котором могла преподавать, а также помогать русской учительнице Надежде Петровне Ушаковой. Они умели помогать карельским детям, преодолевать трудности при изучении ими русского языка и правописания при путанице родов, которых в карельском языке нет, и других языковых проблем.

В 1893–1894 учебном году в Корельско-Кошевском народном училище обучалось 62 мальчика и 18 девочек, второй учительницей работала А. Воинова. Кроме 13 карельских деревень, в училище обучались дети из русских деревень: Рыльково Бокаревской волости, Ворониха и Слепнево Новской волости [120].

В 1897 году в связи с открытием церковно-приходской школы, земское училище перевели из церковного дома села Кошево Корельское в деревню Бережки, что в полукилометре от села, училище стало называться Бережковским. Оно размещалось в двухэтажном доме крестьянина Василия Михайлова.

28 сентября 1900 года Бежецкая уездная земская управа направила письмо земскому начальнику 7-го участка князю А.И. Хилкову. Сообщалось, что крестьяне деревни Бережки Бокаревской волости в своем приговоре от 31 августа заявили о положении Бережковской школы и ходатайствовали о воспреещении в их селении открытия винной торговли. Земский начальник Хилков пригласил в свою канцелярию на 3 октября жителей деревни Бережки: Василия Михайлова, Михаила Иванова, 2–3 крестьян, подписавших приговор от 31 августа, и старосту Сабурова.

После беседы с крестьянами земский начальник князь А.И. Хилков написал письмо акцизному управляющему Тверской губернии, в которой заявлял, что в деревне Бережки предписывается с 1 июня 1901 года открыть казенную винную лавку в доме Василия Михайлова. В настоящее время, писал Хилков, в том доме находится земское начальное училище. Предлагается перенести школу в дом Михаила Иванова, который находится рядом с домом Василия Михайлова. Таким образом, школа окажется рядом с винной лавкой, что является невозможным.

Предлагается перенести винную лавку в деревню Терехово, что в 1,5 верстах от Бережков. В Терехове для винной лавки имеется совершенно отдельное помещение крестьянина Ивана Матвеева, который согласен отдать его под казенную винную лавку.

В ответе на это письмо управляющий акцизными сборами Тверской губернии сообщал князю Хилкову, что помещение Михайлова в деревне Бережки нанято для казенной винной лавки. Михайлов категорически не желает отдавать свой дом для сельской школы, а в этой деревне невозможно найти иное помещение для винной лавки. Предложение о переносе винной лавки в деревню Терехово не может быть выполнено, потому что крестьянин Иван Матвеев ставит условие быть непременно сидельцем в этой лавке. Кроме того, акцизное управление вынуждено считаться с заключенными и утвержденными договорами.

14 февраля 1901 года земский начальник 7-го участка князь Александр Иванович Хилков предписал Бокаревскому волостному старшине Никите Сладкову объявить обществу деревни Бережки, что их

ходатайство акцизным управлением отклонено. Поэтому он вошел в Бежецкую земскую управу с прошением о незакрытии в текущем году земского начального училища в деревне Бережки и об оставлении училища с 1 июня 1901 года в доме крестьянина Ивана Михайлова [121].

Первая учительница карельских детей Надежда Петровна Ушакова была и последней учительницей земского начального народного училища, где она отработала до революции 1917 года, проживая в селе Карело-Кошево. После революции продолжала работать учительницей начальных классов Карело-Кошевской семилетней школы. Перед уходом из школы пригласила работать на свое место племянницу Софью Николаевну Ушакову, которая жила вместе с ней.

Бокаревское земское народное начальное училище было основано в 1879 году, располагалось в собственном помещении земства. В 1885–1886 учебном году обучалось 34 мальчика и 12 девочек, учителем работал Павел Никотин, окончивший курсы Тверской духовной семинарии, годовой оклад 180 рублей.

В 1887–1888 учебном году в школе обучалось 42 мальчика и 8 девочек, учительницей работала Александра Рукина, окончившая курсы в Новоторжской монастырской школе, годовое жалованье 170 рублей.

В 1889 году на 1352 жителя приходилось 70 мальчиков и 97 девочек школьного возраста, в училище обучались 47 мальчиков и 3 девочки. Учителем работал Н.А. Сретенский, студент Тверской духовной семинарии, стаж 2 года, в школе работал с 1889 года, жалованье 170 рублей, законоучителем – Симеон Рязанцев, годовое жалованье 60 рублей [122].

В 1893–1894 учебном году в Бокаревском народном училище обучалось 46 мальчиков и 13 девочек, учитель Иван Воронов. Больше всего учеников было из близлежащих от училища деревень: Бокарево – 20, Кvasово – 7, Глазово – 5 учеников. Расстояние до училища из дальних деревень Талашманы и Сараево – 5 километров, Анисимово и Савелиха – 6 километров. При училище ночлега не было, 11 учеников квартировали у крестьян деревни Бокарево [123].

Синево-Дубровская церковно-приходская школа была основана в 1888 году, располагалась в собственном помещении. Учителем с 1889 года состоял дьякон Александр Малахович Покровский, законоучителем – священник Григорий Иоаннович Лебедев. На 1054 человека населения обучалось 24 мальчика и 4 девочки школьного возраста [124].

Глазовская церковно-приходская школа открыта в 1889 году, учителем состоял священник Симеон Михайлович Рязанцев, он также был законоучителем Бокаревского земского училища.

Головская церковно-приходская школа была открыта в 1868 году, в 1874 году там обучались 32 мальчика и 2 девочки. Учителем с 1892 года был священник Николай Яковлевич Поклонский [125].

Корельско-Кошевская церковно-приходская школа была открыта в 1897 году, учителем состоял дьякон Алексей Васильевич Троицкий, законоучителем – священник Алексей Корнилович Феопемптов.

Сабуровская церковно-приходская школа открыта в 1899 году, учителем состоял псаломщик Константин Петрович Шестов, законоучителем – священник Дмитрий Ильич Благовещенский [126].

Хонеевская церковно-приходская школа была открыта в 1868 году, в 1874 году там обучались 44 мальчика, преподавателями были священник и ученик духовного училища. Законоучителем с 1898 года состоял священник Николай Александрович Никольский [127].

Для того чтобы обучение в училищах и школах было успешным, Бежецкая земская управа активно решала вопросы создания волостных народных библиотек. Земский начальник 7-го участка А.И. Хилков 16 мая 1896 года сообщал в уездную земскую управу, что в Бокаревской волости старшина Никита Одинцов назначил ответственным за волостную библиотеку волостного писаря Ивана Васильева. Народные чтения можно организовать при Корельско-Кошевском народном училище, Дубровской и Сабуровской церковно-приходских школах.

Бокаревский волостной старшина Никита Одинцов 2 сентября 1897 г. обратился с заявлением в Бежецкую уездную земскую управу, что он принимал на себя ответственность за волостную библиотеку. Тогда же подобное заявление написал и волостной писарь Иван Васильев, дополнив, что он «с удовольствием принимает на себя труд заведования волостной библиотекой, открытой при Бокаревском волостном правлении» [128].

Бежецкая уездная земская управа запланировала на 1897–1898 учебный год:

1. Установить по три различных комплекта книг для волостных библиотек, отдельно на каждую основную библиотеку выделить часть суммы для приобретения книг русских классиков.
2. Увеличить ассигнования для волостных народных библиотек на 450 рублей, ранее предусмотренных на учительские библиотеки, чтобы организовать рассылку книг для сельских учителей.

Спросили желание учителей по этому вопросу, на это, в числе других, дали согласие учительницы Бокаревского и Корельско-Кошевского училищ, а также священники церквей: Григорий Лебедев – Синево-Дубровской, Алексей Феопемптов – Карело-Кошевской и Семен Рязанцев из села Глазово.

3. По Бокаревской волости основными земскими библиотеками, на которые было увеличено ассигнования, являлись народная библиотека волостного правления и земская библиотека Бережковского народного училища, переведенного в 1897 году из церковного дома села Кошево Корельское.

В том же 1897 году Бежецкая уездная земская управа составила каталог книг для народных библиотек при волостных правлениях:

I. Учебный отдел.

1. Книги духовного содержания – 17 наименований.
2. Книги исторического содержания – 33 наименования.
3. Книги географического содержания – 13 наименований.
4. Естественно-исторические книги – 10 наименований.
5. Книги практического характера – 14 наименований, в том числе «Об огороде» Аверкиева, «Как водить пчел» Бутлерова, «Лошадь в крестьянском хозяйстве» Гурина.

II. Литературный отдел.

1. Книги по литературе – 79 наименований.
2. Книги по богословию – 16 наименований.
3. Книги для чтения по истории – 27 наименований, в том числе книги Н.М. Карамзина, Бестужева-Рюмина, Майкова и других.
4. Книги по географии – 18 наименований.
5. Книги по словесности – 73 наименования авторов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Крылова, Кольцова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других известных авторов.

Также были закуплены книги по практическим сведениям и медицине, богословию и другим направлениям. Книги для народных библиотек закупались на книжном складе А.М. Калмыковой в Санкт-Петербурге, книжном складе К.И. Тихомирова и книжном магазине П.В. Луковникова в Москве. Закупив книги, кроме народных библиотек при волостных правлениях, стали создаваться школьные библиотеки. Например, в 1900 г. для продолжения пополнения книгами школьных библиотек были выделены деньги из расчета по 5 рублей на каждого ученика [129].

Бокаревский волостной старшина Никита Сладков 17 ноября 1898 года сообщал в Бежецкую уездную земскую управу, что вследствие смерти волостного старшины Никиты Одинцова, он, как новый волостной старшина, берет на себя полную ответственность по заведению народной библиотеки при волостном правлении. Он принял все книги, кроме 9 наименований, которых в библиотеке нет.

9 апреля 1899 года он писал в уездную управу, что направленные от нее с крестьянином деревни Гремячиха Михаилом Алексеевым 7 наименований книг он получил, кроме 12 томов Достоевского и 12 томов Купера. Он просил уездную управу сообщить, будут ли они высланы в библиотеку или нет [130].

В Бокаревской народной библиотеке, открытой 28 января 1898 г., имелось 650 книг на сумму 150 руб., с ноября 1899 г. заведующим библиотекой стал волостной старшина Михаил Алексеев из деревни Гремячиха. Книги в библиотеке выдавались с 8 часов утра до 4 часов дня, в помещении библиотеки они не читались, их брали на дом. Читателей 27 человек, в том числе 25 мужчин и 2 мальчика, за год им выдано 163 книги. Жалованье библиотекарю в сумме 20 руб. в год выплачивало земство.

Нужно отметить, что занятия в начальных народных училищах и церковно-приходских школах начинались не 1 сентября учебного года, а после завершения уборочных полевых работ. Например, в 1889 году учеба в Корельско-Кошевском училище началась 28 сентября, а в Бокаревском училище с 10 октября [131].

Казенные, земские и мирские повинности крестьян

С одного барана двух шкур не дерут (кар.).

«Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года были установлены казенные, земские и мирские повинности для крестьян.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, были обязаны нести *казенные и земские денежные повинности*:

- 1) подушную подать;
- 2) сбор на обеспечение продовольствия;
- 3) земские сборы, как государственные, так общие губернские и частные;

4) сбор на изготовление окладных листов по податям и сборам.

Земские сборы, государственные и общие губернские, исчисляемые по количеству земли, вносились:

- за оставшейся в непосредственном распоряжении помещиков земли самими помещиками;
- за земли, отведенные в постоянное пользование крестьян, или принадлежащие им в собственности, крестьянами.

Разверстка в сельском обществе казенных и земских повинностей, денежных и натуральных, между крестьянами, распределялась миром. Сбор казенных и земских денежных повинностей с крестьян производился старостой или особым сборщиком податей, где тот назначен. Порядок сбора податей, их подсчета и хранения собранных сумм определяло само общество.

Сельский староста или сборщик податей, после приема от крестьян платежей, за вычетом из них части, следующей в мирские сборы, вносил затем всю сумму в Уездное Казначейство и получал квитанцию, которую предъявлял в волостное правление.

К *мирским повинностям* относились те, которые отправлялись каждым обществом, сельским или волостным, особо, для удовлетворения внутренних его потребностей. Крестьянские общества могли, смотря по надобности и по своим средствам, устанавливать мирские сборы на устройство и под держание церковей, заведение сельских училищ, содержание учителей, и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян.

На крестьянские общества возлагалось обязательное отправление следующих мирских повинностей:

- 1) содержание общественного управления;
- 2) расходы по прививанию оспы, и принятие мер, предписываемых врачебным уставом, в случае появления заразительных болезней и падежей скота;
- 3) устройство и поддержание сельских запасных магазинов;
- 4) содержание в исправности проселочных дорог, меж и межевых знаков, проточных вод и канав на землях, принадлежащих в собственности мирским обществам или состоящих в их постоянном пользовании;
- 5) содержание караулов в деревнях;
- 6) призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества, не могущих трудом приобретать пропитание, у которых нет

родственников, или же у которых родственники не в состоянии содержать их; признание круглых сирот;

- 7) принятие мер в случае пожаров (в том числе и лесных), наводнений, а также для истребления саранчи, хищных зверей, сусликов и при других тому подобных общественных бедствиях.

Мирские повинности, смотря по свойству их и усмотрению общества, могли быть отправляемы посредством денежных сборов, или натурой.

Денежные натуральные повинности назначались и раскладывались между сельскими обществами, а в сельских обществах, между отдельными крестьянами, волостными или сельскими сходами. Жалобы сельских обществ на волостные правления, относительно раскладки мирских повинностей, приносились мировому посреднику, для передачи на решение уездного мирового съезда.

Каждое сельское общество отвечало круговой порукой, за каждого из своих членов, в исправном отбывании казенных, земских и мирских повинностей.

В отношении неисправных плательщиков казенных и мирских повинностей, сельское общество могло принимать меры взыскания:

- 1) обратить на возмещение недоимки доход с принадлежащего недоимщику в собственность недвижимого имущества, отобрав у него часть урожая хлеба, льна или приплод с целью погашения недоимки;
- 2) отдать самого недоимщика, или кого-либо из членов его семейства, на посторонние заработки в том же или соседнем уезде с условием, что заработанные деньги обратить в мирскую кассу.
- 3) определить к недоимщику опекуна, без разрешения которого не дозволялось неисправному хозяину отчуждать что-либо из его имущества и из его доходов до пополнения недоимки;
- 4) отбирать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий или даже весь его полевой надел, или сдать его во временное пользование другому лицу;
- 5) ставить караул для препровождения, возвращающегося с промыслов неплательщика к старосте, для отобрания у него части заработка в счет погашения недоимки.

При безуспешности мер понуждения, недоимка пополнялась полицией путем продажи крестьянского движимого имущества [132].

Таким образом, основным прямым налогом в XIX веке являлась *подушная подать*. Она была введена после проведения Петром I в

1718–1724 подушной переписи мужского населения. С этого времени последующие переписи населения получили название ревизий. Единица налогообложения была мужская душа старше 15 лет.

Ко времени проведения крестьянской реформы в Тверской губернии оброчные крестьяне составляли лишь 1/3 часть от числа крепостных крестьян. Остальные 2/3 крестьян состояли на барщине. *Средний оброк по Бежецкому уезду тогда составлял 2 руб. 25 коп на одну десятину земли, или 9 рублей на одну ревизскую душу, или 20 рублей на одно тягло.*

С 1863 г. подушную подать перестали платить мещане, вместо нее был введен налог на недвижимость в городах, посадах и местечках. После того, как от уплаты подушной подати были постепенно освобождены все сословия, кроме крестьян, эта подать превратилась исключительно в **крестьянский налог**. За поступление подушной подати отвечало все крестьянское общество. Распределение подушной подати между отдельными плательщиками производилось самими крестьянскими обществами с учетом размера наделов, числа душ в семье и других условий.

Сельские общества могли ходатайствовать о направлении своих членов в Сибирь на поселение за «дурное поведение». До крестьянской реформы такое право на своих крепостных крестьян имели помещики. Кроме краж, отлынивания от работы и других дурных поступков, с 1862 г. «дурным поведением» считали также двухгодичную задолженность крестьян по платежам податей и выполнения повинностей [133].

Для этого сельский староста собирал сход старших домохозяев сельского общества и предлагал принять какие-то меры к члену своего общества, который занимается кражами или праздно шатается и трудом не занимается, или имеет долг по податям. Начиналось обсуждение, при поступлении предложения о передаче его в распоряжение правительства для направления его в ссылку в Сибирь, проходило голосование. Если домохозяева на сходе решали, что они не надеются на его исправление и голосовали за ссылку его в Сибирь, составляли письменный приговор. Его подписывали все домохозяева, голосовавшие на сходе. При этом сельское общество принимало на себя все его издержки, для чего надлежащую сумму вносили в уездное казначейство.

Крестьянские *волостные и мирские сборы* шли на следующие статьи расходов:

- жалованье волостным старшинам, писарям и их помощникам;
- канцелярские расходы, отопление и освещение волостных правлений, наем сторожей и рассыльных;

* * *

- наем помещений под школы и другие цели;
- содержание стоечных лошадей при волостном правлении;
- жалование волостным судьям;
- жалование сельским старостам, сельским писарям и сборщикам податей;
- караул селений и общественных хлебных магазинов, жалование смотрителям хлебных магазинов;
- починка мостов и дорог;
- покупка и содержание пожарных инструментов [134].

Десятские и сотские избирались населением для выполнения некоторых полицейских обязанностей в деревне. Десятские избирались от 10 дворов, сотские – от 100 дворов. Десятские и сотские наблюдали за чистотой в самой деревне, за чистотой колодцев, рек и прудов, за соблюдение противопожарных мер. Они сообщали в полицию о подкинутых детях, найденных трупах, о появлении в деревне воров или разбойников. Все эти обязанности избранные десятскими и сотскими крестьяне выполняли на общественных началах.

Крестьянин, добровольно выходящий из сельского общества, должен был получить увольнительное свидетельство от волостного старшины. Тот выдавал его при соблюдении условий, установленных Положением:

1. Чтобы крестьянин навсегда отказался от земельного надела, и если он не мог быть направлен в рекруты.
2. Чтобы на семействе увольняемого не было никаких казенных, земских и мирских недоимок, а подати были уплачены до 1 января следующего года.
3. Чтобы увольняемый крестьянин не состоял под судом и следствием, на нем не было взысканий и обязательств, предъявляемых им волостному управлению.
4. Чтобы родители увольняемого крестьянина были согласны на его увольнение.
5. Чтобы остающиеся в сельском обществе, в семье увольняемого крестьянина малолетние и другие члены семьи, неспособные к работе, были обеспечены в своем содержании.

Незамужние крестьянки и вдовы, не имеющие части надела, могли выходить из сельского общества по увольнительному свидетельству волостного старшины, не спрашивая согласия общества, лишь получив согласие от родителей [135].

К июню 1864 года по Бокаревской волости Бежецкого уезда имели недоимки по выкупным платежам за землю 70 крестьянских дворов в 8 деревнях, в том числе:

- деревня Бокарево, 8 крестьянских дворов, недоимки в сумме от 5 до 17 рублей;
- Анисимово, 11 дворов, недоимки от 1 до 14 рублей;
- Холм, 10 дворов – Титов, Петровы, Яковлев, Ивановы, Меркурьев, Осипов, Захаров и другие имели недоимки от 7 до 18 рублей;
- Сосновка, 7 дворов имели недоимки от 3 до 14 рублей;
- Рыльково, 17 дворов, в том числе Спиридоновы, Лаврентьев, Николаев, Семенов, Артемьев и другие имели недоимки от 5 до 18 рублей;
- Сараево, 15 дворов имели недоимки от 3 до 14 рублей;
- Постерегишино, один Филипп Ефимов имел недоимку 4 рубля;
- Безумово, одна Прасковья Федорова имела недоимку 3 рубля [136].

Чтобы погасить эти недоимки, крестьяне шли на крайние меры, в том числе и кражи. Житель деревни Рыльково Степан Сафонов 19 октября 1864 года дал показания, что он запродавал в сельцо Кобылино Сергею Лукьянову господского жита 20 четвертей, или более, по цене 4 рубля серебром за четверть, и 40 четвертей или более овса по цене 3 рубля за четверть (одна четверть сыпучих тел равнялась 210 литрам. – А.Г.). Получил от него задаток 50 рублей серебром [137].

В Тверской губернии подушная подать была заменена поземельным налогом в 1875 году. Уже к 1888 году по Бокаревской волости недоимок по платежам у крестьян не было, об этом свидетельствуют приговоры сельских сходов. Так в деревне Савелиха было 109 ревизских душ, 45 домохозяев, староста Алексей Григорьев. За период с 1 января по 1 июля 1888 года он полностью собрал и уплатил все сборы и платежи, недоимок не осталось, в том числе:

– выкупных платежей –	286 рублей 10 коп.;
– казенных сборов –	8 руб. 82 коп.;
– земских сборов –	51 руб. 64 коп.;
– мирских сборов –	15 руб. 26 коп.
Итого:	361 руб. 82 коп.

Таким образом, общая сумма сборов и платежей на одну ревизскую душу составляла в 1888 году 3 руб. 32 коп. за полугодие или 6 руб. 64 коп. за год.

Деревня *Поросятники*, 204 ревизских души, 85 домохозяев, староста Петр Семенов полностью и уплатил платежи и сборы за первое полугодие 1888 года, в том числе:

– выкупные платежи –	508 руб. 53 коп.;
– казенные сборы –	24 руб. 5 коп.;
– земские сборы –	79 руб. 43 коп.;
– мирские сборы –	28 руб. 56 коп.
Итого:	640 руб. 57 коп.

За первое полугодие 1888 года полностью собрали и уплатили все платежи и сборы в деревнях: Бокарево, староста Павел Андреев, Постерегишино, староста Яков Леонтьев, Безумово, староста Степан Лаврентьев. Не допустили недоимок по платежам и сборам в деревнях: Горка, староста Арсений Никифоров, Хонеево, староста Дмитрий Егоров, Панцино и Колесники, староста Иван Иванов, Гостиницы, староста Климентий Арсеньев и в других русских деревнях.

Карельское Кошевское сельское общество в 1888 году включало в себя 13 карельских деревень: Акиниху, Терехово, Байки, Бережки, Горбовец, Гремячиху, Душково, Калиниху, Климантино, Муравьево, Петрайцево, Поцеп и Шейно. Старостой общества был житель деревни Климантино Алексей Алексеевич Сабуров. За первое полугодие он собрал и полностью уплатил следующие платежи и сборы:

– выкупные платежи –	1016 руб. 74 коп.;
– земельный налог –	94 руб. 21 коп.;
– земский сбор –	315 руб. 62 коп.;
– мирские сборы –	179 руб. 78 коп.
Итого:	1970 руб. 91 коп.

На сельском сходе 27 декабря 1888 года староста Алексей Сабуров отчитался, что все платежи и сборы за второе полугодие собраны и уплачены полностью, недоимок нет. Они составили 1606 рублей, 35 копеек, все те же налоги и сборы, что и за первое полугодие за минусом страховых платежей.

Приговоры сельских сходов от 23 июня и 27 декабря 1888 года подписали от имени его участников грамотные жители деревень:

- Байки – Степан Васильев, Егор Иванов и Иван Васильев;
- Бережки – Егор Борисов и Михаил Григорьев;

- Горбовец – Петр Моисеев и Григорий Иванов;
- Душково – Арсений Семенов и Михаил Афанасьев;
- Калиниха – Иван Федоров и Степан Михайлов;
- Муравьево – Степан Матвеев и Егор Алексеев;
- Петрайцево – Лаврентий Григорьев;
- Поцеп – Филипп Яковлев и Григорий Зайцев [138].

В 13 деревнях Карельского Кошевского сельского общества находилось 319 хозяйских дворов, поэтому за 1-е полугодие 1888 года на каждого домохозяина пришлось в среднем по 6 руб. 18 коп. сборов и платежей. За второе полугодие 1888 года – по 5 руб. 04 коп., а всего за тот год – по 11 рублей 22 копейки платежей и сборов с одного хозяйства.

Учитывая, что тогда в карельских деревнях насчитывалось 646 ревизских душ, то годовые сборы и платежи составили по 5 рублей 54 копейки с каждой ревизской души.

Таким образом, можно проследить разницу сбора оброков и подушной подати между удельными и помещичьими крестьянами Бокаревской волости:

	1808 год	1873 год	1888 год
Удельные крестьяне	3 рубля	6,46 руб.	5,54 руб.
Помещичьи крестьяне	на барщине	7,94 руб.	6,64 руб.

К 1888 году сложились следующие цены: одна овца стоила 2 рубля,

- поросенок – 3 рубля, телка – 10 рублей,
- лошадь – 20 рублей, корова – 30 рублей,
- колода пчел – 5 рублей.

* * *

Нужно отметить, что до конца XIX века во всех мирских приговорах сельских обществ, официальных письмах и других документах, почти все фамилии, как карел, так и русских, были записаны по отцу вместо отчества: Иван Васильев или Михаил Алексеев. Фамилии их сыновей уже менялись, и записывались соответственно по отцу: Петр Иванов или Гаврила Михайлов.

Когда речь шла о крестьянах, то очень редко в документах писали полные данные о человеке – имя, отчество и фамилию. При этом за-

писывали двойную фамилию, одну – вместо отчества, вторую – настоящую фамилию, иногда ее писали в скобках: Мария Михайлова (Дудкина), Алексей Васильев (Сумерин), Дмитрий Савельев (Латышев). Порою у крестьян записывали имя и фамилию, например, Никита Одинцов, Никита Сладков.

Полные данные всегда писали лишь в отношении дворян, купцов, представителей власти и священников. У учителей записывали лишь имя и фамилию: Надежда Ушакова, Пелагея Неведомская, Александра Воинова.

В 1888 году Правительствующий Сенат издал специальный указ о фамилиях. В нем говорилось, что в России встречается много лиц, не имеющих фамилий, а носящих их по отчеству. Именоваться определенной фамилией является не только право, но и обязанность всякого полноправного лица. Обозначение фамилии на некоторых документах требует сам закон.

Но до конца XIX века массового распространения фамилии не имели. Постепенно в начале XX века одни фамилии закрепились по последнему отчеству – Ивановы, Петровы, Сергеевы, Нечаевы, Никитины и другие. Некоторые фамилии произошли от названия занятий крестьян: Кузнецовы, Бондаревы, Дегтяревы и другие.

Другие фамилии произошли от семейных прозвищ, эти фамилии появились значительно раньше полного офамиливания, они уходят в глубь многих поколений, у карел, например, к XIII веку.

Например, весь карельский род *Пья* получил тогда фамилию – *Головкин* («*пья*» в переводе с карельского языка на русский – «голова»). – **А.Г.**) которая не меняется уже на протяжении восьми веков. Те карелы, которые имели другие прозвища, с 1227 года тоже стали обладателями русских фамилий. С тех пор и на столетия все последующие поколения *Хукко* стали Волковыми, *Янис* – Зайцевыми, *Ребо* – Лисицыными, *Брони* – Ворониными, *Хаву* – Ёлкиными, *Хавги* – Щукиными и так далее.

Но даже после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в нашей местности карелы по-прежнему называли некоторые фамилии по происхождению или старым прозвищам: Волковых – Хуккины, Ворониных – Бронины, Ёлкиных – Хавины, Щукиных – Хавгины.

Дела Бокаревского волостного суда в 1893 году

На чужой лошади далеко не уедешь (кар.).

Император Александр III вместе с «Положением о земских участковых начальниках» 12 июля 1889 года утвердил «Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное положение», а также «Временные правила о волостных судах в тех же местностях». Эти правила внесли существенные изменения в организацию и деятельность волостных судов.

Согласно временным правилам, волостной суд должен был состоять из 4 судей, один из которых по решению уездного съезда судей назначался председателем. До этого времени каждое сельское общество избирало своего кандидата на волостного судью, из которых на волостном сходе отбиралось 8–12 волостных судей, которые рассматривали дела поочередно. После введения временных правил кандидатов в судьи отбирал уже не волостной сход, а земский участковый начальник, и не на один год, а на три года.

Таким образом, волостные судьи становились постоянными на три года, а не сменяемыми, как было ранее. Крестьяне видели в постоянном суде отрицательные стороны, заявляя, что раньше они не знали, чей черед быть судьей, а теперь все судьи известны, и их можно подкупить. По временным правилам годовой оклад содержания не должен был превышать для председателя волостного суда 100 руб., для волостного судьи – 60 руб.

Волостными судьями избирались крестьяне-домохозяева, достигшие 35 лет, по возможности грамотные, а не 25 лет, как было до временных правил. Они все приводились к присяге, при отправлении своих обязанностей должны были носить специальный знак судьи. Председатель имел печать волостного суда, все это было введено для поднятия авторитета волостного суда.

При рассмотрении дел должны были участвовать не менее 3 судей, считая и председателя. Временные правила о волостном суде предусматривали следующие виды наказаний, которые он мог применить:

- выговор в присутствии суда;
- денежное взыскание от 25 копеек до 30 рублей;
- арест до 15 дней, простой или строгий с содержанием на хлебе и воде;
- наказание розгами до 20 ударов.

С момента введения временных правил волостной суд рассматривал дела не только у себя в волостном правлении, но и проводил выездные заседания. Делопроизводство волостного суда по-прежнему вел волостной писарь, за редким исключением – один из грамотных волостных судей.

В 1893 году председателем Бокаревского волостного суда был Иван Матвеев, судьями Михаил Алексеевич Алексеев из деревни Гремячиха и Иван Степанович Мыльников из деревни Поросятники. За 4–6 дней до начала заседания суда волостной старшина Никита Одинцов направлял список дел земскому начальнику 7-го участка князю А.И. Хилкову. Основными составами правонарушений, которые рассматривал волостной суд, были:

- о нанесение оскорблений действиями;
- о разделе или возврате владельцу усадьбы или полевого надела на одну или две души;
- о возвращении долга или взыскании денег по частным распискам, за проведение разных работ, за косьбу лугов или запашку паровых полей без разрешения сельского общества;
- о потраве скотом сенокосов или хлебов;
- иски к братьям и другим родственникам за уклонение от раздела усадьбы, полевого надела, захват чужой земли и другие дела.

Чтобы было, хотя какое-то представление о работе волостного суда, приведу списки назначенных к рассмотрению дел на определенные числа, о чем свидетельствуют списки дел, направляемые волостным старшиной земскому начальнику 7-го участка князю А.И. Хилкову. На 3-е января 1893 года было назначено 5 дел по искам крестьян, в том числе:

- по иску крестьянина деревни Квасово Михаила Матвеева к бывшему старосте Петру Иванову о взыскании с него 81 копейки;
- Степана Яковлева из деревни Рылово к крестьянину деревни Бокарево Ивану Григорьеву о взыскании 5 рублей за сапоги;
- крестьянина деревни Байки Кузьмина Егорова к крестьянину деревни Муравьево Матвею Петрову, укравшему из его кармана 1 рубль 50 копеек;
- Анисима Степанова из деревни Сараево к родному брату Кузьме Степанову о взыскании с него 7 рублей денег, поросятка и 4 рядов бревен.

В списке из 6 дел, назначенных судом на 15 января 1893 года, в числе других были дела по искам крестьян:

- крестьянина деревни Горка Могочской волости Ивана Власова к крестьянам деревни Байки Бокаревской волости Ивану Иванову и Ивану Суслову о хищении у него из кармана 2 рублей;
- крестьянина деревни Поросятники Ивана Степановича Мыльникова к крестьянину деревни Постерегишино Ивану Силанову о взыскании с него 10 рублей за плотницкие работы;
- Марии Федоровой из села Хонеево к крестьянину деревни Поросятники Алексею Александрову о взыскании с него 5 рублей 50 копеек за бондарную работу ее сына;
- крестьянина деревни Талашманы Петра Гаврилова к односельчанину Евлантию Андрееву о передаче ему одной десятины собственной земли;
- Тимофея Зиновьева из деревни Левинское к крестьянину деревни Талашманы Семену Прокланову за кражу им мельничного вала.

На 29 января 1893 года в числе 8 дел, назначенных судом, были дела по искам крестьян:

- крестьянки деревни Поросятники Прасковьи Кузьминой к односельчанке Анне Игнатьевой о передаче ей усадебной земли на одну душу;
- крестьянки деревни Поросятники Прасковьи Афанасьевой к односельчанам Егору Алексееву и Марье Петровой о взыскании с них 10 рублей долга;
- сельского старосты деревни Струбищи Петра Андрианова к односельчанину Семену Васильеву по взысканию с него арендуемых денег в сумме 1 рубль 58 копеек;
- доверенных лиц от крестьян деревни Струбищи Ивана Андронов и Василия Иванова к односельчанам Матвею Иванову, Якову Григорьеву и Илье Гаврилову о взыскании с них 5 рублей за скошенный ими участок общественной травы;
- Анны Савельевой из деревни Струбищи к своей свекрови Фекле Матвеевой о взыскании двух четвертей овса (420 кг. – А.Г.);
- крестьянина деревни Душково Михаила Афанасьева к односельчанам Алексею Яковлеву и Павлу Михайлову за неправильное пользование ими наделом земли;
- Ивана Филатова и Андрея Никифорова из деревни Анисимово к односельчанину Давыду Пантелееву о восстановлении поль-

зования излишней землею, отведенной им в общественной даче Пирыгино;

- отставного рядового села Глазово Ивана Михайлова к крестьянам деревни Савелиха Ивану и Федору Кудрявцевым, а также к Ивану Лялякину из деревни Беклемишево Константиновской волости Кашинского уезда, по купленному им лесу в даче Пляскино.

На 9 февраля 1893 года, в числе других, были назначены дела по искам крестьян:

- сельского старосты села Хонеево Федора Никитина и доверенного крестьянина того же села Дмитрия Егорова к крестьянину деревни Петрищево Новской волости Гаврилу Трофимову о взыскании 90 рублей за пользование им одного душевого надела земли в течение трех лет;
- Андрея Гаврилова из деревни Холм к бывшему старосте деревни Терехово Ивану Алексееву о взыскании 3 рублей 57 копеек по частной расписке;
- Акулины Кузьминой из деревни Левинское к родному брату из той же деревни Никифору Кузьмину по краже им 15 бревен елового леса;
- крестьянина деревни Небарово Константиновской волости Кашинского уезда Гаврилы Егорова к крестьянину деревни Сорокино Никите Курицыну о взыскании с него 30 рублей 95 копеек судебных издержек по квитанциям;
- Егора Федорова из деревни Бережки к крестьянину деревни Душково Абраму Иванову о взыскании с него 3 руб. 50 копеек за летние работы его дочери;
- крестьянина деревни Бережки Петра Кучева к крестьянину деревни Муравьево Ивану Васильеву о нанесении ему оскорблений действием.

В числе других, на 21 февраля 1893 года были назначены дела по искам крестьян:

- крестьянина деревни Поросятники Дениса Филиппова к бывшему волостному старшине из деревни Терехово Ивану Алексееву о взыскании с него 6 рублей по частной расписке;
- Михаила Павлова из деревни Левинское к родным братьям Матвею и Ивану Павловым о выделе ему равной части усадебной и полевой земли;

- Марьи Кирилловой из деревни Горбовец к своему свекру Михаилу Андрееву и деверю Григорию Михайлову о выделении ей усадебной земли на одну душу. По ее же иску к свекру, деверю и свекрови Матрене Семеновой в нанесении ей оскорбления действием;
- крестьянина деревни Рыльково Ильи Андреева к Корельско-Кошевскому обществу из 13 селений о взыскании с него 37 рублей по приговору общества;
- доверенные крестьяне от сельского общества деревни Горбовец Дмитрий Арсеньев и Михаил Степанов к односельчанину Михаилу Иванову о взыскании с него 10 рублей 60 копеек израсходованных общественных денег;
- Ивана Васильева из деревни Новоселка к родному сыну Василию Иванову о продаже им без спросу коровы.

На 7 марта были назначены дела по искам о передаче усадебной земли братом, односельчанином, а также по взысканию денег по разным основаниям. Определенный интерес вызывает иск крестьян деревни Лаврово Константиновской волости Кашинского уезда (ныне Кесовогорского района. – А.Г.) Ивана Васильева и Петра Федорова к крестьянам деревни Безумово о порубке ими сучьев в еловом лесу.

В дальнейшем были иски подобного характера, поэтому остановлюсь на делах Бокаревского волостного суда, которые представляют определенный интерес. В числе других 11 дел на 22 марта были назначенные дела по искам крестьян:

- Прасковьи Прокофьевой из деревни Струбищи к запасному старшему писарю односельчанину Ивану Гавриловичу Морозову в неисправной постройке ее дома и неуплате денег за проданную ему землю;
- Осипа Ефимова из деревни Бокарево к крестьянину сельца Стрижово Василию Арсеньевичу Белянину о взыскании 10 рублей за проданный участок леса. Интерес здесь вызывает тот факт, что кроме усадьбы, полевого надела, обычный крестьянин в 1893 году имел участок леса, который он мог свободно продать [139].

На 18 июля в числе других, было назначено дело по иску Аграфены Евграфовой из деревни Горбовец к крестьянам деревни Бережки Василию Иванову, Ивану Федорову, Василию Дмитриеву и Петру Петрову о снятии изгороди с ее усадьбы.

Запасной канонир из деревни Холм Владимир Гаврилов обратился с жалобой в суд на родного отца Гаврилу Антонова, что тот не давал ему навоза на поле. Навоз тогда ценился, помещики на разных условиях, обычно за 3–5 рублей, вывозили навоз с частных дворов крестьян на свои поля, оставляя крестьянские поля скудными на урожай.

Крестьянин сельца Сущево (Тараканово. – А.Г.) Никита Михайлович Сладков обратился с иском к обществу крестьян деревни Сабурово о взыскании денег за время стояния хлебного магазина на его земле [140].

В 1900 году Никита Михайлович Сладков был избран волостным старшиной вместо умершего Никиты Одинцова из деревни Савелиха. В том же году Сладкова избрали в земские гласные Бежецкого уезда. Он представил земскому начальнику список из 26 лиц, которые могли быть присяжными заседателями Бокаревского волостного суда в 1901 году. В список были включены четверо грамотных карел, имеющих собственность: Федор Кузьмич Кузьмин, 46 лет, из Акинихи, Степан Васильевич Васильев, 47 лет из Байков, Михаил Николаевич Николаев, 46 лет, из Гремячихи и Василий Федорович Федоров, 59 лет, из Муравьева. Как видим, все фамилии были записаны по отчеству [141].

Земский участковый начальник осуществлял надзор за работой волостного суда, проводя его ревизию не реже двух раз в год. Необжалованные решения волостного суда по распоряжению волостного старшины немедленно приводились в исполнение. Для лиц, осужденных к аресту, исполнение могло быть отсрочено до шести месяцев, чтобы в летнее время не было никакого непоправимого ущерба хозяйству. Наказание в виде ареста отбывали зимой, что сохраняло хозяйство от убытков. При осуждении к телесным наказаниям земский участковый начальник мог заменить его арестом или штрафом.

Глава IV

Владельцы мызы Подобино

Усадьба Неведомских в Подобино

Дерево держится корнями, а человек – семьей.

Деревня Подобино, что на дороге Городецко (Бежецк) – Рыбинск, была опустошена и разгромлена поляками в 1609 году. Ее восстановили через 100 лет, к 1710 году на месте пустоши Подобино Ивановского стана Бежецкого Верха находилось восстановленное сельцо – поместье Андрея Федоровича Карякина, 52 лет. С ним проживала жена, Екатерина Михайловна, 40 лет, сыновья: Петр – 7 лет, Григорий – 6 лет, Данила – 4 года и дочь Авдотья – 3 года. Кроме Андрея Федоровича сельцом Подобино тогда также владел Петр Алексеевич Карякин, 25 лет от роду, в доме жила его мать вдова Татьяна Ивановна, жена Алексея Карякина, от роду ей было в 1710 году 65 лет [142].

В 1710 году представители дворян Карякиных, кроме Ивановского стана, имели владения в Городецком и Мещерском станах Бежецкого Верха. В Городецком стане Юрий Иванович Карякин имел во владении полсельца Бонькино, а Василий Матвеевич – сельцо Бор. В Мещерском стане Автамон Алексеевич Карякин владел сельцом Чальцово, его сын Семен Автамонович имел три дома в сельце Новинок, третью сельца Новинок владел Юрий Яковлевич Карякин. Во владении Филиппа Григорьевича Карякина было новопоставленное сельцо Рылово, что в 4 километрах от Синево-Дуброва [143].

Известно, что в 1728 году сельцом Подобино по-прежнему владел А.Ф. Карякин, который спорил с попом села Кошево Карельское Иосифом Ивановым из-за карел, бежавших в карельский приход от Карякина, и по другим вопросам [144].

Анна Андреевна Герасимова, 1809 года рождения, в 17-летнем возрасте вышла замуж за отставного ротмистра Н.В. Неведомского. Дворянский род Герасимовых известен с 1636 года, он включен в список дворянских родов, внесенных в общий Гербовник Российской империи. Ее отец Андрей Иванович Герасимов храбро сражался во

время Отечественной войны 1812 года. В числе других деревень, ему принадлежала деревня Гостиницы, что в 3 верстах от Подобина.

Император Александр I своей грамотой от 24 января 1818 года пожаловал майору 19-го Егерского полка Андрею Герасимову орден Святой Анны четвертой степени за ревностную службу и отличие в сражении против французских войск 26 августа 1812 года при Бородине. В грамоте сказано, что во время сражения Герасимов проявил особенную храбрость, равным образом и во время других сражений. Орден ему был вручен в Санкт-Петербурге 31 августа 1818 года.

Муж Анны Андреевны Герасимовой ротмистр Николай Васильевич Неведомский родился 14 марта 1796 года в селе Зобнино Кашинского уезда Тверской области. Его судьба интересна и загадочна тем, что отцом был представитель очень знатного рода Василий Николаевич Зубов (27.12.1747–27.01.1824 гг.), который в престарелом возрасте, в 1793 году, бросил свою первую семью с детьми. Выкупил у помещицы М.В. Сумароковой молодую красивую дворовую девку Марию Емельянову, сделав ее наложницей, которая родила ему двоих сыновей – Николая 14 марта 1796 года и Василия в июле 1799 года.

Сыновья Николай и Василий получили фамилию Неведомские, так как были рождены вне брака от дворовой девки. В 1803 году В.Н. Зубов дал своей наложнице Марии Емельяновой вольную и выдал замуж за майора инвалидной команды Попова, который проживал в его доме. В скором времени инвалид Попов умер, мать Николая и Василия Неведомских Мария Емельянова оказалась дворянской вдовой.

В 1808 году В.Н. Зубов узаконил свои отношения с вдовой Марией Емельяновой. Их сын Василий Николаевич Неведомский служил на гражданской службе в Москве, после выхода в отставку приехал в имение матери Зобнино и служил исправником уездного суда Кашинского уезда Тверской губернии.

Николай Васильевич Неведомский после окончания Отечественной войны 1812 года продолжил службу в кавалерийском полку, выйдя в отставку в 1821 году. Сначала жил в имении матери селе Зобнино Кашинского уезда, затем на аукционе приобрел имение Подобино в Бежецком уезде. Их отец Василий Николаевич Зубов в 1820 году написал завещание, по которому все движимое имущество перешло сыновьям Николаю и Василию Неведомским [145].

Николай Васильевич Неведомский в 1826 году женился на Анне Андреевне Герасимовой, в 1830 году они всей семьей переехали

жить в купленное имение Подобино Бежецкого уезда Тверской губернии.

23 июня 1830 года Николай Васильевич Неведомский купил на аукционе в Москве имение Подобино с деревнями, проданное за долги владельца поручика П.А. Карякина. В купленное на аукционе имение Подобино отставной ротмистр Николай Васильевич Неведомский вместе с женой Анной Андреевной (Герасимовой) (06.02.1809–10.07.1870 гг.) переехал жить из Москвы в 1830 году. С ними были маленький сын Василий, 10 октября 1827 года рождения и дочь Прасковья 11 января 1829 года рождения. Осенью, 20 сентября 1830 году в Подобине у Неведомских родился второй сын Александр.

В 1841 году Н.В. Неведомский обратился с прошением в Московский опекунский совет о выдаче ему ссуды. Туда же в октябре 1841 года обратился бывший владелец имения Подобино Петр Александрович Карякин. В своем прошении он указывал на то, что имение Подобино перешло ему по наследству от покойного отца поручика Александра Петровича Карякина. Он же проиграл это имение и заложил его для продажи на аукционе. Его вместе с деревнями Рыльково, Холм, Колесники, Сосновка, Гостиницы и Илазверково, в которых по 7-й ревизии имелось 211 душ мужского пола, и принадлежащими к этим селениям земельными угодьями купил отставной ротмистр Н.В. Неведомский.

В представленной Московскому опекунскому совету описи Неведомский, кроме названных селений, указал присвоенные им пустоши: Кривцово, Песошня, Колесиха, Листвянка, Горицы, Рамешка (между карельскими деревнями Байки и Муравьево. – А.Г.), Подкидышево и Кувакино. Неведомский присвоил себе эти пустоши под тем предлогом, что они были заложены Карякиным вместе с селцом Подобино и деревнями.

По его, Карякина, прошению было произведено дело, по которому Бежецким уездным судом от 20 декабря 1832 года было решено, а Палатой гражданского суда от 10 сентября 1835 года, и наконец, 2-м департаментом Правительствующего Сената в 1837 году подтверждено, что Неведомский неправильно упоминает в своей собственности указанные пустоши.

Он, Карякин, не закладывал эти пустоши, они оставались свободными, они были распроданы им для погашения его частных долгов. Поэтому он просил Московский опекунский совет при рассмотрении

прошения Неведомского о выдаче ему ссуды, исключить из описи его собственности названные пустоши. Бывший владелец имения Подобино П.А. Карякин в октябре 1841 года проживал в сельце Колосово Юрьевецкого уезда Костромской губернии [146].

Со времени переезда Неведомских в Подобино, оно стало называться уже не сельцом, а **мызой**. Обычно в этой местности поместное поселение без церкви называли «*сельцо владельческое*». Но Подобино сами Неведомские, крестьяне соседних русских и карельских деревень, а также во многих официальных документах, почему-то называли «мызой», хотя так называли помещичьи усадьбы в Прибалтике и Ингерманландской губернии. Соседние карелы нередко называли помещиков «мызниками».

Понятие «мыза» произошло как от латышского слова «*miīza*», так и от финского слова «*moisio*». От этих слов было унаследовано еще при Петре I название усадьбы с хозяйством. Наиболее известными мызами в бывшей Ингерманландской губернии назывались Гатчинская, Никольская, Саарская (ныне город Пушкин) и другие мызы.

Возможно, так называли усадьбу в Подобино переселившиеся сюда с Карельского перешейка местные карелы, которые проживали в двух километрах от нее в карельских деревнях. У себя на прежней родине, они называли мызами обособленные помещичьи усадьбы с хозяйственными постройками. А возможно, Н.В. Неведомский решил назвать свою усадьбу по-питерски, где он когда-то служил. Во всяком случае, в списке населенных мест Тверской губернии по сведениям 1859 года Подобино названо «*мызой*», а не сельцом.

Николаю Васильевичу Неведомскому кроме мызы Подобино, принадлежали деревни *Гостиницы*, *Колесники*, *Рыльково*, *Сосновка* и *Холм*, которые он завещал после своей смерти жене Анне Андреевне Неведомской (Герасимовой). Деревней Колесники его жена владела до 1857 года, пока не передала ее дочери Прасковье Николаевне Дмитриевой-Мамоновой.

В списках населенных мест Тверской области за 1859 год о деревнях, которыми владел Н.В. Неведомский, сказано следующее:

- *Подобино* – мыза владельческая при речке Уйвешь, в 12 верстах от Бежецка, 4 двора, 31 душа мужского пола и 46 душ женского пола. Река Уйвешь, спустившись с возвышенности вблизи Рыбинского тракта у деревни Холм, небольшой рекою пробирается в ровных берегах, покрытых лугами слева от этого тракта,

если ехать от Бежецка. В Уйвешь справа впадают речки Сулешка и Каменка [147].

Речка Сулешка начинает свой путь в лесу возле села Сулега, речка Каменка берет начало между деревнями Гремячиха и Калиниха. В нее возле Поцепа впадает речка Теплинка, протекающая с запада от Петрайцева. Возле Душкова в Теплинку впадает речка Оносиха, которая охватывает Петрайцево с юго-востока. Неправы те составители современных карт, которые полагают, что река Уйвешь берет начало у села Сулега, во всех документах XIX века указано именно так, как и в исследованиях В.И. Покровского.

Рыбинская почтовая дорога проходила от Бежецка мимо мызы Подобино, через деревни Рыльково, Сабурово, далее – Пищалкино, Родионово и село Некоуз Ярославской губернии. Из дома Неведомских, что в 200 метрах от дороги, днем и ночью, хотя и нечасто, были слышны валдайские колокольчики почтовых троек, да редкие бубенцы дворянских экипажей. Это была нешумная дорога небольшого значения, с поворотами на проселочные дороги к Замыцкой Горе, Синеву-Дуброву, Кошеву Карельскому и Бокареву, а дальше уже начинался Кашинский уезд. Летом пыль облаками вилась над дилижансами, тарантасами и телегами, оседая густым слоем на экипажи, дорожные накладки, чемоданы и саквояжи. Зимой мороз забирался за воротники тулупов, а метель переметала тракт и засыпала путников снегом.

- *Головское* – погост при колодцах, 12 верст от Бежецка, 3 двора, 10 душ мужского пола и 12 душ женского пола, церковь православная.
- *Гостиницы* – владельческая деревня при колодцах, 13 верст от Бежецка, 18 дворов, 56 душ мужского пола и 66 душ женского пола. В 1710 году деревня Гостиницы принадлежали Федору Якимовичу, Якову Алексеевичу и Петру Алексеевичу Нееловым.
- *Колесники* – владельческая деревня при колодцах по правую сторону Рыбинского тракта в 17 верстах от Бежецка, посередине между селом Хонеево и деревней Бокарево, 12 дворов, 34 жителя мужского пола и 44 – женского пола.
- *Рыльково* – владельческая деревня, в 14 верстах от Бежецка, 20 дворов, жителей мужского пола 50, женского пола 65.
- *Холм* – владельческая деревня при ручье Пьянка, от Бежецка 15 верст, дворов 12, жителей мужского пола 39, женского пола 32.

- *Сосновка* – владельческая деревня при роднике, в 15 верстах от Бежецка, 7 дворов, 29 жителей мужского пола и 29 жителей женского пола.

На погосте в Головском были похоронены представители нескольких поколений Неведомских [148].

В Подобине у Неведомских, кроме Александра, родились еще девять детей:

- Дмитрий – 25 октября 1832 года рождения,
- Софья – 15 мая 1836 года рождения,
- Анна – 2 августа 1839 года рождения,
- Владимир – 11 июля 1844 года рождения,
- Наталья – 19 марта 1842 года рождения,
- Ольга – 23 декабря 1845 года рождения,
- Александра – 22 апреля 1847 года рождения,
- Константин – 29 сентября 1848 года рождения;
- Авдотья – 26 февраля 1851 года.

Всего у Неведомских было 12 детей, пять сыновей и семь дочерей.

Селения Квасово и Глазово принадлежали титулярному советнику Василию Васильевичу Неведомскому (1800–1844 гг.), младшему брату Николая Васильевича. Он был женат на Анне Петровне Постельниковой (1805–1857 гг.), у них в семье родились сыновья: Николай, 19 марта 1831 года рождения;

- Петр, 6 мая 1836 года рождения;
- Владимир, 28 апреля 1837 года рождения;
- Василий, 1 июля 1840 года рождения и Леонид, 4 февраля 1843 года рождения.

В 1710 году село Квасово принадлежало помещику Григорию Степановичу Суворову. Позднее оно перешло к Настасье Никитичне Жеребцовой (Нефедьевой), которая приходилась теткой графу Аракчееву. Ее поместье состояло из 820 десятин земли и 400 душ крестьян мужского пола. В 1837 году Жеребцова фиктивно продала землю с господским домом, всеми строениями и инвентарем бежецкому купцу Рогову, который, по преданию, был ее внебрачным сыном. В 1837–1838 годах Рогов продал это имение, вместе с 820 десятинами земли и 400 душами крестьян, Василию Васильевичу Неведомскому [149].

В 1710 году селом Глазово владели Иван Павлович и Федор Павлович Суворовы, в селе тогда находилась деревянная церковь Архистра-

тига Михаила. В селе двор помещиков, в нем сама помещица Мария Ивановна, жена Павла Суворова, от роду ей 40 лет [150].

В списках населенных мест Тверской области за 1859 год о деревнях, которыми владели Неведомские, сказано следующее:

- *Квасово* – село владельческое при колодцах, 20 верст от Бежецка, 16 дворов, 67 жителей мужского пола и 73 жителя женского пола.
- *Глазово* – село владельческое при колодцах, 20 верст от Бежецка, 12 дворов, 46 жителей мужского пола и 50 жителей женского пола, церковь православная.

20 июня 1847 года владелец мызы Подобино Н.В. Неведомский вновь обратился с прошением в Московский опекунский совет на получение ссуды. Он направил туда опись своего имения, где указаны его владельческие деревни: Подобино, 24 души мужского пола; Рыльково, 52 души; Холм, 42 души; Колесники, 24 души; Сосновка – 17 душ, Гостиницы – 22 души и Илазверково – 46 душ мужского пола, а всего 227 душ.

Земли пахотной 474,8 десятины, из них под огородами 128 десятин; сенокосной – 563,2 десятины; неудобий 53 десятины; дровяного леса 140 десятин, строевого леса 10 десятин. Намолачивает хлеба ржаного 60 четвертей, ярового – 360 четвертей [151].

3 октября 1853 года отставной ротмистр Н.В. Неведомский составил духовное завещание, по которому завещал все движимое и недвижимое имущество, землю и крестьян, ему принадлежавшие, своей супруге Анне Андреевне Неведомской с правом закладывать и перезакладывать недвижимое имущество, продавать его с землей и без земли. Крестьян она может отпускать на волю при достижении ими 25 лет. Выделять своим детям долю при вступлении их в брак из его имущество по усмотрению супруги [152].

Умер Н.В. Неведомский 8 октября 1853 года, был похоронен в селе Головском Бежецкого уезда. После его смерти вдова А.А. Неведомская 11 июля 1864 года продала перешедшее ей по наследству от мужа оставшуюся после распределения наделов крестьянам землю размером в 1168 десятин при селе Комарово Тарусского уезда Калужской губернии, а также 34 десятины земли там же в пустоши Сырково.

Эта земля состояла в общем владении с наследником Василием Васильевичем Неведомским – братом ее мужа. Она была ею продана за 18 тысяч рублей серебром московскому купцу Семену Федоровичу

Неокладному. Из них 10 тысяч рублей покупатель оплатил при совершении купчей, на остальные 8 тысяч купец Неокладной выдал два векселя по 4 тысячи серебром каждый. Один из них с уплатой через год, а второй – через два года со дня совершения купчей.

Свидетелями при совершении сделки были зятевья А.А. Неведомской, князя Михаил Иванович и Николай Иванович Хилковы, проживавшие в то время в Москве, и ее сын отставной поручик Александр Николаевич Неведомский. Он помогал матери на основании доверенности, данной ему Бежецким уездным судом 1 февраля 1861 года. А.Н. Неведомский в купчей засвидетельствовал, что вместе с землей были проданы все постройки и движимое имущество: скот, земледельческие орудия и сбруя, за исключением хлеба в закромах и хлеба на корню.

В купчей указано, что Анна Андреевна Неведомская вместе с сыном Александром Николаевичем проживала в Москве, Арбатская часть, 2 квартал, дом Плечико № 17 [153].

* * *

Николай Васильевич Неведомский в 16 лет, с началом Отечественной войны 1812 года, вступил корнетом в волонтерский полк. Волонтерские полки формировались в ряде губерний в августе-сентябре 1812 года.

Позднее Н.В. Неведомский оказался в партизанском отряде для действий в тылу французов. Вблизи города Дессау на берегу реки Эльбы партизанский отряд был разгромлен, Н.В. Неведомский в числе других попал в плен.

После освобождения из плена в 1815 году, Неведомский продолжил военную службу сначала в гусарском полку, затем в кирасирском полку. В 1821 году, в возрасте 25 лет, вышел в отставку в чине штабс-ротмистра и поселился сначала в имении матери селе Зобнино Кашинского уезда. Там стал писать стихи, басни и поэмы, восхваляя подвиги партизан Отечественной войны 1812 года.

Судьба Бежецкого, да и всего Тверского ополчения во время Отечественной войны 1812 года была трагичной. На 1 июля 1812 года по Бежецкому уезду насчитывалось 31484 владельческих души мужского пола. 23 июля в Твери собрались уездные предводители дворянства,

которые приняли решение о направлении в Тверское ополчение по 20 человек с каждых 500 владельческих душ. Это было необходимо для сбора новых сил по отражению вступивших в пределы Российской империи французских войск. По Бежецкому уезду в ополчение отобрали 1257 человек.

Многие бежецкие дворяне служили во 2-м пешем полку Тверского ополчения под командованием помещика Вышневолоцкого уезда генерал-майора Василия Ивановича Загряжского. Среди них были: штабс-капитан Дмитрий Федорович Карякин и поручик Петр Александрович Карякин, мичман флота, переименованный в поручики Николай Константинович Кузьмин-Караваев, капитан Петр Александрович Чаплин и поручик Иван Михайлович Чаплин.

10 ноября 1812 года Тверской гражданский губернатор Лука Семенович Кологривов просил предводителя Бежецкого дворянства Александра Суворова собрать и пожертвовать деньги на полушубки и тулупы для защитников отечества. А. Суворов письмом от 5 декабря сообщил предводителю Тверского губернского дворянства Сергею Алексеевичу Шишкину, что дворяне Бежецкого уезда предложили собрать с состоящих за ними душ 314 полушубков натурой.

Тверское ополчение было сформировано в полном составе в последних числах августа 1812 года и по приказу Московского генерал-губернатора Ростопчина двинулось из Твери к Москве. В Клину велено было остановиться и ждать дальнейших распоряжений, так как 2 сентября французы заняли Москву. Ополченцы вернулись в Тверь, где ждали распоряжений до начала ноября 1812 года. К тому времени они были снабжены ружьями, сумами и патронами, чего раньше у ополченцев не было.

В первых числах ноября Тверское ополчение последовало через Ржев и Белый к Смоленску. Прибыв в Белый, ополченцы получили приказ следовать в Витебск, где оно оставалось до конца января 1813 года. Многие ополченцы заразились от пленных французов разными болезнями и умерли в Витебске. В конце января Тверскому ополчению было велено выступить из Витебска отдельными полками в Ригу, Динабург, Дикимент, а также в местечки Корцяны, Крестинчен и Паланген Литовско-Виленской губернии.

Тверские ополченцы охраняли кордонную линию по Прусской границе, усмиряли крестьян Литовско-Волынской и Курляндской губерний, взбунтовавшихся против рекрутских наборов, а также про-

водили военнопленных от Прусской границы вглубь страны. При сопровождении пленных тверские ополченцы заражались от них различными болезнями и умирали. В результате этого из общего набора ополченцев по Тверской губернии 12 636 человек, в июле 1814 года были возвращены помещикам всего 4577 человек [154].

Во время Отечественной войны 1812 г. Тверской губернатор Л.С. Кологривов 7 сентября избрал город Бежецк для вывоза туда и сохранения дел и бумаг тверских присутственных мест. Город находился вдали от Московской дороги и от нашествия врагов, был расположен от Твери за лесами, в осеннюю пору дорога к нему от Кушалина была непроездной.

Имущество четырех тверских церквей привезли на хранение в Богословскую церковь Бежецка, церковную утварь Тверской Вознесенской церкви отвезли на хранение в село Присеки.

В октябре 1812 года в Вёсегонске Александр Петрович Оболенский формировал батальон для борьбы с французами. В батальон вступили 1000 ополченцев, среди них 82 несовершеннолетних ученика духовных училищ. Домой вернулись чуть более 400 ополченцев, в числе других умерли и погибли 14 учеников духовных училищ.

Вернулись домой в 1815 году ученики Бежецкого духовного училища: Афанасий Смирнов, Петр Соколов, Александр Невский, Николай Воздвиженский, погиб воспитанник училища Александр Покровский, ему было 18 лет. Когда ученики Бежецкого училища в 1812 году вступали в ополчение, старшему из них Афанасию Смирнову было 16 лет [155].

В Подобине Николай Васильевич Неведомский продолжал писать стихи и прозу, воспевая подвиги партизан Отечественной войны 1812 года. Печатался в журналах, несколько его произведений вышли отдельными изданиями. Современники считали Николая Васильевича Неведомского плодовитым баснописцем и писателем, хотя и не отличающегося талантом. Известна эпиграмма поэта Петра Колошина, написанная в 1819 году, на его поэзию: «Неведомский – поэт, неведомый никем, печатает стихи, неведомо зачем». Позднее эту эпиграмму стали приписывать А.С. Пушкину.

Стихи и прозу Н.В. Неведомского публиковали известные в то время журналы «Телескоп», «Молва», «Современник», «Москвитин», редактором которого был М.П. Погодин, а также отдельными изданиями, были опубликованы его произведения:

- поэма «Воин-поэт», М., 1819 год;
- песни и романсы, М., 1821 год;

- басни и сказки, СПб., 1822 год;
- поэма «Энеида», СПб., 1828 год;
- лирические поэмы, СПб., 1828 год;
- «Партизаны – описательная поэма», СПб., 1829 год;
- поэма «Деньги», сатира, СПб., 1833 год;
- поэма «Бурка», 36 стр., 1835 год.

Уроженец села Теблеши Бежецкого уезда Петр Александрович Плетнев, издававший после гибели Пушкина журнал «Современник», напечатал в нем «Отрывок из истории испанско-американских партизанов», в 1838 году, «Отрывки из истории партизанов Пиренейского полуострова», «Поэзию партизанской войны» Н.В. Неведомского в 1839 году. В то же время басни Неведомского были опубликованы в 1845 году в «Пантеоне русских баснописцев».

О поэте и писателе Н.В. Неведомском пишут и спорят, а где же поэт Петр Колошин, написавший на него эпиграмму? О нем известно лишь как о подполковнике русской армии, брате декабриста и авторе приведенной эпиграммы, а как поэт он неизвестен.

Дети Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

*Для матери дети милы не потому,
что красивы, а потому, что свои (кар.).*

Всего три поколения Неведомских успели пожить в своем имении Подобино до Октябрьской революции 1917 года: Николай Васильевич с женой Анной Андреевной, их дети и внуки.

Николай Васильевич Неведомский скончался 8 (20) октября 1853 года, он похоронен при Казанской церкви в селе Головское Бежецкого уезда в двух километрах от имения Подобино (ныне деревня Красный Октябрь Сонковского района. – А.Г.).

В 1856 году Анна Андреевна Неведомская подала прошение в Тверское дворянское собрание о причислении к роду Неведомских семерых ее детей. Тверское дворянское депутатское собрание 9 марта 1856 года заслушало ее прошение о причислении к роду Неведомских: Владимира 11.07.1844 года рождения, Константина 29.09.1848 года рождения, Ольги 23.12.1845 года рождения, Александры 22.04.1847 года рож-

дения, Евдокии 26.02.1851 года рождения, Натальи 19.03.1842 года рождения.

Собрание отметило, что кроме них у Неведомских были сыновья Василий, Дмитрий, Александр, а также дочери – Прасковья, Софья и Анна. Они уже были отнесены к роду Неведомских решениями Тверского дворянского собрания от 12 января 1830 года и 29 мая 1841 года. Собрание приняло решение о причислении указанных в прошении детей Николая Васильевича Неведомского к его роду, удостоверить их дворянское происхождение и выдать надлежащие документы.

10 сентября 1891 года, уже после смерти матери в 1870 году, председатель Бежецкой уездной земской управы К.Н. Неведомский на свой запрос получил письмо из канцелярии Тверского губернатора: «Препроводя при сем к Вашему Высокоблагородию возвращенную из Министерства копию с определением Тверского дворянского собрания за № 586 по предмету утверждения Вашего рода в дворянстве, покорнейше прошу о получении этого документа меня уведомить. Губернатор П.Д. Ахлестышев». К письму было приложено решение Тверского дворянского депутатского собрания от 9 марта 1856 года [156].

Дочери Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

Прасковья Николаевна (11.01.1829–08.04.1860 гг.) – старшая дочь Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских.

Прасковья Николаевна вышла замуж за дворянина коллежского советника Ипполита Александровича Дмитриева-Мамонова (1827–1875 гг.). Ее муж был чиновником низкого положения с небольшим окладом. В 1857 г. ее мать Анна Андреевна Неведомская (Герасимова) передала Прасковье Николаевне деревню Колесники. В 1859 г. во владельческой деревне Колесники при колодцах, что в 17 верстах от Подобина, было 12 дворов, в которых проживали 34 души мужского пола и 44 души женского пола.

Родная сестра Ипполита Александровича Софья Александровна Дмитриева-Мамонова вышла замуж за старшего окружного врача Бежецкого и Весьегонского уездов француза по происхождению Б.П. Делоне. Она являлась бабушкой Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой – героини французского сопротивления матери Марии в годы Второй мировой войны.

У Прасковьи Николаевны и Ипполита Александровича родились четверо детей, в том числе сын Александр Ипполитович и дочь Со-

фья, вышедшая замуж за фон Рутцен. Прасковья Николаевна умерла в 1860 году в возрасте 31 год, похоронена на родовом кладбище в селе Головское, на ее надмогильной плите была надпись: «*Прасковья Николаевна Дмитриева-Мамонова, урожденная Неведомская, родилась 11 января 1829 года, скончалась 8 апреля 1860 года*».

15 июня 1865 года Тверское губернское правление направило уведомление Тверскому губернскому предводителю дворянства о продаже имения Колесники Бежецкого уезда, принадлежавшее владелице коллежской регистраторше Прасковье Николаевне Дмитриевой-Мамоновой.

После смерти жены Ипполит Александрович женился второй раз на Елизавете Петровне Энгельгардт (Олениной) (1832–1922 гг.). Та родила мужу 5 детей, в том числе дочерей Прасковью и Дарью.

Софья Николаевна, родилась 28 мая 1836 года, скорее всего, замуж не выходила. Всю жизнь прожила в родительском имении, по воспоминаниям В.А. Неведомской (Корольковой), в 1912 году она была жива. Других сведений о ней пока не имею.

Анна Николаевна (15.08.1839–27.01.1892 гг.), в 1863 году вышла замуж за князя Михаила Ивановича Хилкова в село Синево-Дуброво, что в 7 километрах от Подобина. По сведениям за 1859 год Синево-Дуброво было владельческим селом при речке Величке, в 15 верстах от Бежецка, в 22 двора, в которых было 126 жителей мужского пола и 161 житель женского пола, в селе находились две православные церкви.

В 1710 году селом Синево-Дуброво владел сотник Василий Васильевич Заборовский. В селе находилась деревянная церковь во имя Богородицы Смоленской. Есть сведения о некоторых жителях села: Иван Кузьмич Хлебник, 29 лет, холост, Иван Герасимович Хлебник, 15 лет, холост, двор Леонтия Худякова пуст, он умер давно с ним жил племянник Иван Филиппов, за скудостью взят во двор помещика. За сотником Василием Васильевичем Заборовским находились деревни Постерегишино и Стрижово, а также пустошь Поросятники [157].

Согласно окладной книге за 1773 год село Синево-Дуброво принадлежало помещикам Савелову и Луниной – бабушке М.И. Хилкова, его братьев и сестер, которая имела около 500 душ мужского пола.

Михаил Иванович Хилков (05.12.1834–08.03.1909 гг.) родился в своем родовом имении 5 декабря 1834 года. В 1848 году юный Михаил Хилков, окончив Бежецкую гимназию, приехал из Синево-Дуброва в Санкт-Петербург и поступил учиться в одно из привилегированных в

то время учебных заведений для дворянства – Пажеский корпус, идя по стопам отца. Среди выпускников 1852 года М.И. Хилков особыми успехами не выделялся, карьеру свою начал в Егерском лейб-гвардейском полку, в 1857 году в звании штабс-капитана оставил военную службу. В 1861–1864 годах был мировым посредником в Бежецком уезде, в 1863 году женился на Анне Николаевне Неведомской, некоторое время они жили в Москве. В 1864 году вместе с женой и только что родившейся дочерью Ольгой уехал в Америку. Работал в Пельсильвании слесарем, кочегаром, помощником машиниста, машинистом паровоза. Жили с женой и дочерью на его жалованье два доллара в день.

В 1868 году вернулись в Россию, где Михаил Иванович, сначала служил мировым посредником 3-го участка Бежецкого уезда, затем прошел путь от машиниста паровоза до министра путей сообщения. Жили сначала в имении Синево-Дуброво, затем в Санкт-Петербурге, кроме дочери Ольги у них родились: дочь Анна, сыновья Степан и Михаил. 4 января 1895 года М.И. Хилкова назначили управляющим Министерством путей сообщения, а в апреле того же года – министром путей сообщения. На эту должность М.И. Хилкова рекомендовал его предшественник Сергей Юльевич Витте, ставший премьер-министром Российского правительства. Не последнюю роль сыграла дружба Михаила Ивановича с матерью царя Николая II Марией Федоровной, к которой он нередко приходил, проводил вечера, они вместе пили чай.

Умерла Анна Николаевна Хилкова (Неведомская) 27 января 1892 г., похоронена на кладбище села Синево-Дуброво Бежецкого уезда [158].

Наталья Николаевна, родилась 19 марта 1842 года, других сведений о ней пока не нашел.

Ольга Николаевна (23.12.1845–03.02.1901 гг.), в 1864 году вышла замуж за Николая Ивановича Хилкова, младшего брата Александра и Михаила Хилковых. В имении мужа Синево-Дуброво они жили непродолжительное время, в 1865 году переехали в Бежецк, где у них 26 апреля 1866 года родился сын Степан. В 1867 году они переехали в Винницкую губернию, там 1 июня 1869 года родилась дочь Прасковья. Оттуда семья перебралась в Санкт-Петербург, где Николай Иванович Хилков закончил свой жизненный путь после 1884 года, а Ольга Николаевна Хилкова (Неведомская) – 3 февраля 1901 года, похоронена в Санкт-Петербурге.

Александра Николаевна (22.04.1847–28.11.1904 гг.), вторая жена князя Михаила Ивановича Хилкова. У них 3 августа 1882 года, еще при жизни его жены Анны Николаевны, родилась внебрачная дочь

Евдокия, Хилков женился на Александре после смерти первой жены Анны. Похоронена она вместе с мужем М.И. Хилковым в селе Головское Бежецкого уезда.

Авдотья (Евдокия) Николаевна, родилась 26 февраля 1851 года, вышла замуж за Красова, умерла 22 ноября 1907 года, похоронена на кладбище села Головское, другими сведениями о ней пока не располагаю.

Сыновья Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

Василий Николаевич (10.10.1827–12.11.1899 гг.), получив образование, служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе. Затем был на службе обер-секретарем в Сенате, в департаменте государственных имуществ. С 1872 года являлся сотрудником «Русских ведомостей», с 1878 года полностью перешел к занятиям по переводам на русский язык английских и немецких историков.

Был женат на Надежде Алексеевне Семёновой, проживали в Москве, в Санкт-Петербурге, сведениями об их детях не располагаю. Жена Василия Николаевича Надежда Алексеевна (1832–26.01.1905 гг.) была певицей – сопрано из Санкт-Петербурга, взяла себе сценический псевдоним Динар. Проходила обучение в Париже, Лондоне и Милане, после учебы вернулась в Санкт-Петербург. Выступала в концертах, организованных А. Рубинштейном, гастролировала с концертами в Лейпциге, Турине, Генуе, Милане, Флоренции, Лондоне и Париже.

С 1873 года вместе с женой проживал в Москве.

Александр Николаевич, родился 03 октября 1830 года, отставной поручик, дворянин села Подобино, был в свое время корреспондентом газеты «Колокол», который создали и редактировали А.И. Герцен и Огарев. В 1861–1862 годах он служил мировым посредником Бокаревской волости Бежецкого уезда, где находилось имение его родителей. После освобождения из-под ареста с 1863 года проживал в Москве. Ему в этой книге посвящают отдельный параграф.

Дмитрий Николаевич, родился 25 октября 1832 года, другими сведениями о нем не располагаю.

Владимир Николаевич, родился 11 июля 1844 года, другими сведениями о нем не располагаю.

Константин Николаевич, родился 29 сентября 1848 года, был женат на Варваре Петровне Ушаковой (22.04.1850–30.05.1896 гг.). У них

родились дочери: Анна – 1878 года рождения, Варвара – 1882 года рождения, Елена – 1883 года рождения; сыновья: Владимир – 1886 года рождения и Николай – 1888 года рождения.

Варвара Петровна Неведомская (Ушакова) похоронена в селе Головское. Умер 4 января 1899 года в возрасте 50 лет, в этой книге Константину Николаевичу Неведомскому посвящая отдельный параграф.

Внуки Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа.

В дворянских семьях девочек и мальчиков с 5 лет обучали и воспитывали раздельно. С детьми занимались старшие члены дворянской семьи, няньки, гувернеры и учителя. Няни приставлялись к малышам сразу после рождения, они следили за правильным и своевременным питанием детей, их чистотой, чистотой белья и посуды. С мальчиками няни занимались до 5 лет, после чего к нему приставляли дядьку, который занимался обучением мальчика, его времяпрепровождением, катал его, играл с ним.

Няньки и дядьки назначались из числа крепостных душ, нередко были неграмотными. Они водили малолетних детей к родителям здороваться по утрам, прощаться по вечерам, благодарить за обед. Дети должны были держаться с родителями почтительно, называя отца и мать на «Вы». Родители стремились сделать так, чтобы их дети обладали широкими практическими знаниями, необходимыми им при последующей службе, нахождении в обществе и дома.

После реформы 1861 г. для обучения и воспитания дворянских детей нанимали гувернеров и учителей из числа дальних родственников, обученных людей, нередко – иностранцев. Пригодными к обучению считался ребенок с 7 лет, обучение и воспитание мальчика было направлено на служение Отечеству, умению как приказывать, так и повиноваться.

Девушки должны были овладеть хорошими манерами, изучать французский язык, учиться музыке и бальным танцам. Им внушали и практиковали соблюдение нравственных устоев, которым их приучала мать, учителя и гувернантки. Они должны были верить в Бога, молиться, почитать отца и мать, быть преданными монарху, прилично

вести себя в обществе. Девушки могли выходить на улицу лишь в сопровождении гувернантки, матери, старших родственников или лакея. На улице барышне нельзя было громко говорить и смеяться, вступать в разговор с незнакомым человеком. Недопустимо было дерзить родителям, вступать с ними в спор и беспокоить их по пустякам.

Но удел дворянской девушки – это замужество, материнство и домоводство. Ее положение в обществе во многом зависело от положения и богатства отца, а также от положения и богатства мужа.

Дети Прасковьи Николаевны Неведомской (Дмитриевой-Мамоновой)

Известна судьба сына и дочери Прасковьи Николаевны Неведомской и Ипполита Александровича Дмитриева-Мамонова.

Сын Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов (1847–1917 гг.) был политическим деятелем, ученым, писателем, получил титул графа. Прасковья Николаевна родила его в 18 лет. С 1877 по 1881 годы Александр Ипполитович находился на службе вице-губернатором Томской губернии, одновременно являясь там председателем губернского правления. С 1881 по 1885 годы – председатель губернского правления и вице-губернатор Тобольской губернии, а с 1885 по 1908 годы – Акмолинской губернии.

Избирался председателем Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Позднее служил чиновником Министерства путей сообщения при министре М.И. Хилкове, его свойственнике.

Был женат на Елизавете Алексеевне Семеновой, 1847 года рождения, пианистке. У них родились сыновья: Василий (1874 г.), Александр (1876 г.), Николай (1880–1905 гг.) и дочь Елизавета (1878–1910 гг.).

Так как после смерти в 1863 году генерал-майора Матвея Александровича, сына фаворита императрицы Екатерины II, графа с 1788 года Александра Матвеевича Дмитрия-Мамонова пресекался графский род Дмитриевых-Мамоновых, учитывая заслуги, в 1913 году Александру Ипполитовичу позволили пользоваться графским титулом с правом передачи его старшему в роду.

Александр Ипполитович составил описание Великого Сибирского пути, написал книги и брошюры по истории Сибири, в том числе: «Декабристы в Западной Сибири» (1895 год), «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири» (1905 год).

Дочь Софья Ипполитовна (1858–1929 гг.) вышла замуж за инженера Александра Николаевича фон Рутцен (1858–1933 гг.). Ее муж был депутатом Государственной Думы I созыва, после революции преподавал в Воронежском сельскохозяйственном институте. Их сын Николай погиб в Первую мировую войну 8 августа 1914 года. Другой сын Александр (1892–1938 гг.), после революции был руководителем плановой комиссии Центрально-Черноземной области, обвинен в шпионаже и расстрелян 16 сентября 1938 года.

Дети Анны Николаевны Неведомской (Хилковой)

У Анны Николаевны Неведомской и Михаила Ивановича Хилкова родились дочери Ольга и Анна, сыновья Степан и Михаил.

Ольга Михайловна Хилкова (30.07.1864–1911 гг.), вышла замуж за графа Константина Павловича Кутайсова (16.11.1876–22.03.1918 гг.). Она была старше мужа на 12 лет, сведений об их детях я не нашел. Константин Павлович Кутайсов окончил Пажеский корпус, дослужился до полковника и флигель-адъютанта свиты императора Николая II. В 1916 году после убийства Григория Распутина сопровождал великого князя Дмитрия Павловича в ссылку – действующую армию на Персидском фронте. Был убит большевиками 22 марта 1918 года в своем имении Шебекино Курской области.

Анна Михайловна Хилкова (12.10.1866–1905 гг.) вышла замуж за лейтенанта флота Владимира Дмитриевича Ермолова, другими сведениями о ней и их детях не располагаю.

Степан Михайлович Хилков (1869–1890 гг.), умер молодым в 21 год, каких-либо сведений о нем я не нашел.

Михаил Михайлович Хилков (1873–после 1919 гг.) оставался жить в имении родителей до 1919 года, дальнейшая его судьба пока неизвестна [159].

Дочь Александры Николаевны Неведомской (Хилковой)

Дочь Александры Николаевны Неведомской (Хилковой) и Михаила Ивановича Хилкова – Евдокия Михайловна Хилкова (03.08.1882–1966 гг.) вышла замуж за Владимира Карловича Чуберского.

Она была внебрачной дочерью князя Михаила Ивановича Хилкова от сестры жены Александры Николаевны Неведомской. Жена

М.И. Хилкова Анна Николаевна умерла в 1892 году, тогда внебрачной дочери Евдокии было уже 9 лет. После смерти жены М.И. Хилков вторично женился на ее сестре Александре Николаевне Неведомской. Высочайшим указом Правительствующего Сената от 4 апреля 1896 года малолетняя внебрачная дочь князя М.И. Хилкова Евдокия вступала во все права, законным детям принадлежащие.

Поэтесса, жительница города Гатчины Ольга Александровна Ваксель, 1903 года рождения, оставила воспоминания, рукопись которых хранится в музее А.А. Ахматовой в Санкт-Петербурге. В них она писала, что одной из приятельниц ее матери была Евдокия Чуберская, рожденная княгиня Хилкова. Была она очень некрасива, но обаятельна, в детстве ее не уберегли от черной оспы, и все ее лицо, несмотря на многочисленные попытки это исправить, было изрыто язвами. Она была несчастна в браке с Чуберским, жила с ним на разных половинах, мало занималась детьми. Ее дочь Паша Чуберская была одних лет с Ольгой Ваксель (1903 г. р.) и ее подругой. Ее брат Андрей только что родился (в 1907 году. – А.Г.).

Ее муж, Владимир Карлович Чуберский (1860–03.09.1932 гг.) окончил институт путей сообщения, работал инженером на железной дороге. Первым браком был женат на Елене Михайловне Васильевой, с Евдокией Михайловной Хилковой – его второй брак. В 1915 году Чуберский был назначен управляющим Московско-Виндавской железной дороги. В 1916–1917 годах работал начальником управления железных дорог Министерства путей сообщения. После Октябрьской революции 1917 года служил в белой армии на юге России, в 1920 году эмигрировал из Крыма в город Любляну. Умер 3 сентября 1932 года в Загребе, Хорватия, погребен в Любляне, Словения.

Имеются сведения о том, что Е.М. Чуберская-Хилкова в ночь на 9 февраля 1912 года, поссорившись с мужем, ранила себя из пистолета в левую часть груди. После развода с Чуберским вышла второй раз замуж за Кульчицкого, они жили в Брюсселе, где Евдокия Михайловна умерла в 1966 году и там же похоронена.

Дети Ольги Николаевны Неведомской (Хилковой)

Сын Степан Николаевич Хилков родился 26 апреля 1866 года в Бежецке, окончил институт инженеров железнодорожного транспорта. Женился на Марии Яковлевне Галлер, в 1898 году у них родилась

дочь Прасковья Степановна, которая вышла замуж за подпоручика Дмитрия Владимировича Ермолова. Умерла Прасковья Степановна в 1920 году в возрасте 22 года.

Степан Николаевич после окончания института инженеров железнодорожного транспорта строил Китайско-восточную железную дорогу, где с 1906 по 1911 годы был первым заместителем управляющего. Он умер 26 октября 1916 года в Петербурге, там же и похоронен. Его жена Мария Яковлевна Галлер покончила с собой в возрасте 50 лет 25 сентября 1923 года.

Дочь Прасковья Николаевна Хилкова родилась в Подольском уезде Винницкой губернии 1 июня 1869 года, вышла замуж за односельчанина из села Синево-Дуброво Федора Архипова. У них родились дети Мария (1892–1941 гг.), Степан, Ольга, Максим и Татьяна.

Сын Степан Федорович Архипов (1.11.1893–17.10.1937 гг.), был арестован в Киеве 11 августа 1937 года за антисоветскую деятельность, 16 октября приговорен к высшей мере наказания, расстрелян на второй день. Полностью реабилитирован 11 марта 1958 года.

Сын Максим Федорович Архипов (1899–1921 гг.), расстрелян в 1921 году в Керчи, после освобождения Крыма красными войсками от белогвардейцев.

Дочь Ольга Федоровна Архипова (1895–1918 гг.), вышла замуж за Сергея Александровича Линденберга (1885–1941 гг.), у них родились дети Александр и Елена.

Татьяна Федоровна Архипова (1901–1970 гг.) первый раз вышла замуж за драматурга Андриана Ивановича Пиотровского, второй раз – за Калашникова и стала носить его фамилию.

Прасковья Николаевна Архипова (Хилкова) умерла в 1936 году в Нижнем Новгороде, там же и похоронена.

Дети Константина Николаевича Неведомского

Старшая дочь *Анна Константиновна* (04.03.1878–10.04.1909 гг.) вышла замуж за дворянина, инженера путей сообщения Дмитрия Николаевича Иванова (1872–1928 гг.). У них родились пятеро детей, в том числе сыновья – Николай Дмитриевич, Константин Дмитриевич, Павел Дмитриевич, дочь Варвара Дмитриевна.

Варвара Константиновна родилась в 1882 году, вышла замуж за дворянина Бентковского, другими сведениями о ней не располагаю.

Елена Константиновна родилась в 1883 году, другими сведениями о ней не располагаю.

Сын *Владимир Константинович* (04.05.1886–10.12.1920 гг.), окончил Николаевский кадетский корпус, находился на военной службе, проживал в Санкт-Петербурге на Сенной площади, в доме Апари, снимал квартиру Меликовой. В 1906 году обучался в Санкт-Петербургском технологическом институте. Уволился с военной службы в 1911 году, уехал в свое поместье Подобино, где управлял им до 1915 года. Его молодая жена Вера Алексеевна Неведомская (Королькова) мечтала о художественной славе и изучала живопись.

В 1915 г. во время Первой мировой войны был произведен в офицеры из вольноопределяющихся, имел звание штабс-капитана конной артиллерии, служил в Финляндии. В мае 1919 г. из Финляндии прибыл в северный корпус, получил звание подполковника. Служил в белой русской армии до эвакуации ее из Крыма в ноябре 1920 г. Жена Вера Алексеевна эвакуировалась за границу на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Владимир Константинович не смог эвакуироваться, остался в Крыму, был расстрелян большевиками в Феодосии 10 декабря 1920 г.

Феодосийский порт оказался самым неудачным в сравнении с другими портами, по организации эвакуации. На суда не смогли погрузиться 1-я Кубанская казачья дивизия и Терско-Астраханская бригада Кубанского казачьего корпуса. В городе вынужденно оставались тысячи белогвардейцев и казаков, желавших эвакуироваться. Передовые части Красной Армии вошли в Феодосию вечером 14 ноября 1920 года, в ночь на 17 ноября на железнодорожном вокзале ими были расстреляны первые 100 раненых офицеров и солдат Виленского полка. Тех, кто служил в белой армии, расстреливали немедленно. Тем, кто служил и белым, и красным в годы Гражданской войны, предлагали вступать в Красную Армию, в случае отказа также расстреливали.

Сын *Николай Константинович* (1889–1935 гг.) женился на Любови Федоровне Будищевой (1889–1949 гг.). У них родились дети – Константин (1910 г.), Елена (1912–1998 гг.), Евдокия (1913–1914 гг.), Ирина (1915–1989 гг.).

После смерти в 1935 году Николая Константиновича Неведомского, его жена Любовь Федоровна вышла замуж второй раз за Мыльникову, скорее всего, одного из потомков мирового посредника Бежецкого уезда. Елена Николаевна Мишнева (Неведомская) переживала блокаду вместе с маленькими детьми до февраля 1943 года. Ее муж рабо-

тал на заводе, одновременно состоял в рабочем батальоне. В феврале 1943 года Елену Николаевну с детьми эвакуировали в село Коробейниково Алтайского края. После войны она окончила Калининский пединститут, работала учителем математики и физики в школе города Кимры Калининской области.

Мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский

Труднее нажить добрую славу, чем дурную (кар.).

Александр Николаевич Неведомский осенью 1861 года был утвержден в должности мирового посредника 3-го участка Бежецкого уезда. К 3-му участку относились Алешковская, Бокаревская, Дельковская, Крупицкая, Ременниковская (Могочская. – А.Г.), Сулежская и Яковлевская волости.

Основным направлением деятельности А.Н. Неведомского, как мирового посредника, являлось проверка, утверждение, а то и составление *уставных грамот* между крестьянами и помещиками. В уставной грамоте записывали основные условия договора между сельской общиной и помещиком, в том числе:

1. Уезд, волость, сельское общество, селение, какому помещику оно принадлежит.
2. Число душ мужского пола по 10-й ревизии, проживающих в этом селении. Сколько из них подлежат наделу, сколько не подлежат, так как значатся в селении, а проживают в другой местности, или отказались от наделов по разным причинам.
3. Отдельно, сколько было земли в пользовании крестьян и в пользовании помещика до принятия Положения 1861 года.
4. Какой высший надел, установленный для данной местности, можно предоставить одной ревизской душе, сколько дополнительно земли надо предоставить каждой ревизской душе, чтобы довести до высшего предела.
5. Какие именно участки земли надо изъять у помещика и передать их крестьянам селения.
6. Записать в уставной грамоте оставление за крестьянами их усадебной оседлости, а также передачу сельской общине ответственность за водопой, выгоны, дороги и мосты.

7. Определить порядок перехода крестьян от барщины к оброку, сумму подушевого оброка и порядок его внесения через помещика.

Мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский умело вел переговоры по соглашениям между помещиками и крестьянами. Так, доверенное лицо помещицы села Новое Котово Алешковской волости Воропаевой губернский секретарь Благовещенский обратился с просьбой к Неведомскому приехать в село и составить уставную грамоту. Ранее крестьяне не соглашались с предложением помещицы Воропаевой касательно полевых наделов. После беседы с ними мирового посредника Неведомского 26 и 27 ноября 1861 года, крестьяне миролюбиво согласились на его предложения [160].

В качестве примера можно привести мирской приговор крестьян селца Карельский Городок Алешковской волости от 27 ноября 1861 года. В тот день мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский встречался с жителями этого селения. Доверенный помещика генерал-адъютанта Владимира Максимовича Шварца Иван Иванович Шаров предложил крестьянам села на мирском сходе оставаться на издельной повинности в будущем 1862 году или перейти на оброк соответственно наделу земли, который будет отведен по грамоте весной 1862 года. Мирской суд единогласно объявил, что они согласны с будущего, 1862 года, перейти на установленный оброк с тем, чтобы первую половину оброка уплатить к 1 июня 1862 года, вторую половину – к 1 января 1863 года. А до 1862 года отбыть издельную повинность, как отбывали ранее. Подписал мирской приговор староста Ефим Карпов, его подпись засвидетельствовал Алешковский волостной старшина Антип Андреев [161].

Нужно отметить, что генерал-адъютант В.М. Шварц, в то время начальник артиллерии в Царстве Польском, известный, как активный участник подавления польского восстания 1863–1864 годов, владел также селом Юрьевым Чистинской волости Весьегонского уезда Тверской губернии с деревнями: Березье, Веригино, Запрудье, Тавнежи, Устровка и другими. Все они находились в 30–35 верстах от Карельского Городка, сейчас на территории Сандовского района Тверской области.

На имя мирового посредника Неведомского поступало достаточно много писем и обращений от помещиков с просьбой помочь получить от крестьян неуплаченный оброк и другим вопросам.

На предписание А.Н. Неведомского от 21 ноября 1861 года направить собранные деньги в качестве недоимки по оброку помещице

Шатуновой, Сулежский волостной старшина Иван Иванов 1 декабря доносил мировому посреднику, что он собрал недоимки оброка с крестьян деревни Ханино, принадлежавших этой помещице. Но до сих пор не послал ей деньги потому, что один крестьянин деревни не вернулся с заработков и не уплатил недоимку. Всего в деревне Ханино 29 ревизских душ, тягол 14,5, пахотной и сенокосной земли у помещицы 86 десятин. С 1859 года крестьяне деревни Ханино платят оброк по 25 рублей серебром с каждого тягла. До 1859 года крестьяне были на смешанной повинности – платили оброк по 50 рублей ассигнациями и отправляли издельную повинность [162].

Тягло в данном случае – число хозяйств или семей, каждое из которых обрабатывает барскую землю отдельной группой. При этом каждого женатого крестьянина считали целым тягловым работником, а холостого крестьянина мужского пола с 15 до 17 лет, а также с 55 до 60 лет – половинно-тягловым.

Рубль серебром называли монету из серебра достоинством в 1 рубль, он был в обращении до 1897 года. Бумажные ассигнации были дешевле, один рубль серебром равнялся обычно 4 рублям ассигнациями.

Мировой посредник получал поручения от Тверского губернского по крестьянским делам присутствия. Так 20 ноября 1861 года председатель присутствия просил Неведомского узнать, каким образом село Юрятино Крупницкой волости стало принадлежать помещику Петрову. Чтобы выполнить это поручение, мировой посредник поручил Крупницкого волостного старшину опросить крестьян деревни Юрятино, знают ли они, каким способом и от кого именно деревня досталась помещику Петрову. Самого помещика в уезде не было, где он находился – неизвестно.

Крестьяне сказали волостному старшине Трифону Макаровичу Нечаеву, что помещик Петров живет в селе Щебрино Боровицкого уезда. Деревня Юрятино досталась ему по купчей крепости около 1855 года от помещицы Веры Дмитриевны Николаевой [163].

Нередко к Неведомскому обращались за защитой крестьяне разных деревень. Например, вдова крестьянина Герасима Васильевича Абрамова из деревни Воронья Нога попросила его защитить от волостного старшины, который приказал описать ее дом и все имущество. На поручение мирового посредника Крупницкий волостной старшина Трифон Нечаев сообщил, что после смерти двух родных братьев Василия и Макара Абрамовых имущество все осталось у вдовы Герасима

Василисы Абрамовой. Крупницкий волостной суд присудил в пользу второй вдовы Дарьи Яковлевны, по общему их согласию, имущество после мужа Макара Абрамова – 65 рублей денег, начальный тулуп и одну четверть ржи. У Василисы Абрамовой оставалось 65 рублей денег и одна четверть ржи, также в пользу ее детей Елизаветы, 15 лет, и Прасковьи, 12 лет, поступило 212 рублей денег серебром, 10 четвертей ржи, 3 четверти овса, синий крытый тулуп и полушубок. Он, как волостной старшина, исполняет решение волостного суда [164].

Крестьяне деревни Марково, что была на земле помещика Шевякова, пожаловались А.Н. Неведомскому, что помещик не разрешает рубить лес на дрова. Помещик Шевяков дал объяснение мировому посреднику, что он дозволил крестьянам рубить лес на дрова в трех пустошах в Бежецком уезде. Также в его лесах на территории Весьегонского уезда в одной пустоши он дозволил обрубать сучья на дрова снизу дерева вверх, как могут, стоя на земле, достать топором. Также дозволил на другой пустоши собирать сучья и вершины от срубленных деревьев на разрешенные крестьянские постройки.

Но если они желают отвода им на дрова леса с корня в других пустошах, то этого никогда им не позволялось, и он позволить не может. Если бы позволялось, то за 15 лет его владения, весь лес был бы истреблен. Он сообщал, что крестьяне деревни Марково имеют значительный запас дров.

Тот же помещик Шевяков на запрос мирового посредника Неведомского отвечал, что его дворовая девка Дарья Галактионова не заплатила ему оброк с весны 1860 года до весны 1861 года – 18 рублей серебром, а с марта 1861 по март 1862 года – еще 10 рублей серебром. Если мировой посредник Неведомский примет на себя обеспечение платежа недоимки по оброку, то в выдаче ей паспорта у него, помещика Шевякова, препятствий нет [165].

Не только помещик Шевяков, но и другие хозяйственные помещики берегли лес, разрешали брать на дрова лишь валежник и буреломный лес, но стоячий, даже сухостой, рубить на дрова не разрешали.

23 ноября 1861 года Тверское губернское по крестьянским делам присутствие направило письмо кандидату в мировые посредники 3-го участка Жолобову в отношении выкупа крестьянами деревень Холм, Сосновка, Гостиницы и Рыльково земель помещицы Анны Андреевны Неведомской на основании уставных грамот. А.Н. Неведомский не мог принимать решения по этому письму, так как речь шла о его матери.

В письме поручалось внести некоторые поправки и коррективы в уставные грамоты. Во-первых, в деревню Сосновка поступил рядовой Михаил Филиппов, получивший в этом селении земельный надел с согласия крестьян и помещицы. За этот надел по выкупному договору и мирскому приговору сельского общества деревни Сосновка испрашивалась из казны ссуда. Во-вторых, по всем четырем заявлениям помещицы не обозначено, какого достоинства пятипроцентные билеты желает она получить в счет выкупной ссуды [166].

* * *

А.Н. Неведомский служил мировым посредником 3-го участка Бежецкого уезда всего несколько месяцев, покинув эту должность по следующим причинам.

Александр Николаевич Неведомский был арестован 16 февраля 1862 года и заключен вместе с другими 12 посредниками и дворянами в Петропавловскую крепость по «делу тверских посредников». Судом Сената 21 июня 1862 года Александр Николаевич Неведомский был приговорен к 2 годам и 2 месяцам лишения свободы в смиренном доме, 13 июля переведен из Петропавловской крепости в исправительное заведение.

Через 9 дней, 22-го июля, в день именин императрицы, заключенным объявлено было высочайшее помилование и все они освобождены, проведя под арестом около 5 месяцев. А после прошения, поданного на имя императора, тверским дворянам милостиво разрешили вернуться к общественной службе. А.Н. Неведомского разжаловали со звания отставной поручик в рядовые, с направлением на определенный срок в линейные войска.

После покушения на императора Александра II дворянином Каракозовым 4 апреля 1866 года, Александр Николаевич Неведомский был вновь арестован. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» в № 228 от 1 октября 1866 года перепечатала сообщение из газеты «Московские новости».

В ней говорилось о заседании уголовного департамента судебной палаты по делу о рядовом Неведомском, ранее судимом за произнесение дерзких, оскорбительных слов против императора. По окончании допроса Неведомского публику выгнали из зала заседаний и двери

судебного присутствия затворили. Когда было сделано все для осуждения подсудимого, публика была вновь допущена. Председатель зачитал приговор, которым Неведомский признан виновным в произнесении дерзких, оскорбительных слов против государя, а также в поддержку тех, кто покушался на императора 4 апреля 1866 года. На основании ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции 1866 года, он был приговорен к 6,5 годам каторжных работ на заводах [167].

Я лично уверен в том, что речь шла именно об Александре Николаевиче Неведомском, который в то время проживал в Москве, Арбатская часть, 2-й квартал, д. Плечико, 17. Он был корреспондентом газеты «Колокол», не случайно, сообщение о деле Неведомского издатели вынесли в оглавление газеты, как наиболее важную новость.

На каторжные работы направлялись за самые тяжкие государственные преступления, этот вид наказания по своей тяжести стоял после смертной казни. В то время каторжные работы подразделялись на рудниковые, крепостные и заводские. Направляя каторжан на заводские работы, государство тем самым снабжало заводы даровыми рабочими.

А.Н. Неведомского судили в одно время с группой террориста Каракозова из 32 человек, те из них, кто был приговорен к каторжным работам, отбывали наказание на Петровском железоделательном и Усольском солеваренном заводах Иркутской губернии. Не исключено, что А.Н. Неведомский был направлен туда же, и окончил свой жизненный путь на каторжных работах, поэтому сведений о его смерти нигде не обнаружено. Тяжелые работы в невыносимых сырых условиях, большое скопление каторжан в промерзших грязных бараках, жестокое обращение с ними начальства приводили к массовым болезням и смертям.

Нужно отметить, что по закону от 18 апреля 1869 года каторжане из европейской части России, из-за отсутствия работ на сибирских заводах, в Сибирь не отсылались, а помещались в каторжные тюрьмы-централы. В европейской части России насчитывалось 7 таких тюрем-централов, за Уралом еще 3 централа. Отбывшие в них срок заключения, равный сроку назначенных каторжных работ, каторжане отсылались в Сибирь на поселение.

Возможно, следы А.Н. Неведомского затерялись на одном из сибирских заводов, если его успели доставить туда до закона от 18 апреля 1869 года, или в одной из тюрем-централов европейской части России,

или где-то на поселении в Сибири. Последствиями осуждения к каторжным работам была полная потеря прежнего правового статуса с прекращением семейных и имущественных отношений.

После ареста сына Александра в 1866 году его мать Анна Андреевна переехала жить из Москвы в имение Подобино. Александру Николаевичу Неведомскому не суждено было хоронить свою мать, которая умерла в своем имении 10 июля 1870 года. После смерти матери в ее оставшуюся квартиру в Москве переехал жить старший сын Василий Николаевич вместе с женой Надеждой Алексеевной Семеновой.

После событий февраля 1862 года Тверское губернское по крестьянским делам присутствие, под председательством губернатора П.Т. Баранова, приняло общий порядок действий для мировых посредников и должностных лиц сельского управления. В числе других общих положений было включено понятие «*благонадежность*», которого в Общем Положении об освобождении крестьян от крепостного права нет.

«При разверстании земли между домохозяевами сельское общество может назначить каждому участок, соразмерный с силами и *благонадежностью* домохозяина. В случае неблагонадежности домохозяина сельское общество может назначить на его место другого из семейства. Сельское общество имеет право не позволять разделов в семействах» [168].

Оппонент мирового посредника А.Н. Неведомского

*День хвали вечером,
а жизнь – в старости (кар.).*

Одним из оппонентов мирового посредника А.Н. Неведомского выступал помещик имения Замыцкая Гора (Ульянова Гора) Новской волости Бежецкого уезда штабс-ротмистр Николай Федорович Апыхтин (1821–1875 гг.). Сельцо *Замыцкая Гора (Ульянова Гора)* располагалось в 7 километрах от Бежецка по левую сторону Рыбинского тракта, в 1859 году в нем было 5 дворов, 26 жителей мужского пола и 28 жителей женского пола. Рядом с сельцом находился погост Ульянова Гора с 6 домами, 7 жителями мужского пола и 10 жителями женского пола. Кроме Замыцкой Горы Апыхтины владели сельцом Павшино Яковлевской волости Бежецкого уезда, которое находилось в 25 вер-

стах от Бежецка по левую сторону Весьегонского тракта, в нем 3 дома, 16 жителей мужского пола и 30 жителей женского пола.

Усадьба Н.Ф. Апыхтина Замыцкая Гора располагалась в 5 километрах от Подобина, а одна из его владельческих деревень Петрищево – в 3 километрах от Подобина. По данным за 1859 год во владельческой деревне Петрищево было 7 дворов, 24 жителя мужского пола и 28 жителей женского пола. Эту деревню после 1861 года сначала отнесли к Бокаревской волости, а позднее – к Новской волости [169].

Николай Федорович Апыхтин родился в 1821 году, обучался в Московском кадетском корпусе, по окончании которого 19 марта 1835 года в возрасте 14 лет поступил на службу в Малороссийский гренадерский генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского полк прапорщиком. Через два года был переведен в Ямбургский уланский полк. 7 июня 1839 года произведен в поручики, служил еще 10 лет, уволен со службы 7 марта 1849 года в звании штабс-ротмистра.

15 января 1851 года вступил в должность дворянского заседателя Бежецкого уездного суда, находился на службе до вступления в народное ополчение 20 ноября 1855 года. Был в ополчении до 15 марта 1856 года, с 25 октября того же года вновь вступил в должность дворянского заседателя Бежецкого уездного суда.

У Николая Федоровича Апыхтина был брат Михаил, 15 мая 1819 года рождения, он женился на дворянке Наталье Евгеньевне Суворовой. Также был брат Иван, 23 мая 1824 г. р.; сестра Елизавета, она вышла замуж за дворянина Рыкачева, сестра Мария и сестра Анна. Анна Федоровна Апыхтина вышла замуж за Ивана Федоровича Львова, у них родились дети: сыновья Федор, 28 февраля 1836 г. р.; Алексей, 4 августа 1837 г. р.; Александр, 21 января 1839 г. р.; дочери Юлия 11 мая 1840 г. р. и Людмила – 26 августа 1846 года рождения.

Это была не слепневская, а другая ветвь многочисленного рода Львовых. Владельцы деревни Слепнево Лев, Варвара и Анна родились в браке их отца Ивана Львовича и матери Юлии Яковлевны Львовых.

Николай Федорович Апыхтин женился на дочери умершего штабс-ротмистра Николая Александровича Бешенцева – Елизавете Николаевне, сестре Сергея Николаевича Бешенцева. У них родились дети: сын Александр 25 мая 1854 года, дочь Ольга 14 августа 1856 года, сын Николай 29 августа 1859 года и дочь Анна 16 июня 1860 года [170].

21 марта 1861 года Тверской губернатор П.Т. Баранов направил Н.Ф. Апыхтину письмо: «По случаю обнародования Высочайшего

Императорского Величества Манифеста о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и на основании, утвержденного на этот предмет Положения, открываются ныне должности мировых посредников.

Принимая во внимание особую важность и значение этих должностей, и имея в виду, что от выбора лиц в Мировые Посредники будет зависеть успех всего этого дела, я имею честь покорнейше просить Вас почтить меня уведомлением, не изъявите ли Вы согласие на принятие означенной должности в том участке Бежецкого уезда, в котором находится Ваше имение.

Уверенный, что Вы принимаете самое живое участие в деле освобождения крестьян из крепостной зависимости и, не сомневаясь во всегдашней готовности Вашей принести посильные труды на пользу общества, я надеюсь, что в настоящем случае Вы не откажетесь принять на себя звание Мирового Посредника или, по крайней мере, позвольте иметь Вас в виду кандидатом на эту должность, и в таком случае прошу Вас доставить мне ныне же документ о Вашей службе. Подпись: губернатор П.Т. Баранов» [171].

Через неделю, 28 марта 1861 года Н.Ф. Апыхтин направил Тверскому губернатору П.Т. Баранову формулярный список о своей службе с сопроводительным письмом: «Милостивейший государь Павел Трофимович. Имел удовольствие получить от Вас столь лестное для меня письмо от 21 марта сего года, в котором Вы желаете узнать мое согласие на принятие должности Мирового Посредника или, по крайней мере, кандидата. Вполне постигаю, что значение этой должности сопряжено с немалым трудом и деятельностью принимающего эту обязанность, и состоит совершенно в благородном стремлении исполнить предприятие Государя Императора, даровавшего России новую жизнь в будущем. На этом убеждении я священной обязанностью ставлю себе, принять посильный труд свой в пользу общества, и вполне уверен, что как приглашение Ваше, а равно и доверие дворян, предлагавших мне, будет мною, сколько от меня только зависит, по возможности оправдано.

Формулярный список о службе моей имею честь Вам при сем предоставить. Подпись: Н.Ф. Апыхтин» [172].

Однако желание дворянина Николая Федоровича Апыхтина стать мировым посредником по своему участку не осуществилось. Мировым посредником 3-го участка Бежецкого уезда был назначен его сосед по имению А.Н. Неведомский из Подобина. 13 июля 1861 года Тверской

губернатор П.Т. Баранов возвратил Апыхтину его документы с сопроводительным письмом: «За утверждением Правительствующим Сенатом мировых посредников по Бежецкому уезду и за назначением к ним кандидатов, считаю долгом возвратить доставленный мне документ о службе Вашей, впредь до могущей надобности, и прошу принять уверение моего к Вам почтения и преданности. Подпись: губернатор П.Т. Баранов» [173].

С этого времени во время своих выступлений на собраниях дворян в Бежецке, Теблешах, Рамешках и других селениях Апыхтин стал обвинять своего оппонента А.Н. Неведомского в излишней защите им крестьян. Об этом он также писал письма в разные инстанции, в том числе в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие. Он писал: «Господин Неведомский проводит произвольные действия, вынося все дела исключительно в пользу крестьян. Этим самым он желает заслужить от народа неограниченное доверие к званию Мировых Посредников. Защита крестьян, по мнению Неведомского, необходима, так как дворяне имеют больше прав и средств для своей защиты, и могут сами себя защитить. Но у дворянства в продолжении этого года права по своей защите были отняты. Дворяне жаловались мировому съезду, а он состоит из тех же лиц, и решения оставались в пользу крестьян. Жалобы дворян оставались без последствий, либо возвращались мировым посредникам для пересмотра. Дворянство усматривает, что мировым учреждениям нельзя лишать себя справедливой законной защиты» [174].

Н.Ф. Апыхтин искал возможность обвинить Неведомского даже в том, чего он не совершал. В 1864 или 1865 году он направил статью в газету «Московские Ведомости» о пожаре в его имении Замыцкая Гора: «Поджигатель, желавший поживиться во время пожара, был свой человек из дворовых людей, которых взрослых и еще живущих в усадьбе, и отказавшихся получить увольнительные акты до срока, оставалось до 10 человек. Мое подозрение пало на дворовую девку, поведения чрезвычайно нехорошего и воровку, никогда ни в чем не сознающуюся. Года за 4 до отмены крепостного права она была застигнута в преступлении, но я от суда над ней отказался.

В этот раз загорелась кухня, мы заливали ее водой и старались спасти от пожара 29 деревенских домов, покрытых соломой. Усадьба находится в 8 верстах от города, но исправник и становой долго не приезжали разбирать дело о поджоге. Они заявили, что пожар произошел от перегрева

печной трубы, поджога не было и виновницу к ответственности они не привлекли. Оба они вступили в должность по ходатайству бывшего мирового посредника Неведомского из числа его агентов» [175].

Имеются сведения о работе кузницы, принадлежащей Н.Ф. Апыхтину в сельце Замыцкая Гора, за 1863 год. Одним из основных видов работ была подковка лошадей, стоимость одной подковы вместе с работой составляла 10 копеек. За январь 1863 года было подковано 18 лошадей, из них 10 – на все четыре подковы, остальные – на две подковы. За февраль подковано 8 лошадей, за март – 4 лошади, апрель – 2 лошади.

Кроме подковки лошадей в кузнице помещика Апыхтина проводились работы по наварке сошников, наварке топоров, изготовлению гвоздей и петель, оковка дубовых колес на кареты, одры и телеги, другие кузнечные работы. Всего за 1863 год в этой кузнице произвели работ на сумму 34 рубля 36 копеек [176].

Исправляющий должность Бежецкого уездного предводителя дворянства Абрам Егорович Нефедьев 25 июня 1862 года направил Н.Ф. Апыхтину письмо: «Начальник Тверской губернии просит Вас направить документы о службе для утверждения в должность кандидата Бежецкого уездного предводителя дворянства». Через два дня Н.Ф. Апыхтин доставил в Бежецк документы о своей службе вместе с сопроводительным письмом [177].

3 марта 1863 года Николай Федорович Апыхтин был определен судьей Бежецкого уездного суда. С 13 мая 1863 года по 1866 год исполнял обязанности предводителя Бежецкого уездного дворянства [178].

В марте 1871 года Тверской губернатор Афанасий Николаевич Сомов сообщил Н.Ф. Апыхтину, что указом Правительствующего Сената от 8 марта того года он утвержден кандидатом в Мировые Посредники Бежецкого уезда [179].

Умер Н.Ф. Апыхтин в 1875 году, 28 ноября того же года помещица вдова Елизавета Николаевна Апыхтина передала безземельному крестьянину Горскому в аренду всю без остатка пахотную и сенокосную землю в сельце Павшино Яковлевской волости Бежецкого уезда сроком на 10 лет. Вместе с землей она передала в аренду все усадьбные строения, рабочий рогатый скот, хозяйственные принадлежности. По договору крестьянин Горский был обязан выплачивать Апыхтиной в первые четыре года по 300 рублей серебром в год, в последующие 6 лет – по 400 рублей серебром в год за аренду земли и всех переданных ему строений [180].

Председатель земской управы К.Н. Неведомский

*Не суди о человеке по одежке,
о книге – по обложке (кар.).*

Константин Николаевич Неведомский был предводителем Бежецкого уездного дворянства и председателем Бежецкой уездной управы с 29 сентября 1889 года до своей смерти 4 января 1899 года, не взяв за все годы работы ни одного отпуска.

К.Н. Неведомский родился 29 сентября 1848 года, воспитывался в Московской классической гимназии и вышел из 6 класса.

В 1876 году он женился на Варваре Петровне Ушаковой, дочери подполковника Петра Степановича Ушакова – помещика сельца Окулово Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. Она была двоюродной сестрой по отцу владельцу имения в селе Беляницы Алексею Никитичу Татищеву.

Незадолго до свадьбы, 17 марта 1876 года нотариус города Ярославля совершил акт раздела и был заключен договор о разделе недвижимого имущества, оставшегося от подполковника Петра Степановича Ушакова. В числе наследников были: девица Варвара Петровна Ушакова, поручик 1-го Сумского гусарского полка Александр Петрович Ушаков и жена отставного штабс-капитана Екатерина Петровна Гальденберг, урожденная Ушакова, все наследники проживали в городе Бежецке Тверской губернии.

Варваре Петровне Ушаковой по акту раздела было передано недвижимое имущество:

- деревня Путятино Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии с 9 крестьянами и их душевыми наделами, с оставшейся после наделов земель в 14 десятин;
- деревня Григорово того же уезда с 26 крестьянами и их земельными наделами;
- деревни Иксаново и Кожевниково Пошехонского уезда Ярославской губернии с 33 крестьянами и их земельными наделами, также пустошь Трупики там же;
- деревня Паленово Мологского уезда с 17 крестьянами и их наделами.

Всего ей было передано 5 деревень с 147 крестьянскими наделами и 189 десятин свободной земли на сумму 19 992 рубля [181].

После женитьбы Константина Николаевича Неведомского на Варваре Петровне Ушаковой, она, как богатая наследница, стала владелицей движимого и недвижимого имущества дворянской усадьбы Подобино до своей смерти 30 мая 1896 года. Нужно отметить, что, несмотря на богатство, жены помещиков умели многое: шить, вязать, вышивать, выбивать узоры на ткани, варить варенье и самостоятельно управлять хозяйством.

Бежецким уездным земским собранием 29 сентября 1887 года был избран членом земской управы, а 29 сентября 1889 года избран председателем Бежецкой земской управы. С 1890 года находился в должности депутата Тверского губернского собрания дворянства. Получал жалованье 300 рублей в год. Происходил из потомственных дворян Тверской губернии. Родового имени не имел, имел благоприобретенное имение 90 десятин земли, а также усадьбу в сельце Подобино и при ней 290 десятин земли.

Лесов, как таковых, на землях дворян Неведомских и его деревень, не было, кроме мелколесья и кустарников. Был небольшой участок леса возле деревни Гостиницы под названием «Семенцево», из-за которого когда-то ранее были споры помещиков Карякиных и Герасимовых с карелами деревни Бережки Карело-Кошевского прихода.

Дворянин сельца Подобино Константин Николаевич Неведомский по праздникам вместе со своей женой и детьми ездил в село Синеве-Дуброво, что в 7 километрах, в гости к Хилковым, женатым на его сестрах, когда те приезжали в свое имение. Бывали они в селе Беяницы, что в 16 километрах от Подобино, проезжая через Горку, Хонеево, Синеве-Дуброво, Поросятники и Рылово, навещая семью Татищева, женатого на тетке жены Неведомского. Дружил К.Н. Неведомский и с дворянином села Рыбинское Заручье П.Н. Мальковским, который служил вместе с ним в Бежецкой земской управе, а после смерти Неведомского стал опекуном его детей.

Одновременно К.Н. Неведомский был предводителем Бежецкого уездного дворянства. Предводители дворянства, выполняя общегосударственные обязанности, работали бесплатно, на общественных началах, поэтому одновременно были председателями земских управ, получая жалованье 300 рублей в год. Кроме проведения дворянских собраний, предводитель дворянства:

1. Председательствовал в ежегодном уездном земском собрании, которое открывалось ежегодно в сентябре и заседало не более

10 дней. Также участвовал в работе ежегодного губернского земского собрания, которое открывалось в конце ноября и продолжалось не более 20 дней.

2. Председательствовал в уездном съезде, который с 1893 года контролировал деятельность земских участковых начальников и городских судей.
3. Председательствовал в уездном училищном совете, который координировал работу всех, находящихся на территории уезда земских начальных народных училищ, церковно-приходских школ и школ министерства народного просвещения.
4. Проверял приговоры волостных и сельских сходов о высылке в Сибирь порочных членов сельского общества, после утверждения их земским участковым начальником.

Уездная управа была обязана надлежащим образом исполнять все решения ежегодного уездного земского собрания и училищного совета. По Положению 1864 года уездные земства избирали председателя управы и до 6 ее членов, законом 1890 года число членов сократили до 4. Бежецкое земство в 1877–1879 годах имело четыре члена, в 1880–1885 годах – три члена, с 1886 по 1896 годы – два члена управы. Один член управы был из дворян, второй – из крестьян. Обязанности членов управы распределялись по отдельным отраслям хозяйства.

По Положению от 1 января 1864 года земские управы являлись органами уездных местных собраний, в обязанности земских управ входило:

1. Составление смет расходов земства.
2. Подготовка всех нужных для проведения земских собраний сведений и заключений.
3. Надзор за поступлением земских доходов и их расходование.
4. Ведение, под наблюдением земских собраний, исков по имущественным делам земства.
5. Рассмотрение жалоб на волостные правления и нижестоящие земские управы.

В связи со смертью 4 января 1899 года председателя Бежецкой земской управы Константина Николаевича Неведомского, 19 января был составлен формулярный список о его службе. Сказано, что К.Н. Неведомский, 50 лет, православный, за службу награжден орденом святой Анны 3-й степени, серебряной медалью в память коронации императора Николая II, темно-бронзовой медалью за всеобщую перепись

1897 года. Вдов, имел дочерей Анну, 21 год; Варвару 17 лет; Елену, 16 лет; сыновей Владимира, 12 лет и Николая, 9 лет [182].

За годы работы К.Н. Неведомского председателем Бежецкой земской управы земство достаточно много сделало для развития образования, медицины, помощи помещикам и крестьянам уезда. В период его работы на этой должности в 1895–1897 годах была проведена денежная реформа. До этого времени в России действовали серебряный рубль и бумажный рубль, который со временем обесценился из-за значительного выпуска. К 1895 году стоимость одного серебряного рубля равнялась полутора бумажных рублей.

Председатель правительства С.Ю. Витте предложил перейти на «золотой рубль». Всем отделениям Государственного банка было разрешено покупать золото, некоторые из них получили право производить платежи золотой монетой. Был установлен курс «золотого рубля», а именно: за пятирублевую монету – 7 рублей 40 копеек в бумажной валюте. Единичными золотыми монетами были признаны 5-рублевая и 10-рублевая монеты новой чеканки. Укрепление рубля привело к оживлению экономики, золотые рубли находились в обороте страны до 1914 года.

Во второй половине XIX века Бежецкий уезд был самым большим по численности населения – 311,1 тысяч человек. Следующий за ним Вышневолоцкий уезд по численности отставал в 1,43 раза. В общей сложности 72,6% земли в уезде принадлежало крестьянам, как в общинной собственности, наделов, так и личной собственности, а 8,9% – дворянам. В сравнении с 1877 годом средний размер дворянского землевладения в уезде сократился с 698,5 десятин до 258,3 десятин или в 2,7 раза.

Основной доход, а именно 82,6% Бежецкое земство получало от сбора с земельных владений, 5,1% – от сбора с фабрик, заводов и торгово-промышленных заведений, 3,5% – с городского недвижимого имущества и 8,8% – с торговых документов.

Все земли Бежецкое земство разбило на три группы: хозяйственные земли – пашни и сенокосы, земли, сдаваемые в аренду, и земли, занятые лесами и зарослями. Одна десятина хозяйственной земли оценивалась в пределах 17,7–18,9 рублей, а продажная ее цена составляла 66,5 рублей.

Деятельность земства изменило состояние образования, медицины, сельского хозяйства и статистики в уезде. Большое внимание земство уделяло статистике. Чтобы эффективно управлять уездом, надо располагать достоверными данными о нем. Бежецкие земцы проделали

огромную работу для подготовки точных сведений в «Сборники материалов для статистики Тверской губернии», в «Материалы для истории Тверского губернского земства и другие труды.

При К.Н. Неведомском резко изменилась структура распределения расходов по отраслям, направляя основные средства на медицину, народное образование и общественное призрение.

Расходы Бежецкого земства	1868 год	1890 год
На правительственные учреждения	53,6%	24,6%
Содержание земской управы	9,9%	8,2%
Устройство мест заключения	13,2%	0,9%
Обустройство дорог и мостов	4,9%	5,5%
Народное образование	4,1%	20,5%
Общественное призрение	0,8%	7,2%
Медицинская часть	7,4%	27,5%
Разные расходы	6,1%	4,2%

Была введена дополнительная статья расходов «Отчисление на образование запасных сумм» – 1,4%, такой строки в 1868 году не было.

К 1870 году во всем Бежецком уезде работали 2 врача и 10 фельдшеров, из них 6 фельдшеров – на фельдшерских пунктах, остальные – дома. За год каждый врач принимал по 2200 человек. К 1890 году стали работать 6 врачей, которые принимали в год по 4500 человек, и 13 фельдшеров. Работала одна Бежецкая городская больница и 12 медицинских пунктов: Беляницкий, Горкинский, Жолобовский, Замытский, Зареченский, Заручьевский, Киверичский, Княжевский, Мелиховский, Надеждинский, Толмачевский и Трестенский. По каждому медицинскому пункту расходы составляли от 990 до 1300 рублей в год на жалованье фельдшерам, питание больных, отопление, освещение, ремонт помещений и другие расходы [183].

Развитие образования в уезде

Важнейшим направлением земства являлось народное образование, содержание школ составляло самую большую статью в его бюджете. За 9 дней до назначения К.Н. Неведомского председателем Бежецкой уездной управы, 20 сентября 1889 года его предшественник, бежецкий уездный предводитель дворянства, председатель училищного совета

и председатель земской управы Алексей Никитич Татищев подготовил доклад о состоянии народного образования. Нужно отметить, что этот доклад А.Н. Татищев написал собственноручно, внося туда многочисленные поправки.

К тому времени в Бежецком уезде насчитывалось 47 начальных народных училищ и 28 церковно-приходских школы. Число школ грамотности в тот год точно не было установлено, так как они, то открывались, то закрывались. Если, например, в 1883 году насчитывалось 398 школ грамотности, то в 1887 году – всего 150. Уменьшение их числа, прежде всего, было связано с открытием церковно-приходских школ, в 1888–1889 учебном году было дополнительно открыто 3 школы.

В начальных народных училищах работали 47 законоучителей, 19 учителей, 31 учительница, 4 помощника и 31 помощница. Высший оклад учителей составлял 275 рублей, учительниц 250 рублей, помощников 120 рублей, помощниц – 150 рублей. К 1 января 1889 года в городе Бежецке обучалось 159 мальчиков и 185 девочек, в уезде обучалось 2736 мальчиков и 436 девочек.

Члены училищного совета наблюдали за работой народных училищ и предоставили отчеты: Н.Ф. Змиев по 6 училищам, Л.И. Львов по 5 училищам, К.Н. Неведомский по 5 училищам, председатель училищного совета А.Н. Татищев по 10 училищам. Кроме того, добровольно наблюдал за работой 3 училищ и 3 церковно-приходских школ дворянин А.С. Паскин [184].

Через четыре с небольшим года работы председателем земской управы К.Н. Неведомского, на 1 января 1894 года в Бежецком уезде работали 237 школ. Из них: 53 земских народных начальных училища, как трехлетние, так и четырехлетние, 47 церковно-приходских школ и 133 школы начальной грамоты. Во всех этих начальных школах уезда обучались 8811 учеников, из них 6954 мальчика и 1857 девочек. Число учащихся мальчиков в 1894 году составляло 6,49% ко всему населению мужского пола, число учащихся девочек составляло 1,43% ко всему населению женского пола уезда.

По итогам Всеобщей переписи населения 1897 года в Бежецком уезде число грамотных мужчин составляло 35,72%, грамотных женщин – 6,89%. По грамотности населения Бежецкий уезд находился на 8-м месте из 12 уездов Тверской губернии, хуже положение с грамотностью обстояли лишь в Зубцовском, Вышневолоцком, Ржевском и Осташковском уездах. Но если грамотность дворян и чиновников в

среднем по Тверской губернии составляла тогда 81,51% у мужчин и 79,85% у женщин, то у сельского населения – 35,93% у мужчин и 8,69% у женщин [185].

Во время руководства К.Н. Неведомским Бежецкой земской управой, начиная с 1894 года, в городе Бежецке стали открываться книжные магазины и книжные лавки. К 1908 году в Бежецке насчитывалось 11 книжных магазинов и лавок. На Большой улице работали 5 магазинов и лавок: Бабунова с сыновьями, Георгия Осташевского, Петра Рудакова, купца Григория Волкова и Варвары Репиной. На Торговой площади действовали 4 книжных лавки: Александра Горева, Ивана Горева, Ивана Русина и Василия Гагина. На Постоялой улице находился книжный магазин Павла Шестова и книжная лавка Александра Козлова [186].

Будучи председателем земской управы, К.Н. Неведомский добился открытия в 1895 году собственной земской типографии. Кроме Бежецка свою типографию имело только Корчевское земство, остальные земства печатали свои материалы в типографии Тверского губернского земства или в частных типографиях. Открытие типографии дало возможность Бежецкому земству сэкономить значительные суммы денег при печатании материалов для своих потребностей, и получать сверх того порядочную прибыль.

Помощь земства помещикам и крестьянам

В числе других задач на земство законом была возложена обязанность способствования местному земледелию. Для снабжения населения орудиями для обработки земли, семенами, удобрениями и машинами, Бежецкое земство в 1890 году устроило сельскохозяйственный склад. Этот сельскохозяйственный склад был устроен земством не для получения больших барышей, а для доставки крестьянам самого необходимого. Поэтому процент прибыли на товары склада лишь покрывали расходы на перевозку, страховку, хранение и порчу товаров. Если в земство поступала какая-то прибыль, то она шла на развитие склада, на устройство сельскохозяйственной школы и другие нужные цели.

Все фабрики и заводы делали Бежецкому земству большие уступки, поэтому товары на складе земства были дешевле, чем на рынке или в общей торговле. Например, плуг «Московский» стоил на фабрике 7 руб. 50 коп., а на складе в Бежецке – 6 рублей, рязанские плуги стоили на складе по 5 руб. 75 коп. Чем больше земство выписывало товаров, тем

больше скидки делали фабрики. В торговле продавались более дешевые плуги «Погорельские» и «Рижские» по 4 руб. 50 коп., но склад их не покупал, так как они требовали ежегодной смены частей. Плуги «Московский» и «Воткинский» работали от 5 до 7 лет без замены лемехов.

Семена клевера на сельскохозяйственном складе Бежецкого земства были дороже на 1 руб. 50 коп. за пуд (16 кг), чем в торговле. Это объяснялось тем, что привозные семена германского или американского клевера были хороши на вид, стоили менее 8 рублей за пуд, но являлись недоброкачественными. Они очень засорены, в них много примесей сорных трав, а чистые семена плохо всходили.

При исследовании семян этого клевера было обнаружено от 30 до 50 чистых семян из 100. В семенах клевера, что продавались на складе земства, чистых семян оказывалось 85–95 из 100. Получалось, что при таких условиях за торговый клевер надо платить не 7–8 рублей за пуд, а 4–5 рублей за пуд. Крестьяне покупали семена клевера на складе земства, так как убедились, что от торговых семян клевер был низкорослым, редким, засоренным пикулей и конским клевером. Клевер из семян склада выходил на посевах чистым, густым и высоким. Клеверосеяние в конце XIX века было делом новым, семена дорогие, поэтому крестьяне делали правильный выбор, покупая их на складе земства.

Нужно отметить, что мужики, привыкшие получать сено с естественных сенокосов, долго противились посевам клевера на полях по ржи, пшенице или овсу. Объяснение знающих людей, что клевер нужен не только для рациона коровам, но и повышает плодородие почвы, мужиками не сразу принимались в расчет.

В 1899 году Бежецкое земское собрание утвердило правила на отпуск машин и орудий со склада земства на льготных условиях.

1. Плуги отпускались в долг до 1 ноября того года, в который год плуг выдан со склада.
2. Зерноочистительные машины отпускались в долг с рассрочкой платежа на 2 года: 1 декабря того года, в который взята машина, уплачивается одна треть ее стоимости, к 1 декабря следующего года – остальные две трети.
3. Молотилки отпускались в долг с рассрочкой платежа до 5 лет.
4. Обеспечением служила выданная в долг машина, которую управа имела право отобрать в случае несвоевременной уплаты. Кроме того, взыскать за поддержание машины часть ее стоимости, если не произошло в ней повреждений.

5. Плуги отпускались отдельным крестьянам по удостоверениям их личности волостным правлением.

Для улучшения посевного зерна, кроме продажи семян и зерноочистительных машин всякому желающему разрешалось очищать свое зерно на сортировках в самом складе за небольшую плату. Как видно из правил отпуска машин и орудий, малосостоятельным лицам земство со склада отпускало плуги, сортировки, семена, удобрения в ссуду на разные сроки. На льготных условиях отпускались также травяные семена селениям, которые начинали проводить травосеяние всей общиной.

Для улучшения породы скота Бежецкое земство раздавало в некоторые селения бесплатно бычков. Для улучшения породы лошадей устраивало в Бежецке и некоторых местах уезда случные пункты с породистыми жеребцами, случки с которыми были бесплатными.

Для обучения крестьянских детей сельскому хозяйству, Бежецкое земство устроило сельскохозяйственную школу. Она размещалась в казенном имении Зыкова, что в деревне Далёки (ныне Кесовогорский район Тверской области. – А.Г.). Бежецкое земство для этой школы купило в 1883 году за 500 рублей двухэтажный дом на каменном фундаменте у дьякона Образцова, проживавшего в Дьяконовом хуторе. На перевозку дома и установку его в деревне Далёки было израсходовано еще 1060 рублей. Учащиеся школы жили на втором этаже, обучались на первом этаже двухэтажного особняка. Носили форму – гимнастерки, фуражки и шинели. Сельскохозяйственная школа готовила агрономов, зоотехников и землемеров.

Исследование и обустройство дорог

Одной из задач уездного земства было обустройство и содержание дорог и мостов. Они проводили исследование дорог и составляли списки дорог, подлежащих улучшению за счет специального дорожного капитала, предусмотренного законом от 1 июня 1895 года. В Бежецком уезде насчитывалось 16 наиболее важных трактов общей протяженностью 540 верст, из них 7 трактов междууездного назначения протяженностью 232 версты, в том числе: Тверской, Максатихинский, Краснохолмский, Кашинский. Второстепенными считались Рыбинский, Угличский и Корчевской тракты. От них отходили 12 побочных ветвей грунтовых дорог протяженностью в 267 верст.

Рыбинский тракт был, хотя и коротким в 28 верст до границы с Кашинским уездом, но одним из самых заселенных, где на одну версту приходилось 14 дворов. Больше всего дворов на версту приходилось на тракт Максатиха-Трестна – 16 дворов, Лихославль-Толмачи – 15 дворов на одну версту. В то же время, на Краснохолмском тракте приходился 1 двор на одну версту, на Тверском тракте – 9 дворов на версту.

Грунтовые дороги связывали между собой деревни и погосты, выводили их жителей в города и села на торговые ярмарки. Земские управы были обязаны содержать в надлежащем состоянии, как сами дороги и тракты, так и почтовые станции, дорожные сооружения и мосты. Законом от 1 июня 1895 года земства были освобождены от некоторых обязательных расходов, с переводом их на казну, с тем, чтобы освободившиеся в земском бюджете суммы направлялись на создание специальных дорожных капиталов.

Многие бежецкие земцы неоднократно высказывались за передачу дорожного обустройства централизованно губернскому земству. Об этом, например, говорили на уездном земском собрании в городе Бежецке 4 октября 1895 г. гласные Л.А. Ушаков, А.Д. Способин, А.И. Хилков и А.С. Паскин. Они заявляли, что при передаче дорожного обустройства губернскому земству дороги в губернии станут значительно лучше. В то же время бежецкие дворяне-земцы Н.А. Трубников и Л.А. Ушаков выделили собственные деньги на ремонт мостов на тракте Бежецк-Тверь через реку Молога в Бежецке, речки Сырцевка, Каменка, Шуя и Осиновец.

На практике закон от 1 июня 1895 года о дорожных капиталах работал плохо, 24 декабря 1896 года министр внутренних дел писал министру финансов, что дорожные деньги тратятся земствами на другие цели. Некоторые земства покрывали этими суммами общие недоборы по земским сметам. Разъяснение через губернаторов земским учреждениям о несоответствии их образа действий оказывались бесполезными.

Основу грузового движения по грунтовым дорогам составляли крестьянские грузы. С одной стороны крестьяне везли продукты своего хозяйства на рынки. По Бежецкому уезду на первом месте по продаже крестьянами на ярмарках было сено, в среднем по 21,5 пуду с одного двора, далее была рожь по 11 пудов, льноволокно по 8,8 пудов, картофель по 4,8 пуда, льносемена – 3,3 пуда с одного крестьянского двора.

С другой стороны, на рынках закупали товары массового потребления и домашнего обихода. В Бежецком уезде больше всего на рынках покупали соли в среднем по 4,8 пуда на один крестьянский двор,

керосина по 1,3 пуда, сахару по 1,1 пуда, масла постного по 0,6 пуда, мыла – 0,4 пуда с одного двора.

По грузам, доставляемым крестьянами на рынок, можно было даже определить состоятельность населения. С каждого крестьянского двора груз в 190 пудов в год вывозили на рынок в Ржевском и Зубцовском уездах за счет льнопродукции. Меньше всего, в среднем по 100 пудов в год вывозили на рынок с крестьянских дворов Осташковского и Весьегонского уездов. По Бежецкому уезду этот показатель составлял по 140 пудов грузов с каждого крестьянского двора [187].

Нужно отметить, что к концу XIX века крестьяне Бежецкого уезда на своих наделных полях в основном сеяли озимую рожь, а весной – овес, ячмень и лен, посевы которого составляли 1/3 от площади посевов озимой ржи. Ни крестьяне, ни помещики в уезде тогда не сеяли яровую пшеницу и рожь, незначительные площади занимали посевы озимой пшеницы и озимого ячменя, а также гречихи, гороха и конопли. С крестьянских наделных полей убирали в 20 раз больше льноволокна, в 12,5 раз больше льносемян, в 10 раз больше семян и волокна конопли, чем с помещичьих полей, почти при равной урожайности. Один пуд (16 килограмм. – А.Г.) ржи в уезде стоил от 0,95 до 1,05 рубля в зависимости от сезона, дороже с января по август.

* * *

После смерти в январе 1899 года Константина Николаевича Неведомского предводителем уездного дворянства и председателем Бежецкой земской управы был избран Никанор Арсеньевич Трубников, владелец имения Михнево, что в 7 верстах от Застолбья. Членами управы по-прежнему оставались дворяне П.Н. Мальковский, Л.И. Ревякин и Ф.И. Андреев, бухгалтером оставался Зотов. Усадьба Федора Ивановича Андреева находилась в деревне Аникуша Княжевской волости.

Согласно отчету о работе Бежецкой земской управы за 1900 год расходы на уплату губернских повинностей по Бежецкому земству составляли 37048 рублей и дополнительно пени в сумме 1700 рублей, отчисления на дорожный капитал – 14 118 рублей. В разные расходы на 1900 год, в числе прочих, Бежецкая земская управа включила 110 рублей на изготовление портрета К.Н. Неведомского и пособие на образование его детей Николая и Варвары в сумме 800 рублей в год.

В 1904 году председателем Бежецкой уездной земской управы был избран Павел Николаевич Мальковский, членами управы являлись Ф.И. Андреев и Ф.А. Гуцин, который одновременно являлся заведующим земской типографией.

Через три года председателем управы был избран Леонид Елпидифорович Сысоев, при нем П.Н. Мальковский оставался членом управы до своей смерти в 1909 году. Кроме него, членами управы в 1907 году были И. Тимофеев и А. Бычков, а с 1909 года – Александр Иванович Сидорский и А.Ф. Лосев.

В 1915 году обязанности председателя Бежецкой земской управы исполнял дворянин А.Ф. Лосев, членами управы тогда были П.М. Смирнов и П.П. Соловьев.

Русские дворяне были у руководства Бежецкой земской управой более 50 лет, с 1866 по 1917 годы, крестьяне-карелы руководили ею всего 249 дней. При Временном правительстве у руководства Бежецкой земской управы в период с 14 мая 1917 года по 20 января 1918 года стояли представители крестьянства. Председателем управы был избран карел Василий Иванович Толмачевский, 1876 года рождения, уроженец села Толмачи. Заведующим отделом народного образования был карел Василий Степанович Чекеев, 1891 года рождения, родом из деревни Шуя Селищенской волости Бежецкого уезда.

В городе Бежецке уездная земская управа работала с 1866 г. до 20 января 1918 г., в тот день власть в городе захватили большевики. Как это происходило, я подробно написал в книге «История Тверской Карелии».

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков

Виски поседеют, и человек поумнеет (кар.).

С момента введения должности земского начальника в 1889 году Бежецкий уезд был разделен на 9 участков земских начальников. Земским начальником 7-го участка Бежецкого уезда, к которому относилась Бокаревская волость, с первых дней введения должности служил князь **Александр Иванович Хилков**.

Александр Иванович Хилков родился 20 ноября 1833 года в семье князя Ивана Александровича (1803–1874 гг.) и дочери помещиков села Синево-Дуброво Бежецкого уезда Луниных, Евдокии Михайловны

(1804–1874 гг.). Нужно отметить, что во второй половине XVIII века село Синево-Дуброво было вотчиной Савеловых, имевших более 500 душ крепостных крестьян. В первой четверти XIX века Савеловы продали село вместе с землей и крепостными крестьянами помещице Луниной.

Будучи старшим сыном, Александр Иванович Хилков, носил титул «князь», как отец и младшие братья, Михаил Иванович и Николай Иванович Хилковы. Александр Иванович, находясь на службе до середины 1880-х годов, проживал в Санкт-Петербурге. Был женат на Евдокии Петровне Родзянко, дочери Петра Петровича и Марии Васильевны Родзянко. Известно, что у Александра Ивановича и Евдокии Петровны была дочь Ольга, 1877 года рождения.

Семья его отца Ивана Александровича Хилкова в начале своего становления после свадьбы переезжала жить с места на место, так как в имении оставались проживать его братья, сестры и многочисленные родственники. Сначала они в 1827 году уехали в Санкт-Петербург, в 1829 г. вернулись в свое имение, где прожили около двух лет. В 1831 г. уехали жить в Москву, жили там сначала в доме отставного поручика Дмитрия Львовича Бычкова, затем, с 1836 г. – в доме Григория Петровича Высоцкого, с 1839 г. – в доме княжны Анны Ивановны Засекиной. В семье Ивана Александровича и Евдокии Михайловны Хилковых было 10 детей, до первенца Александра Ивановича рождались одни дочери:

- Александра Ивановна (18.11.1828–10.07.1854 гг.), вышедшая замуж за графа Железнова, умерла в возрасте 25 лет, похоронена в селе Головское;
- Елизавета Ивановна (13.10.1829–23.11.1888 гг.), была дважды замужем, сначала за Кукол-Яснопольским, от которого родила троих детей, затем вышла замуж за П.И. Оранского. Умерла в возрасте 59 лет, похоронена в Курской губернии;
- София Ивановна (1831–1918 гг.), проживала в селе Синево-Дуброво, умерла в возрасте 87 лет, похоронена в селе Головское;
- Ольга Ивановна (23.06.1832–02.02.1856 гг.), умерла в возрасте 23 года, похоронена в селе Головское.

В 1840-х годах Иван Александрович с семьей переехал жить в свое имение Синево-Дуброво Бежецкого уезда Тверской губернии, став его владельцем. Он прожил 87 лет, умер 26 ноября 1890 года.

Его старший сын Александр Иванович вместе с женой Евдокией Петровной (Родзянко) вернулся в имение из Санкт-Петербурга во второй половине 1880-х годов.

О втором сыне Ивана Александровича и Евдокии Михайловны Михаиле Ивановиче, который дослужился до Министра путей сообщения, написано достаточно много.

Их младший брат Николай Иванович Хилков (01.06.1843–1884 гг.) до 1864 года жил в Москве. В 1864 году он приехал в имение отца, женился на Ольге Николаевне Неведомской (23.12.1845–03.02.1901 гг.). Принял от управляющего имением 5 лошадей, хомуты рабочие, коренные и городские, дуги простые и городские, седелки простые и городские. А также – тарантас, одноколку, сани троечные и маленькие [188].

Как было сказано выше, в имении мужа Синево-Дуброво они жили непродолжительное время, в 1865 году переехали в Бежецк, где у них 26 апреля 1866 года родился сын Степан. В 1867 году они переехали в Винницкую губернию, оттуда семья переехала в Санкт-Петербург, где Николай Иванович Хилков закончил свой жизненный путь после 1884 года.

* * *

Канцелярия земского начальника 7-го участка Александра Ивановича Хилкова располагалась в своем имении Синево-Дуброво. Бокаревское волостное правление находилась в селе Глазово, в 4 километрах от Синево-Дуброва. В 7-й участок земского начальника А.И. Хилкова были включены *Бокаревская, Княжевская и Новская волости*.

Самой важной проблемой государственные структуры считали обеспечение населения хлебом. Земскому начальнику 7-го участка, как и всем другим, 5 августа 1893 года из канцелярии Тверского губернатора Павла Дмитриевича Ахлестышева было направлено письмо, где сказано: «Из полученных сведений выясняется, что урожай хлебов в текущем году в Тверской губернии можно признать удовлетворительным. Это дает возможность увеличить продовольственные натуральные запасы и привести хлебозапасные магазины в достойный порядок путем настоятельных требований земства о засыпке в магазины хлеба. О ходе засыпки хлеба в магазины вверенного Вам участка и положении последних предлагаю Вам предоставлять мне сведения через каждые две недели. Губернатор, П.Д. Ахлестышев» [189].

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков дал поручение волостным старшинам, в том числе Бокаревскому волостному стар-

шине Никите Одинцову передавать ему сведения о засыпке хлеба в хлебозапасные магазины. Волостной старшина Никита Одинцов периодически передавал сведения Хилкову, сообщая, что на 1 января 1893 года по волости было 38 хлебозапасных магазина, из них 13 – в карельских деревнях. К 1 ноября 1893 года был засыпан хлеб во все магазины, в том числе в карельских деревнях было засыпано озимого и ярового хлеба в четвертях:

Деревня	ревизских душ	озимого	ярового
Бережки	63	63	63
Акиниха	36	36	36
Терехово	32	32	32
Гремячиха	29	29	29
Душково	63	63	63
Байки	93	93	93
Калиниха	58	58	58
Горбовец	51	51	51
Климантино	51	51	51
Поцеп	40	60	60
Петряйцево	51	51	51
Муравьево	59	59	59
Шейно	20	20	20
Итого:	646	666	666

В переводе на тонны в карельских деревнях в хлебозапасные магазины было засыпано на 1 ноября 1893 года в каждой деревне по одной четверти озимого хлеба и одной четверти ярового хлеба на каждую ревизскую душу. Это составило 140 тонн озимого хлеба и 140 тонн ярового хлеба, всего 280 тонн, по 420 килограммов на одну ревизскую душу или по 140 килограмм на одного едока. Недоимок в карельских деревнях по озимому и яровому хлебу не было, кроме 8 четвертей (1680 килограмм. – А.Г.) озимого хлеба в деревне Калиниха. Тогда же у крестьян Карело-Кошевского сельского общества не было недоимок и по возврату взятых во время весеннего сева семян [190].

Земский начальник 7-го участка князь Хилков 18 января 1893 года поручил волостному старшине Никите Одинцову провести дознание по факту бунта, происшедшего в церкви села Синево-Дуброво. После проведения дознания волостной старшина доложил князю Хилкову,

что в тот день, 18 января в церкви села Синеве-Дуброво венчался Иван Иванов с дочерью сельского старосты Осипа Николаева Дарьей Осиповой. В это время письмоводитель земского начальника 7-го участка Хилкова Иван Васильев был в церкви вместе с учителем церковно-приходской школы Александром Петровичем Вытчиковым.

К ним подошла пьяная Дарья Егорушкова и стала оскорблять письмоводителя Васильева, тот ударил ее. Это увидел Иван Премин, подошел к Васильеву, стал оскорблять его, потом ударил кулаком по губам. Васильев ушел из церкви и сообщил о случившемся земскому начальнику Хилкову. Бокаревский волостной суд 9 февраля 1893 года рассмотрел уголовное дело по заявлению письмоводителя земского начальника 7-го участка Ивана Васильева за оскорбление его действием со стороны Ивана Ивановича Премина. Премин в суд не явился, свидетельницу Дарью Егорушкову не вызывали, вызвали лишь учителя А.П. Вытчикова.

Волостной суд постановил: за оскорбление действием письмоводителя Васильева крестьянина И.И. Премина подвергнуть простому аресту на пять суток при волостном правлении, о чем ему объявить через сельского старосту [191].

Все земские начальники провели большую подготовительную работу к первой всеобщей переписи. Тверской губернатор Ахлестышев 20 марта 1896 года дал поручение всем земским начальникам губернии в связи с утверждением 5 июня 1895 года Положения о первой всеобщей переписи населения Российской империи.

Положением заведование переписными участками возлагалось, в основном, на земских начальников. Они были обязаны заблаговременно передать счетчикам по два списка населенных мест, находящихся в назначенном каждому счетчику участке, с точным обозначением границ этого участка. Первый список с поселениями участка на землях сельских обществ, второй – на владельческих усадьбах, казенных, церковных и других землях. Передать также поименные списки всех домохозяев по каждому селению отдельно, списки всех владельцев домов и дворов, не входящих в состав сельских обществ.

Списки населенных мест обязаны были составить уездные исправники и представить их в Тверской губернский статистический комитет к 1 мая 1896 года. Уездные исправники должны были оказывать содействие земским начальникам в получении извлечений из списков населенных мест по участкам [192].

В ответ на запрос многих земских начальников об оплате счетчикам за работу, Тверской губернатор Ахлестышев в письме от 13 сентября 1896 года сообщал, что согласно утвержденной смете расходов, счетчик за работу в городе получит 7 рублей, за работу в уезде – 12 рублей.

Бежецкая уездная переписная комиссия 30 октября 1896 года сообщила князю А.И. Хилкову, что на него возложена обязанность заведования 7-м переписным участком, куда входили Бокаревская, Княжевская и Новская волости. Съезд заведующих участковыми комиссиями был назначен на 21 ноября с 11 часов дня. Начало всеобщей переписи определено с 27 января 1897 года [193].

В инструкции земского отдела Министерства внутренних дел было определено, что всеобщей переписи подлежат все жители империи обоего пола, всякого возраста, состояния, вероисповедания и племени, как русские поданные, так и иностранные. В перепись о каждом лице заносились сведения:

- имя, отчество и фамилия или прозвище;
- семейное положение – холост, женат, вдов или разведен;
- отношение к хозяину дома – родственник, свойственник, приемыш, жилец или работник (свойственник – это родственник одного супруга для другого супруга. – А.Г.);
- пол, возраст, вероисповедание, место рождения;
- место постоянного жительства или место прописки, а для иностранцев, сверх того, и подданство, место постоянного пребывания;
- родной язык, грамотность, занятие, ремесло, промысел;
- важнейшие физические недостатки – слепота, немота, глухонмота, душевная болезнь [194].

Волостной старшина Никита Одинцов представил земскому начальнику 7-го участка князю Хилкову именные списки крестьян деревень Бокаревской волости. Также ему были представлены именные списки крестьян по Княжевской и Новской волостям. Были представлены списки по барским усадьбам, среди них:

- Слепнево – усадьба в Новской волости, хозяин Лев Иванович Львов, семья 5 человек;
- Подобино – усадьба Константина Николаевича Неведомского, в семье 7 человек, он с женой и пятеро детей;
- Панцино – усадьба Ивана Ниловича Серова, в ней проживают 15 человек;

– Талашманы – усадьба купца Ивана Федоровича Крылова, в ней проживают 22 человека [195].

Земскому начальнику 7-го участка А.И. Хилкову приходилось рассматривать жалобы крестьян и приговоры волостного суда по многим вопросам. Одна из многочисленных категорий жалоб – попытки вернуть на родину из Санкт-Петербурга мужей, сыновей или заставить их высылать деньги семьям.

6-го октября 1899 года крестьянка деревни Сорокино Анна Алексеевна Михайлова обратилась с заявлением в Бокаревское волостное правление. Она просила помочь вернуть из Санкт-Петербурга ее мужа Василия Михайлова, который отлучился туда четыре года назад. Денег на поддержание хозяйства, уплаты податей и содержание двух малолетних детей не высылал. Она писала, что их крестьянское хозяйство приходит в крайнюю бедность. Василий Михайлов жил в Санкт-Петербурге без паспорта, старый паспорт он выслал ее для обмена на новый.

Анна Михайлова просила волостное правление не выдавать мужу новый паспорт, а его через высшее начальство вернуть на родину, она указала его адрес проживания. За неграмотную крестьянку заявление писал волостной писарь Иван Чикунев.

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков направил всю переписку вместе с заявлением Михайловой приставу 2-го участка Нарвской части Санкт-Петербурга. В ответ он получил отписку пристава от 31 октября 1899 года, что выполнить просьбу жены Михайлова не может, для этого нужно постановление земского начальника о его высылке, которое он, пристав, исполнит немедленно.

2 июня 1900 года волостной старшина Никита Сладков сообщил князю Хилкову, что паспорта Василию Михайлову не возобновлено, где он находится, никто в деревне Сорокино не знает. Его жена Анна Михайлова по-прежнему ходатайствует о высылке мужа на родину. В декабре 1900 года земский начальник 7-го участка князь Хилков возвратил всю переписку вместе с заявлением Бокаревскому волостному старшине, предписав ему объявить крестьянке Михайловой, что, не имея закона, дающего право жене требовать в высылке на родину отсутствующего мужа, ее ходатайство удовлетворено быть не может [196].

Оставались без удовлетворения многие другие жалобы и заявления, в том числе крестьянки деревни Шалагино Марии Михайловны

Дудкиной о взыскании денег с ее сына, проживавшего в Санкт-Петербурге. В заявлении она писала, что сын Василий Степанов Дудкин, проживая в Санкт-Петербурге, в последнее время не высылал ей денег на уплату казенных и мирских сборов. Все хозяйство пришло в крайнюю бедность, из всего имущества имеется лишь одна жилая ветхая изба с двором, больше ничего нет. Усадьба и полевой надел, данные на две души, не обрабатываются, в аренду их никто не берет по случаю истощения земли.

М.М. Дудкина просила помочь взыскать с сына 15 рублей на уплату накопившихся недоимок по податям и сборам, а также обязать сына высылать по 5 рублей в месяц на уплату податей и ее содержание. На это заявление пристав 2-го участка Александрово-Невской части Санкт-Петербурга сообщил земскому начальнику 7-го участка князю Хилкову, что, за неимением закона он без решения суда не может произвести взыскание с Дудкина в пользу матери [197].

5 декабря 1900 года крестьянин деревни Постерегишино Алексей Васильевич Сумерин обратился с заявлением к земскому начальнику князю Хилкову, указав, что его вместе с законною женой и детьми выгнал из дома отец. Заявление было направлено на рассмотрение сельского схода деревни Постерегишино, сход отказал в разделе земли между отцом и сыном, но письменного приговора не постановил. В связи с этим князь Хилков постановил заявление Сумерина оставить без удовлетворения [198].

В то же время жители этой деревни производили семейные разделы в подобных случаях. На своем сходе 15 апреля 1901 года они составили приговор на семейный раздел Латышевых. В деревне тогда числилось 88 душ и 35 домохозяев, староста деревни Степан Иванов. Согласно приговору сельского схода от отца Дмитрия Савельева (Латышева) отделялся его сын Андрей Дмитриев. До раздела семейство состояло из рабочих 3 душ мужского пола, 3 душ женского пола и 4 нерабочих душ мужского пола.

После раздела в семействе Андрея Дмитриевича Латышева стало рабочих 1 душа мужского пола, 1 душа женского пола и 2 нерабочих души мужского пола. В семействе отца Дмитрия Савельевича Латышева осталось рабочих 2 души мужского пола, 2 души женского пола и 2 нерабочих души мужского пола.

В приговоре сказано, что поводом к разделу послужило увеличение семейства и неуживчивость делящихся родственников. Сын Андрей

Дмитриевич получил от отца полевой надел за усадьбную землю. После смерти отца к дому ему не подступаться. В приговоре записаны крестьяне деревни, участвовавшие в сходе, приговор подписал волостной старшина Никита Сладков [199].

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков, в силу данных ему полномочий, не только рассматривал бытовые жалобы и заявления, но и на решения волостного суда.

18 июня 1900 года Бокаревский волостной суд в составе председателя Ивана Арсеньева, членов Михаила Алексева, Федора Вихорева, Дмитрия Иванова рассмотрел дело крестьянина деревни Горбовец Василия Кузьмина о взыскании с общества крестьян деревни Гостиницы 15 рублей за потраву посевов ржи на земле, арендуемой им у господ Неведомских. Свидетели Леонтий Петров и Наталья Федорова заявили, что видели и выгоняли с поля ржи около 50 коров в мае того года.

Суд взыскал с общества крестьян деревни Гостиницы в пользу Василия Кузьмина 15 рублей. Земский начальник князь Хилков оставил жалобу виновных без удовлетворения. Нужно отметить, что согласно списку лиц, могущих быть присяжными заседателями Бокаревского волостного суда, в 1902 году включены грамотные карелы, имеющие собственность: Федор и Василий Кузьмины из деревни Акиниха, Михаил Николаев и церковный староста Михаил Алексеев из Гремячихи, Василий Федоров из Муравьева, который прослужил полный срок волостным судьей [200].

По поручению земского начальника волостному старшине Никите Сладкову приходилось составлять много актов о несостоятельности крестьян, на которых был наложен штраф в сумме 1–2 рублей за неявку в суд в качестве свидетеля.

Например, во исполнение постановления земского начальника 7-го участка князя Хилкова волостной старшина Никита Сладков с понятыми прибыл 10 января 1900 года в деревню Сараево для взыскания с крестьянина Кузьмы Никитина 1 рубля за неявку по вызову в суд в качестве свидетеля. Был составлен акт, в котором указали, что Никитин Кузьма имеет одну избу, наделенную полевой и усадьбную землю, лошадь, корову, носильное платье и больше ничего не имеет. В связи с тем, что Никитин Кузьма к уплате 1 рубля оказался несостоятельным, и был составлен акт, который направили земскому начальнику 7-го участка. Князь Хилков 14 января 1900 года рассмот-

рел этот акт и принял решение об аресте Никитина Кузьмы на одни сутки, препроводив его в каталажку при Бокаревском волостном правлении [201].

После смерти Александра Ивановича Хилкова 24 мая 1907 года, и Михаила Ивановича 8 марта 1909 года, хозяином усадьбы в селе Синево-Дуброво стал старший сын Михаила Ивановича – Михаил Михайлович Хилков.

* * *

Многие представители рода **Хилковых**, кроме среднего сына Михаила Ивановича с его второй женой Александрой Николаевной Неведомской, похоронены на своем родовом кладбище села **Синево-Дуброво**.

Иван Александрович Хилков (9.06.1803–26.11.1890 гг.) вместе с женой Евдокией Михайловной Хилковой (Луниной) (08.03.1804–11.04.1874 гг.).

Его младшая сестра Надежда Александровна Хилкова (11.06.1810–10.09.1879 гг.).

Их сыновья: старший сын Александр Иванович Хилков (20.11.1833–24.05.1907 гг.) вместе с женой Евдокией Михайловной Хилковой (Родзянко) (1839–1909 гг.).

Их дочери: Александра Ивановна Хилкова (Железнова) (08.11.1828–10.07.1854 гг.); Ольга Ивановна Хилкова (1832–02.02.1856 гг.); Евдокия Ивановна Хилкова (04.10.1840–06.04.1856 гг.).

Дочь Александра Ивановича Хилкова Ольга Александровна (1877–1907 гг.).

Первая жена М.И. Хилкова Анна Николаевна Неведомская (Хилкова) (02.08.1839–27.01.1892 гг.).

Ее сын Степан Михайлович Хилков (01.09.1869–27.07.1890 гг.).

На кладбище села **Головское** были похоронены: средний сын Михаил Иванович Хилков (05.12.1834–08.03.1909 гг.) вместе со второй женой Александрой Николаевной Хилковой (Неведомской) (23.04.1847–28.11.1904 гг.). Могила других представителей рода Хилковых разбросаны по многим местам России и за ее границей.

Дальнейшая судьба мызы Подобино

*От трудов праведных
не наживешь палат каменных.*

Владелица имения Подобино Анна Андреевна Неведомская при своей жизни 25 августа 1866 года взяла в долг у жительницы города Смоленска Ольги Николаевны Ивановой 4450 рублей денег серебром под залог своего имения Подобино с усадьбами в 163 десятины земли и пустоши Дельки в размере 40 десятин 760 сажень. По договору, выплата долга с процентами должны быть проведена через 9 лет до 25 августа 1875 года. А.А. Неведомская умерла в 1870 году, не выплатив этот долг.

4 сентября 1875 года нотариус города Смоленска Тимошинин у себя в кабинете оформил два документа. Первым документом была доверенность на имя Константина Николаевича Неведомского от жителя Смоленска Федора Федоровича Иванова, который, в свою очередь, имел доверенность своей матери. В доверенности были указаны обстоятельства дела, а также просьба Иванова, чтобы К.Н. Неведомский получил от своей матери занятые ею по закладной деньги в сумме 4450 рублей с процентами, и вернул его матери Ивановой Ольге Николаевне.

При невозможности выплатить платеж наличными, взыскать их с имения. Для этого Иванов по конкретному делу уполномочивал Неведомского: подавать прошения, предъявлять иски, давать объяснения, выступать его представителем в судах, приносить частные и кассационные жалобы. Что Неведомский по доверенности выполнит, Иванов спорить с ним не будет, было сказано в документе [202].

В тот же день, 4 сентября 1875 года Смоленский нотариус Тимошинин у себя в нотариате оформил расписку, данную Ф.Ф. Ивановым. В ней указано, что он получил от К.Н. Неведомского все деньги сполна, в чем и расписался [203].

После смерти в 1870 году владелицы Анны Андреевны Неведомской (Герасимовой) мызу Подобино все чаще и чаще стали называть *сельцом*, как и другие помещичьи усадьбы, в которых не было церкви. В 1896 году умерла владелица имения Варвара Петровна Неведомская, жена Константина Николаевича.

22 июня 1896 года К.Н. Неведомский обратился с прошением в Бежецкую дворянскую опеку, в котором указал, что после смерти жены

В.П. Неведомской осталось имение при сельце Подобино и малолетние дети: Варвара 16 лет, Елена 13 лет, Владимир 10 лет и Николай 7 лет. Он просил учредить опекунов над имением и детьми, опекуном назначить его. В тот же день он был назначен опекуном над имением и детьми.

По требованию Бежецкой дворянской опеки, туда была представлена опись имения. Бокаревский волостной старшина Никита Одинцов вместе с понятыми крестьянами Иваном Румянцевым и Василием Михайловым из деревни Рыльково, а также сельским старостой деревни Холм Иваном Николаевым, составил опись имущества, принадлежавшего Варваре Петровне Неведомской, и передал это имущество новому хозяину – Константину Николаевичу Неведомской. Описание имущества и его передача происходила с 10 июня по 26 августа 1896 года.

В имущество имения Подобино входило:

1. Двухэтажный господский дом на каменном фундаменте с пристройкой с одной стороны. Снаружи обит тесом, внутри оштукатуренный, покрыт гонтом (дранкой. – А.Г.). В доме 8 изразцовых печей, комнат на верхнем этаже 7, на нижнем этаже – 11, из них 3 комнаты с паркетными полами. Дверей столярной работы 30, окон в обоих этажах – 44.
2. Людская летняя изба и людская зимняя изба, обе крытые гонтом.
3. Конюшня, скотный двор и птичий хлев, все три помещения покрыты гонтом (дранкой. – А.Г.).
4. Каретный сарай, два сенных сарая и амбар, крытые гонтом.
5. Три погреба и подвал для хранения картофеля, все покрыты гонтом.
6. Две риги с навесом, крытые соломой.

В имении содержались домашние животные, в том числе: 9 лошадей, 24 дойных коровы, 7 быков, 10 телят, 3 овцы и 6 ягнят. Из инвентаря и сельскохозяйственных орудий при описи насчитали: 6 выездных и 12 рабочих хомутов, шарабан, коляска, долгуша, тележка для выездов и 3 рабочих телеги, 5 плугов, 4 сохи и 5 борон.

Земли по купчей от 15 октября 1879 года в пустошах Дельки. Высокуша и Подгорье – 84 десятины 2052 сажени. Земли по другой купчей от 11 декабря 1879 года – 212 десятин 410 сажень [204].

Во время первой переписи в январе 1897 года в поместье Подобино проживали 7 человек, в том числе: хозяин поместья Константин Николаевич Неведомский, его сестра Софья Николаевна и пятеро детей

хозяина имения – Анна, 18 лет; Варвара, 16 лет; Елена, 13 лет; Владимир, 10 лет и Николай, 8 лет. 11 февраля 1898 года Варвара Константиновна Неведомская обратилась с прошением в Бежецкую дворянскую опеку о прекращении опеки над ней, так как она родилась 18 сентября 1879 года и достигла совершеннолетия.

Константин Николаевич Неведомский умер 4 января 1899 года в возрасте 50 лет. Бежецкая дворянская опека назначила опекунами над имением и несовершеннолетними детьми старшую дочь Константина Николаевича Неведомского Анну Константиновну Иванову, дворянина князя Михаила Ивановича Хилкова и дворянина Павла Николаевича Мальковского.

Уже после смерти отца Тверская губернская дворянская опека на прошение Варвары Неведомской сообщала ей, что может прекратить опеку над ней после погашения опекунами долга Волжско-Камскому коммерческому банку в сумме 2880 рублей и Государственному дворянскому земельному банку 10 тысяч рублей.

Государственный дворянский земельный банк, открытый в 1885 году, выдавал ссуды для поддержания землевладения потомственных дворян. Ссуды выдавались помещикам под залог их земельных владений на срок сначала свыше 48 лет, позднее до 66,5 лет, под проценты, которые с 1897 года составляли 3,5%. Ссуды выдавались помещикам под залог их земельных владений в размере до 75% от стоимости земли.

На это сообщение 14 августа 1899 года Варвара Неведомская сообщала в Бежецкую дворянскую опеку, что она согласна вместе с другими опекунами на продажу всех акций пассажирского пароходного общества «Самолет» и на оплату долга Волжско-Камскому коммерческому банку и Государственному дворянскому земельному банку [205].

Устав пассажирского пароходного общества на Волге «Самолет», чьи 20 акций приобрела В.П. Неведомская за счет кредита Волжско-Камского коммерческого банка, был утвержден в конце 1853 года. Первые регулярные пассажирские перевозки это общество начало осуществлять в сезон 1854 года пароходами «Рыбинск», «Тверь», «Ярославль». Позднее на деньги акционеров общества и государственной помощи были построены принадлежавшие обществу «Самолет» пароходы: «Князь Владимир святой», «Гончаров» и «Геннадий Ратков Рожнов».

21 июня 1899 года управляющий Рыбинским отделением Волжско-Камского коммерческого банка обратился с письмом к опекуну

П.Н. Мальковскому. Он писал, что для продажи заложенных бумаг – 2 билетов 1-го займа и 20 акций пассажирского пароходного общества «Самолет», принадлежащих наследникам дворянки В.П. Неведомской, должно быть получено разрешение от Бежецкого предводителя дворянства. Тогда билеты и акции будут проданы на Санкт-Петербургской бирже по курсу дня, вырученными деньгами будет погашен долг, а оставшаяся сумма будет направлена в Бежецкую дворянскую опеку.

Нужно отметить, что только по истечении полутора лет, 23 января 1901 года, Волжско-Камский коммерческий банк направил оставшиеся после погашения долга билеты и акции в Бежецкую дворянскую опеку. После этого долг по имению Подобино, согласно отчету по опекунству за 1900 год, оставался в сумме 10 100 рублей Государственному дворянскому земельному банку.

Кроме того, 14 сентября 1901 года пристав 3-го участка Бежецкого уезда сообщал в уездную дворянскую опеку, что за умершей дворянкой В.П. Неведомской числятся недоимки земского сбора за 2 года в сумме 262 руб. 86 коп., а также пени на 1 января 1901 года 15 руб. 48 коп., и после 1 января – по 2 руб. 63 коп. за каждый месяц. Также имеется недоимка по государственному поземельному налогу в сумме 497 руб. 23 коп. [206].

25 февраля 1903 года опекуны над имением и несовершеннолетними детьми Неведомских М.И. Хилков, А.К. Иванова-Неведомская и П.Н. Мальковский обратились в Бежецкую дворянскую опеку с рапортом. В нем они указали, что по сообщению жены инженера Анны Дормидонтовны Максимович, ее муж Сергей Павлович Максимович при своей жизни передал Константину Николаевичу Неведомскому безвозмездно временное свидетельство на 100 акций общества Санкт-Петербургских портовых складов на сумму 21 тысяча рублей.

К.Н. Неведомский вернул эти акции Максимовичу, который взамен взял на себя обязательство выплачивать на воспитание детей Неведомского по 2400 рублей в год до достижения младшим из них совершеннолетия. Жена умершего Максимовича просила опекунов взять обратно у нее эти акции, освободив ее от уплаты детям Неведомского по 2400 рублей в год.

Таким образом, сообщали опекуны, у наследников Неведомских имеются 100 акций на номинальную сумму 25 тысяч рублей. Опекуны после смерти К.Н. Неведомского потратили на разные нужды личные средства в сумме 2020 руб. 84 коп., которые наследники обязаны

им вернуть. Кроме того, наследники имеют долг 4800 рублей перед А.Д. Максимович, которая выдавала им по 200 рублей в месяц, а всего долга – 6820 руб. 84 копейки. Принадлежащие наследникам 100 акций Санкт-Петербургских портовых складов подлежат распределению между наследниками, из которых трое уже совершеннолетние.

9 октября 1903 года Анна Дормидонтовна Чицова, по первому мужу Максимович дала расписку опекуну Неведомских князю М.И. Хилкову, что получила от него акции Санкт-Петербургских портовых складов на сумму 4750 рублей и 50 рублей наличными вместо выданных ею денег 4800 рублей на воспитание детей К.Н. Неведомского.

Нужно отметить, что Сергей Павлович Максимович был сыном Павла Павловича Максимовича – основателя женской учительской школы в городе Твери, где сейчас находится основное здание Тверского государственного университета. Сергей Павлович работал инженером путей сообщения, принимал активное участие в строительстве Морского канала в Петербурге, занимался благотворительностью.

Был в добрых отношениях с К.Н. Неведомским, коль после смерти его жены Варвары Петровны в 1896 году, безвозмездно передал ему акции общества Санкт-Петербургских портовых складов на 21 тысячу рублей, а при возврате акций до своей смерти выплачивал детям Неведомского по 2400 рублей в год. Я не исключаю, что Сергей Павлович был хорошо знаком с инженером путей сообщения Дмитрием Николаевичем Ивановым, ставшим мужем старшей дочери К.Н. Неведомского – Анны, которая после смерти отца была опекуной над младшими братьями и сестрами.

6 июля 1906 года Николай Константинович Неведомский обратился с прошением в Бежецкую дворянскую опеку, в котором просил прекратить над ним опекунское управление и до совершеннолетия назначить опекуном Павла Николаевича Мальковского.

К тому времени Елена Константиновна Неведомская вышла замуж за Бентковского, она была слушательницей Санкт-Петербургских высших женских курсов. Ее брат Владимир учился в Санкт-Петербургском технологическом институте. Все 5 наследников 7 августа 1906 года просили Бежецкую дворянскую опеку выдать принадлежащие им акции товарищества «Самолет» на сумму 5 тысяч рублей [207].

Последним владельцем имения Подобино до революции 1917 года был Владимир Константинович Неведомский, расстрелянный большевиками в Феодосии 10 декабря 1920 года.

* * *

На кладбище села **Головское** похоронены многие из рода **Неведомских**.

Николай Васильевич Неведомский (14.03.1796–20.10.1853 гг.) вместе с женой Анной Андреевной Неведомской (Герасимовой) (06.02.1809–10.07.1870 гг.).

Их сыновья: Дмитрий Николаевич (25.10.1832 г. – ?) и Константин Николаевич (29.09.1848–04.01.1899 гг.).

Их дочери: девица Мария Николаевна Неведомская (05.10.1826–09.10.1875 гг.);

Прасковья Николаевна Неведомская (Дмитриева-Мамонова) (11.01.1829–08.04.1860 гг.);

Софья Николаевна Неведомская (15.05.1836–после 1912 года);

Авдотья Николаевна Неведомская (Красова) (26.02.1851–22.11.1907 гг.).

Дочь Константина Николаевича Неведомского Анна Константиновна Неведомская (Иванова) (04.03.1878–10.04.1909 гг.).

Могины других представителей рода Неведомских разбросаны по многим местам России и за ее границей.

Остались лишь воспоминания

*Что было, видели деды,
что будет, увидят внуки.*

Последний владелец имения Подобино Владимир Константинович Неведомский родился в 1886 году, его брат Николай Константинович Неведомский родился в 1889 году, они рано остались полными сиротами. Владимир Константинович являлся наследником имения. В 1911–1914 годах они с женой подружились с Н.С. Гумилевым и Д.В. Кузьминым-Караваевым.

Жена Владимира Константиновича Вера Алексеевна Неведомская-Королькова позднее написала воспоминания об этих встречах.

Встретились первый раз с Гумилевым и Ахматовой они летом 1911 года. В.А. Неведомская-Королькова писала, что Слепнево, скорее всего, было не барское имение, а дача. После чая молодежь пошла на конюшню, смотреть лошадей, верховых лошадей не было, были

рабочие лошади. Потом пошли к старому пруду, заросшему тиной. Гумилев и Ахматова читали свои стихи. Перед отъездом договорились, что Гумилев и Ахматова приедут к ним в Подобино на второй же день.

У Ахматовой строгое лицо послушницы из староверческого скита. Все черты слишком острые, чтобы назвать лицо красивым. Серые глаза без улыбки. Ей могло быть тогда 21–22 года. За столом она молчала, и сразу почувствовалось, что в семье мужа она чужая. В этой патриархальной семье и сам Николай Степанович, и его жена были, как белые вороны. Мать огорчилась тем, что сын не хотел служить ни в гвардии, ни по дипломатической части, а стал поэтом, пропадает в Африке и жену привел какую-то чудную: тоже пишет стихи, всё молчит, ходит то в темном ситцевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных парижских туалетах (тогда носили узкие юбки с разрезом). Конечно, успех «Жемчугов» и «Четок» произвел в семье впечатление, однако отчужденность все же так и оставалась.

Подобино было совсем не похоже на Слепнево, Подобино – подлинное «дворянское гнездо», старый барский дом с ампирами колоннами, громадный запущенный парк, верховые лошади и свобода. Владимир Неведомский в 24 года распоряжался именем самостоятельно.

Тетушки, приезжавшие на лето, сидели по своим комнатам и не вмешивались в жизнь молодежи. Между многочисленными тетушками, приезжавшими на лето в нашу усадьбу, была очаровательная тетя Пофенька. Ей было тогда 86 лет. В молодости у нее был какой-то бурный роман, в результате которого она не вышла замуж и законсервировалась, как маленькая, сухенькая мумия. На плечах всегда кружевная мантилька, на руках митенки, на голове кружевная косынка и поверх ее – даже в комнате – шляпа, чтобы свет не слепил глаза.

Нам было известно, что тетя Пофенька в течение 50 лет вела дневник на французском языке. Мы все – члены семьи и наши гости – фигурировали в этом дневнике, и Гумилёву страшно хотелось узнать, как мы все отражаемся в мозгу тети Пофеньки. Он повел регулярную осаду на старушку, гулял с нею по аллеям, держал шерсть, которую она сматывала в клубок, навёл ее на воспоминания молодости. Не прошло и недели, как он стал ее фаворитом и приглашался в комнату тети Пофеньки слушать выдержки из заветного дневника. Кончился

этот флирт весьма забавно: в одной беседе тетя Пофенька ополчилась на гигантские шаги, (ходьба на ходулях. – А.Г.) которыми мы тогда увлекались, но которые по ее мнению были «неприличными». Для убедительности она рассказала ряд случаев – поломанные ноги, расшибленные головы – все, якобы, на гигантских шагах. Николай Степанович слушал очень внимательно и, наконец, серьезно и задумчиво произнес: «Теперь я понимаю, почему в Тверской губернии так мало помещиков: оказывается, 50 процентов их погибло на гигантских шагах!» Этой иронии тетя Пофенька никогда не простила Николаю Степановичу, и дневник ее закрылся для него навсегда.

Была и другая тетушка – тетя Соня Неведомская, для своих 76 лет очень еще живая и восприимчивая. Сначала она возмущалась современной поэзией. Потом – нет, нет, да вдруг и попросит: «Пожалуйста, душка, прочти мне... как это: «Как будто не все пересчитаны звезды, как будто весь мир не открыт до конца...» Под конец нашей жизни в Подобине, то есть накануне мировой войны, тетя Соня уже знала наизусть многие стихи Гумилёва и полюбила их.

Гумилёв мог развернуться, дать волю своей фантазии. Его стихи и личное обаяние совсем околдовали нас – писала Вера Алексеевна, и ему удалось внести элемент сказочности в нашу жизнь. Он постоянно выдумывал какую-нибудь затею, игру, в которой мы все становились действующими лицами. И, в конце концов, мы стали видеться почти ежедневно. Началось с игры в «цирк». В Слепневе с верховыми лошадьми дело обстояло плохо: выездных лошадей не было, и Николай Степанович должен был вести длинные дипломатические переговоры с приказчиком, чтобы получить под верх пару полурабочих лошадей. У нас же в Подобине, кроме наших с мужем двух верховых лошадей, всегда имелось еще несколько молодых лошадей, которые предоставлялись гостям. Лошади, правда, были еще мало объезженные, но никто этим не смущался. Николай Степанович ездить верхом, собственно говоря, не умел, но у него было полное отсутствие страха. Он садился на любую лошадь, становился на седло и проделывал самые головоломные упражнения. Высота барьера его никогда не останавливала, и он не раз падал вместе с лошастью.

Здесь в Подобино Гумилев мог развернуться, дать волю своей фантазии. Он постоянно выдумывал какую-нибудь игру, затею, в которой все становились действующими лицами. И, в конце концов, с ним стали видеться почти ежедневно.

В цирковую программу входили также танцы на канате, хождение колесом. Ахматова выступала как «женщина-змея»; гибкость у нее была удивительная – она легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при всем этом строгое лицо послушницы. Сам Гумилёв, как директор цирка, выступал в прадедушкином фраке и цилиндре, извлеченном из сундука на чердаке. Помню – вспоминала В.А. Неведомская-Королькова, раз мы заехали кавалькадой человек десять в соседний уезд, где нас не знали. Дело было в Петровки, в сенокос. Крестьяне обступили нас и стали расспрашивать – кто мы такие? Гумилёв, не задумываясь, ответил, что мы бродячий цирк и едем на ярмарку, в соседний уездный город давать представление. Крестьяне попросили нас показать наше искусство, и мы проделали перед ними всю нашу «программу». Публика пришла в восторг, и кто-то начал собирать медяки в нашу пользу. Тут мы смутились и поспешно исчезли.

Скорее всего, они побывали тогда у крестьян деревень Васюнино, Завидово и Холмцы Весьегонского уезда, что в 6 верстах от Борискова и 12 верстах от Слепнева. О ярмарке в Весьегонске были слышаны все жители местных деревень, поэтому могли поверить путешественникам.

В конце августа 1911 года начались осенние дожди и прекратили наше кочевание по округе, вспоминала В.А. Неведомская-Королькова. Кому-то явилась мысль о домашнем театре. Мы все забрались в нашу старую библиотеку, где «последней новинкой» было одно из первых изданий Пушкина (там было тоже издание Вольтера, которое можно было читать только в лупу). Все уселись с ногами на диваны, и Николай Степанович стал сочинять пьесу.

С 1910 по 1914 год мы каждое лето проводили в Подобине и постоянно виделись с Гумилёвым. С Н.С. у нас сложились в то время очень дружеские отношения. Ахматова – в противоположность Гумилёву – всегда была замкнутой и всюду чужой. В Слепневе, в семье мужа, ей было душно скучно и неприветливо. Но и в Подобине, среди нас, она присутствовала только внешне. Оживлялась она только тогда, когда речь заходила о стихах. Гумилёв, который вообще был неспособен к зависти, ставил стихи Ахматовой в музыкальном отношении выше своих стихов.

Зимой мы с Гумилёвыми встречались редко. Они жили у матери Николая Степановича в Царском Селе; ей принадлежала там большая

дача со старым садом и оранжереей. Помню, один званый вечер у них. Собрались поэты: элегантный Александр Блок, Михаил Кузмин с подведенными глазами; Клюев – подстриженный в скобку и заметно дичившийся; граф Комаровский, незадолго перед тем вышедший из клиники душевнобольных (Гумилёв считал его очень талантливым). Кто-то читал свои стихи. Но было в настроении что-то напряженное, и сам Гумилёв казался связанным.

Несколько раз встречали мы Гумилёвых в «Бродячей Собаке», где собирались поэты, художники и все, кто тянулся к художественной богеме. Там с Гумилёвым заметно считались и прислушивались к его мнению; однако я думаю, писала В.А. Неведомская-Королькова, что близкой дружбы у него не было ни с кем. Ближе других ему был, пожалуй, Блок. Как-то раз у нас с Николаем Степановичем зашла речь о пророческом элементе в творчестве Блока. Николай Степанович сказал: «Ну что ж, если над нами висит катастрофа, надо принять ее смело и просто. У меня лично никакого гнетущего чувства нет, я рад принять все, что мне будет послано роком».

Надо сказать, что в 1910–1912 гг. ни у кого из нас никакого ясно-го ощущения надвигающихся потрясений не было. Те предвестники бури, которые ощущались Блоком, имели скорее характер каких-то мистических флюидов, носившихся в воздухе. Гумилёв говорил как-то о неминуемом столкновении белой расы с цветными. Ему представлялся в будущем упадок белой расы, тонущей в материализме и, как возмездие за это, восстание желтой и черной рас. Эти мысли были скорей порядка умственных выводов, а не предчувствий, но, помню, он сказал мне однажды:

«Я вижу иногда очень ясно картины и события вне круга нашей теперешней жизни; они относятся к каким-то давно прошедшим эпохам, и для меня дух этих старых времен гораздо ближе того, чем живет современный европеец. В нашем современном мире я чувствую себя гостем».

Внучатая племянница хозяйки деревни Слепнево Анны Ивановны Гумилевой Екатерина Чернова писала, что ее девочкой привезли в Слепнево в 1911 году: «Я впервые в жизни видела русскую деревню, меня поражали избы и бесконечные поля, поражали воротца при въезде в деревню, которые бросились нам открывать белоголовые ребятишки. Мы давали им пакеты с пряниками и мелкие деньги. Дорога была пыльная, солнце пекло, мне показалось, что ехали мы долго.

И вот Слепнево. Проезжая дорога разрезала усадебный участок и проходила очень близко от барского дома. Если ехать от Бежецка, то дом оказывается справа, а слева был фруктовый сад. Дом был большой со старинной мебелью».

Вера Неведомская, флиртовавшая с Николаем Степановичем, как-то спросила, уж не собирается ли в монастырь его неулыба – ходит, словно монашенка, и голову повязывает по-деревенски. Гумилев передал эти слова Анне. На следующий день, вытянув из саквояжа экстравагантную, с разрезом до бедра юбку, купленную в Париже, и еще ни разу не надетую, Анна Ахматова откромсала лиф от привезенного Гумилевым африканского балахона и, навертев все это на себя, явилась незваной на репетицию очередного циркового представления. Придумала для себя номер – женщина-змея.

Анна Андреевна Ахматова впоследствии была недовольна воспоминаниями В.А. Неведомской-Корольковой. Она писала, что мать Н.С. Гумилева никогда не говорила, что она мечтала о гвардии или дипломатической карьере своих сыновей. Анна Андреевна вовсе не собиралась шокировать приятелей и приятельниц мужа несуразными туалетами. Темный ее сарафан, сшитый на живую нитку ее киевской кузиной, был ладно скроен, как и все, что мастерила кузина. Это была единственная деревенская вещь, сарафан она забыла в Слепневе в 1911 году.

На воспоминания Веры Алексеевны Неведомской-Корольковой Анна Андреевна Ахматова писала: «В никаких цирковых программах я не участвовала. А когда все в Подобине и Дубровке валялись на сеновале, может быть, раза два демонстрировала свою гибкость. У Веры Алексеевны (Неведомской) был, по-видимому, довольно далеко зашедший флирт с Николаем Степановичем, помнится, я нашла не поддающееся двойному толкованию ее письмо к Коле, но это уже тогда было так не интересно, что об этом просто не стоит вспоминать» [208].

Тетя Соня Неведомская – без сомнения, это сестра Константина Николаевича Неведомского, его братьев и сестер, в 1912 году ей исполнилось 76 лет. Труднее определить, кто была Пофинька, которая родилась в 1826 году, так как, по воспоминаниям В.А. Неведомской-Корольковой, в 1912 году ей было 86 лет. Я не исключаю, что это могла быть младшая сестра Анны Андреевны Неведомской Пелагея Андреевна Герасимова, родившаяся в деревне Гостиницы, проживавшая в Москве и не выходившая замуж.

В настоящее время Казанская церковь в селе Головское разрушена, долгое время использовалась как молокозавод. Кладбище разорено, место захоронения Неведомских и Хилковых не сохранилось.

По свидетельству очевидцев, в 30-е годы XX века кладбище разровняли бульдозером, на его месте обустроили ледник для местного молокозавода. Сам молокозавод оборудовали в церкви, с которой сорвали кресты и верхнюю часть здания.

Неподалеку выкопали два пруда, откуда зимой рубили лед и складывали на месте бывшего кладбища. Горы льда засыпали кострой – отходами от переработки льна. Лед хранился весь сезон от зимы до зимы. Развороченные надгробные плиты местные жители деревень Горка и Дельки использовали под углы строящихся домов.

По воспоминаниям очевидцев-жителей окружающих деревень, долгое время никто не решался использовать надгробную гранитную плиту темно-коричневого цвета с могилы М.И. Хилкова. Она лежала в стороне от ледника еще в 1954 году, то есть около 20 лет после разрушения кладбища, но потом куда-то бесследно исчезла [209].

Не забывать уроков прошлого

Что имеем, не храним, потерявши плачем.

Всего трем поколениям Неведомских удалось пожить в имении Подобино Бежецкого уезда Тверской губернии, они, как и другие дворяне, стали жертвами Октябрьской революции 1917 года. Я полагаю, что многие крестьяне поддержали революцию в октябре 1917 года, считая себя обманутыми царским правительством.

В 1861 году им обещали после выкупа земли быть крестьянами-собственниками. Но после вступления на престол в 1894 году императора Николая II правительство и многие губернаторы стали считать, что выкупленная в результате крестьянской реформы пахотная земля и сенокосы относятся к собственности сельской общины, а не конкретных крестьян, которые могут выкупать полевые наделы у своей общины. Что крестьяне имеют в собственности только усадебный участок и усадебную оседлость – право проживания на своей усадьбе и строительства на ней дома и хозяйственных построек.

Некоторые губернаторы, в том числе Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев, и члены правительства пошли дальше, считая, что выкупленная крестьянами земля является собственностью государства, которое передало ее сельским обществам в вечное пользование. А выкупные платежи являлись не чем иным, как уплата поземельного налога. Они предлагали вообще запретить крестьянам покупать полевые наделы у сельских обществ. В результате подобных обманов возникают стихийные протесты и совершаются революции и государственные перевороты.

К 1917 году по Бежецкому уезду было всего 143 помещика, которые владели 33 тысячами десятин земли. Наиболее крупные имения сохраняли за собой князья Мещерские – 6,4 тысячи десятин, Татищевы – 3 тысячи десятин, дворянин Трубников – 1,1 тысяч десятин. Пятнадцать помещиков имели земли в пределах одного крестьянского хозяйства по 10 десятин.

После Октябрьской революции 1917 года, в период советской власти, была уничтожена элита России – дворяне, умные, образованные люди, основа офицерского корпуса русской армии, преданы забвению все их былые заслуги. Дворяне, избежавшие после революции смерти, эмиграции, лагерей, уезжали далеко от своих родных мест, чтобы не обнаружилось их принадлежность к дворянскому сословию. В родных местах его легко можно было установить с непредсказуемыми последствиями для бывшего дворянина. Все равно, многие из них позднее не избежали ГУЛАГа, отсидев в лагерях по 10, а то и по 25 лет.

Целые династии Неведомских, Хилковых, Кузьминых-Караваевых, Дмитриевых-Мамоновых, Ушаковых и других дворян после Октябрьской революции 1917 г. были объявлены чуждыми для страны элементами. Стали чужими и врагами те, кто столетиями держал страну, кто управлял ею, кто составлял ее элиту. Из Бежецкого уезда были эмигрированы или расстреляны представители 74 дворянских имений, из Тверской области – 1159 дворянских имений или около 10 тысяч человек.

2 июля 1919 г. Тверское губернское управление советскими хозяйствами поручило всем райсовхозам в течение 2 недель составить полный список имений, их принадлежность и площадь земли. В числе 74 имений Бежецкого уезда были включены имения, упомянутые в этой книге:

- селцо Замыцкая Гора Новской волости, имение Н.Н. Апыхтина, земли 146 десятин;

- селцо Борисково Сулежской волости, имение Кузьминых-Караваевых, земли 223 десятины;
- селцо Слепнево Новской волости, имение Львовых, земли 113,39 десятин;
- селцо Богородская Гора Бокаревской волости, имение Н. Колобовниковой, земли 45 десятин;
- селцо Подобино Бокаревской волости, имение Неведомских, земли 380 десятин;
- деревня Талашманы Бокаревской волости, имение И.И. Крылова, земли 1000 десятин;
- деревня Барская Ворониха Новской волости, имение старшины Новской волости Василия Иванова, земли 47 десятин [210].

В селе Синево-Дуброво Бокаревской волости находилось два имения: имение Хилковых, земли 396 десятин, и имение Архиповой, земли 674 десятины 98 сажень. Последние, перед революцией 1917 года, владельцы второго имения в этом селе Архиповы, были внуками Ольги Николаевны Неведомской и Николая Ивановича Хилкова.

Имение Архиповой обследовали 19 марта 1919 года, в нем сохранились барский дом, людская изба, скотный двор, пятистенный амбар, сарай, два навеса на столбах, каретный сарай, молочная кухня, баня и два погреба. Барский дом одноэтажный, с 6 комнатами, обшит тесом и крытый железом. На время обследования выбиты все окна и двери, сломаны печи, вся мебель, посуда и книги украдены, в доме ничего не осталось. Людская изба также полностью разграблена.

Из сельхозмашин оставались: поломанная жнейка-сноповязка, молотилка-сортировка без привода, конная рядовая сеялка, деревянная сеялка. Из сельхозинвентаря сохранялись: пять плугов, из которых, два плуга поломанные, четыре железных бороны и ручная огородная сеялка. Земля обрабатывалась не вся, ее обрабатывали местные жители, огород размером 3 десятины полностью пустовал [211].

Дом Хилковых двухэтажный, на первом этаже 5 комнат, на втором этаже 9 комнат, все комнаты на день описи 19 мая 1919 года были с мебелью, посудой и книгами. Кроме дома описали постройки: людская изба, флигель с двумя комнатами и кухней, каретный сарай, два скотных двора, амбар, сарай, водогрейка и рига. Площадь земли составляла: сад и питомник 21 десятина, пашни 220 десятин, сенокоса 115 десятин и выгоны 40 десятин, всего 396 десятин.

Все имущество представителям советской власти сдал управляющий имением Кузьма Иванович Горячев. 6 июня 1919 г. Бежецкий уездный земской отдел передал Бокаревской волости для распределения малоимущим две лошади и одну корову. А всего у Хилковых отобрали пять коров, пять лошадей, сыроваренный завод, много сельхозинвентаря, все строения и имущество, было описано даже парковая роща, чтобы не забыть изъять и ее. В том же 1919 г. дом Хилковых в Синеве-Дуброво сгорел или его сожгли [212].

В деревне Панцино Бокаревской волости, что в одном километре от села Хонеево в сторону деревни Колесники, находилось имение церковного старосты села Хонеево Петра Ниловича Серова. Это имение представителями советской власти было описано 12 марта 1919 года. Земли 92 десятины, из них 35 десятин пахотной земли, вырубка из-под березового леса 25 десятин, вырубка из-под елового леса 32 десятины. Дом двухэтажный с 4 комнатами, из них одна на первом этаже и 3 комнаты на втором этаже, все комнаты с мебелью.

Кроме дома были описаны: два скотных двора, каретный сарай, сарай для сена, пятистенный хлебный амбар, молочная изба, рига и два погреба. Из скота описаны две лошади, 3 коровы, один бык и один теленок. Также представители советской власти описали один тарантас, два одра, двое саней, весь имеющийся сельхозинвентарь и сельхозмашины – косилку и веялку [213].

После того, как помещики покинули не по своей воле свое имение, местные крестьяне растаскивали мебель, посуду, сельхозинвентарь, оставшийся скот. Часть мебели ломали, стекла и посуду били, книги пускали на растопку. Потом срывали двери и рамы вместе с косяками и подоконниками, разбирали хозяйственные постройки и воровали строительный материал.

Дальнейшую судьбу дворянских имений можно наглядно проследить на примере имения Апыхтиных. Имение Замыцкая Гора бывшего владельца Николая Николаевича Апыхтина находилось в 10 верстах от уездного города Бежецк на территории Новской волости. В опись имущества имения в 1919 г. были включены: барский дом, два флигеля, четыре конюшни, два хлебных амбара, два каретных двора, 3 скотных двора, два погреба. Также записаны: баня, три сенных сараев, две риги с навесами, водокачка и водогрейка. Во всех комнатах еще сохранялись мебель, книги и посуда.

Скота в 1919 году в имении уже не было, земли 146 десятин, в том числе под усадьбой 9 десятин, под пашней 76,75 десятин, под лугом

26,42 десятины, под выгоном 31,43 десятины. Под лесом, который находился на территории Чижевской волости Бежецкого уезда, за помещиком числилось 368 десятин земли. До революции 1917 года барская земля находилась в аренде, после революции имение перешло сначала в ведение земельного отдела Бежецкого уездного исполкома. Обработывалось 20 десятин земли, остальная земля пустовала [214].

Крестьяне деревень Замыцкая Гора, Пыли, Клепиково, Дмитровка, Бор и Киселево обратились в Бежецкий земельный комитет с просьбой передать дом Апыхтина под школу 2-й ступени, а также под устройство народного дома, библиотеки и избы-читальни. Однако дом был передан отделу здравоохранения под организацию там дома отдыха. Из этой затеи ничего не получилось, и 11 января 1922 года дом Апыхтиных вновь передали из отдела здравоохранения земельному отделу Бежецкого уездного исполкома. За это время всю мебель, посуду и книги постепенно растаскивали.

С марта 1922 года стали распродавать и растаскивать барские постройки, этим распоряжалась коллегия земельного отдела, члены которой не забывали и о себе. Каретный сарай передали жителю села Сулега, члену коллегии Ф.Г. Лясенкову. Пожарный сарай – жителям деревни Село Новое. Одну половину скотного двора передали жителям деревни Село Новое Дикополову (позднее длительное время работавшему председателем местного колхоза им. Кирова. – А.Г.) и Соколовой, а вторую половину – членам Новского волисполкома Гумакову и Львову.

Хлебный амбар передали жителю деревни Глазово Княжевской волости Чистякову, а большой сенной сарай – жителям деревни Замыцкая Гора Прасковье Луговкиной и Константину Михайлову. Большую конюшню – председателю правления Бежецкого отделения лесного хозяйства Арсеньеву, а малую конюшню – жителю деревни Малышево Княжевской волости Шорину. Ригу с навесом передали жительнице деревни Павлово Авдотье Виноградовой. Дом бывшего управляющего имением с пристройками – жителю деревни Замыцкая Гора Ивану Михайлову. Куда были распределены другие постройки, в документах не указано [215].

Нужно отметить, что расстояние между селом Княжево и имением Замыцкая Гора было всего 10 верст, а от деревни Малышево Княжевской волости до Замыцкой Горы – 4 версты.

Первое описание имения Слепнево бывших владельцев Варвары Ивановны Лампе и Анны Ивановны Гумилевой представители советской власти провели 12 сентября 1918 года. Сказано, что имение находится на территории Новской волости, в 16 верстах от уездного города Бежецка. Земли в имении: под садами 5 десятин, под пашней 63,29 десятины, под лугом 38,39 десятины, под выгоном одна десятина, а всего 113,39 десятины. Из них до революции 61,69 десятин были проданы гражданам разных волостей, во владении помещиков оставалось 52,33 десятины земли, она обрабатывалась наемным трудом. На день описи имение находилось в ведении земельного отдела, в нем оставалась одна лошадь и одна корова [216].

После революции в барском имении Слепнево на первом этаже была начальная школа, на втором этаже жили коммунары из ближайших русских и карельских деревень. Среди них был первый председатель коммуны Петр Ракитин из сельца Подобино и Анна Ивановна Круглова, позднее бывшая председателем карельского колхоза «За Новый Быт» (деревня Поцеп) в трудные довоенные и все военные годы.

28 ноября 1918 года представители советской власти провели опись имения старшины Новской волости Василия Иванова Барская Ворониха. Был описан пятистенный дом, крытый дранью, скотный двор и конюшня под одной крышей, погреб и вторая конюшня под одной крышей, сбруйный сарай, где хранилась лошадиная упряжь, хлебный сарай, три сенных сараи и рига с навесом. В то время у владельца имения содержались 2 лошади, 4 коровы, 2 жеребенка, еще была сохранена вся мебель, телеги, одры и сельскохозяйственный инвентарь [217].

К началу создания колхозов в 1931 году деревни Барская Ворониха не стало, она полностью распалась.

После грабежей дворянских имений, сохранилась незначительная часть архивных материалов о жизни местных дворян, большинство бумаг пошло на растопку печей в крестьянских домах.

12 ноября 1919 года сотрудник секции Бежецкого отдела народного образования по делам музеев и охраны памятников старины и искусства Иван Николаевич Постников в докладе «О состоянии архивов в Бежецком уезде» писал, что он лично обследовал дворянские имения. В Подобинском имении Неведомских бумаги оказались разбросанными по разным комнатам на полу. Архивы пяти волостных правле-

ний совершенно уничтожены: частью сожжены, частью расхищены. Остальные архивы волостных правлений разбросаны по чердакам и находятся в хаотическом состоянии [218].

В 1920 году комиссия по разборке архивных фондов при Бежецком уездном отделе народного образования приступила к вывозу из усадеб бумаг и их упорядочению. Председатель комиссии И.Н. Постников в отчете за май 1920 года сообщал, что в числе других архивных материалов были перевезены в их помещения семейные архивы из помещичьих усадеб Евсюковых, Чернцова, Апыхтина, Штюрмера и Неведомских [219].

На энтузиастов, сохранявших память об истории бежецкой земли, начались гонения. 3 марта 1921 года руководитель разборочной архивной комиссии И.Н. Постников сообщал в Бежецкий отдел народного образования, что действительно в комиссии работают специалисты в деле архивоведения, служители религиозного культа Постников и Покровский. Это не противоречит п. 3 постановления Совнаркома «О порядке предоставления работ служителям религиозных культов», так как согласно редакции этого пункта на службу не допускаются служители религиозного культа лишь в отделы исполкомов. Губернское архивное управление, согласно декрету Совнаркома от 31 марта 1919 года, является самостоятельным и не зависит от губернского исполкома, а также не входит в состав отделов губисполкома.

После этого письма И.Н. Постников остался работать представителем губернского архивного управления по Бежецкому уезду [220].

После революции, примерно в 1922 году, на втором этаже дома Неведомских в бывшем имении Подобино создали коммуны «Красный Октябрь», на первом этаже открыли Краснооктябрьскую начальную школу. В 1931 году, после создания колхоза «Красный воин», их дом разобрали. Школу перевели в село Головское, где она была до строительства новой кирпичной школы в деревне Красный Октябрь в 1968 году.

* * *

Одноэтажный дом крестьянина деревни Бережки Бокаревской волости Бежецкого уезда Михаила Иванова после революции 1917 года передали под фельдшерско-акушерский пункт. В двухэтажном со-

седнем доме его сына Василия Михайлова до 1917 года размещалось народное начальное земское училище, после революции – начальная школа. Ее в 1951–1952 годах разобрали и перевезли в село Карело-Кошево, где разместили старшие классы семилетней школы. Начальная школа оставалась в здании бывшей церковно-приходской школы возле Сретенской церкви.

Первая учительница Карело-Кошевской школы Надежда Петровна Ушакова обучала карельских детей грамоте до середины 1920-х годов. Замуж Надежда Петровна не вышла, в 1937 году она была еще жива, проживала в селе Карело-Кошево в отдельном доме из трех комнат, фасадом в сторону церкви и дома священника. После революции к ней приехала жить и работать племянница Софья Николаевна Ушакова – дочь Николая Петровича Ушакова. Она обучила и выпустила из начальной школы в семилетнюю школу карельских детей 1925, 1929, 1933, 1937 и последующих годов рождения, подготовила несколько послевоенных выпусков. Одновременно была наставницей молодой учительницы Анны Петровны Старостиной.

В предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны, кроме Софьи Николаевны, учителями начальных классов школы работали: Александра Васильевна Тененгольц (Тихомирова), дочь бывшего местного дьякона, вышедшая замуж за поволжского немца Иосифа Марковича Тененгольца, Анна Петровна Старостина и Анастасия Григорьевна Васильева, которая снимала одну из трех комнат в доме Ушаковых.

Софья Николаевна Ушакова замуж так и не вышла, как и ее тетка, Надежда Петровна. Последний выпуск четвероклассников из начальной школы Софья Николаевна Ушакова провела весной 1951 года, умерла она в 1953 году. В 1951 году к С.Ф. Ушаковой на лето приезжала ее племянница Елена, студентка Ленинградского государственного университета, мать которой проживала тогда в городе Бежецке. Похоронены обе Ушаковы на кладбище села Карело-Кошево. Последними жителями в их доме была семья учительницы Градовой Лидии Михайловны [221].

Учительницы Карело-Кошевской школы Надежда Петровна и Софья Николаевна Ушаковы наглядно демонстрировали тесную связь поколений, связь крестьянского и дворянского сословий, связь двух народов – русских и карел. Они обучали грамоте наших родителей, плохо владевших русским языком, их братьев и сестер. Наши деревен-

ские жители с теплом отзывались о своих первых учительницах начальных классов Ушаковых, которые в тяжелые послереволюционные, предвоенные и военные голодные годы не только давали карельским детям знания, но и подкармливали учеников, выпекая дома булочки и пироги, иногда помогали деньгами их родителям.

В Карело-Кошевской школе обучали и воспитывали детей 107 лет с 1885 года до 1992 года, когда построили новую каменную школу в Бережках, в полукилометре от старой. Но новая школа просуществовала всего 19 лет, ее закрыли в 2011 году. На месте бывшей церковно-приходской школы в селе Карело-Кошево энтузиасты установили памятный знак всем учителям Карело-Кошевской школы, в том числе и Ушаковым, работавшим с 1885 года до середины 1950-х годов.

Помещичья деревня Слепнево

Этот милый сердцу уголок России на северо-востоке Бежецкого уезда знавал многих замечательных людей, ставших гордостью бежецкой, тверской и российской земли. Здесь на стыке Бежецкого, Весьегонского и Кашинского уездов, где двумя небольшими горсточками в русский массив были вкраплены 14 карельских деревень вокруг Кошева Карельского и 9 карельских деревень с центром в селе Прилуки, находились имения людей, которых знают во всем мире, порою даже больше, чем знаем мы. Воздух этой местности пропитан их голосами, поэзией и прозой. К сожалению, изгнанные с родины, они оставили свои архивы в Париже, Риме, Нью-Йорке, поэтому рассказ об этих людях далеко не полный.

На усадьбе Гумилевых в Слепневе стоял большой одноэтажный барский дом и несколько деревянных построек. Все строения были деревянными еловыми из долговечного старинного многолетнего леса. Крыша барского дома была покрыта железом, покрашенным красной краской. Другие строения были покрыты дранкой или досками.

Многооконный одноэтажный дом слепневских помещиков с четырьмя мезонинами, террасой и двумя крыльцами стоял на вершине холма с правой стороны от дороги Хотена–Почеп. Мезонины выходили на четыре стороны света, в одном из них, выходящим окнами

на север, была комната А.А. Ахматовой. В нем стены были оклеены светло-синей бумагой, на которой красовалось много рисунков.

Одно рабочее крыльцо дома было расположено со стороны деревни Хотена, а парадное крыльцо – со стороны дороги. От дороги к крыльцу вела песчаная дорожка, вдоль которой были посажены розы и георгины. Возле дома располагался старинный парк, неподалеку от парадного крыльца рос старый могучий дуб, вблизи его был пруд. В парке было много лесного орешника, лип, берез и других деревьев. Возле барского дома был флигель, далее к западу от дома были постройки: каретный сарай, конюшня, фермы, рига и сенные сараи.

В слепневском помещичьем доме находились: передняя, зал, гостиная, столовая, кабинет, спальни и кладовая с буфетом. Печи в доме были покрыты кафелем или изразцом. На зиму для сохранения тепла всегда вставлялись вторые рамы.

По воспоминаниям очевидцев дом больше напоминал не барские хоромы, а дачу. Через дорогу от дома был разбит фруктовый сад. Сама деревня Слепнево до революции располагалась восточнее барской усадьбы двумя посадами от вершины к подножию холма. Третий посад домов шел по северному склону холма по направлению к деревне Ханино. На западном склоне холма возле барских построек было еще несколько домов местных жителей. До революции 1917 года здесь было 30 дворов. Большинство домов были приземистыми, с маленькими окнами, высокими соломенными крышами и выглядели уныло.

От Слепнева дорога в Борисково вела через деревни Алешино и Дуброво. Была и вторая дорога через деревни Ханино и Сулега. От Слепнева дороги шли также к карельским деревням Поцеп и Акиниха, русским деревням Хотена и Терени.

У слепневских барынь Варвары Ивановны Лампе-Львовой и Анны Ивановны Гумилевой-Львовой в имении работали как русские, так и карелы.

По воспоминаниям моей матери, перед Октябрьской революцией в имении Слепнево работали по найму 12 человек: 3 горничных, одна кухарка, один кучер, 3 скотника, один конюх и 2 рабочих, один управляющий. Управляющим слепневским имением был житель деревни Заболотье, что в четырех километрах от Слепнева, Александр Петрович Садовников. В руках управляющего были ключи от всех помещичьих амбаров и сараев. Он принимал с гумна хлеб и фураж-

ное зерно, каждый день наряжал крестьян на работы. По вечерам докладывал барыне обо всех делах, и получал от нее приказания на следующий день.

Из деревни Слепнево в имении работали Михаил Гаврилович Зубов, Василий Андреевич Клубов – кучер, Ульяна Андреевна Сывороткина (Клубова) – кухарка. Из деревни Терени работали Дмитрий Гаврилович Гаврилов, Михаил Афанасьевич и Федор Афанасьевич Афанасьевы.

Из карельской деревни Поцеп у барыни работали мой дед Иван Иванович Визюркин конюхом и Прасковья Васильевна Соколова – горничной, она мыла полы и посуду, стирала одежду. Всего в имении тогда работали трое горничных. Мой дед ухаживал за лошадьми, которые, в основном, были рабочими, а не выездными, а также ездил в город Бежецк кучером, когда за прибывшими гостями отправляли не один, а два экипажа. На одном экипаже кучером был Клубов, на втором – мой дед. Иногда он замещал Клубова, когда тот по какой-либо причине не мог выехать в поездку.

Из другой карельской деревни Петрайцево скотником каждую зиму работал Нетрусов Семен Иванович. Скотный двор был построен по карельскому образцу с накатом, внизу стояли около 60 коров, а наверху хранилось сено. Его летом сюда завозили под крышу по накату на лошадях. Зимой сено сбрасывали вниз столько, сколько нужно было коровам на день. Всего в имении работали три скотника, на каждого приходилось по 20 коров.

* * *

Русская деревня Слепнево связана с именами поэтов Николая Степановича Гумилева и Анны Андреевны Ахматовой. Эта деревня находилась в одном километре от карельской деревни Поцеп, где родилась моя мать, и в трех километрах от деревни отца, где я родился. Мой дедушка работал шесть зим с 1911 по 1917 годы у барыни Анны Ивановны Гумилевой конюхом. Здесь в начальной школе, расположенной в доме Гумилевых, училась моя мать, ее учительницей была Анастасия Константиновна Лебедева.

Сюда я много раз ходил со своим детским другом Поляковым Витей к его бабушке. Хотел бы внести некоторые дополнения об этой деревне

и окружающих ее деревнях в связи с большим интересом исследователей и допущенными ими ошибками.

Во всех направлениях карельский погост Карело-Кошево окружали многочисленные русские деревни. К западу – Слепнево, Хотена, Ханино, Зобищи, Молоди, Заболотье, Терébени и другие. Каждая деревня была огорожена и перед въездами в нее находились ворота. Заслышав звон колокольчиков, к воротам выбегали деревенские мальчишки и открывали их. Проезжающие часто одаривали мальчишек конфетами и пряниками. Заболотье находилось в 4 километрах от Слепнева к юго-западу за деревней Акиниха, что была в двух километрах от Слепнева. Хотена стояла на горе за речкой Каменкой в полутора километрах к югу от Слепнева. Терébени – в трех километрах к юго-западу. Карельская деревня Поцеп была в одном километре к северо-востоку от Слепнева, Петряйцево – в трех километрах, Терехово – в 2,5 километрах к востоку от Слепнева.

Называю эти деревни потому, чтобы они сохранились в памяти, так как на их месте остались лишь заросшие лесом и кустарником холмы да возвышенности, на которых они стояли. На севере и востоке карельские деревни окружали леса.

Деревня Слепнево располагалась буквой Г, основная улица шла с севера на юг, рассекая пополам барскую усадьбу Гумилевых, по восточному склону холма вдоль дороги на деревню Хотена, дома располагались с двух сторон. В 1957 году в деревне еще было несколько домов, был виден фундамент разобранного в 1935 году дома Гумилевых. Если идти из Хотены в Поцеп, то справа возле дороги стоял дом Гумилевых, далее стояли два дома Поляковых и бывший дом Паршиных, слева – дом Филипповых и Клубовых. Справа от дороги находилось поместье Гумилевых и парк, слева и справа от дороги – фруктовый сад. В центре деревни влево отходила вторая дорога на запад, к деревне Ханино, вдоль нее также были дома жителей, слева дома Зубковых, Садиковых, Поспеловых и Приваловых, справа – Махотиных и Макуровых. Дорога от Слепнева до города Бежецка проходила по русским деревням Хотена, между Зобищами и Терébени, Борку, селу Градницы.

Дом Гумилевых стоял справа от дороги, если идти из Хотены в деревню Поцеп. С западной стороны ворота были центральными и парадными для въезда с дороги к дому. Южные ворота были своего рода рабочими, через них ходили на ферму и в конюшню, приносили молоко и приводили лошадей.

От барского дома в Слепневе до речки Каменка с полкилометра дорога была вымощена дикими речными камнями одной величины. Она была прямой и гладкой, мы любили кататься по ней на велосипедах, особенно под горку от деревни. Вдоль западной стороны дороги шли сплошные насаждения из берез, рябин, черемухи и ивы. Проехав по мосту через речку Каменку, начинался подъем на холм, на котором стояла деревня Хотена. Далее был снова спуск с горы, в низине дорога раздваивалась: прямо шла на Зобищи, направо – на Терébени и дальше на Бежецк.

Сразу же за южными воротами от деревни на юго-восток отходила дорога на карельскую деревню Акиниха. По этой Акинихинской дороге Н.С. Гумилев часто ездил в поместье Подобино к Неведомским через деревни Акиниха, Заболотье и Алексино. С северной стороны Слепнева дорога шла в карельские деревни Поцеп, Петряйцево, Душково и другие. Деревня была ограждена деревянным забором из жердей, из нее было три выезда – на север, юг и запад к деревне Ханино.

Северная дорога при выезде резко, под прямым углом, поворачивала вправо к Поцепу. Окна комнаты А.А. Ахматовой выходили на север, она в полукилометре от себя видела на поле «спокойных загорелых баб», которые сушили и убирали сено, одеваясь в свои национальные, как русские, так и карельские сарафаны.

Мимо деревни Слепнево протекала река Каменка, которая собирала свои воды на территории Карело-Кошевского погоста, длина ее 11 километров. Она берет начало от родников у бывшей деревни Горбовец, протекает мимо карельских деревень Гремячиха, Климантино, Бережки, Шейно, Поцеп и впадает в речку Уйвешь возле деревни Терébени. В месте впадения Каменки в Уйвешь во второй половине XX века обустроили искусственное озеро под названием «Уйвешь». В Каменку впадает речка Теплинка, Поцеповский и Ханинский ручьи.

Как мне рассказывала моя мать, со слов ее отца И.И. Визюркина и ее матери А.А. Визюркиной (Абрамовой), весенним паводком в 1916 году покачнуло и накренило мост между Слепневым и Хотеной через речку Каменку. Об этом писала в своем стихотворении и А.А. Ахматова 20 мая 1916 года «убогий мост, скривившийся немного».

В начале апреля следующего 1917 года житель деревни Поцеп Николай Дмитриевич Соколов надумал ехать в Бежецк, чтобы на время весеннего сева закупить продуктов: сахару, соли, баранков, обменять зерно на муку. Наезженная зимняя дорога еще сохранялась, хотя кру-

гом были проталины. Туда по утреннему морозцу он проехал хорошо, но когда возвращался днем, увидел, что мост под напором льда и воды накренился. Он все-таки решился проскочить его, но сани снесло в воду. Сам Соколов сумел выбраться, не выпуская из рук вожжи. Стоя на берегу и удерживая барахтающегося коня, он сумел перерезать ножом, который всегда был у него за поясом, супоневые постромки, и спасти лошадь. Сани со всем товаром ушли под воду, Соколов сумел вытащить их метрах в двадцати от моста уже тогда, когда сошла вода.

Летом 1917 года слепневские и поцеповские мужики быстро смогли построить новый мост. Скорее всего, на нем тем летом и была сфотографирована А.А. Ахматова.

Деревню Петрайцево со всех сторон окружали небольшие, но богатые рыбой, речки и ручьи. Речка Теплинка берет начало в лесу с названием Репенка, к северо-западу от бывшей карельской деревни Петрайцево, длина речки 8 км. В нее впадает речка Оносиха, которая начинается в ельнике к северо-востоку от Петрайцева, длина речки 5 км. Ее постоянно подпитывали лесные ручьи, которые начинались от родников. В речку Оносиха впадает Муравьевский ручей, который берет начало от родников у деревни Муравьево, его длина 4 км. Поцеповский ручей длиной в 2 км и Ханинский ручей длиной в 4 км начинаются с Алешинского болота в лесу под названием Жиденка у бывшей деревни Поцеп. Один течет с восточной стороны, а второй – с западной стороны лесного холма.

Река Уйвешь, куда впадает Каменка, берет начало между деревнями Холм и Горбовец, протекает мимо деревень Подобино (Красный Октябрь), бывших деревень Ножкино, Кистиково, Борок, Зобищи, Терébени, возле которой в нее впадает речка Каменка. Длина реки Уйвешь 45 км, она впадает в Могочу. Ошибку делают те исследователи, которые, полагаясь на современные карты, считают, что река Уйвешь начинается возле русской деревни Сулега, но там берет начало речка Сулешка.

К 1961 году в деревне Слепнево еще оставалось девять домов, жители деревни помнили и добрым словом отзывались о барыне Анне Ивановне Львовой-Гумилевой, ее сыне Николае Степановиче и городской статной снохе Анне Андреевне Ахматовой.

Тогда от барского поместья в Слепневе оставался только большой сад с дубом, камень и заросший пруд. Радость была в том, что в саду росло много лесного орешника.

Кроме дома Поляковой бабы Дуни тогда еще были дома ее сына Полякова дяди Саши, Филипповой бабы Веры, Паршиной бабы Шуры, Приваловых, Махотиных, других жителей деревни я не знал.

Тогда во время «хрущевской оттепели» стали появляться стихи А.А. Ахматовой после всех ее запретов. В некоторых стихах она писала «о карельской земле», чем вызывала некоторое недоумение у читателей, так как Слепнево было русской деревней. Поэтому издателям приходилось давать комментарии, что карельской землей Ахматова называла окрестности Слепнева, с XVII века заселенные карелами.

В Слепневе А.А. Ахматова написала около 60 стихотворений, также известно о 10 стихотворениях, написанных в Слепневе Н.С. Гумилевым.

8 сентября 1913 года, находясь в деревне Слепнево, Анна Андреевна написала стихотворение «Последнее письмо», в котором есть строчки:

«В саду под шум берез карельских
О днях мечтаю царкосельских».

В 1915 году, когда Ахматова была в Слепневе, к ней с фронта приехал муж Н.С. Гумилев, они вдвоем уехали в город Санкт-Петербург. В связи с этим в одном стихотворении она написала:

«И в город печали и гнева
Из тихой Карельской земли
Мы двое – воин и дева –
Студеным утром вошли».

В 1917 году она написала строки, которые вошли в ее книгу «Полудорожник», изданную в 1921 году:

«Теперь прощай, столица,
Прощай, весна моя.
Уже по мне томится
Карельская земля».

В начале XXI века стали много писать о жизни и творчестве Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой, в том числе о слепневском периоде их жизни. К примеру, Гумилев и Ахматова посещали несколько раз поместье бывшего министра путей сообщения М.И. Хилкова, что в селе Синеве-Дуброво. Основанием считать, что Гумилев бывал в Синеве-Дуброве, можно считать его стихи, посвященные Ольге Александровне Кузьминой-Караваевой (в замужестве Оболенской):

«Мы с тобой повсюду рыскали,
Скукой медленной озлоблены,

То проворны, то неловки,
 Мы бывали и в Борискове,
 Мы бывали и в Подобине,
 Мы бывали и в Дубровке.
 Вот как мы сдержали слово
 Ехать на лето в Слепнево».

Кроме Синевы-Дуброва была вторая Дубровка – деревня в двух километрах от Борискова, через нее вела туда дорога из Слепнева. В 1935 году, когда барский дом из Слепнева перевезли в Градницы, то флигель оттуда перевезли в Дубровку.

Краевед Д.В. Куприянов в своем очерке «Слепнево и Бежецк в жизни поэта» написал, что из Петербурга в Слепнево поэты ездили через железнодорожную станцию Подобино, так как было ближе, чем через Бежецк. Это неправильно, в Слепнево Гумилев и Ахматова всегда ездили с железнодорожной станции Бежецк. Их возили извозчики, Василий Андреевич Клубов, а иногда мой дед Визюркин Иван Иванович. *На железнодорожной станции Подобино они никогда не сходили и на станцию Подобино никогда не ездили.* Исследователи, не знающие местность, перепутали нынешнюю станцию Подобино с помещьем Неведомских Подобино, куда поэты иногда ездили, и которое теперь называется деревней Красный Октябрь, а местные жители называют ее Коммуной, так как после революции 1917 года в доме Неведомских была создана коммуна. Усадьба Неведомских располагалась на правом берегу речки Уйвешь, недалеко от поместья до начала XX века сохранился большой курган.

Некоторые исследователи допускают ошибку в том, что *слепневские господа нередко посещали Сретенскую церковь в Карело-Кошевском приходе.* Это утверждение подкрепляют выдержкой из стихотворения А.А. Ахматовой о расположении погоста «через речку и по горке...»

Иногда они ссылаются на справочную книгу по Тверской епархии на 1915 год. Это неуместно и некорректно, так как в приведенном справочнике не писали, что «летние гости Слепнева вместо своей приходской церкви в селе Градницы ходили молиться сюда в Сретенскую церковь». (С.И. Сенин. «В долинах старинных поместий». Тверь, 2003 год, стр. 41 и 219).

Это утверждение исследователей неправильное, так как деревня Слепнево относилась к приходу Троицкой церкви в селе Градницы, родовое кладбище Львовых, из чьего рода была А.И. Гумилева, также

находилось в Градницах. Поэтому Гумилевы посещали свой приход и все церковные обряды совершали там.

Об этом есть подтверждение в воспоминаниях жителей Слепнева и в исследованиях тверского краеведа Д.И. Куприянова. Карело-Кошевский приход никакого отношения к ним не имел. Не нужно идеализировать помещиков и господ, которые бы стали совершать церковные обряды в чужом приходе вместе с карелами, которых они считали «второстепенным» народом. В стихотворении А.А. Ахматовой речь также идет о родовом погосте в Градницах, куда надо идти через речку Каменка и дальше по Хотенской горке.

Сообщая читателям об окрестностях Слепнева, исследователи делают ошибку, заявляя, что *деревня Ворониха находилась в семи километрах от Бежецка*, учитывая, что Слепнево было в 15 километрах от Бежецка. (С.И. Сенин. «В долинах старинных поместий», стр. 235).

На самом деле, во всех приводимых воспоминаниях и документах речь идет о Барской Воронихе, которая находилась в полутора километрах от Слепнева и полукилометре от Поцепа. Эта русская деревня стояла на высокой горе, которая с тех пор называется Воронихинской горой. Именно этого барина, старшину Василия Иванова из деревни Ворониха местные крестьяне во время революции 1917 года сожгли в овине. Мой дед И.И. Визюркин работал у него конюхом в 1908–1910 года, тот платил ему по 2 рубля в месяц и не кормил обедами. С зимы 1910–1911 годов дед перешел работать конюхом в Слепнево к А.И. Гумилевой, она платила по 3 рубля в месяц и кормила обедами.

Нужно сказать, что в середине 60-х годов XX века жители деревни Слепнево стали разъезжаться. Одна из последних жительниц деревни Филиппова баба Вера в 1965 году купила дом Голубевых в нашей деревне Петряйцево. Баба Вера приходила к нам каждый вечер за молоком и рассказывала истории из жизни деревни Слепнево.

В марте 1966 года умерла Анна Андреевна Ахматова. Баба Вера хорошо помнила ее, когда та бывала в Слепневе, знала хозяйку поместья Анну Ивановну Гумилеву, ее сына Николая – мужа А.А. Ахматовой, что-то вспоминала о Слепневе и ее обитателях.

Тогда в 1966 году мы еще не знали, как высоко будут позднее ценить творчество А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева, поэтому не занимались подробными расспросами о них у жителей села. Мы с Поляковым Витей, который каждое лето приезжал из Ленинграда в нашу деревню к бабушке, очень часто ездили на велосипедах в Слепнево. Там жила

его бабушка по отцу, рядом с ней жил брат отца с семьей. Тогда еще в Слепневе было достаточно много домов, в которых жили Паршины, Приваловы, Махотины, Поляковы, Филипповы и другие. Заходили в бывший барский сад, где еще росли яблони, и было много лесного орешника. Любили кататься по накатанной дороге до речки Каменка и обратно.

Когда мы работали учителями в Карело-Кошевской школе, опубликованных стихов Ахматовой и Гумилева нам не попадалось. Но 1 сентября 1974 года, в год 85-летия Ахматовой моя жена Зинаида Ивановна водила свой класс пешком за четыре километра в Слепнево. Она рассказывала ребятам то, что знала о Гумилевых и Ахматовой.

Об Ахматовой в нашей местности заговорили во весь голос в 1989 году, когда отмечали ее 100-летие со дня рождения. О хозяевах других дворянских усадеб, которые были расположены вокруг карельских деревень Карело-Кошевского прихода, вспоминают значительно реже. Чтобы сохранить память о них, я написал о помещиках Неведомских и князьях Хилковых то небольшое, что нашел в архивных документах.

Заключение

На всем историческом пути в России не было больнее и острее вопроса, чем крестьянский вопрос, он остается таковым до сих пор. В погоне за развитием промышленного прогресса, народными стройками, созданием городов-монстров, а ныне – за деньгами, мало кто заботился и заботится о том, что нужно бережно сохранять деревню и ее жителей. Основной задачей власти была и остается получение от деревни того, что можно: подушной подати, оброка, хлеба, рабочей силы и денег.

В XX веке власти провели две крестьянские реформы. В 1930-е годы советская власть провела насильственную коллективизацию, в результате которой в селах и деревнях Бокаревской волости были объявлены кулаками и высланы 206 семей. Высланы из своих деревень 24,2 тысячи тверских карел, а по стране раскулачили и подвергли репрессиям 2,3 млн крестьян. Деревня от этого удара власти пошатнулась, но смогла выстоять.

При колхозной системе своего рода старостой деревни был колхозный бригадир, а сельским сходом – бригадное собрание. Кроме колхозных дел, на нем решали вопросы благоустройства улиц, очистки колодцев, родников и прудов, ремонта мостов через речки и общественных выгонов, другие подобные вопросы. За работы по благоустройству также начислялись трудоводни, и попробуй, не подчинись бригадиру! Тогда он переставал давать наряды на другие работы, по итогам за год за невыработку минимума трудоводней могли отправить за тунеядство на два года трудовых лагерей.

Вторую реформу власти провели в 1990-е годы, силою государства разрушив колхозы, просуществовавшие более 60 лет. Этого удара деревни уже не выдержали и стали постепенно умирать как на территории бывшего Бежецкого уезда Тверской губернии, так и по всей центральной части России. Об этом свидетельствуют, в том числе, данные по деревням бывшей Бокаревской волости. К началу XXI века из 50 русских и карельских селений бывшей Бокаревской волости сохранились 33, число жителей за 100 лет сократилось с 8582 человек до 988 человек или в 8,7 раза.

По переписи 2010 года в Сонковском районе проживали всего 8533 человека или ровно столько, сколько было в одной Бокаревской волости Бежецкого уезда в 1873 году. А ведь территория Сонковского

района, кроме Бокаревской волости, состоит из бывших Константиновской, Литвиновской, значительной части Койской волостей Кашинского уезда, а также части Беляницкой волости Бежецкого уезда.

К 2018 году не стало 24 деревень и селений бывшей Бокаревской волости, в том числе не стало карельских деревень: Акинихи, Горбовца, Калинихи, Петрайцева, Поцепа, Терехова и Шейна, на грани исчезновения остальные карельские деревни, кроме Бережков.

Не стало деревни, сельца и выселок Глазово, погоста Головское, русских деревень бывшей Бокаревской волости: Бокарева, Богородского, Гостиниц, Квасова, Колесников, Левинского, Никонова, Новоселья, Палкина, Панцина, Постерегишина, Сосновки, Стрижова, Талашман и Шалагина. Более крупными и населенными остались русские деревни: Пригорки (Безумово), Горка, Привольное (Поросятники) и Хонеево, в которых население в сравнении 1900 годом сократилось более чем в 10 раз.

До реформы 1861 года часть забот о крестьянине брал на себя помещик, после реформы – сам крестьянин и государство. При советской власти некоторые социальные проблемы помощи школам, больницам, престарелым брали на себя колхозы. С 1990-х годов крестьянин остался один со своими проблемами, порою без работы, без денег и какой-либо помощи, а земля осталась без хозяина.

Нельзя выбивать из-под ног человека его родную землю, так как страдает и человек, оставшийся без родины, и земля, оставшаяся без ухода и заботы.

После принятия 28 августа 1995 года закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» где-то формально избрали старост селений без каких-либо реальных прав и полномочий. Они стали проводить сельские сходы, на которых не могли принять какого-либо значительного для деревни решения, так как бесплатно уже никто работать не хотел.

Ничего вразумительного для улучшения жизни крестьян не могли сделать руководители сельских поселений и районов, имевшие плачевную финансовую и материальную базу. Ситуация сложилась так, что многие обязанности государство передало местному самоуправлению, а права и финансы остались у государственных структур.

В начале XXI века в местные бюджеты поступали средства от земельного налога и налога на имущество физических лиц. В консолидированном бюджете России доля от местных налогов составляла всего 2%, а в местных бюджетах она составляла в пределах 30% от

необходимой потребности. Поэтому основными источниками местных образований служили и служат отчисления от федеральных и региональных налогов. В связи с этим, основной проблемой всех органов местного самоуправления до настоящего времени является финансовая зависимость от региональной и федеральной власти.

Другой проблемой развития местного самоуправления в постсоветской России является отсутствие у муниципальных образований и их руководителей, юридически закрепленных, реальных рычагов влияния на развитие социально-экономической ситуации на своей территории. К этому прибавляется низкая квалификация кадров в районах и сельских поселениях, которые выступают против внедрения современных научных методов муниципального управления.

Оптимизация государственного управления в современной России требует создания такой модели местного самоуправления, которая открывала бы возможности для развития личной инициативы и активного участия граждан в различных сферах общественной и хозяйственной жизни на местах. Принятый в 1995 году закон о местном самоуправлении не в полной мере учитывал отечественный опыт местного самоуправления, и прежде всего организация и практика российских земств и сельского самоуправления.

Но к 1990-м годам ситуация сложилась так, что во многих районах центральной России уже нечем стало управлять. Развалились колхозы, и сельские жители покинули деревни. В районных центрах закрылись местные предприятия, многие молодые люди остались без работы. Экономическая и финансовая база многих районов никакая. На наших глазах исчезает деревенская Русь с тысячелетним укладом жизни, своим говором, преданиями и песнями.

Нужно отметить, что опыт работы губернских земских собраний России был взят за основу конгрессами штатов США. Я в 2000 году знакомился с работой конгресса штата Мэриленд, который состоит из 44 сенаторов, руководила тогда конгрессом штата вице-губернатор, дочь Роберта Кеннеди. Она вела заседания конгресса и не имела права голосовать. Когда голоса сенаторов делились поровну, только тогда она могла голосовать, и ее голос был решающим. Конгресс штата начинает работу в январе каждого года после рождественских каникул и работает 90 дней в году. В остальное время года сенаторы работают на своих рабочих местах. Остается небольшой аппарат, который ведет всю техническую работу и готовится к заседаниям в следующем году.

В Законодательном собрании Тверской области в созыве 2011–2016 годов на постоянной основе работали 19 депутатов, в созыв 2016–2021 года их сократили до 10 человек. Возникает вопрос: чем же они занимались каждый день с утра до вечера, получая очень приличную зарплату? Мы при первом созыве Законодательного собрания начинали работать на постоянной основе вчетвером, без помощников и секретарей, создавая с нуля законы и нормативные акты Тверской области, и справлялись.

Подобная ситуация создалась и в районах, где население уменьшилось в 8–10 раз, а число чиновников увеличилось в 2–3 раза в сравнении с земскими и волостными учреждениями.

Как показал опыт реализации реформ 1861 года, формирование эффективной системы местного самоуправления – длительный и довольно сложный процесс. В постсоветской Российской Федерации этот процесс до сих пор находится в стадии развития, и включает множество нерешенных проблем, связанных с законодательным обеспечением деятельности органов местного самоуправления, острым дефицитом квалифицированных специалистов в области муниципального управления, отсутствием надежных материально-финансовых основ его деятельности на местах, недостаточностью собственной доходной базы.

Проблемы экономического характера являются основным фактором, который сдерживает развитие местного самоуправления в нашей стране. Сохраняется экономическая зависимость органов местного самоуправления от федеральных и региональных органов государственной власти. Имеется явное несоответствие объема полномочий органов местного самоуправления с имеющимися в их распоряжении материально-финансовыми ресурсами. Экономическая и финансовая база большинства муниципальных образований недостаточна для осуществления функций местного самоуправления.

Трудоспособное население закономерно мигрирует из неблагоприятных для проживания поселений и территорий, которые вследствие этого теряют потенциал для развития и пустеют. Отсутствие рабочих мест и отток населения из районов – это очень веский показатель неэффективного местного самоуправления.

В подтверждение тезиса о необходимости совершенствования системы органов местного самоуправления, в Тверской области вместо районов и сельских поселений стали создавать городские округа. К апрелю 2018 года были образованы Кашинский, Нелидовский, Осташ-

ковский и Удомельский городские округа в границах этих районов. Они объединили управление районом, городом и сельскими поселениями на территории района.

Например, в Осташковском городском округе, вместо районной, городской и 10 сельских администраций, была создана одна администрация округа. Подобным образом решен вопрос в других районах, где были образованы городские округа.

Городская дума избирала главу администрации городского округа на конкурсной основе, а вместо администраций города и поселений там оставались представители администрации городского округа. Таким образом, значительно сократился управленческий аппарат, и уменьшилась сумма средств на его содержание. Вся финансовая и имущественная база сосредоточилась в одних руках.

Я по-прежнему полагаю, что в конкретной финансовой и экономической ситуации, сложившейся в начале XXI века, **областные города и районы**, где еще не созданы городские, сельские или районные округа, должны управляться органами государственной власти, а органы местного самоуправления действовать только в районных центрах, поселках и сельских поселениях. Местное самоуправление в России должно быть институтом общественной деятельности населения, подобным институту **волостного правления и земства** в России второй половины XIX века. Проблемы сельских территорий для большинства регионов России еще более остры, чем проблемы городов.

Надо перестать гордиться увеличением городов-монстров с многомиллионным населением, а равномерно распределять население по стране. С этой целью перераспределять денежные потоки так, чтобы в сельской местности и осваиваемых территориях на одного человека денег приходилось больше, чем в городах-монстрах. И люди последуют вслед за деньгами и работой, как раньше за деньгами ехали осваивать Север и Сибирь. Приходится только мечтать, чтобы сельский сход, сельский староста, глава местного поселения имели столько прав и обязанностей, как во второй половине XIX века.

Крестьяне испокон веков бились за землю, каждый ее клочок отвоевывали у леса. Но последняя земельная реформа XX века оставила землю без присмотра, не смогла она удержать у себя родившихся на ней уже не крестьян, не колхозников, и еще не фермеров. Крестьянин чувствует силу, когда живет и работает на своей земле, когда он крепко привязан к ней. Когда у нынешних горожан заканчиваются

жизненные силы, приезжают они на свою малую родину, хотя бы на могилы родителей. А может быть, когда-то и останутся здесь жить...

15 ноября 2017 года мы с женой и ее двоюродным братом Вячеславом ездили на его машине из Бежецка в село Карело-Кошево, чтобы навестить могилы наших родителей. От дороги Бежецк-Сонково до деревни Бережки и далее все бывшие поля и усадьбы поросли кустарником и молодым березняком. На обратном пути Вячеслав решил нам показать, что деревни вдоль трассы Бежецк-Сонково стали заселять таджики. Мы проехали деревню Сабурово, в которой таджики купили 7 домов, привели в порядок придомовую территорию и усадьбы, вырубив деревья и кустарник, и начали ремонт домов. В деревне Рыльково они проживают уже в 4 домах, также купили несколько домов в деревне Коммуна (Подобино), русские деревни стали постепенно оживать. Возможно, скоро переселенцы начнут восстанавливать и бывшие карельские деревни этой местности, но карельская напевная речь здесь уже звучать не будет никогда.

*Город Тверь – Крым, село Колоски,
ноябрь 2017 года – июнь 2018 года.*

Список источников

1. Ключевский В.О. Русская история. М., 2007. С. 893–896.
2. Покровский В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I. Отдел I. С. 162–163, 170–171, 177.
3. Барсуков Н.Б. Жизнь и труды М.П. Погодина. Книга 18. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1904. С. 1–4.
4. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. Составитель К.А. Софроненко. Госюриздат. М., 1954. С. 10–12, 31–36.
5. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. Составитель К.А. Софроненко. Госюриздат. М., 1954. С. 39–46.
6. Газета «Колокол». № 126 от 22 марта 1862 года.
7. Газета «Северная Почта» за 20 февраля 1862 года.
8. Барсуков Н.Б. Жизнь и труды М.П. Погодина. Книга 19. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1905. С. 1–3, 12–16, 31–35.
9. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. Составитель К.А. Софроненко. Госюриздат. М., 1954.
10. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. Составитель К.А. Софроненко. Госюриздат. М., 1954. С. 93–132.
11. Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 76–77.
12. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 122–123 от 15 февраля 1862 года.
13. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. Составитель К.А. Софроненко. Госюриздат. М., 1954. С. 48–66.
14. Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Часть первая. Крестьянское землевладение. СПб., 1896. С. 232–240.
15. Купчинов И.П. Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
16. ГАТО, ф. 494, оп. 1, д. 73, л. д. 1–9.
17. ГАТО, ф. 494, оп. 1, д. 1084, л. д. 1–5.

18. Там же. С. 17–34.
19. Там же. С. 40–45.
20. Там же. С. 56.
21. Купчинов И.П. Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
22. Трутовский В. Современное земство. Петроград, 1915. С. 19–22.
23. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Том первый. Петроград, 1914. С. 499.
24. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1904. С. 32–33.
25. Жбанков Д.Н., Яковенко В.И. Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899. С. 19–22, 53–54.
26. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с дополнениями на 1 января 1879 года. Составлен профессором Н.С. Таганцевым. СПб., 1879.
27. Протоколы экстренного заседания Тверского губернского земского собрания в мае 1871 года. Тверь, 1871. С. 8, 15–18, 27.
28. Ключарев С.В. Крестьянская нищета и финансово-экономическая система С.Ю. Витте. Киев, 1906. С. 40–42.
29. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Составлено В.И. Покровским. Том 1. Тверь, 1879.
30. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть I. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 20–23.
31. Там же. С. 26–28.
32. Там же. С. 35, 41.
33. Генеральное Соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 годов. Тверь: типография Губернской земской управы, 1873. С. 66–69, 86, 98, 101, 155.
34. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 246–247, 291.
35. Там же. С. 6–14.
36. Там же. С. 478–480.
37. Там же. С. 90–93.
38. Там же. С. 64–65.
39. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 107, л.д. 1–2.

40. Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию за 1797–1897 годы. СПб., 1898. С. 15–20.
41. Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию за 1797–1897 годы. СПб., 1898. С. 15–20.
42. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 14, л.д. 1–8.
43. Там же. Л.д. 117–121.
44. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 16, л.д. 1–3, 10–11.
45. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 22, л.д. 1–3, 8–9.
46. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 34, л.д. 1–9, 14–15.
47. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 43. Тверская губерния. С. 163–171, 199.
48. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 82, л.д. 13.
49. Там же. Л.д. 4–11.
50. История уделов за столетие их существования 1797–1897 гг. Т. II. Ч. II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 525–526.
51. Там же. С. 526–527.
52. Там же. С. 542.
53. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 82, л.д. 1–3, 14.
54. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 542–544.
55. Там же. С. 568.
56. Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования императора Александра III (1881–1894 годы). Часть 2. Главное управление уделов. СПб., 1901.
57. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 107, л.д. 1–2.
58. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 107, л.д. 4–21.
59. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 560–561.
60. Общий вывод статистических сведений и сравнительный вывод народонаселения по Тверской губернии с 1844 по 1849 годы. Тверь, 1850.
61. Из личного архива автора.
62. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 гг. Тверь, 1873. С. 68–71.

63. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Выпуск 2. Тверь, 1874. С. 116–118.
64. Государственный архив Тверской области (ГАТО), ф. 22, оп. 1, д. 838, л.д. 13–23.
65. Там же.
66. Там же.
67. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 139, л.д. 34–37; ф. 512, оп. 1, д. 16.
68. ГАТО, ф. 22, оп. 1, д. 838, л.д. 53–54.
69. Там же. С. 69–71, 89.
70. Там же. С. 142–143.
71. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 139, л.д. 3–31.
72. ГАТО, ф. 22, оп. 1, д. 838, л.д. 58–59, 106, 119, 188.
73. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 3905, л.д. 177–181.
74. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 147, л.д. 3–10, 16–43.
75. ГАТО, ф. 149, оп. 1, д. 12, л.д. 1.
76. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 147, л.д. 72–79.
77. ГАТО, ф. 513, д. 148, л.д. 2–6, 12–17.
78. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 3905, л.д. 185.
79. ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 50, л.д. 1–14.
80. Статья И.Н. Постникова в сборнике Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк, 1921. С. 51–53.
81. ГАТО, ф. 590, оп. 1, д. 1, л.д. 63–65, 137.
82. Покровский В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I. Отдел III. С. 6–8, 21, 27, 82.
83. Шарапов С. Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. СПб.: типография Е. Евдокимова, 1895. С. 10–11.
84. Купчинов И.П. Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
85. Обзор Тверской губернии за 1883 год. Тверь, 1884.
86. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства 1866–1880 годы. Том I, составлен Л.Ф. Виноградовым / Под ред. П.А. Корсакова. Тверь: типография губернской земской управы, 1888. С. 488–489.
87. Переписная книга Бежецкого уезда 1709 года. Переписи князь Григорий Волконский. Тверь, 1888.

88. Герхард фон Шульце-Гевеиц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб.–М.: издание магазина «Книжное дело», 1900. С. 260–262.
89. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 321, л.д. 1–11.
90. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Выпуск 2. Тверь, 1874. Отдел 1. С. 1–2, 14. Отдел 2. С. 4.
91. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 329, л.д. 1–6.
92. Там же. Д. 363, л.д. 1–5.
93. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства 1866–1880 годы. Том I, составлен Л.Ф. Виноградовым / Под ред. П.А. Корсакова. Тверь: типография губернской земской управы, 1888. С. 118–119, 254, 689, 805–807.
94. Там же. С. 60–61, 106.
95. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Выпуск 1. Тверь, 1874. С. 6.
96. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Выпуск 2. Тверь, 1874. С. 129.
97. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, выпуск 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 20–27, 125–168.
98. Статистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губернии. Под ред. К.Я. Воробьева. Тверь: Типография Губернского земства, 1911. С. 115, 117.
99. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, выпуск 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 16–27, 146–168.
100. Списки населенных мест Российской империи за 1859 год. Тверская губерния. СПб., 1862. С. 163–171, 199–201.
101. ГАТО, фонд 1154, оп. 1, д.д. 26, 31, 52, 56.
102. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 6, Тверская губерния, Бежецкий уезд. С. 46–47.
103. ГАТО, ф. 530, оп. 1, д. 185, л.д. 1–5, д. 163.
104. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, выпуск 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 76, 90, 101–111.
105. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 40, л.д. 1–7.
106. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 43, Тверская губерния. С. 26.
107. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Типография И.Д. Сытина. М., 1910. С. 5, 12.

108. Там же. С. 46–47, 52, 74, 80.
109. Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Статья С.Г. Петровского. Бежецк, 1921. С. 60–63.
110. Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. М., 1924. С. 25, 35–37.
111. Тверской епархиальный статистический сборник. Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 78–84, 93.
112. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 16.
113. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 161, л.д. 4–5.
114. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 109, л.д. 21, 26.
115. Там же. Д. 109, л.д. 59, 130; д. 215, л.д. 9.
116. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 132, л.д. 2–3, 10, 36.
117. Там же. Л.д. 37, 69.
118. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 150, л.д. 13–24.
119. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 150, л.д. 15.
120. Там же. Д. 215, л.д. 20.
121. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л.д. 37, 55.
122. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 109, л.д. 25; д. 150, л.д. 2; д. 215, л.д. 4.
123. Там же. Ф. 34, оп. 1, д. 5, л.д. 1.
124. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, выпуск 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 3–168.
125. Тверской епархиальный статистический сборник. Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 82.
126. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 161, л.д. 4–5.
127. Тверской епархиальный статистический сборник. Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 78, 80, 84, 93.
128. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 248, л.д. 20, 62–63.
129. Там же. Л.д. 194, 234–244, 261.
130. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 265, л.д. 3–10, 25.
131. Там же. Ф. 34, оп. 1, д. 5, л.д. 1.
132. Крестьянская реформа в России 1861 г. Сборник законодательных актов. Составитель К.А. Софроненко. Госюриздат. М., 1954. С. 73–77.
133. Покровский В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I. Отдел I. С. 200–201.
134. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Составлено В.И. Покровским. Том 1. Тверь, 1879.

135. Купчинов И.П. Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
136. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 1, л.д. 1–2.
137. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 18, л.д. 1.
138. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 2.
139. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 1, л.д. 1–17, 20–36, 55–57.
140. Там же. Л.д. 150, 187, 203.
141. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 15, л.д. 76, 90.
142. РГАДА, ф. 1209, д. 11449, л.д. 383–386.
143. РГАДА, ф. 1209, д. 11448, л.д. 253 об. 328; д. 11449, л.д. 454, 455, 460, 662.
144. ГАТО, ф. 186, д. 698, 868, 876.
145. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 7, л.д. 1.
146. ГАТО, ф. 103, оп. 1, д. 1591, л.д. 28–29.
147. Покровский В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I. Отдел II. С. 50.
148. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 6, Тверская губерния, Бежецкий уезд. С. 53–54.
149. Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Статья И.Н. Постникова. Бежецк, 1921. С. 47.
150. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11449, л.д. 363–365.
151. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 2417, л.д. 1–2.
152. Там же. Ф. 871, оп. 1, д. 13, л.д. 1.
153. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 17, л.д. 1–2.
154. Материалы для истории дворян Тверской губернии. Собраны В.Р. Апухтиным. Тверь, 1912. С. 50–52, 108–110.
155. Тверская старина. Исторический журнал. №№ 2 и 3–4 за 1913 год, Статья В.И. Колосова.
156. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 14, л.д. 1, 7.
157. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11449, л.д. 349 об., 353 об. – 355 об. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 4180, л.д. 35.
158. ГАТО, ф. 590, оп. 1, д. 448, л.д. 1–4.
159. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 40, л.д. 1–7.
160. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 15, л.д. 1–2; ф. 530, оп. 1, д. 8, л.д. 1.
161. ГАТО, ф. 530, оп. 1, д. 10, л.д. 3.
162. Там же. Л.д. 2.

163. Там же. Л.д. 7–8.
164. Там же. Л.д. 9–10.
165. Там же. Л.д. 24–26.
166. Там же. Л.д. 21.
167. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 228 от 1 октября 1866 г.
168. Газета «Тверские губернские ведомости», № 27 от 19 июля 1862 г.
169. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 43, Тверская губерния. С. 50, 54–55.
170. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 3905, л.д. 187–195.
171. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 9, л.д. 9.
172. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 14, л.д. 2.
173. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 9, л.д. 7.
174. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 17, л.д. 4–6.
175. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 24, л.д. 1–3.
176. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 16, л.д. 1–4.
177. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 9, л.д. 10–11.
178. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 3905, л.д. 194–195.
179. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 19, л.д. 1.
180. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 20, л.д. 1–2.
181. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 39, л.д. 1–4.
182. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 4896, л.д. 1–3.
183. Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 годы). Тверь, 1914. С. 153, 331–333.
184. ГАТО, ф. 640, оп. 1, д. 5, л.д. 1–8.
185. Архив – школе. Сборник, выпуск 4, Тверь, 1997. С. 50–52.
186. ГАТО, ф. 56, оп. 4, д. 398, л.д. 35–36.
187. Копытин Н.С. Какими мерами Бежецкое земство содействует улучшению крестьянского хозяйства в уезде. Бежецк, 1901.
188. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 5, л.д. 1.
189. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 4, л.д. 31.
190. Там же. Л.д. 114–115.
191. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 1, л.д. 76–78.
192. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 9, л.д. 1.
193. Там же. Л.д. 5–6.
194. Там же. Л.д. 9–10.

195. Там же. Л.д. 75–77, 183. 232.
196. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л.д. 8–12.
197. Там же. Л.д. 13–16.
198. Там же. Л.д. 19–21.
199. Там же. Л.д. 139–140.
200. Там же. Л.д. 25–26, 237.
201. Там же. Л.д. 3–5.
202. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 37, л.д. 1–2.
203. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 38, л.д. 1.
204. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 15, л.д. 64–66, 71.
205. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 382, л.д. 1–9, 26, 47, 52–61.
206. Там же. С. 71–76.
207. Там же. С. 101–113.
208. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Сборник. Редактор составитель Вадим Крейд, М., 1990. С. 151–156.
209. По воспоминаниям Анны Ивановны Лучинской (Смирновой).
210. ГАТО, ф. Р-854, оп. 1, д. 122-а, л.д. 6, 26–28.
211. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 38, л.д. 1–7.
212. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 40, л.д. 1–7.
213. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 39, л.д. 2–3.
214. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 48, л.д. 1–3, 12–13.
215. Там же. С. 19–20, 30.
216. Там же. Л.д. 11.
217. ГАТО, ф. Р-854, оп. 1, д. 40, л.д. 6.
218. ГАТО, ф. Р-539, оп. 1, д. 7, л.д. 3.
219. Там же. Л.д. 54.
220. Там же. Л.д. 154.
221. Из воспоминаний Анны Ивановны Лучинской (Смирновой) и Николая Ивановича Кудряшова.
222. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства 1866–1880 гг. Т. I. Составлен Л.Ф. Виноградовым / Под ред. П.А. Корсакова. Тверь: типография губернской земской управы, 1888. С. 5–12.
223. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, выпуск. 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 148, 150.
224. Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 гг.). Тверь, 1914. С. 3–27, 32, 44.

225. Сенин С.И. Многооконный на пригорке дом // Тверская старина. 2015. № 36. С. 92–93.
226. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Выпуск 2. Тверь, 1874. С. 125–126.
227. Сборник «Ссылка в Сибирь». Составитель А.П. Саломан. СПб., 1900. С. 62–63.
228. Костыгов С.Ю. Василий Николаевич Зубов: портрет на фоне эпохи / Краеведческий портал «Пензенские хроники».
229. Обзор Тверской губернии за 1883 год. Тверь, 1884. С. 44.
230. Статистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губернии под редакцией К.Я. Воробьева. Тверь, 1911. С. 119–120, 157.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Реформы императора Александра II.....	9
Подготовка к проведению крестьянской реформы	9
Крестьянская реформа в России 1861 года	18
«Тверское дело»	28
Выкупные операции в отношении крестьян	35
Система сельского самоуправления	45
Государственный контроль над ходом крестьянской реформы	56
Положение о губернских и уездных земских учреждениях	65
Судебная власть в системе местного самоуправления.....	74
Обсуждение финансовой реформы в Тверском земстве.....	84
Глава II. Реформы в отношении удельных крестьян	89
Дворцовые крестьяне	89
Удельные крестьяне.....	95
Дела Чамеровского сельского приказа	105
Реформа 1863 года в отношении удельных крестьян	113
Удельные тверские карелы в период реформы	120

Глава III. Русские и карелы рядом	130
Бежецкие ополченцы во время Крымской войны (1853–1856 годы)	130
Проведение крестьянской реформы в Бежецком уезде	139
Земская реформа в Бежецком уезде	153
Бокаревская волость Бежецкого уезда	165
Карельские деревни Бокаревской волости	173
Соседние русские имения и деревни	180
Приходы и церкви Бокаревской волости	188
Народное образование в Бокаревской волости	193
Казенные, земские и мирские повинности крестьян	204
Дела Бокаревского волостного суда в 1893 году	213
Глава IV. Владельцы мызы Подобино	219
Усадьба Неведомских в Подобино	219
Дети Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских	229
Внуки Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских	234
Мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский	240
Оппонент мирового посредника А.Н. Неведомского	246
Председатель земской управы К.Н. Неведомский	251
Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков	262

Дальнейшая судьба мызы Подобино	272
Остались лишь воспоминания	277
Не забывать уроков прошлого	283
Помещичья деревня Слепнево	291
Заключение	301
Список источников	307

Анатолий Головкин

Владельцы мызы Подобино

ООО «Издательство «Триада». ИД № 06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, 9, оф. 504, тел./факс: (4822) 42-90-22, 35-41-30
E-mail: triadatver@yandex.ru <http://www.triada.tver.ru>

Подписано к печати 18.09.18. Формат 62×94 1/16, обрезной.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Тираж 200 экз. 12+.

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати».
170006, г. Тверь, Беляковский пер., 46